

**Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Университет прокуратуры Российской Федерации»**

На правах рукописи

Карabanова Елена Николаевна

**МНОГООБЪЕКТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАКТИКА**

Специальность 12.00.08 – «Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право»

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор,
профессор РАН
Капинус Оксана Сергеевна

Москва – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение.....	(4)
РАЗДЕЛ I. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ МНОГООБЪЕКТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ДОКТРИНЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ	(26)
Глава 1. Концептуальные и методологические основы исследования многообъектных преступлений	(26)
§ 1. Понятийный аппарат учения о многообъектных преступлениях.....	(26)
§ 2. Многообъектность как разновидность сложной структуры объекта преступления: отграничение от смежных социально-правовых явлений	(53)
Глава 2. Концепция построения теоретической модели многообъектного преступления.....	(85)
§ 1. Полинуклеарная структура объекта как атрибутивный признак многообъектного преступления и многообъектного состава преступления.....	(86)
§ 2. Особенности и виды многообъектных преступлений и многообъектных составов преступлений	(111)
РАЗДЕЛ II. СИСТЕМНЫЕ ОСНОВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МНОГООБЪЕКТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	(144)
Глава 1. Законодательные системы многообъектных преступлений.....	(144)
§ 1. Понятие и основные параметры законодательных систем многообъектных преступлений.....	(144)
§ 2. История развития систем многообъектных преступлений.....	(178)
§ 3. Типология современных законодательных систем многообъектных преступлений.....	(208)

Глава 2. Методология организации и построения законодательной системы многообъектных преступлений в уголовном праве России...(227)

§ 1. Методология конструирования законодательных моделей многообъектных преступлений.....(228)

§ 2. Обеспечение целостности законодательной системы многообъектных преступлений(256)

РАЗДЕЛ III. ЧАСТНАЯ ТЕОРИЯ КВАЛИФИКАЦИИ МНОГООБЪЕКТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ(290)

Глава 1. Проблемы квалификации преступлений, многообъектность которых обусловлена способом совершения.....(292)

§ 1. Квалификация многообъектного преступления, в конструкцию которого входят признаки другого преступления.....(292)

§ 2. Методика определения соотношения признаков многообъектного преступления и способа его совершения.....(319)

Глава 2. Проблемы квалификации преступлений, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла на определенный объект.....(339)

§ 1. Квалификация многообъектного преступления по специальным признакам потерпевшего(339)

§ 2. Квалификация многообъектного преступления по мотиву и цели.....(367)

Заключение.....(388)

Библиографический список.....(420)

Приложения.....(449)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Если проводить анализ в ретроспективе, то становится очевидным, что развитие уголовного права в последнем столетии идет от простого к сложному и имеет прогрессирующий темп. Наряду с этим происходит адаптация уголовно-правовых норм к политической и социальной конъюнктуре, осуществляется их специализация. Результатом подобных изменений явилось существенное увеличение в уголовном законе числа многообъектных составов преступлений, т.е. составов, объект которых сложноструктурирован и включает несколько социально значимых благ, охраняемых уголовным правом.

Вместе с тем в науке не выработано единообразное понимание «многообъектного преступления». Существует немало теоретических дефиниций этого понятия и, соответственно, критериев отнесения того или иного преступления к числу многообъектных (круг таких преступлений исследователи очерчивают неодинаково). Это обстоятельство обусловлено отсутствием четкого уяснения сути сложноструктурированных объектов и их видового разнообразия, а также неоднородностью признаков, обуславливающих собственно многообъектность преступлений. Данная работа посвящена разработке уголовно-правового учения о многообъектных преступлениях как о социально-правовом феномене реальной действительности. Такое исследование необходимо для целенаправленного поиска новых перспективных моделей уголовно-правовой охраны социально значимых ценностей. В целом область теоретического изучения объекта преступления представляется весьма актуальной и востребованной благодаря тенденции к изменению объектов уголовно-правовой охраны, приоритетных направлений такой охраны и способов совершения преступления.

Сегодня одним из ключевых направлений развития науки уголовного права является поиск возможных путей совершенствования уголовного законодательства для достижения таких его важных характеристик, как

понятность и единообразие правоприменения, реализация целей уголовного наказания.

Между тем лабильность уголовного закона, поспешность ряда законодательных решений, нарушение важнейшего методологического принципа «*Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*» («не следует множить сущности без необходимости») влекут рассогласованность уголовно-правовых норм, что в первую очередь приводит к уязвимости норм о многообъектных преступлениях, которые в подавляющем большинстве своем находятся в отношении внутри- и межотраслевой конкуренции. Первоочередной задачей является детальное изучение и понимание особенностей законодательной системы многообъектных преступлений, что практически невозможно без проведения теоретических расчетов ее основных параметров, типологизации и исследования направлений эволюционного развития. Назрела объективная необходимость в разработке методологии организации и построения законодательной системы многообъектных преступлений в уголовном праве России, поскольку такие знания позволят проводить последовательную уголовно-правовую политику и исключить побочные последствия законотворчества.

Квалификация многообъектных преступлений представляет серьезные трудности для правоприменительной практики и вызывает острые научные дискуссии. В современных условиях, когда Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) изобилует многообъектными составами преступлений, многие из которых «встраивались» в уже сложившуюся систему норм, когда доктрина и практика не могут угнаться за темпами законодательных изменений, разработка вопросов правильной квалификации многообъектных преступлений имеет важное теоретическое и практическое значение.

Многие проблемы квалификации многообъектных преступлений достаточно глубоко изучены в рамках общей теории квалификации

преступлений¹, например квалификация по отдельным элементам состава преступления, неоконченной преступной деятельности, преступлений, совершенных в соучастии, при конкуренции норм и др. Справедливо задать вопрос: не является ли проблематика, связанная с квалификацией многообъектных преступлений, частью общей теории квалификации? Очевидно, что ответ будет положительным. Однако трактовка той или иной проблемы в лоне общей теории квалификации не исключает, а при необходимых условиях даже требует более глубокой проработки в рамках частной теории квалификации.

Отсутствие исследований по вопросам квалификации многообъектных преступлений отрицательно сказывается на следственной и судебной практике, приводит к различной квалификации сходных по конструкции преступлений и, как следствие, – к неправильному применению норм уголовного права. Рассогласованность, а порой и противоречивость авторских позиций и судебной практики, в том числе «точечных» разъяснений высшего судебного органа по вопросам квалификации отдельных преступлений, неоднозначность применения этих разъяснений по аналогии – все это не способствует соблюдению принципов законности, равенства граждан перед судом и справедливости.

Указанные обстоятельства приводят к необходимости изучения теоретико-методологических проблем квалификации многообъектных преступлений и разработки на этой основе доктринальных правил квалификации. Это предопределило необходимость в создании частной теории квалификации многообъектных преступлений, квинтэссенцией которой выступают научно обоснованные правила, применяемые исключительно или преимущественно при квалификации многообъектных

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., «Юридическая литература», 1972; Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., «Юридическая литература», 1974 и др.

преступлений. Представленная частная теория основана на потребностях следственной и судебной практики в недостающих знаниях.

Степень научной разработанности темы. Уголовно-правовые исследования состава преступления и его признаков, в том числе объекта преступления, затрагивающие проблематику многообъектных преступлений, проведены в большом количестве работ отечественных ученых-правоведов.

Среди них следует отметить труды С.В. Бородина, Я.М. Брайнина, А.В. Бриллиантова, В.Н. Винокурова, Л.Д. Гаухмана, В.К. Глистина, П.С. Дагеля, П.В. Замосковцева, О.К. Зателепина, Л.В. Иногамовой-Хегай, О.С. Капинус, Н.И. Коржанского, Л.Л. Кругликова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Л.В. Лобановой, Н.А. Лопашенко, В.П. Малкова, В.В. Мальцева, А.В. Наумова, Б.С. Никифорова, Г.П. Новоселова, К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, А.А. Тер-Акопова, А.Н. Трайнина, И.А. Фаргиева, Е.Я. Фролова, П.С. Яни и других авторов. Рассматривая многообъектность преступления в рамках теории объекта преступления, учения о составе преступления, исследования проблем квалификации преступлений, зарубежного уголовного права, они внесли весомый вклад в развитие учения о многообъектном преступлении. Диссертации по проблеме многообъектных преступлений не защищались, за исключением работ, посвященных отдельным видам многообъектных преступлений (разбоем, вымогательству, изнасилованию и т.д.).

Вместе с тем современный уровень науки уголовного права диктует необходимость углубленного и комплексного изучения теоретических и прикладных проблем многообъектных преступлений. Настоящая работа посвящена разработке учения о многообъектном преступлении, системным основам законодательной регламентации уголовной ответственности за многообъектные преступления и частной теории квалификации многообъектных преступлений, что говорит о теоретической новизне изучаемой темы.

Объектом исследования выступает многообъектное преступление как социально-правовое явление в уголовном праве.

В качестве **предмета исследования** определены понятие и сущность многообъектного преступления в уголовном праве, классификация многообъектных преступлений и многообъектных составов преступлений, законодательная регламентация уголовной ответственности за многообъектные преступления, проблемы квалификации многообъектных преступлений.

Целью исследования является разработка совокупности теоретических положений о многообъектных преступлениях, которая может расцениваться как научное достижение, и решение на ее основе крупной научной проблемы противодействия многообъектным преступлениям посредством развития отечественной доктрины, законотворчества и правоприменения.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- разработка понятийного аппарата учения о многообъектных преступлениях в уголовном праве России;
- отграничение многообъектных преступлений от иных преступлений со сложной аксиологической структурой объекта;
- определение структуры объекта многообъектного преступления и многообъектного состава преступления;
- построение теоретической модели многообъектного преступления;
- установление системных взаимосвязей законодательных моделей многообъектных преступлений;
- выявление закономерности исторического развития систем многообъектных преступлений;
- выявление типологических особенностей современных законодательных систем многообъектных преступлений;

- оценка норм отечественного уголовного права с точки зрения соблюдения принципа системности при конструировании законодательных моделей многообъектных преступлений и разработка предложений по совершенствованию уголовного закона;

- оценка норм отечественного уголовного права с точки зрения соблюдения принципа системности при пенализации многообъектных преступлений и разработка предложений по совершенствованию уголовного закона;

- обоснование и формулирование теоретически обоснованных специальных правил квалификации многообъектных преступлений.

Методологическую основу диссертационного исследования составили общенаучные принципы историзма и социального детерминизма, сущностный, комплексный, системный, структурно-функциональный и эволюционный подходы к изучению уголовно-правового феномена многообъектного преступления. В диссертации применялись общенаучные методы познания сложных социальных явлений и процессов – сравнительно-исторический, сравнительно-правовой и генетический, дедукции и индукции, классификаций, типологизаций, группировок и сравнения, позволяющие понять генезис и суть рассматриваемого социально-правового явления и определить проблемы, которые возникают в обществе в связи с существованием этого явления. Широко использовалась комбинация количественных (экспертных опросов (ученых-правоведов, судей, прокуроров, следователей) и качественных (анализ случаев, контент-анализ) методов социологического исследования. Кроме того, по необходимости применялись специальные методы математической статистики и логико-семантической анализ.

Нормативную основу диссертационного исследования составляют Конституция Российской Федерации, международные правовые акты, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных

правонарушениях, законодательные акты, в которых раскрываются бланкетные признаки преступлений, уголовное законодательство зарубежных стран.

Теоретической основой диссертации являются труды российских и зарубежных ученых в области общей теории права, истории государства и права, уголовного права и криминологии, а также философии, социологии, психологии, филологии и математики.

Эмпирическую основу исследования составляют:

- материалы рабочих групп по подготовке проектов постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о вымогательстве, о судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 УК РФ; о судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности; о некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ УК РФ); о внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»; о судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми; о судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем;

- первичный опрос экспертов в форме анкетирования и повторный опрос экспертов в форме интервьюирования (в анкетировании, проведенном в 2016 г., приняло участие 60 ученых в области уголовного права, 59 судей, 93 прокурора, 68 следователей Следственного комитета Российской Федерации, 62 следователя МВД России из 56 субъектов Российской Федерации; в интервьюировании, проведенном в 2018 г., приняло участие 50

ученых в области уголовного права, 72 судьи, 114 прокуроров, 56 следователей Следственного комитета Российской Федерации, 47 следователей МВД России из 24 субъектов Российской Федерации);

- опрос людей, работа которых не связана с правоохранительной деятельностью (в 2016 г. опрошено 158 респондентов в возрасте от 14 до 85 лет из 17 субъектов Российской Федерации на предмет возможных детерминант инструментального насилия);

- правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, отраженные в его решениях за 1993 – 2019 гг.;

- разъяснения по вопросам судебной практики по уголовным делам (постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (СССР и РСФСР), обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и ответы на вопросы, поступившие из судов, утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации) – за 1966 - 2019 гг.;

- материалы свыше 5300 уголовных дел о многообъектных преступлениях, рассмотренных судами 84 субъектов Российской Федерации за 2002 - 2019 гг.;

- докладные записки об итогах работы органов прокуратуры субъектов Российской Федерации по укреплению законности и правопорядка, борьбе с преступностью (за период с 2012 по 2019 г.).

Научная новизна исследования. Диссертация представляет собой исследование, в рамках которого сформировано новое научное направление в виде полноценного учения о многообъектных преступлениях.

В рамках настоящего исследования уточнен понятийный аппарат науки уголовного права; по-новому определены критерии многообъектного преступления и многообъектного состава преступления; выявлены взаимосвязи юридически значимых признаков в структуре многообъектного преступления; установлены универсальные системные параметры законодательной системы многообъектных преступлений, а также ее системные закономерности и интегральные системные качества; доказано

существование закономерностей эволюционного развития законодательных систем многообъектных преступлений и факторов, влияющих на него; определены типологические особенности современных законодательных систем многообъектных преступлений и перспективы их совершенствования; с использованием авторской методики выявлены системные проблемы регламентации уголовной ответственности за многообъектные преступления по уголовному праву России и предложены пути их решения; сформулированы теоретические основы квалификации многообъектных преступлений, включающие новые подходы к юридической оценке составных преступлений, квалификации многообъектных преступлений по правилам идеальной совокупности и конкуренции норм, специальным признакам потерпевшего, мотиву и цели.

Основные положения, выносимые на защиту:

I. Положения теории многообъектных преступлений:

1. Автором обосновывается введение в научный оборот отечественной уголовно-правовой доктрины таких терминов, как «многообъектное преступление» и «многообъектный состав преступления». С этой целью проведено терминологическое разграничение понятий «объект преступления», «объект в составе преступления», «объект посягательства в преступлении», «объект посягательства в составе преступления» и «объект уголовно-правовой охраны».

Концептуальную основу такого разграничения составляют:

- 1) соотношение «преступления» и «состава преступления» как явления реальной действительности и его законодательной модели;
- 2) соотношение «объекта посягательства» и «объекта преступления» как признака и подсистемы признаков в юридической структуре преступления или в составе преступления;
- 3) соотношение «объекта посягательства» и «объекта уголовно-правовой охраны» как различных форм существования правового блага, определяемых в зависимости от содержания объектно-субъектных отношений.

С учетом изложенного разработаны методологические основы самостоятельной классификации объектов посягательства и объектов преступлений. Первая осуществляется *по аксиологической сущности правовых благ*, определяющей их родовую и видовую принадлежность, и *по принципу участия объекта посягательства в законодательной классификации преступлений*. Эти виды классификации объектов посягательства правильно именовать соответственно *аксиологическая* и *юридическая*. В отличие от объектов посягательства, объекты преступления классифицируются *в зависимости от их аксиологической структуры*.

2. Развивая положения аксиологической концепции объекта преступления, доказываем, что последний имеет различную (простую или сложную) аксиологическую структуру. Сложноструктурированным является объект преступления, который представляет собой систему из многообразных элементов и связей между ними. При этом элементами сложноструктурированного объекта преступления выступают правовые блага, являющиеся объектами уголовно-правовой охраны.

3. Структурирование сложных объектов преступлений может быть нескольких типов: генезис (кумуляция, интеграция, комплексирование, смешанный генезис), индифферентное сочетание правовых благ (полинуклеарность), а также комбинация генезиса и индифферентного сочетания правовых благ.

В зависимости от особенностей внутрисистемных связей выделяются следующие виды сложноструктурированных объектов преступлений:

- со сложным содержанием (кумулятивные, интегративные, комплексные, объекты смешанного генезиса);
- со сложной формой (полинуклеарные);
- со сложной структурой комбинированного типа.

4. Применительно к преступлениям (состовам преступлений) под многообъектностью следует понимать наличие в их структуре двух и более объектов посягательства. Это специфическое свойство характеризует также

подсистемы «объект преступления» и «объект в составе преступления», которые имеют сложную по форме структуру, состоящую из двух и более объектов посягательства. Данное свойство объекта преступления и объекта в составе преступления предлагается определять как полинуклеарность, а сам объект – как полинуклеарный.

Полинуклеарный объект преступления образован посредством индифферентного сочетания простых объектов посягательства (например, объект разбоя) и (или) объектов посягательства со сложной содержательной структурой (например, объект хищения ядерных материалов). В последнем случае объект преступления имеет сложную структуру комбинированного типа.

Приведенная классификация сложноструктурированных объектов преступления имеет важное значение для систематизации Особенной части уголовного закона, выявления просчетов при конструировании составов преступлений и пенализации, а также для квалификации преступлений.

5. В зависимости от способа закрепления признаков полинуклеарности объекта в уголовном законе многообъектность преступления может быть *институализированной, фактической или смешанной*. *Институализированная многообъектность* имеет место в юридической структуре совершенного преступления с многообъектным составом (например, умышленное уничтожение имущества, совершенное общеопасным способом). *Фактическая многообъектность* свойственна преступлениям с однообъектным составом, совершенным при отягчающих обстоятельствах, свидетельствующих о посягательстве на объект, не предусмотренный составом преступления (например, умышленное уничтожение имущества, совершенное по мотиву национальной ненависти). *Смешанная многообъектность* преступления предполагает сочетание в его объекте как институализированной, так и фактической полинуклеарности (например, умышленное уничтожение имущества, совершенное общеопасным способом по мотиву национальной ненависти).

6. Атрибутивным свойством каждого из объектов посягательства в многообъектном преступлении выступает самостоятельная уголовно-правовая охрана правового блага, на которое осуществляется посягательство, их разнородность, а также двуединая связь объекта посягательства с объективной и субъективной сторонами преступления. Реляционные (относительные) свойства объектов посягательства показывают, что в структуре совершенного многообъектного преступления или теоретической модели многообъектного преступления эти объекты не вступают в сравнительное соотношение «основной – дополнительный», а сосуществуют на основе дуализма (в двухобъектных преступлениях) и плюрализма (в трехобъектных и полиобъектных преступлениях). Вместе с тем в преступлениях с фактической или смешанной многообъектностью объекты посягательства находятся в соотношении «обязательный – факультативный», в основе которого лежит относимость объекта к признакам состава преступления или к признакам обстоятельства, отягчающего наказание.

Деление объектов посягательства на *основной и дополнительный* применимо только к составу преступления. Основой соотношения «основной – дополнительный» в данном случае является факт участия объекта посягательства в законодательной классификации составов преступлений по объекту посягательства и, как следствие, – в структурировании Особенной части уголовного закона.

Объекты посягательства в структуре многообъектного преступления и многообъектного состава преступления в зависимости от особенностей механизма совершения преступления находятся в соотношении «*терминальный – инструментальный*». Терминальный объект посягательства представляет собой то правовое благо, которому причиняется вред посредством причинения вреда другому правовому благу (инструментальному объекту посягательства). Инструментальным является тот объект посягательства, посредством причинения вреда которому причиняется вред другому объекту посягательства (терминальному).

7. На основании полученных знаний о многообъектности преступлений предложено определение многообъектного преступления, под которым следует понимать *сложное единичное преступление, обладающее признаком многообъектности, т.е. посягающее на несколько разнородных «генетически» не связанных между собой правовых благ, каждое из которых самостоятельно охраняется уголовным законом.*

Теоретическая модель многообъектного преступления характеризуется следующими специальными социально-правовыми признаками:

- 1) полинуклеарная структура подсистемы объекта преступления, включающая два и более объекта посягательства (*критериальный признак*);
- 2) полиструктурность системы признаков, вследствие которой вред одному правовому благу (терминальному объекту) причиняется посредством причинения вреда другому правовому благу (инструментальному объекту) (*структурно-функциональный признак*);
- 3) имеющая уголовно-правовое значение множественность общественно опасных последствий или возможность их наступления (*материальный признак*);
- 4) охватывается признаками многообъектного состава преступления или совершается при наличии отягчающего обстоятельства, дополняющего преступление еще одним объектом (*формальный признак*).

Построение теоретической модели многообъектного преступления осуществлено с учетом классификации многообъектных преступлений (по числу объектов посягательства и их содержанию, по особенностям функциональных связей элементов многообъектного преступления, по способу закрепления в законе признаков многообъектности), а также многообъектных составов преступлений (по содержанию объектов посягательства, по количеству дополнительных объектов, в зависимости от постоянства и способа закрепления содержания дополнительного объекта), что позволило учесть в данной модели все видовое многообразие рассматриваемых преступлений.

II. Положения, отражающие системные основы законодательной регламентации уголовной ответственности за многообъектные преступления:

8. В подавляющем большинстве современных уголовных законов, в том числе и российском, создана система законодательных моделей многообъектных преступлений, которая представляет собой совокупность многообъектных составов преступлений и законодательных моделей, образованных посредством дополнения составов преступлений обстоятельствами, отягчающими наказание и влекущими многообъектность деяния (законодательная система многообъектных преступлений).

Автором выявлены и подробно описаны ее системообуславливающие, системообразующие и системоорганизующие параметры, а также связанные с ними системные закономерности, факторы интеграции и интегральные качества.

Разработанное системное представление о правовой регламентации уголовной ответственности за многообъектные преступления позволяет подойти к их изучению с новых позиций, оценить уголовный закон с точки зрения интегральных закономерностей, существенно повысить обоснованность и результативность принимаемых законодательных решений.

9. Установлено, что ключевую роль в эволюции законодательных систем многообъектных преступлений играют следующие факторы: 1) историческая изменчивость количественной и качественной характеристик правовых благ, охраняемых уголовным правом; 2) изменение представлений о механизмах причинения вреда этим правовым благам; 3) изменение представлений о цели как признаке преступления; 4) появление института обстоятельств, отягчающих наказание, и изменение его содержания. Одно и то же преступление в зависимости от конкретных социально-правовых условий может признаваться или не признаваться многообъектным, утрачивать или обретать это свойство.

При этом выявлены следующие *динамические закономерности построения таких систем*: 1) появление с последующим увеличением числа многофункциональных компонентов и экономия нормативного материала при переходе от простых форм конструирования систем к сложным; 2) функциональная и организационная преемственность в развитии национальных законодательных систем многообъектных преступлений.

Кроме динамических, выявлены и *статические закономерности построения законодательных систем многообъектных преступлений*: 1) чем больше в национальном уголовном праве объектов уголовно-правовой охраны, тем больше законодательных моделей многообъектных преступлений; 2) наибольшую группу законодательных моделей многообъектных преступлений составляют те модели, в которых основной или дополнительный объект посягательства представляет собой социальную ценность, находящуюся под повышенной охраной государства в рамках конкретного исторического среза.

10. Анализ зарубежного уголовного законодательства показал, что типологизация современных законодательных систем многообъектных преступлений по правовым семьям невозможна ввиду отсутствия типичных особенностей рассматриваемых систем, обусловленных спецификой той или иной правовой семьи. Вместе с тем выявлены и описаны факторы, оказывающие влияние на построение законодательных систем многообъектных преступлений, к ним относятся: 1) источники уголовного права; 2) особенности института обстоятельств, отягчающих наказание; 3) система объектов уголовно-правовой охраны; 4) уровень репрессивности уголовного закона. С их учетом осуществлена типологизация современных законодательных систем многообъектных преступлений (по степени формализации, степени прогрессивности, количеству уровней, степени общности аксиологической структуры систем, степени разнообразия подсистем) и даны прогнозы развития.

11. Методологическими принципами конструирования законодательных моделей многообъектных преступлений являются: а) учет разнообразия признаков, влекущих многообъектность преступлений; б) учет по специальной методике комбинаторности признаков в структуре законодательных моделей многообъектных преступлений; в) функциональная завершенность законодательной системы многообъектных преступлений; г) учет системных закономерностей; д) криминологическое прогнозирование развития законодательной системы многообъектных преступлений.

12. Целостность законодательной системы многообъектных преступлений включает в себя такие взаимосвязанные компоненты, как внутренняя и внешняя интегрированность, функциональность и устойчивость. Эти свойства обеспечиваются посредством соблюдения базовых принципов необходимости, соразмерности и пропорциональности ограничения прав и свобод человека и гражданина, а также основанных на них универсальных принципов справедливости и правовой безопасности при установлении мер уголовно-правовой репрессии.

В связи с этим есть необходимость введения доктринального понятия «пенологическая система уголовного закона», которая определяется как совокупность системы санкций Особенной части уголовного закона и уголовно-правовых институтов наказания, иных мер уголовно-правового характера, освобождения от уголовной ответственности и от наказания. Исходя из того, что конструирование многообъектных составов преступлений является одним из способов дифференциации уголовной ответственности, а также из перекрестной классификации этих составов в системе Особенной части уголовного закона, сбалансированная пенализация указанных деяний выступает каркасом всей пенологической системы уголовного закона.

Автором сформулированы концептуальные предложения по соблюдению названных принципов при пенализации многообъектных

преступлений, в том числе разработана методика расчетов пропорциональности повышения строгости уголовной ответственности за многообъектные преступления.

III. Положения частной теории квалификации многообъектных преступлений:

13. В конструкцию состава многообъектного преступления могут входить признаки самостоятельного состава преступления. Это деяние, в зависимости от его функциональной роли в многообъектном преступном поведении, выступает в качестве преступления-результата или преступления-способа, с помощью которого совершается преступление. Составное многообъектное преступление представляет собой учтенную совокупность преступления-способа и преступления-результата, посягающих на разнородные объекты. Функцию преступления-результата в структуре несоставного многообъектного преступления выполняет оно само, поэтому признаки преступления-способа, посягающего на один объект, включены в состав многообъектного преступления-результата.

14. Для правильной квалификации многообъектного преступного поведения, в структуре которого можно выделить несколько составов уголовно-наказуемых деяний, следует последовательно провести следующие логические операции:

1) определить характер функциональной взаимосвязи этих деяний: являлось ли конкретное преступление приготовлением к другому преступлению или способом его совершения;

2) если преступное деяние выступало приготовлением к совершению другого преступления, квалификация содеянного осуществляется по правилам реальной совокупности преступлений;

3) если преступное деяние выступало способом, посредством которого совершено другое преступление, необходимо установить, предусмотрен ли такой способ совершения преступления уголовно-правовой нормой об этом

преступлении, с этой целью устанавливаются границы состава преступления-результата и состава преступления-способа;

4) если преступление-способ включено в состав другого преступления, то квалификация осуществляется по норме о многообъектном преступлении по правилу о конкуренции нормы-части и нормы-целого, при этом следует иметь в виду, что состав преступления как формальная совокупность его признаков не может по умолчанию включать в себя признаки состава другого преступления;

5) если в содеянном имеет место пересечение признаков действия (бездействия), включенных в составы преступления-способа и преступления-результата, то квалификация осуществляется по правилам идеальной совокупности преступлений;

б) если состав преступления-способа находится за рамками состава преступления-результата, квалификация осуществляется по правилам реальной совокупности преступлений, т.к. имеет место совершение двух и более действий (актов бездействия), содержащих признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ.

15. Разработана методика определения соотношения признаков многообъектного преступления и способа его совершения, в основу которой положены следующие принципы:

- сравнительный анализ санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за многообъектное преступление и преступление-способ (разработан пошаговый алгоритм);

- соблюдение критериев соотносимости квалифицирующих и иных отягчающих наказание признаков многообъектного преступления и преступления-способа (разработан алгоритм установления соотносимости этих признаков).

16. Частные правила квалификации преступлений, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла на определенный объект, включают в себя правила разрешения конкуренции мотивов и целей,

определяющих эту направленность; правила установления содержания оценочных и бланкетных признаков специального потерпевшего, связанных с направленностью умысла на определенный объект; правила учета видов множественности потерпевших (однородная, разнородная, смешанная).

17. При совершении многообъектного преступления в соучастии основаниями ответственности каждого соучастника могут выступать относительно самостоятельные взаимосвязанные деяния, совершение которых охватывается различным объемом вины конкретного соучастника, определяемого с учетом осознания им объекта посягательства, что допускает квалификацию деяний соучастников по разным нормам УК РФ, закрепленным в разных статьях (частях, пунктах статей) Особенной части УК РФ.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Предлагаемое учение о многообъектных преступлениях – вносит вклад в теорию объекта преступления и состава преступления в целом. Разработанный комплекс универсальных критериев многообъектного преступления может быть использован как основа для идентификации таких преступлений в российском, зарубежном и международном правовых пространствах. Обнаруженные универсальные системные параметры законодательной системы многообъектных преступлений, а также ее системные закономерности и интегральные системные качества могут служить основанием для уголовно-правового анализа любых преступлений и их групп, поскольку знание системных взаимосвязей уголовного закона – это необходимое условие для выводов о качестве законодательной регламентации уголовной ответственности за то или иное преступление, для адекватной интерпретации соразмерности уголовно-правовых санкций.

Обобщение сведений о проблемах квалификации многообъектных преступлений ставит под сомнение представление о достаточности существования универсальных и казуальных правил квалификации преступлений и показывает, что существует потребность в выработке

частных теорий квалификаций преступлений, объединенных специфическим признаком.

Научный труд может быть использован в законодательной деятельности в процессе совершенствования уголовного закона (в частности, авторская методика исчисления соразмерности санкций за многообъектные преступления, в основу которой положены методы математической статистики). Частная теория квалификации многообъектных преступлений представляет значимость для следственной, судебной и прокурорской практики при расследовании и рассмотрении уголовных дел, а также осуществлении надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие.

Кроме того, результаты диссертационного исследования могут быть использованы в учебной работе со студентами юридических вузов, в системе повышения квалификации судей, прокуроров, следователей и дознавателей.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, где она рецензировалась, обсуждалась и была рекомендована к защите.

Материалы диссертации использовались при проведении научных исследований по планам работы Университета прокуратуры Российской Федерации, Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации (далее – НИИ Университета), а также отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера НИИ Университета.

Основные результаты диссертационной работы были представлены на XI Российском конгрессе уголовного права, посвященном памяти профессора В.С. Комиссарова «Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-

исполнительной политики» (МГУ, 2018); IX Международном конгрессе сравнительного правоведения «Правовые ценности в фокусе сравнительного правоведения» (Москва, 2019); международных научно-практических конференциях «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Москва, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020); научно-практических конференциях «Проблемы применения судами законодательства об ответственности за мошенничество, присвоение и растрату» (Москва, 2015), «Проблемы квалификации множественных и продолжаемых преступлений» (Рязань, 2015), «Уголовное и уголовное процессуальное законодательство России: основные проблемы применения и направления совершенствования» (Москва, 2017); VII Совместном российско-германском круглом столе «Преступления в сфере экономики» (Москва, 2015), круглых столах «Квалификация преступлений: общие и частные проблемы» (Москва, 2017, 2018) и др.

Полученные в ходе исследования выводы и предложения нашли отражение в 5 монографиях, научно-практическом комментарии, а также в 35 научных статьях, 1 из которых опубликована в журнале из списка SCOPUS, 19 – в журналах и изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, 1 – в зарубежном издании. Общий объем публикаций составляет 54 п.л.

Отдельные результаты диссертационного исследования использовались:

- при подготовке проекта федерального закона № 48646-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»;

- при подготовке проектов постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)», от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем,

и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде», от 20.09.2018 № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»;

- на заседаниях рабочей группы по адаптации международной классификации преступлений для статистических целей к российскому уголовному законодательству и системе правовой статистики (Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2018-2019).

Результаты диссертационного исследования внедрены в деятельность Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Управления систематизации и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, в учебный процесс юридического факультета Университета прокуратуры Российской Федерации, а также научно-исследовательскую деятельность Университета прокуратуры Российской Федерации и ВНИИ МВД России.

Структура работы соответствует ее целям и задачам. Диссертация состоит из введения, трех разделов и 6 глав, включающих 13 параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

**РАЗДЕЛ I. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ
МНОГООБЪЕКТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ДОКТРИНЕ
УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ**

**Глава 1. Концептуальные и методологические основы исследования
многообъектных преступлений**

§ 1. Понятийный аппарат учения о многообъектных преступлениях

Проблемам юридической терминологии в целом и специальной уголовно-правовой (отраслевой) терминологии всегда уделялось повышенное внимание в научной литературе. Динамические изменения, происходящие в обществе, законодательстве, тенденциях судебной практики, а также модификация общеязыковых норм требуют уточнения традиционных и выработки новых понятий. К сожалению, современная теория уголовного права не отличается высоким уровнем терминологической проработки, наличием точных определений, единообразием применения доктринальных терминов. Кроме того, проблематика объекта преступления сама по себе издавна занимает особое место среди дискуссионных вопросов российской доктрины, включая важные аспекты сущностного понимания и классификации объектов². Указанные обстоятельства привели нас к необходимости формирования понятийного аппарата разрабатываемого нами учения. Этот аппарат представляет собой систему категорий и иных понятий, отражающих уголовно-правовую характеристику многообъектных преступлений в их целостности и специфических, только им присущих особенностях.

Понятийный аппарат данного учения позволяет получать и объяснять эмпирические знания о многообъектных преступлениях, а также

² Пудовочкин Ю.Е., Игнатов А.Н., Кашкаров А.А. Полиобъектные составы преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 118.

разрабатывать частные теории и развивать общую теорию уголовного права. По этой причине в него вошли не только основные категории («многообъектное преступление», «многообъектный состав преступления»), но и вспомогательные и сопутствующие понятия.

Методология исследования понятийного аппарата включает в себя логико-семантический анализ понятий, существующих в доктрине уголовного права, и выработку понятий и их определений, основанную на законах диалектической логики и правилах лингвистики.

В процессе исследования проблем понятийного аппарата учения о многообъектных преступлениях, понятия «преступление» и «состав преступления» рассматриваются нами на *универсальном и индивидуальном* уровнях. Например, универсальное понятие «преступление» включает в себя такие индивидуальные понятия, как убийство, изнасилование, разбой и т.д. Универсальное понятие «состав преступления» включает в себя составы различных преступлений. Кроме того, преступление и состав преступления могут выступать в качестве *как абстрактных, так и конкретных объектов познания*. В действительности сосуществуют теоретическое представление о преступлении и совершенные преступления, теоретическое представление о составе преступления и составы преступлений, закрепленные в тексте уголовных законов.

Исследовательская часть. Прежде всего, следует определиться с возможностью использования в современной уголовно-правовой теории понятия «многообъектное преступление». Термины «многообъектный» и «двуобъектный» широко применяются в различных науках (технических, экономических, юридических, педагогических, социологических и филологических). Контент-анализ специальной литературы показывает, что названные термины независимо от сферы научного познания употребляются единообразно в значении «имеющий несколько объектов», «имеющий два объекта». Это свидетельствует о допустимости использования понятий

«многообъектный» и «двуобъектный» для формирования доктринальной терминологии.

Словосочетание «многообъектное преступление» и его производные появились в уголовном праве сравнительно недавно. Исследуя вопросы объекта уголовно-правовой охраны, В.П. Замосковцев одним из первых на диссертационном уровне в рамках теории объекта рассмотрел проблему «многообъектности преступления»³. Наряду с этим в юридической литературе и правоприменительной практике применяются словосочетания «двуобъектное преступление» и «двухобъектное преступление», последние выступают в качестве синонимов по отношению друг к другу и обозначают наиболее распространенную разновидность многообъектных преступлений.

Рассматриваемый термин приобрел популярность в современной отечественной уголовно-правовой доктрине. Данное понятие традиционно раскрывается при характеристике объекта преступления как одного из четырех элементов состава преступления, а также в исследованиях, посвященных сложным единичным преступлениям, в качестве одной из разновидностей которых часто признается многообъектное преступление.

Анализ юридической литературы показывает, что никто из ученых не оспаривает правомерность существования юридического феномена «многообъектные преступления». Несмотря на отсутствие в тексте закона соответствующего понятия, упоминание о нем все чаще можно встретить в судебных актах (эта тенденция появилась в XXI в.). Данной терминологией оперирует, в том числе, и Верховный Суд Российской Федерации⁴.

Обращение к законодательному, правоприменительному и доктринальному опыту зарубежных стран показало, что понятие «многообъектное преступление» не используется в уголовном праве дальнего

³ Замосковцев П.В. Проблема объекта уголовно-правовой охраны в свете марксистско-ленинской теории ценностей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973; Замосковцев В.П. О многообъектности преступных посягательств // Проблемы борьбы с преступностью. Сб. науч. трудов. Омск, 1978. С. 3-16.

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 01.06.2005; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2015 № 82-АПУ14-31 и др.

зарубежья, однако данное обстоятельство не свидетельствует об отсутствии феномена многообъектного преступления в правовой действительности этих стран. Причина неиспользования рассматриваемого понятия кроется в традиционном для зарубежной доктрины отрицании наличия объекта в структуре состава преступления в привычном для российского уголовного права понимании⁵. Отечественные ученые объясняют это обстоятельство различием в понимании сути преступления, поскольку в российском уголовном праве господствует материально-формальное определение преступления (включающее признак общественной опасности), а в большинстве зарубежных стран – формальное (деяние, предусмотренное уголовным законом под угрозой наказания)⁶. В странах СНГ и в КНР долгое время господствовала теория четырехчленной структуры состава преступления, однако в современной доктрине появилось мнение о необходимости исключения объекта из системы признаков состава преступления⁷.

Вместе с тем иностранные ученые признают, что принятая в России четырехчленная система состава преступления является не чем иным, как разновидностью двухчленной системы (*actus reus* и *mens rea*), которая господствует в доктрине англоязычных стран, входящих в систему общего права⁸. Любая систематизация является инструментом познания (в том числе, научного) объектов и явлений, их взаимосвязей и закономерностей. Не является исключением и систематизация признаков преступления с целью его познания. Использование различного инструментария позволяет получить различные сведения об объекте, что вовсе не ставит под сомнение

⁵ В немецкой доктрине объект преступления соответствует понятию «предмет преступления» в российской доктрине (См.: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под. ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М., 2019. С. 55 (автор параграфа – А.Г. Кибальник).

⁶ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., Статут, 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Коробеев А.И., Чанхай Лун Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование. М.: Проспект, 2016. С. 130.

⁸ Fletcher George P. The grammar of criminal law: American, comparative, and international. Vol. 1: Foundation. Oxford, 2007. P. 47.

достоверность полученных сведений. Отсутствие в национальных уголовно-правовых доктринах исследований многообъектности преступлений, а также самого термина «многообъектные преступления» не свидетельствует о невозможности изучения данного феномена в зарубежном праве с использованием отечественных методологических основ.

Справедливости ради отметим, что в зарубежном уголовном праве, в большинстве своем отрицающем объект в качестве элемента состава, проблема объекта посягательства не игнорируется, поскольку преступления исследуются с точки зрения причинения вреда (*harm*) «охраняемым законом интересам»⁹. Этот подход находит свое отражение и в законодательстве, так в ст. 1 Уголовного кодекса штата Нью-Йорк преступление определяется как поведение, которое неоправданно и не извинительно причиняет или угрожает причинить существенный вред индивидуальным или публичным интересам. Соответственно многообъектные преступления, рассмотренные через призму причинения вреда, представлены как преступления, причиняющие вред разным охраняемым законом интересам. Например, отмечается, что насильственный грабеж является одновременно преступлением против собственности (вмешательством в право другого человека пользоваться или распоряжаться своим имуществом) и преступлением против личности, т.к. влечет причинение физического или психического вреда¹⁰.

Изложенное привело нас к выводу о *правомерности использования в научном обиходе термина «многообъектное преступление» в тех национальных уголовно-правовых доктринах, в которых в качестве одного из элементов состава преступления выделяется его объект.*

Однако, признавая в целом возможность употребления названного словосочетания, мы сталкиваемся с проблемой установления его смысловых границ. *Многообъектные преступления представляют собой специфическую*

⁹ Впервые термин «Rechtsgut» (охраняемый законом интерес) ввел Бирнбаум в своей статье «Das einer Rechtsgutverletzung zum Begriff des Verbrechens» (1834 год). В данной статье Бирнбаум выступил с критикой взглядов Фейербаха, считавшего преступление нарушением прав отдельных потерпевших, указав, что эта точка зрения чересчур узка, т.к. она не учитывает преступлений без потерпевших.

¹⁰<https://www.legalmatch.com> (дата обращения 19.03.2018).

группу преступлений, объединенных общим признаком – многообъектностью. Данный термин используется нами для определения объекта настоящего исследования, поскольку он именуется признаком, формирующим группу изучаемых преступлений. Это обстоятельство требует определения понятия «многообъектность».

Будучи распространенным в различных научных сферах, слово «многообъектность» тем не менее не получило толкования в словарях, что диктует необходимость обращения к его словообразованию. С точки зрения морфологии «много-» – это первая часть сложных слов, наличие которой означает: 1) много, с большим количеством; 2) со многими; 3) очень; 4) долгое время¹¹. Применительно к термину «многообъектность» префикс «много-» употребляется в смысле «со многими», и в буквальном прочтении данный термин можно трактовать как *свойство явления окружающей действительности, характеризующее его как имеющего несколько объектов.* Морфемы «дву-/ двух-» – это умножающие приставки, отражающие количество повторений понятия и означающие: 1) состоящий из двух каких-нибудь единиц, содержащий два одинаковых признака, 2) относящийся к двум¹². Соответственно, по нормам русского языка двуобъектность (двухобъектность) – это свойство явления окружающей действительности, характеризующее его как имеющее два объекта. Двуобъектность – это частный случай многообъектности.

Прилагательное «многообъектный» означает характеристику явления окружающей действительности – «имеющий несколько объектов». Использование в данном случае различных умножающих приставок позволяет образовать прилагательные, означающие различное число повторений: двуобъектный, трехобъектный и т.д.

Вместе с тем смыслообразующую функцию в доктринальном термине «многообъектный» имеет не только префикс «много-» (он дает

¹¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 346.

¹² Там же. С. 149.

количественную характеристику), но и слово «объект», положенное в основу сущностной характеристики понятия и являющееся термином, значение которого формируется научным контекстом. Дословно *«многообъектное преступление» – это преступление, имеющее несколько объектов*. Здесь принципиально важно остановиться на понятийном аппарате уголовно-правовой науки, точнее, той ее сферы, которая изучает теорию объекта преступления, поскольку этот аппарат выступает в качестве вспомогательной терминологии учения о многообъектных преступлениях.

В доктрине под *объектом преступления* понимается то, на что посягает его субъект, чему причиняется или может быть причинен вред¹³. Однако анализ юридической литературы и судебной практики выявил многозначность данного термина. Во-первых, им определяется и объект реально совершенного преступления, и объект в составе преступления¹⁴. Первый ученые предлагают понимать как «часть действительности, имеющей определенные материальные либо нематериальные формы, границы, состояния, наконец, ценность», а второй – как элемент состава преступления, соотносимый с признаками иных элементов состава¹⁵.

На наш взгляд, не следует разграничивать понятия объекта совершенного преступления и объекта в составе преступления по признаку соотносимости части со структурой целого. Дело в том, что преступление как реальное событие, выступая объектом познания, также имеет свою структуру. При характеристике совершенного преступления используется та же классификация его юридически значимых признаков, участвующих в квалификации содеянного (далее – *юридически значимые признаки*), что и в

¹³ Наумов А.В. Российское уголовное право. курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. М., 2008. С. 302.

¹⁴ В советском уголовном праве высказывалась точка зрения, отрицавшая наличие объекта в реально совершенном преступлении (Брайнин Я.М. Применение наказания по советскому уголовному праву. М.: Изд-во МГУ, 1958. С. 99 - 100; Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 72.), однако она не получила широкого распространения и достаточно аргументировано критикуется современными учеными (Винокуров В.Н. Объект преступления: понимание, применение уголовного закона и система особенной части УК РФ. Красноярск, 2018. С. 62 - 63).

¹⁵ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. VI. Объект преступления. Объективная сторона преступления / под. ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 35 – 36 (автор раздела – Г.П. Новоселов).

составе преступления. То есть, выделяются одноимённые элементы (объект¹⁶, объективная сторона¹⁷, субъект¹⁸ и субъективная сторона преступления¹⁹). На основе сопоставления юридически значимых признаков совершенного преступления и одноименных признаков состава преступления осуществляется квалификация содеянного. Однако применительно к системе признаков совершенного преступления термин «состав преступления» использовать нельзя, потому что, в отличие от преступления, состав преступления – «это не явление объективной действительности, а явление законодательное, нормативное, ... он существует не в жизни, а в уголовном законе»²⁰.

Предлагаем для описания системы юридически значимых признаков совершенного преступления использовать термин «*юридическая структура преступления*». Названная структура далеко не во всех случаях совпадает с составом преступления, поскольку помимо *составообразующих признаков* она может включать в себя *иные юридически значимые признаки* (таким признаком является, например, наступление тяжких последствий в результате совершения преступления в случаях, когда в составе преступления они отсутствуют). Обстоятельства, отягчающие наказание, участвуют в квалификации преступления, поскольку квалификация предполагает не только точную ссылку на статью (часть, пункт статьи) Особенной части УК РФ и Общей части УК РФ, дополняющей или конкретизирующей норму Особенной части УК РФ. Полная квалификация определенного преступления требует установления и других обстоятельств,

¹⁶ Определение Верховного Суда РФ от 27.08.2002 № бкпо02-24.

¹⁷ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10.02.2014 № 30-АПУ14-1; кассационное определение Верховного Суда РФ от 18.08.2011 № 45-О11-85; приговор Московского районного суда г. Твери от 17.04.2001 по делу № 374/01.

¹⁸ Определение Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 39-Д06-35; Обзор судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими, подготовленный отделом обобщения судебной практики Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации.

¹⁹ Определение Верховного Суда РФ от 12.10.2010 № 56-О10-84; Определение Верховного Суда РФ от 23.12.2008 № 93-008-38сп.

²⁰ *Иванчин А.В.* Конструирование состава преступления: теория и практика. М., 2014. С. 72.

влияющих на характер и степень ответственности, а также характеризующих личность виновного²¹. К таким обстоятельствам ученые справедливо и аргументированно относят обстоятельства, отягчающие наказание, предусмотренные ст. 63 УК РФ²². Полагаем, что любые обстоятельства, имеющие юридическое значение и характеризующие совершенное преступление, являются его признаками, участвующими в квалификации.

С учетом изложенного возникает необходимость различать объект преступления и объект в составе преступления. Объект совершенного преступления и объект преступления, закрепленный в составе, признаки которого установлены в содеянном, могут не совпадать. Так, объектом преступления в составе умышленного уничтожения чужого имущества (ст. 167 УК РФ) является собственность. Совершение указанного преступления в отношении имущества судьи из мести за законную деятельность по рассмотрению уголовного дела будет квалифицироваться по той же статье, однако объект такого преступления будет включать в себя как составообразующий признак (собственность), так и иной юридически значимый признак (интересы правосудия), вменяемый в вину в рамках обстоятельства, отягчающего наказание (п. «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Во-вторых, изучение доктринальных источников и судебной практики показывает, что применительно к юридической структуре преступления или составу преступления термин «объект преступления» имеет двойственное значение. С одной стороны, им обозначают один из четырех элементов структуры, выделяемый наряду с объективной стороной, субъективной стороной и субъектом; с другой стороны – конкретные правовые блага, на которые посягает преступление²³. Наиболее рельефно это можно показать на

²¹ Левицкий Г.А. Квалификация преступлений. М., 1981. С. 15.

²² Буранов Г.К. Отягчающие наказания обстоятельства в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 59 – 60; Рапог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М., 2015. С. 31 – 32.

²³ Из существующего многообразия концепций объекта преступления мы поддерживаем понимание объекта преступного посягательства как *социально значимой ценности (правового блага)*, поскольку на сегодняшний день именно аксиологическая концепция объекта соответствует уголовному закону и Конституции Российской Федерации, закрепляющей обязанность государства охранять социальные ценности, а также

примере описания в научной литературе объекта разбоя, когда традиционно говорят: «объект разбоя сложный, наряду с отношениями собственности разбой посягает на дополнительный объект – здоровье человека»²⁴. В первом случае «объект преступления» упомянут как элемент состава преступления, а во втором – как признак состава преступления, причем признак одноимённого элемента состава.

На первый взгляд процитированное утверждение звучит неверно, поскольку с позиции формальной логики определять понятие через само себя нельзя. Однако позволим себе выступить в защиту допустимости такого подхода с точки зрения семантики и лексикологии. В русском языке некоторые существительные в форме единственного числа употребляются как в конкретном, так и собирательном значении (например, «зерно», «неприятель» и др.). Такое соотношение понятий имеет место при характеристике объекта преступления: определяя один из четырех элементов состава преступления, «объект» выступает в *собирательном значении*; в то же время, определяя один из внешних признаков преступления (то правовое благо, на которое посягает субъект), данный термин имеет уже *конкретное значение*.

Подход, основанный на разведении собирательного и конкретного значений «объекта» в структуре преступления, допускает применение терминов «многообъектное преступление» и «многообъектный состав преступления», не исключая при этом единственности объекта преступления как элемента юридической структуры преступления (состава преступления).

сложившимся в правоприменительной практике тенденциям. Такой подход, существовавший еще в советском праве (Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1975. С. 57 - 62), основан на аксиологических научных исследованиях, в соответствии с которыми мир представлен двумя формами бытия – бытием вещей и бытием благ, последние могут обретать качества ценностей (Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Избранные произведения. М., 1994. С. 278), а само понятие «преступление» трактуется как категория «зло», противостоящая ценностям – «добру» (Матвеев П.Е. Аксиология: учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 2. Актуальные проблемы аксиологии. Владимир, 2018. С. 40).

²⁴ Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Однако для исследования объекта преступления методологически верным будет терминологическое разведение этих понятий, поскольку точность научного познания обеспечивается точностью используемого понятийного аппарата. С этой целью мы предлагаем рассмотреть преступление (состав преступления) как систему признаков преступления и использовать в качестве методологической основы теорию систем. Согласно данной теории, «система S – это i -е множество композиций M_i , построенное по закону композиции Z_i из первичных элементов множества M_i , выделенных по основанию A_i , из множества M »²⁵.

Применительно к системе юридической структуры преступления (состава преступления) это означает, что она представляет собой множество композиций признаков преступления, построенное из *первичных элементов* преступления – признаков преступления, выделенных из множества признаков поведения человека. Они традиционно объединяются в подсистемы «объект», «объективная сторона», «субъект» и «субъективная сторона». Законами композиций в данном случае выступают условия отнесения признаков преступления к каждой из подсистем. Основанием выделения признаков преступления из множества признаков поведения человека выступает возможность образовывать в совокупности виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания.

Итак, по сложившейся в теории и в правоприменительной практике традиции как первичный элемент, так и подсистема преступления (состава преступления) именуется единообразно – «объект преступления», что допустимо по нормам русского языка, но методологически неверно при научном исследовании юридической структуры преступления и состава преступления.

²⁵ Винограй Э.Г. Системно-диалектический подход: теория и методология. Кемерово. 2014. С. 16.

Контент-анализ доктринальных источников и судебных решений по уголовным делам, делам об административных правонарушениях и делам Конституционного Суда Российской Федерации показывает, что наряду с понятием «объект правонарушения» используется другой термин – «*объект посягательства*». Причем в судебной практике данный термин употребляется гораздо чаще, чем «объект преступления» (в 5 раз – Верховным и Конституционным Судами Российской Федерации и в 9 раз – нижестоящими судами общей юрисдикции). В юридической литературе оба понятия используются с одинаковой частотой.

Как правило, они употребляются как синонимы. Есть и негативная тенденция: в 30 % судебных решений, в которых анализируется объект посягательства, в качестве такового фактически обозначен предмет преступления (например, похищенное имущество), в 6% – место совершения преступления (квартира, склад, в которых совершено разбойное нападение) и даже в единичных случаях потерпевший. Аналогичным образом в судебных решениях зачастую трактуется и объект преступления. Подобные подходы к определению объекта посягательства и объекта преступления, безусловно, свидетельствуют о неправильном понимании их сущности, но также говорят и об отсутствии разграничения этих понятий.

И все-таки, есть ли различие между «объектом преступления» и «объектом посягательства»? Мы полагаем, что есть, оно основано на различии понятий «преступление» и «посягательство». В научной литературе справедливо отмечается, что посягательство – это часть юридической структуры преступления (состава преступления)²⁶. Понятие преступления как социально-правового явления шире понятия посягательства, последнее означает процессы изменения окружающей действительности, происходящие в рамках совершения преступления. «Объект посягательства» является более точным определением для статуса правового блага, на которое

²⁶ Соктоев З.Б. Причинность и субъективная сторона преступления. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

осуществляется посягательство в процессе совершения преступления. Таких объектов в преступлении может быть один или несколько, в последнем случае их объединяет общий признак – это правовые блага, на которые посягает одно преступление. На основании этого общего свойства они образуют собой композицию признаков преступлений (подсистему), наименование которой «объект преступления».

Таким образом, мы предлагаем *«объектом преступления» (или «объектом в составе преступления»)* называть одну из четырех подсистем юридической структуры преступления (состава преступления), характеризующий то, на что посягает лицо, совершающее преступление. А применительно к конкретному правовому благу, на которое осуществляется посягательство и которое выступает одним из внешних признаков преступления (состава преступления), целесообразно использовать понятие *«объект посягательства»* в преступлении или составе преступления.

В преступлении (составе преступления), посягающем на одно правовое благо, объект преступления образован одним объектом посягательства; в преступлении, посягающем на несколько правовых благ, – двумя и более объектами посягательства. Из этого следует, что в первом случае категории «объект преступления» (вторичный компонент) и «объект посягательства» (первичный компонент) по объему совпадают, а во втором случае «объект преступления» шире «объекта посягательства», т.к. включает в себя несколько объектов посягательства.

Поскольку теория систем оперирует множествами элементов, то к анализу любой системы применимы правила таксономии – теории классификации и систематизации сложноорганизованных областей действительности. Предложенный нами подход согласуется с этими правилами. «Множество, состоящее из некоторых элементов другого

множества, называется подмножеством этого множества»²⁷. В многоуровневой системе каждое множество элементов образует таксономическую категорию определенного уровня, при этом следует иметь в виду, что множество может состоять и из одного элемента. Таксономическая категория, которая содержит всего одну нижестоящую категорию, является монотипным множеством, а несколько нижестоящих категорий – политипным множеством. Применительно к преступлению (составу преступления) это положение преломляется следующим образом. Подсистема «объект преступления», может быть *монотипным множеством* признаков и включать один первичный элемент системы, или *политипным*, включающим несколько первичных элементов, которыми в данном случае выступают объекты посягательства.

Раскрывая понятие объекта посягательства, необходимо определить его соотношение с понятием «объекта уголовно-правовой охраны», поскольку в ряде случаев имеет место их необоснованное отождествление²⁸. Так, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что те или иные деяния «образуют самостоятельные составы преступлений, различающиеся по объекту уголовно-правовой охраны...»²⁹ Мы солидарны с позицией О.К. Зателепина, который отрицает тождественность понятий объекта посягательства и объекта уголовно-правовой охраны, но признает органичную взаимосвязь между ними. «Использование того или иного рассматриваемого понятия, – пишет ученый, – зависит от аспекта, в котором исследуется проблема. В случае если речь идет о том, какие явления защищаются государством посредством уголовного права от общественно опасных посягательств, какова антисоциальная направленность деяния,

²⁷ Кемени Дж., Снелл Дж., Томпсон Дж. Введение в конечную математику / под. ред. И.М. Яглома. М., 1965. С. 74.

²⁸ Каиржанов Е.К. Интересы трудящихся и уголовный закон. Алма-Ата, 1973. С. 22.

²⁹ Определения Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 845-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зарипова Арсения Рамилевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111 и пунктом «в» части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации»; от 28.03.2017 № 556-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Галебцова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10 и статьей 209 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» и др.

следует говорить об объекте уголовно-правовой охраны. Когда исследуются общественная опасность как признак преступления, состав преступления в целом и его элементы, то следует оперировать понятием «объекта преступления»³⁰. Если быть точнее, то с учетом изложенной позиции, суть которой в дифференциации понятий объекта преступления и объекта посягательства, в данном случае целесообразно оперировать понятием «объект посягательства».

В основе разграничения этих понятий лежит различное содержание объектно-субъектных отношений. В качестве объекта как философской категории в обоих случаях выступает социальная ценность (правовое благо), однако субъектом по отношению к объекту посягательства является субъект преступления, а по отношению к объекту уголовно-правовой охраны – законодатель. При этом *объект уголовно-правовой охраны* представляет собой правовое благо, поставленное под охрану норм уголовного права, устанавливающих уголовно-правовые запреты на совершение преступлений. То или иное правовое благо может рассматриваться в качестве объекта преступного посягательства, если оно признано объектом уголовно-правовой охраны и подверглось негативному воздействию со стороны субъекта преступления.

Правовое благо, являясь содержанием объекта уголовно-правовой охраны или объекта посягательства, представляет собой их определяющую сторону. Соответственно, *объект уголовно-правовой охраны и объект посягательства выступают различными формами существования правового блага*. Таким образом, соотношение рассматриваемых явлений можно определить как соотношение двух различных форм одного содержания.

Столь подробное описание понятийного аппарата теории объекта преступления было необходимо для определения легитимности

³⁰ *Зателепин О.К.* Соотношение понятий объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления в российской науке уголовного права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 3. С. 16.

использования в доктрине отечественного уголовного права понятия «многообъектное преступление», поскольку, как уже было отмечено, смыслообразующую функцию в доктринальном термине «многообъектный» имеет не только префикс «много-», но и слово «объект».

Возникает вопрос: какое из приведенных выше понятий (объект преступления, объект посягательства или объект уголовно-правовой охраны) положено в основу смыслообразования понятия «многообъектное преступление»? Ответ с необходимостью следует из приведенных аргументов: это – *объект посягательства, только он может быть множественным в юридической структуре преступления или состава преступления*. Мы пришли к выводу, что объектом преступления называется признак либо группа признаков преступления или состава преступления (наряду с группами признаков, характеризующими объективную сторону, субъект и субъективную сторону преступления), и в этом качестве он всегда один. В юридической структуре преступления или в составе преступления не может быть нескольких одноименных элементов, т.е. не может быть двух объектов преступлений, равно как и двух объективных или субъективных сторон преступления. Вместе с тем объект преступления как группа признаков, объединенных в один элемент, может иметь сложную структуру, состоящую из нескольких правовых благ – объектов посягательства. Проведем параллель с субъективной стороной преступления. Так, преступление, совершенное с двумя формами вины, вовсе не является преступлением с двумя субъективными сторонами, субъективная сторона у него одна, но она имеет специфические особенности строения.

К *сопутствующей терминологии* учения о многообъектных преступлениях относятся понятия, связанные с ***классификацией объектов посягательства***.

В учебной юридической литературе принято систематизировать объекты преступлений по вертикали (общий, родовой, видовой, непосредственный) и по горизонтали на уровне непосредственного объекта

(основной, дополнительный, факультативный). Приведенная классификация объектов преступления на самом деле представляет собой уголовно-правовую классификацию *правовых благ, выступающих объектами посягательства*, а объекты преступлений как элемент юридической структуры преступлений (составов преступлений) можно разделить на следующие виды: *простые и сложные*. К сложившейся подмене понятий привела отмеченная выше полисемия термина «объект преступления», обозначающего одновременно и элемент юридической структуры преступления (состава преступления), и правовое благо, на которое осуществляется посягательство.

Это не единственный недостаток традиционной систематизации объектов преступного посягательства. Г.П. Новоселов справедливо отмечает, что «деление объектов преступления по вертикали на общий, родовой и непосредственный действительно является классификацией, но не самих объектов, а признаков, их характеризующих»³¹, а В.Н. Винокуров обоснованно полагает, что общего объекта преступления не существует в принципе, «особенность какой-то группы объектов преступлений – не родовой объект, а признак, объединяющий некоторую часть объектов посягательств в однородную по направленности группу и вместе с тем отличающий ее от всех других групп»³². Кроме того, весьма сомнительным представляется использование понятия «непосредственный объект», поскольку термин «непосредственный» имеет конкретное семантическое значение: «прямо следующий после кого-чего-нибудь, без посредствующих звеньев, участников»³³. После кого или чего следует объект посягательства?

Проблема понятийно-категориального аппарата теории объекта преступления заключается в неверном определении методологических основ классификации объектов посягательства. Теория классификации и

³¹ Новоселов Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 7-8.

³² Винокуров В.Н. Объект преступления. М., 2015 С. 67 – 68.

³³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 398.

систематизации сложноорганизованных областей действительности (таксономия) вообще не оперирует такими понятиями как классификация «по вертикали» и «по горизонтали». Подобное деление отсутствует в других сферах научного познания и приводится лишь в работах по теории уголовного права, что само по себе ставит под сомнение обоснованность существующей терминологии. Между тем ученые - специалисты по таксономии полагают, что именно таксономия лежит в основе построения кодифицированных законов³⁴. С учетом привязки классификации объектов посягательства к структуре Особенной части УК РФ использование методов таксономии представляется неизбежным при осуществлении такой классификации. Достоинство таксономии в том, что она универсальна и предлагает методы классификации, учитывающие большой набор признаков и зависимостей между ними.

Анализ научных работ показывает, что в доктрине уголовного права под общим, родовым, видовым и непосредственным объектом преступления на самом деле понимаются *общие, родовые, видовые и индивидуальные характеристики* того или иного правового блага, выступающего объектом уголовно-правовой охраны или посягательства. Общей характеристикой является то, что это правовое благо охраняется уголовным правом. Например, объектом уголовно-правовой охраны выступает не порядок дорожного движения (он охраняется административным законодательством), а безопасность движения и эксплуатации транспорта. Родовые и видовые признаки – это особенности более широкой и более узкой групп правовых благ в их совокупной системе. Так, объектом преднамеренного банкротства выступает установленный порядок признания должника банкротом и удовлетворения требований кредиторов. Это правовое благо относится к числу правовых благ в сфере экономической деятельности и экономики в целом. Поэтому в зависимости от степени абстракции можно сказать, что

³⁴ Будаева А.А. Математические модели и средства программной поддержки поиска оптимальных группировок в задачах таксономии: автореф. дис. ... канд. тех. наук. Владикавказ, 2004. С. 4.

преднамеренное банкротство посягает на установленный порядок признания должника банкротом и удовлетворения требований кредиторов, на нормальное осуществление экономической деятельности, на экономику.

Поскольку классифицируемые правовые блага облечены в формы объектов уголовно-правовой охраны и объектов посягательства, то указанные формы подлежат той же классификации. *Классифицируя правовые блага в зависимости от их сущностной характеристики, мы тем самым осуществляем классификацию объектов уголовно-правовой охраны и объектов посягательства по их родовой и видовой принадлежности в соответствии с их аксиологическим содержанием.*

Вместе с тем, несмотря на отмеченное несовершенство понятийного аппарата, нельзя отрицать упрощенность и привычность использования в юридическом профессиональном сообществе терминов «непосредственный», «видовой» и «родовой» объекты посягательства. Учитывая прочные позиции данной терминологии в научном лексиконе, предлагаем исходить из того, что *«непосредственный объект» посягательства – это конкретное, индивидуально-определенное правовое благо, на которое посягает преступление. «Видовой объект» обозначает низшую таксономическую категорию – вид правового блага, а «родовой объект» – таксономическую категорию второго уровня – род правового блага, определяемые исходя из его аксиологической сущности.*

Классификация объектов посягательства по родовой и видовой принадлежности правовых благ (*аксиологическая классификация*) привела к ситуации, когда в многообъектных составах преступлений в этой классификации участвует только один из объектов посягательства, именно он называется основным. Второй же объект посягательства именуется дополнительным. Данный вид классификации объектов посягательства, традиционно называемый «по горизонтали», представляет собой *юридическую классификацию*, поскольку в ее рамках объекты

дифференцируются по принципу участия в законодательной классификации составов преступлений.

Применительно к объекту преступления как к подсистеме признаков юридической структуры преступления или состава преступления применима только *классификация по особенностям его структуры*. Деление объектов преступлений на простые и сложные является малоизученным. Необходимость остановиться на понятийном аппарате этого вида классификации обусловлена тем, что многообъектность выступает разновидностью сложной структуры объекта преступления.

Суть рассматриваемой классификации во многом обусловлена концепцией сущности объекта преступления, которой придерживается исследователь, большинство авторов приводят данную классификацию применительно к общественным отношениям. Например, С.В. Землюков определяет сложные объекты преступления как объекты, состоящие из нескольких общественных отношений и различающиеся между собой в зависимости от характера связи между этими отношениями и их значением в составе преступления. При этом автор выделяет три вида таких объектов: включающие в себя различные по характеру, но равнозначные общественные отношения (разбой, изнасилование); состоящие из главных и второстепенных общественных отношений (некоторые должностные преступления); объекты с открытой структурой, включающей широкий круг общественных отношений (бандитизм, массовые беспорядки)³⁵.

Мы разработали более полную систематизацию объектов преступления в зависимости от их структуры, основанную на уточненном понимании объекта преступления, а также его аксиологической концепции.

Любая структура как внутренняя организация предмета или явления может быть простой или сложной. В русском языке понятие «простой» трактуется как «однородный по составу, не составной», напротив, понятие

³⁵ Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова. СПб., 2005. С. 120.

«сложный» определяется как «состоящий из нескольких частей, многообразный по составу частей и связей между ними»³⁶. Возникает вопрос: какие элементы образуют сложную структуру объекта преступления, делая ее неоднородной?

Дело в том, что в научных трудах, посвященных исследованию состава преступления, применительно к структуре объекта нередко отмечается, что объект преступления охватывает такие элементы, как основной и дополнительный объекты, предмет преступления и потерпевшего³⁷. При этом из перечисленных признаков в качестве обязательного признака состава преступления выделяется основной объект, а остальные отнесены к факультативным, поскольку они «включаются в состав преступления не всегда»³⁸.

Вместе с тем отнесение предмета преступления и потерпевшего к признакам объекта преступления представляется достаточно спорным. Несмотря на распространенность мнения о том, что предмет преступления структурно входит в его объект³⁹, в юридической литературе набирает вес и другая позиция, согласно которой предмет относится к признакам объективной стороны состава преступления⁴⁰. Сторонники такого подхода полагают, что «само воздействие на предмет выступает в качестве преступного деяния»⁴¹. Сформирована и компромиссная позиция, разделяющая предметы преступления на предметы, которые относятся к объекту (то, на что воздействуют), и предметы, являющиеся признаком объективной стороны состава преступления (то, чем воздействуют)⁴².

³⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 756.

³⁷ Иванчин А.В. Указ. соч. С. 103.

³⁸ Там же.

³⁹ Кузнецов И.В. Понятие и виды предметов преступления в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. С. 7; Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1962. С. 104.

⁴⁰ Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005. С. 6; Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: в 6 т. М., 1970. Т. 2. С. 119; Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 206.

⁴¹ Мальцев В.В. Учение об объекте преступления: в 2 т. Т. 1. Волгоград, 2010. С. 21.

⁴² Винокуров В.Н. Указ. соч. С. 195 – 199.

Присоединяясь к этой дискуссии, отметим, что в отнесении предмета преступления к признакам объекта явно просматривается стремление авторов связать предмет преступления с предметом общественных отношений, признаваемых ими в качестве объекта посягательства. Мы являемся сторонниками иной концепции, понимая под объектами посягательства правовые блага (социально значимые ценности), а они относятся к сфере нематериальной, духовной, даже в том случае, когда складываются в отношении объектов материального мира (материальных ценностей). Объективная сторона преступления, напротив, представляет собой внешнее проявление преступления в реальной действительности, его физическую сторону, которая может восприниматься людьми посредством органов чувств. Предмет преступления соответствует этой характеристике, поскольку, являясь объектом материального мира или информацией, он также может восприниматься посредством органов чувств. Не случайно в юридической литературе описание признаков объективной стороны состава преступления, в котором есть предмет, никогда не обходится без упоминания о нем, потому что в таких составах действие представляет собой манипуляции человека с предметом. На основании изложенного мы соглашаемся с теми учеными, которые относят предмет преступления к признакам его объективной стороны.

Не решенным остается вопрос и о месте потерпевшего в составе преступления. В юридической литературе нет единого подхода к определению групповой принадлежности его признаков в структуре состава. Большинство ученых отрицает их самостоятельное значение как элемента состава преступления и относит эти признаки к объекту⁴³. Сторонники понимания объекта преступления как общественных отношений, охраняемых уголовным законом, рассматривают потерпевшего как участника этих отношений. Вместе с тем Фаргиев И.А., признавая потерпевшего признаком

⁴³ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций в 3 т. Т. 1 С. 311; Новоселов Г.П. Указ. соч. С. 90 – 92.

объекта преступления, тем не менее отмечает, что признаки поведения потерпевшего относятся к объективной стороне состава преступления, т.к. характеризуют обстоятельства совершения преступления⁴⁴. Звучат радикальные, но не лишённые смысла предложения о необходимости «признать ошибочным объединение в одном целом (объекте преступления) общественных отношений и потерпевшего, поскольку данные элементы вполне автономны и самостоятельны. Отсюда следует признать, что потерпевший является отдельным элементом состава преступления, поскольку в силу объективной реальности своего участия в криминальном событии, самостоятельности и практической значимости в механизме деяния не вписывается в объект преступления»⁴⁵.

Разделяя сомнения ученых о необходимости включения в объект преступления таких элементов, как предмет преступления и потерпевший, мы предлагаем рассматривать структуру объекта преступления с позиции его аксиологического содержания. Таким образом, под *сложной структурой объекта преступления в настоящем исследовании понимается его аксиологическая структура, т.е. внутреннее устройство совокупности правовых благ.*

Выделение аксиологической структуры объекта преступления имеет еще более принципиальное значение для последователей широкого понимания его структуры (включающей в себя предмет преступления и потерпевшего), потому что наличие этих, как их обычно называют, «факультативных признаков» априори делает структуру объекта сложной. В такой ситуации важно различать сложность структуры объекта преступления в целом и сложность его аксиологической структуры. Так, преступление может иметь простую аксиологическую структуру, но при этом включать

⁴⁴ Фаргиев И.А. Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем. СПб., 2009. С. 102, 113 - 118.

⁴⁵ Винокуров С.И. Приоритетная роль потерпевшего в новой парадигме права // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 49 - 53.

специальный признак потерпевшего (убийство малолетнего ребенка) или предмет преступления (нарушение неприкосновенности частной жизни).

Вместе с тем, отрицая возможность включения в объект преступления его предмета и потерпевшего, мы исключаем необходимость рассматривать другой вид сложной структуры объекта преступления, кроме аксиологической.

Известно, что преступление может посягать как на одно, так и на несколько правовых благ, т.е. объект преступления может иметь различную (простую или сложную) аксиологическую структуру. В первом случае имеет место *простой объект преступления*, а во втором – *сложный*.

На основании изложенного мы пришли к выводу, что *сложным (сложноструктурированным) можно признать объект преступления, который представляет собой систему из разнообразных элементов и связей между ними. При этом элементами сложного объекта преступления выступают различные правовые блага, охраняемые уголовным законом.*

В зависимости от особенностей внутрисистемных связей сложноструктурированные объекты преступлений мы разделили на *объекты со сложным содержанием* (кумулятивные, интегративные, комплексные, смешанного генезиса), *объекты со сложной формой* (полинуклеарные) и *объекты со сложной структурой комбинированного типа*. Независимо от особенностей структуры, все сложные объекты преступлений представляют собой системные образования.

Сложная содержательная структура объекта преступления – это его внутреннее устройство, синкретически⁴⁶ соединяющее в себе различные правовые блага, охраняемые уголовным законом. При этом форма такого объекта преступления является простой, он состоит из одного объекта посягательства. Напротив, объект преступления со *сложной формой* характеризуется отсутствием синкретических связей между правовыми

⁴⁶ «Синкретический» означает отличающийся внешней соединенностью того, что внутренне не соединимо. (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 807).

благами, каждое из которых образует самостоятельный объект посягательства. *Объекты со сложной комбинированной структурой* сочетают в себе черты двух предыдущих видов сложной организации объекта преступления.

Таким образом, *многообъектность – это специфическое свойство не только преступления в целом, но и объекта преступления, который имеет сложную форму.* Однако словосочетание «многообъектный объект преступления» является неблагозвучным и к тому же двусмысленным, что побудило нас к поиску специального термина, характеризующего данный вид объекта преступления. Мы пришли к выводу, что отмеченное специфическое свойство объекта преступления можно охарактеризовать как *полинуклеарность* (от лат. *nucleus* – ядро), а сам объект – как *полинуклеарный*⁴⁷. С учетом изложенного применительно к объекту преступления или состава преступления понятия «полинуклеарность» и «многообъектность» употребляются синонимично.

Один из первых исследователей многообъектной природы преступлений П.В. Замосковцев полагал, что в тех случаях, когда преступление одновременно посягает на несколько разнородных интересов и соответствующих им общественных отношений (автор берет в качестве примеров принуждение к даче показаний и разбой), включенных в различные родовые объекты, «имеет место не многообъектность преступления, а единый суммарный непосредственный объект преступления. Такой объект складывается из нескольких разнопорядковых общественных отношений и лежащих в их основе интересов»⁴⁸.

Концептуально соглашаясь с приведенной позицией относительно неоднозначности сложившегося наименования «многообъектное

⁴⁷ В данном случае мы вводим термины «полинуклеарный» и «бинуклеарный», которые еще не зафиксированы в толковых словарях русского языка, но широко используются в гуманитарных и естественных науках для обозначения специфических свойств социальных или природных явлений, содержащих два или более ядра.

⁴⁸ Замосковцев П.В. Указ. соч. С. 14.

преступление», тем не менее считаем необходимым обратить внимание на следующий терминологический недостаток. Понятие «суммарный» означает получившийся в результате сложения, представляющий собой сумму, обобщенный, итоговый⁴⁹. Вместе с тем объект преступления, посягающего на различные правовые блага, не образующие комплекс, кумуляцию или интеграцию, нельзя рассматривать как сумму объектов и тем более как обобщенный, итоговый результат. В связи с этим употребление термина «суммарный» применительно к объекту разбоя считаем некорректным. Его объект имеет бинуклеарную структуру.

Целью настоящего параграфа являлась разработка системы **категорий и иных понятий** (понятийного аппарата) учения о многообъектных преступлениях, выступающего частью уголовно-правовой доктрины. Между тем содержание этих понятий, т.е. совокупность существенных признаков обозначаемых ими явлений, требует всестороннего исследования, результаты которого приведены в следующих параграфах диссертации.

Наконец, последний момент, на котором следует остановиться, – это нормативное закрепление предложенных понятий. Разрабатывая понятийный аппарат той или иной сферы научного познания, многие ученые-правоведы вносят предложения о законодательном закреплении выработанных ими понятий. На страницах уголовно-правовой литературы мы видим требования о включении в текст УК РФ огромного числа определений. Думается, удовлетворение этих требований привело бы к значительному укрупнению уголовного закона, его перегруженности. Во всех ли случаях обоснована легализация выработанных наукой понятий?

Отвечая на этот вопрос, обратим внимание, что в юридической лексике понятие «доктринальный» имеет специфику, связанную с противопоставлением его категории «нормативный» (доктринальный – относящийся к сфере научно-правового знания, а не установленный

⁴⁹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 817.

нормативно), в то время как общераспространенное значение понятия «доктринальный» – это «имеющий общепризнанный научный характер»⁵⁰. Теория и практика в иных (неюридических) профессиональных сферах жизни общества зиждется на использовании исключительно доктринального, т.е. имеющего общепризнанный научный характер, понятийного аппарата, что подтверждает его жизнеспособность без нормативного закрепления.

Мы являемся противниками тотальной легализации терминологии, используемой в правовой доктрине и практике, уголовный закон не должен превращаться в учебник уголовного права. В ряде случаев общепризнанный научный характер дефиниции способен обеспечить ей необходимый уровень единообразного применения. Предназначение права – это регулирование отношений в обществе, поэтому в правовых нормах подлежат закреплению лишь те понятия, непосредственное применение которых участвует в этом регулировании. Иная терминология, используемая как инструментальный познания различных правовых явлений, может иметь доктринальный статус при условии ее общепризнанной научности.

⁵⁰ <https://kartaslov.ru> (дата обращения – 17.02.2019).

§ 2. Многообъектность как разновидность сложной структуры объекта преступления: отграничение от смежных социально-правовых явлений

При исследовании многообъектности как частного случая сложной аксиологической структуры объекта преступления существенное методологическое значение приобретает отграничение избранного объекта исследования от смежных социально-правовых явлений. Разграничение любых явлений осуществляется посредством их классификации, в ее основе лежит анализ всей совокупности явлений, подлежащих дифференциации; установление существенных характеристик, общих для всех социальных явлений, образующих класс, и упорядочивание совокупности явлений по классам. Этот фундаментальный процесс крайне важен, поскольку именно он дает возможность исследовать не отдельные явления как таковые, а их обобщенную категорию.

Начиная свое исследование многообъектных преступлений и определяясь с их кругом, мы анализировали все без исключения объекты уголовно-правовой охраны, структуру объектов всех составов преступлений, а также объекты совершенных преступлений и теоретически возможных моделей юридической структуры преступлений на предмет релевантности тех или иных видов преступлений (составов преступлений) объекту проводимого исследования. Мы пришли к выводу, что понимание объекта посягательства должно быть не формальным, строго базированным на законодательных формулировках объектов посягательства в структуре Особенной части уголовного закона, а *социально содержательным*. Такой подход со временем заставил нас отказаться от традиционного понимания многих преступлений как многообъектных⁵¹.

⁵¹ Так, изучая в этом ключе интересы официальной службы, мы изначально приняли за основу традиционную в доктрине уголовного права точку зрения, согласно которой посягательства на объекты уголовно-правовой охраны, совершенные лицом с использованием своего служебного положения (мы называем их «сложные служебные преступления»), – это многообъектные преступления (Карabanова Е.Н. Проблемы квалификации сложных служебных преступлений // Уголовное право. 2016. № 3. С. 50 – 56; Законность в сфере жилищно-коммунального хозяйства и работа органов прокуратуры: монография / под.

В предыдущем параграфе мы пришли к выводу, что многообъектность – это специфическое свойство как объекта преступления, так и преступления в целом. В обоих случаях это свойство определяется сложной формой объекта преступления. Мы провели грань между сложной содержательной и сложной формальной структурами объекта преступления, однако вопрос их дифференциации разрешается не столь однозначно, как кажется на первый взгляд, и требует тщательной проработки.

Итак, мы выделяем следующие типы структурирования сложных объектов преступлений: *генезис (кумуляция, интеграция, комплексирование, смешанный генезис) и индифферентное сочетание правовых благ, а также комбинацию генезиса и индифферентного сочетания правовых благ.* Посредством этих способов образованы соответственно *кумулятивные, интегративные, комплексные объекты, объекты смешанного генезиса, полинуклеарные объекты и объекты со сложной структурой комбинированного типа* (см. Приложение 3 Таблица 1).

Все виды сложноструктурированных объектов преступлений, за исключением комплексных, представляют собой *систему разнородных правовых благ.* Применительно к объектам преступления под разнородными (их еще называют разнопорядковыми) правовыми благами мы понимаем такие блага, которые исходя из аксиологической классификации объектов посягательства относятся к разным классам (в уголовном законе такими классами выступают группы объектов, положенные в основу деления Особенной части УК РФ на разделы и главы). В соответствии с устоявшейся терминологией это объекты, лежащие в плоскости различных родовых или видовых объектов. Низшей таксономической категорией (т.е. низшим подразделением системы) законодательной классификации объектов посягательства выступает вид объектов (видовой объект). Внутри данной

общ. ред. Н.В. Субановой; М., 2017. С. 117 – 137). Однако углубление в изучение аксиологической структуры интересов официальной службы привело к исключению этой группы преступлений из числа многообъектных.

группы объекты посягательства представляют собой однородные, часто взаимозависимые, правовые блага⁵².

Если посмотреть на сложные объекты преступлений через призму систематизации признаков в юридической структуре преступления или в составе преступления, то получается следующее соотношение. Объекты преступлений со сложной содержательной структурой образованы одним объектом посягательства (первичный элемент и подсистема совпадают по объему), поэтому вполне уместно говорить также и о сложной содержательной структуре объекта посягательства. Объекты преступлений, имеющие сложную форму, состоят из нескольких объектов посягательства, что обуславливает данную особенность структуры. В связи с этим объект посягательства не может иметь сложную форму.

Объект преступления со сложной содержательной структурой состоит из одного объекта посягательства и представляет собой одну социально значимую ценность (правовое благо), которая имеет свой особенный генезис, обуславливающий сложность содержательной структуры объекта. Современные фундаментальные исследования в области философии свидетельствуют о том, что «генезис ценностей обусловлен влиянием внешних (природного, экономического, социального) и внутренних (бессознательного и рационального) факторов; преобладание первых или вторых детерминирует различные типы ценностей»⁵³. В основу такого подхода к генезису ценностей положена их экзистенциальная природа.

Для настоящего же исследования важна не столько экзистенциальная, сколько правовая природа социальных ценностей, поэтому нас интересует тип генезиса ценностей, выступающих в качестве объектов уголовно-

⁵² Исключением, пожалуй, следует признать не совсем удачное объединение законодателем в одну группу (одну таксономическую категорию) преступлений против здоровья населения и против общественной нравственности, поскольку названные правовые блага не являются однородными.

⁵³ Баева Л.В. Экзистенциальная природа ценностей: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Волгоград, 2004. С. 9.

правовой охраны и объектов посягательства. Предлагаемая типологизация генезиса основана на различии внутрисистемных связей социальной ценности, выступающей в качестве сложноструктурированного объекта преступления. *В зависимости от типа генезиса социальной ценности мы выделяем кумулятивные, интегративные, комплексные объекты преступления, а также объекты преступления смешанного генезиса. Правовое благо, входящее в систему другого правового блага, «генетически» с ним связано.*

Кумулятивные объекты преступлений

Ряд ученых, не приводя определения и характеристики юридической природы многообъектных преступлений, относят к таковым организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем⁵⁴, пиратство⁵⁵, преступления террористической направленности⁵⁶, мотивируя свою позицию наличием двух непосредственных объектов преступления – общественной безопасности (в качестве основного) и жизни, здоровья людей, имущественных отношений (в качестве дополнительного). Аналогичное мнение имеет место и при характеристике объекта преступлений против мира и безопасности человечества⁵⁷. Данная позиция справедливо критикуется в юридической литературе, при этом приводится достаточно убедительный аргумент о специфических свойствах такого объекта

⁵⁴ *Бейбулатов Б.Ш.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации и участия в незаконных вооруженных формированиях: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. С. 17; *Дмитренко А.В.* Уголовно-правовой и криминологический аспекты организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 43; *Бекботова Т.А.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 14.

⁵⁵ *Князева Н.А.* Пиратство: уголовно-правовая характеристика и вопросы предупреждения: монография / под ред. А.И. Коробеева. М., 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁶ *Безверхов А.* О некоторых вопросах квалификации преступлений террористической направленности // Уголовное право. 2013. № 1. С. 6 – 7.

⁵⁷ *Адельханян Р.А.* Военные преступления в современном праве. М., 2003. С. 105.

преступления, как общественная безопасность⁵⁸, нарушение которой находится в неразрывной взаимосвязи со способами совершения преступлений против общественной безопасности⁵⁹.

Действительно, безопасность как феномен бытия предполагает состояние защищенности определенных ценностей⁶⁰, совокупность которых определяется видом безопасности⁶¹, поэтому уголовно-правовая охрана безопасности означает уголовно-правовую охрану этих ценностей, а посягательство на тот или иной вид безопасности одновременно является посягательством на эти ценности.

В связи с этим заслуживает поддержки позиция, в соответствии с которой преступления против общественной безопасности не имеют дополнительного объекта ввиду сложного характера такого правового блага, как общественная безопасность⁶².

Профессор Н.Ф. Кузнецова называла подобные преступления составными, понимая под этим определением «единое сложное преступление, слагаемое из двух и более умышленных преступлений, которые при изолированном их рассмотрении являются самостоятельными преступлениями, но в силу их органичной взаимосвязи причиняют комплексный ущерб одному объекту»⁶³. При этом она исключала многообъектность подобных преступлений, полагала, что объект у них один, и называла его «объектом составного преступления». Вместе с тем более распространенным в доктрине уголовного права является понимание составного преступления как: «преступления, состоящего из двух или нескольких самостоятельных преступлений, образующих единое

⁵⁸ Маслакова Е.А. К вопросу об организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем // Военно-юридический журнал. 2014. № 3. С. 10 - 13.

⁵⁹ Ахметханов А.Ф. Объект состава массовых беспорядков // Российский следователь. 2012. № 21. С. 8 - 10.

⁶⁰ Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против общества. М., 1997. С. 23.

⁶¹ Объект защиты является одним из критериев, по которым определяется вид безопасности (см. Павлинов А.В. Насильственный экстремизм. М., 2004. С. 49.).

⁶² Павлик М.Ю. Уголовная ответственность за насильственные преступления против общественной безопасности: современное состояние, сущность и противоречия: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2006. С. 13.

⁶³ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. М., 2007 // СПС «КонсультантПлюс».

преступление, ответственность за которое предусмотрена отдельной статьей УК РФ»⁶⁴. Мы являемся сторонниками данного подхода, однако полностью разделяем идею Н.Ф. Кузнецовой о том, что посягательство на общественную безопасность однообъектно.

Такие объекты преступлений П.В. Замосковцев называл «комплексными (сложными) объектами», которые «хотя и состоят из разнородных общественных отношений, но в действительности объединены как ценность единой по содержанию потребностью, а поэтому и одним интересом». Под комплексным (сложным) объектом уголовно-правовой охраны автор предлагал понимать «общественное отношение, в основе которого лежит единая по сущности потребность и соответствующий ей интерес, объектом которого являются несколько разнопорядковых благ. Такие блага определяют способ и средства удовлетворения интереса, а также характер и содержание социальной деятельности, в форме которой он реализует себя»⁶⁵.

Полагаем, что предложенное в науке наименование подобных объектов «комплексные (сложные)» неточно отражает их суть. Термин «комплекс» (от лат. *complexus* – «связанный») означает совокупность, сочетание каких-либо объектов или явлений, *связанных* между собой и образующих единое целое. Вряд ли можно говорить о наличии связи между разнородными правовыми благами.

Вместе с тем такое социальное благо, как общественная безопасность, имеет *кумулятивный* характер (от лат. *cumulatum* – «складывать, накапливать»). Не комплекс, а накопительное суммирование потенциального ущерба для ряда правовых благ (безопасности жизни, здоровья, психики людей, собственности, нормальной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления и т.д.) создает самостоятельное правовое

⁶⁴ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С. 228.

⁶⁵ Замосковцев П.В. Проблема объекта уголовно-правовой охраны в свете марксистско-ленинской теории ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 14.

благо – общественную безопасность, имеющее качественно новые признаки. Жизнь и здоровье человека, собственность и другие блага в этих условиях выступают элементами образования сложного кумулятивного объекта, при этом не возникает многообъектности преступления. Кумулятивный объект уголовно-правовой охраны, являя собой состояние защищенности жизни, здоровья и других благ, не отличается от таких объектов, как жизнь и здоровье, поскольку в данном случае охраняется неприкосновенность этих благ, а это и есть их защищенность.

Учет генезиса социальной ценности, выступающей кумулятивным объектом преступления, находит отражение и в правилах квалификации преступлений. Так, причинение в результате террористического акта значительного имущественного ущерба квалифицируется по п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ не требует⁶⁶. В то же время, сходное по признакам объективной стороны совершение убийства общеопасным способом, если оно сопряжено с уничтожением или повреждением чужого имущества, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных п. «е» ч. 2 ст. 105 и ч. 2 ст. 167 УК РФ⁶⁷. Такой подход дополнительно аргументирует отсутствие признаков многообъектности в преступлениях с кумулятивным объектом.

Кумулятивный вид сложноструктурированного объекта преступления характеризуется утратой правым благом, выступающим одним из элементов кумуляции, самостоятельного значения в объекте посягательства. Охрана такого правового блага обеспечивается охраной кумулятивного правового блага, поэтому особенность кумулятивных объектов посягательства заключается в том, что причинение вреда правовому благом, участвующему в кумуляции, не влечет причинения вреда и

⁶⁶ Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях террористической направленности).

⁶⁷ Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам об убийстве).

не создает угрозы причинения вреда кумулятивному правовому благу. Напротив, причинение вреда кумулятивному правовому благу причиняет вред или создает угрозу причинению вреда правовому благу, участвующему в кумуляции.

Вместе с тем объект преступления помимо кумулятивного блага может включать в себя еще одно или нескольких правовых благ, не участвующих в кумуляции. Например, хищение или вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, посягает не только на общественную безопасность, но и на собственность законного владельца этих предметов, а в случаях применения насилия – еще и на здоровье, физическую неприкосновенность и психологическую безопасность потерпевшего. Последние не аккумулированы в общественную безопасность. Данное обстоятельство позволяет отличить содержание объекта массовых беспорядков и хищения названных предметов. В первом случае личные неимущественные блага и собственность аккумулируются в общественную безопасность, во втором – нет.

Кумулятивной спецификой обладают следующие объекты уголовно-правовой охраны: 1) некоторые виды безопасности (безопасность жизни и здоровья населения, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность движения и эксплуатации транспорта, безопасность человечества); 2) общественный порядок; 3) правовые блага в сфере половых отношений (половая свобода и половая неприкосновенность личности); 4) реализация функций государственных и общественных институтов (правосудия, официальной службы).

Безопасность жизни и здоровья населения охраняется как самостоятельно, так и в рамках остальных видов безопасности. Самостоятельная уголовно-правовая охрана безопасности жизни и здоровья населения осуществляется посредством статей 228–239 УК РФ, включенных в главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Почему мы говорим о жизни и здоровье населения как о едином правовом благе применительно к преступлениям против здоровья населения? В медицине понятие «здоровье» получает разное наполнение на индивидуальном и популяционном уровнях (последнее называют общественным здоровьем или здоровьем населения). Исследователи здоровья населения как объекта уголовно-правовой охраны пришли к выводу, что преступления против здоровья населения – это преступления, «направленные на подрыв целостной системы, обеспечивающей физическое и психическое благополучие людей, создающие угрозу продолжительности активной жизни и ее воспроизводства в обществе, нарушающие оптимальные условия труда и отдыха, препятствующие формированию и развитию личности»⁶⁸. Анализ научных трудов в области медицины и социологии показывает, что данное определение нуждается в дополнении. Понятием «общественное здоровье» принято обозначать «коллективное, то есть совокупное здоровье группы людей или всего населения, измеряемое обычно медико-статистическими и демографическими показателями, такими как смертность, заболеваемость, инвалидность, средняя продолжительность предстоящей жизни, физическое развитие»⁶⁹. В связи с этим полагаем, что преступления против здоровья населения не просто создают угрозу продолжительности активной жизни, а в целом посягают на безопасность жизни населения.

Преступление, посягающее на здоровье населения и одновременно на здоровье или жизнь человека (например, оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека (п. «в» ч. 3 ст. 238 УК РФ)), нельзя признать двуобъектным, поскольку в данном случае безопасность жизни и здоровья личности аккумулирована в безопасности жизни и здоровья населения.

⁶⁸ Шалагин А.Е. Преступления против здоровья населения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 7.

⁶⁹ Богорубова Т.А. Социальные аспекты образа жизни и здоровья населения: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 1994. С. 4.

Последняя, являясь по своей сути кумулятивным правовым благом, участвует в кумуляции других правовых благ, охраняемых уголовным законом (общественная, экологическая безопасность, безопасность движения и эксплуатации транспорта, безопасность человечества). Исходя из принципа кумуляции объекта, нельзя отнести к числу многообъектных преступлений посягательство на один из перечисленных видов безопасности, повлекшее причинение вреда здоровью или смерть человека. Если в конкретном случае нарушения правил безопасности не наступили общественно опасные последствия, закономерные для такого рода нарушений (например, гибель людей), вероятность наступления смерти человека в результате развития причинных связей учтена законодателем при конструировании основных составов соответствующих преступлений и даже административных правонарушений. Независимо от тяжести и характера фактически наступивших последствий объект нарушения правил безопасности будет один – определенный вид безопасности; наступление закономерных вредных последствий в данном случае не меняет объект.

Близкой к общественной безопасности по своей сути категорией является *общественный порядок*. Исходя из семантического значения слова «порядок», его употребление в русском языке различно. В контексте уголовного и административного законодательства общественный порядок как объект государственной охраны – это не совокупность правил поведения, а состояние (обстановка) порядка и общественного спокойствия, при котором обеспечиваются свобода, физическая и моральная неприкосновенность личности, нормальные условия труда и отдыха, деятельность учреждений и организаций. Общественный порядок обеспечивается сложившимися в том или ином обществе правилами поведения и общежития людей, традициями и нравственными нормами. При всей однородности категории «общественный порядок» и «общественная безопасность» следует отметить их существенное различие: общественный порядок как кумулятивное правовое благо не включает в себя безопасность жизни и здоровья людей.

В качестве аргумента отметим, что это обстоятельство учитывается при квалификации преступлений против общественного порядка. Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал следующее разъяснение: «Имея в виду, что состав преступления, предусмотренный статьей 213 УК РФ, не содержит такого признака объективной стороны преступления, как применение насилия (причинение вреда здоровью человека различной степени тяжести), и с учетом того что при хулиганстве умысел направлен на грубое нарушение общественного порядка, в случаях когда в процессе совершения хулиганства потерпевшему, а также лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка либо пресекающему хулиганские действия, нанесены побои или причинен вред здоровью различной степени тяжести из хулиганских побуждений, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 213 УК РФ и частью (пунктом части) соответствующей статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за преступление против личности»⁷⁰. Это при том, что санкция ч. 1 ст. 213 УК РФ строже, чем санкции ч. 2 ст. 115 и ст. 116 УК РФ.

Кумулятивными правовыми благами являются такие правовые блага в сфере половых отношений, как *половая свобода и половая неприкосновенность* личности. Мы придерживаемся традиционного понимания этих объектов посягательства, в соответствии с которым: «Половая неприкосновенность – это правовая защищенность от сексуального посягательства, полный запрет на совершение действий сексуального характера в отношении другого лица. Половая свобода – право лица самостоятельно распоряжаться своей свободой в области сексуальных

⁷⁰ Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о хулиганстве).

отношений»⁷¹. Уголовный закон охраняет половую неприкосновенность несовершеннолетних в возрасте до 16 лет и половую свободу лиц более старшего возраста.

С понятием половой свободы тесно связан вопрос добровольного согласия лица на поставление его в опасность заражения (или заражение) ВИЧ-инфекцией, поскольку половые контакты являются основным способом ее передачи. В данном случае добровольное согласие на причинение вреда здоровью освобождает виновное лицо от уголовной ответственности по частям 1 и 2 ст. 122 УК РФ. Половая неприкосновенность как правовое благо представляет собой защищенность лица, не достигшего возраста 16 лет, как от сексуальных отношений, так и от возможных нежелательных последствий таких отношений, в числе которых заражение лица венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией, беременность, нарушение развития несовершеннолетнего.

Таким образом, половая свобода и половая неприкосновенность, являясь разновидностями сексуальной безопасности личности⁷², аккумулируют в себе следующие правовые блага: сексуальное и репродуктивное здоровье личности. Посягательства на половую свободу или половую неприкосновенность личности при наличии у виновного лица заболевания, передающегося половым путем, являются посягательством на сексуальное и репродуктивное здоровье личности. О генетической связи рассматриваемых правовых благ с объектом преступлений, предусмотренных гл. 18 УК РФ, свидетельствует и подход Всемирной организации здравоохранения к пониманию сексуального и репродуктивного здоровья. Так, Глобальная стратегия сектора здравоохранения по инфекциям, передаваемым половым путем, на 2016–2021 годы (принята в июне 2016 г.)

⁷¹ Уголовное право России. Особенная часть. В 2 т. Т. 1 / под ред. О.С. Капинус. М., 2015. С. 138 (автор параграфа – А.Н. Попов).

⁷² Термин «сексуальная безопасность» используется в научных трудах по уголовному праву и криминологии как категория, включающая в себя половую свободу и половую неприкосновенность личности (см., например, Краснюк Г.П. Ненасильственные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 11 и др.).

предусматривает своей целью борьбу с сексуальным насилием в рамках борьбы с инфекциями, передающимися половым путем⁷³.

В этой связи наступление общественно опасных последствий изнасилования или иных насильственных действий сексуального характера в виде заражения лица венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией не свидетельствует о различии в объекте основных и квалифицированных составов, предусматривающих указанные последствия. Однако кумулятивность сексуальной безопасности не означает, что здоровье потерпевшего не может входить в структуру объекта половых преступлений в качестве самостоятельного объекта посягательства. Те из них, что совершаются с применением психического или физического насилия, посягают помимо сексуальной безопасности на психическую безопасность и здоровье потерпевшего. Поэтому насильственные сексуальные преступления справедливо относятся к многообъектным⁷⁴, за исключением деяний, описанных в примечании к ст. 131 УК РФ.

Наконец, кумулятивным является такой объект преступления, как *реализация функций государственных и общественных институтов*. УК РФ защищает реализацию функций правосудия и различных видов официальной службы (государственной службы, службы в органах местного самоуправления, в коммерческих и иных организациях). Сразу отметим, что реализация функций рассматривается нами и как процесс осуществления деятельности, и как результат, получаемый обществом от этого процесса.

На реализацию функций правосудия как на единственный объект посягают преступления, предусмотренные ст. 299–308 УК РФ. «Функции как процедуры осуществления правосудия – это не только общее направление деятельности судебной системы, но и конкретизация порядка действий специальных субъектов судебной власти, ее носителей, призванных решать

⁷³ <http://apps.who.int> (дата обращения 08.06.2017).

⁷⁴ Преступления против личности: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / А.Г. Кибальник и др.; отв. редакторы А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. М.: Юрайт, 2019. С. 68 (автор главы – А.Г. Кибальник)

задачи государственной власти в форме правосудия»⁷⁵; при этом в современном мире учеными выделяются правоохранительная, правообеспечительная и правозащитная функции правосудия. При осуществлении правоохранительной функции правосудие решает основные вопросы о виновности или невиновности подсудимого, применении или неприменении уголовного наказания. Обеспечивая защиту конкретного нарушенного или оспоренного права или охраняемого законом интереса, реализацию субъективных прав и обязанностей субъектов материальных правоотношений, справедливую компенсацию последствий нарушения прав, правосудие выполняет правообеспечительную функцию. Правозащитная функция означает, что основной задачей судебных органов всегда будет являться защита прав и свобод лиц, вовлеченных в судопроизводство⁷⁶.

В свете изложенного представляется излишним наравне с интересами правосудия выделять в качестве дополнительных объектов посягательства такие блага, как законные права и интересы лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, – в привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ); права потерпевших от преступлений – в незаконном освобождении от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ); свободу и неприкосновенность личности – в незаконном задержании, заключении под стражу или содержании под стражей (ст. 301 УК РФ), достоинство человека – в заведомо ложном доносе и т.д.⁷⁷ Это не дополнительные объекты посягательства, существующие за пределами интересов правосудия, а компоненты единого кумулятивного объекта преступления – реализации функций правосудия.

⁷⁵ Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М., 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Выделение основного и дополнительных объектов преступлений в указанных преступлениях против правосудия прослеживается во многих трудах (Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М., 2008. С. 305, 314, 324; Будяков Н.А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК): теоретические аспекты, проблемы законодательного описания составов и квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 21 - 22; Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. С. 162, 170, 343; и др.).

Обосновывая двуобъектность такого преступления, как заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ), Конституционный Суд Российской Федерации привел следующий довод: «... любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия. Тем самым в случае заведомо ложного доноса о совершении преступления виновный посягает не только на интересы правосудия, но и на права личности, умаляя ее достоинство»⁷⁸. Вряд ли подобный аргумент можно считать убедительным, обозначенный подход позволяет любое преступление признать многообъектным, а это существенно размывает границы объекта преступления. Кроме того, не любые права личности, нарушаемые при совершении преступления против правосудия, выступают самостоятельными объектами уголовно-правовой охраны. Например, при незаконном освобождении от уголовной ответственности имеет место несоблюдение прав и законных интересов потерпевшего, что является прямым нарушением положений ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Однако в защите указанных прав и законных интересов заключается назначение уголовного судопроизводства. Не они выступают объектом посягательства при незаконном освобождении от уголовной ответственности, а такое правовое благо, как реализация функций уголовного судопроизводства.

Реализация функций официальной службы (государственной службы, в качестве подвида которой выделена военная служба⁷⁹, службы в органах местного самоуправления, службы в коммерческих и иных организациях) представляет собой соответствующие кумулятивные объекты служебных преступлений.

⁷⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2013 № 661-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Нурыяхмата Нурыхановича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁷⁹ Статья 2 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Исследованию функций названных видов служб посвящено значительное число работ в области конституционного, муниципального, административного, военного, гражданского, корпоративного и предпринимательского права, а также в области экономики, политологии и социологии. Их обобщенный анализ, а также изучение нормативных правовых актов, регламентирующих функции отдельных видов служб и полномочия лиц, осуществляющих служебную деятельность, позволяет выделить некоторые общие подходы к определению функций официальной службы и способам их реализации.

Функции официальной службы представляют собой исполнение полномочий государства, муниципального образования, органов государственной власти и местного самоуправления, должностных лиц, коммерческой и иной организации. В свою очередь, это исполнение основано на соблюдении прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства в процессе реализации социальной функции службы⁸⁰. Таким образом, реализация функций официальной службы как охраняемая уголовным законом деятельность аккумулирует в себе указанные правовые блага. Выделение их в самостоятельные объекты преступлений, посягающих на интересы того или иного вида службы, необоснованно.

Реализация функций официальной службы как охраняемый уголовным законом результат служебной деятельности представляет собой правовое благо, для появления и обеспечения которого создана та или иная служба. Например, военная безопасность страны – это то правовое благо, ради которого существует и охраняется государством институт военной службы.

Социальное понимание интересов службы демонстрируется и в законодательных определениях государственной, в том числе военной,

⁸⁰ Статья 15 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», ст. 12 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» и др.

службы, службы в органах местного управления, в соответствии с которыми служба представляется как профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации и ее субъектов, федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и лиц, замещающих определенные законом должности⁸¹.

Изложенное подтверждается и результатами анализа судебной практики. Так, рассматривая содержание понятия «тяжкие последствия» применительно к содержащим этот признак составам преступления против военной службы, Верховный Суд Российской Федерации пояснил, что это содержание обусловлено объектом уголовно-правовой охраны соответствующей нормы. Поэтому различный по характеру вред должен включаться в понятие «тяжкие последствия» не произвольно, а с учетом его взаимосвязи с указанным объектом⁸². Только те правовые блага, для охраны которых установлен порядок прохождения военной службы, включены в кумулятивный объект преступлений против военной службы, и многообъектность здесь исключена.

Интегративные объекты преступлений

Интегративный тип сложного структурирования объекта преступления построен на *интеграции* (от лат. *integratio* — «вставка») одной социально значимой ценности в другую. На основе этого принципа формируются такие

⁸¹ Статья 1 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», ст. 3 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»; ст. 2 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», ст. 6 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации».

⁸² Обзор судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими, подготовленный Отделом обобщения судебной практики Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

объекты преступлений, как нормальное развитие несовершеннолетнего, общественная нравственность, некоторые виды безопасности⁸³.

В разделах философии, психологии и социологии, изучающих социальные ценности, используются различные их классификации. Для настоящего исследования применительно к изучению интегративного объекта преступления имеет значение деление социальных ценностей на целевые, их еще называют конечные, терминальные (*terminal value*), и инструментальные (*instrumental value*). Можно встретить и такие наименования: ценности-цели и ценности-средства. Подобное деление ценностей получает распространение в экономических науках и может использоваться в арсенале юридических наук, в частности при изучении объекта преступления в ключе аксиологической концепции. Суть разделения ценностей на терминальные и инструментальные заключается в том, что первые достигаются вторыми.

В основе выделения нами интегративного и интегрируемого правовых благ в интегративном объекте преступления лежит принятое в аксиологии деление ценностей на целевые (терминальные) и инструментальные.

Так, в качестве терминальной ценности мы рассматриваем *нормальное развитие несовершеннолетнего*. Как справедливо отметил профессор Ю.Е. Пудовочкин, одним из направлений охраны несовершеннолетних от преступных посягательств является «криминализация деяний, нарушающих интересы развития несовершеннолетних, путем установления запрета на совершение в отношении них деяний, совершение которых в отношении взрослых не является преступным»⁸⁴. Вместе с тем нормальное развитие несовершеннолетнего обеспечивается другим правовым благом – личной нравственностью несовершеннолетнего. В интегративном объекте преступления они соотносятся как целое и часть.

⁸³ Некоторые виды безопасности одновременно являются и интегративными, и кумулятивными благами, т.е. представляют собой объекты посягательства смешанного генезиса, поэтому будут рассмотрены в соответствующем подразделе настоящего параграфа.

⁸⁴ Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. С. 10.

На личную нравственность несовершеннолетнего посягают ряд преступлений с составами, закрепленным за пределами гл. 20 УК РФ: некоторые ненасильственные преступления против половой неприкосновенности личности (примечание к ст. 131, ст. 134, 135 УК РФ); преступления против общественной нравственности (п. «а» ч. 3 ст. 230, ч. 3 ст. 240, ст. 240¹, п. «в» ч. 2 ст. 241, ч. 2 ст. 242, ст. 242² УК РФ); наемничество (ч. 2 ст. 359 УК РФ), совершенные в отношении несовершеннолетнего. В этих преступлениях при посягательстве на личную нравственность несовершеннолетнего (интегрируемое правовое благо) происходит посягательство на его нормальное развитие (интегративное правовое благо).

Следует отметить, что *общественная нравственность* не включает в себя в качестве части личную нравственность в силу дуализма взаимоотношений этих социально значимых ценностей. Исследователи преступлений против общественной нравственности отмечают: «Уголовное законодательство в качестве основного объекта преступления выделяет только общественную нравственность. Однако нравственность бывает двух видов: относящаяся к обществу (общественная) и к личности (индивидуальная). Последняя «поглощается» более значимыми объектами охраны: жизнь, здоровье, честь и достоинство, половая свобода и неприкосновенность»⁸⁵. Не совсем соглашаясь с последним утверждением, отметим важность разделения нравственности на общественную и индивидуальную (ее еще называют личной), а также различного подхода к уголовно-правовой охране этих уровней нравственности.

В ряде составов преступлений личная нравственность выступает самостоятельным объектом охраны как перманентная основа нормального развития несовершеннолетнего, однако его личная нравственность не аккумулирована в общественную нравственность. В отличие от здоровья населения, которое накопительно «складывается» из здоровья индивидуумов,

⁸⁵ Старков Е.А. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9.

общественная нравственность не только формируется на основе нравственности индивидуумов, но и лежит в основе формирования нравственного сознания каждого индивидуума. Выступая объектом уголовно-правовой охраны, «общественная нравственность представляет собой выработанную людьми систему норм и правил поведения, идей, традиций, взглядов о справедливости, долге, чести, достоинстве, а также общечеловеческих ценностях во всех сферах жизни общества, которая является господствующей в данном обществе в конкретно исторических условиях»⁸⁶.

Совершение, например, преступления сексуальной направленности против общественной нравственности в отношении несовершеннолетнего не только адресно причиняет вред нравственному развитию личности ребенка, но и посягает на сексуальную мораль общества. Те преступления, которые помимо личной нравственности несовершеннолетнего посягают еще и на общественную нравственность (вовлечение несовершеннолетнего в занятия проституцией, получение сексуальных услуг несовершеннолетнего), а также иные посягательства на нормальное развитие несовершеннолетнего и одновременно другое благо (например, мир и безопасность человечества в наемничестве) являются многообъектными.

Интегративным объектом преступления выступает *общественная нравственность*, которая основана на ряде других правовых благ. Интегративность общественной нравственности породила в свое время дискуссию о месте расположения состава надругательства над религиозными символами. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить судьбу проекта федерального закона № 142303-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов

⁸⁶ Полянская М.П. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности в сфере половой морали: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2009. С. 8.

религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний».

Изначально предусматривалось дополнить гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» статьей 243¹ (редакции от 26.09.2012 и 09.04.2013). В результате дальнейшей доработки законопроекта (редакция от 21.05.2013) указанную норму было предложено закрепить в ст. 148 УК РФ (гл. 19 УК РФ «Преступление против конституционных прав и свобод человека и гражданина»), дополнив ее новыми частями.

Подобная ситуация свидетельствует о сложности и неоднозначности определения объекта преступления. Надругательство над почитаемыми религиозными символами – это посягательство на общественную нравственность или на конституционное право человека на свободу совести и вероисповедания? Думается, что так четко развести границы не удастся, поскольку вероисповедание – это одна из сфер духовно-нравственной культуры общества, при этом любая религиозная деятельность, причиняющая ущерб нравственности, объявлена вне закона и подлежит прекращению (ч. 2 ст. 3, ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»). Таким образом, защищая посредством уголовно-правовых норм свободу совести и вероисповедания, государство тем самым защищает общественную нравственность.

К области общественной нравственности относятся общественные воззрения на ценность собственной жизни, поэтому размещение состава организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110² УК РФ), в главе о преступлениях против жизни и здоровья также является неоднозначным. Похожие составы создания некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ), отнесены законодателем к преступлениям против

общественной нравственности. Аналогичное решение следовало бы принять при размещении состава преступления, предусмотренного ст. 110² УК РФ.

Комплексные объекты преступлений

Комплексным объектом преступления является совокупность взаимозависимых однородных правовых благ, образующих при посягательстве единое целое, основанное на философской концепции связи ценностей с целостностью бытия⁸⁷. В основе генезиса этих объектов лежит *комплексирование* (от лат. *complex* — связь).

В юридической литературе можно встретить позиции, относящие преступления, посягающие на несколько однородных правовых благ, к числу многообъектных. Например, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть по неосторожности (ч. 4 ст. 111 УК РФ), признается двуобъектным преступлением – посягающим на здоровье в качестве основного и на жизнь в качестве дополнительного объектов⁸⁸; в качестве основного объекта неуважения к суду (ст. 297 УК РФ) выделяется нормальная деятельность суда по осуществлению правосудия, в качестве дополнительного – авторитет суда в целом⁸⁹.

Полагаем, что при посягательстве на совокупность однородных правовых благ многообъектности преступления не возникает в силу того, что данные правовые блага образуют единый неделимый комплекс. Примерами таких комплексов являются *телесное благополучие, интересы правосудия, интересы официальной службы*. Природу комплексных благ более детально демонстрирует их анализ.

Так, в гл. 16 УК РФ закреплены составы преступлений, посягающих на жизнь (ст. 105 - 110¹), здоровье (ст. 111, 112, 115, 121 и т.д.), телесную

⁸⁷ Худякова Н.Л. Онтологическое основание возникновения и развития ценностного мира человека: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Омск, 2004. С. 8.

⁸⁸ Данная точка зрения, к сожалению, получила широкое распространение в учебной и комментирующей литературе (см., например: Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015 // СПС «КонсультантПлюс» и др.).

⁸⁹ Уголовное право России. Особенная часть: учебник / С.А. Балеев, Л.Л. Кругликов, А.П. Кузнецов и др.; под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

неприкосновенность (ст. 116, 116¹). Вместе с тем все они посягают на телесное благополучие, которое в данном случае выступает не видовым объектом (т.е. групповым объединением однородных правовых благ), а комплексным. Телесное благополучие не является множеством правовых благ, оно само есть благо. Это одно правовое благо, комплексированное такими взаимозависимыми благами, как жизнь, здоровье и телесная неприкосновенность человека⁹⁰.

Лишение жизни происходит через причинение вреда здоровью, а оно, в свою очередь, может осуществляться через противоправное прикосновение к телу человека. Данное обстоятельство подтверждает необоснованность отнесения преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, к числу двуобъектных. В противном случае убийство и неосторожное причинение смерти также необходимо было бы рассматривать как двуобъектные, поскольку причинение смерти происходит через умышленное или неосторожное повреждение здоровья человека. В приведенных примерах развитие объективной стороны преступления осуществляется по следующему сценарию: причинение вреда здоровью закономерно выступает причиной смерти лица. Возможность наступления смерти в результате негативного воздействия на организм человека является реальной, она обусловлена закономерным развитием физических и биологических процессов, что осознается любым вменяемым человеком по достижении им определенного возраста.

Аналогичным образом сочетаются между собой здоровье и телесная неприкосновенность в объектах тех преступлений (составов преступлений), объективная сторона которых представляет собой причинение вреда

⁹⁰ Отличить группу правовых благ (видовой или родовой объект преступления) от комплексного правового блага можно посредством достаточно простой логической операции: исключение правового блага из группы не влечет ее утрату, а исключение компонента из комплекса приводит к выбыванию последнего из объектов уголовно-правовой охраны. Например, исключение из охраняемых уголовным законом интересов экономической деятельности такого блага, как порядок осуществления банковской деятельности, не приведет к выведению из-под уголовно-правовой охраны группы правовых благ в сфере экономической деятельности. Напротив, исключение из телесного благополучия жизни или здоровья фактически исключает уголовно-правовую охрану телесного благополучия.

здоровью посредством телесного повреждения. В исследованиях преступлений, посягающих на здоровье, ученые как советской, так и современной школы права подчеркивают неразрывную связь этих благ. Так, соглашаясь с позицией М.М. Гродзинского, профессор С.В. Расторопов отмечает невозможность существования такого телесного повреждения, которое бы не было связано с расстройством здоровья⁹¹. В данном случае посягательство на первое невозможно без посягательства на второе. Однако одно благо не интегрируется и не аккумулируется в другое, они образуют комплекс – телесное благополучие.

Примечательно, что названные витальные ценности рассматриваются как единый комплекс не только в уголовном праве. В гражданском праве существует институт ответственности за вред, причиненный жизни и здоровью человека; ряд норм об административных правонарушениях направлен на предотвращение причинения вреда жизни и здоровью (ст. 9.1, 9.23 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и др.); этот «дуэт» является объектом охраны труда, регулируемой нормами трудового законодательства. Неразрывно жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность как единое социальное благо, рассматривается и в сфере неюридических наук (медицинских, социологических, философских, психологических). Связка «жизнь + здоровье + телесная неприкосновенность» изучается в социологии и психологии как единая витальная ценность.

Взаимосвязь этих благ подтверждается и сложившимися правилами квалификации преступлений. Так, если умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, охватывалось лишение жизни потерпевшего, но только один из них причинил смерть потерпевшему, действия всех участников группы квалифицируются по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ как соисполнительство в

⁹¹ *Расторопов С.В.* Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств: дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 292.

разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. При этом действия лица, совершившего убийство потерпевшего, квалифицируются дополнительно по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (п. 14¹ постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»⁹²).

Преступления, посягающие на телесное благополучие, обладая материальным составом, ввиду достижения конечного результата (лишение жизни, причинение вреда здоровью, нарушение телесной неприкосновенности) рассматриваются соответственно как преступления против жизни, здоровья или телесной неприкосновенности. Однако эти блага не индифферентны по отношению друг к другу. Особенность комплексных правовых благ, выступающих объектами преступлений, заключается в том, что по своему объему «комплексы» могут варьироваться в различных составах. Например, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, не повлекшее смерть потерпевшего, не посягает на жизнь, его комплексный объект составляют такие компоненты, как здоровье человека и телесная неприкосновенность (если преступление совершено посредством активного воздействия на тело человека). Объект того же деяния, повлекшего по неосторожности смерть, шире – помимо названных благ он включает в себя жизнь.

Данное свойство комплексных объектов преступлений имеет важное уголовно-правовое значение, поскольку соотношение компонентов в комплексном правовом благе учитывается при установлении уголовной ответственности (приравнивание совершения насилия, не повлекшего причинения вреда здоровью, но создающего реальную угрозу жизни и здоровью, к насилию, повлекшему такие последствия) и квалификации содеянного (перерастание менее тяжкого преступления в более тяжкое,

⁹² Далее – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о краже, грабеже и разбое.

квалификация причинения вреда здоровью человеку как покушения на убийство, если имел место нереализованный умысел на лишение жизни, и т.д.).

Единый комплекс образуют интересы предпринимательской или иной экономической деятельности, которые безраздельно включают в себя неприкосновенность собственности и нормальный режим осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности, что следует из положений Конституции Российской Федерации (ст. 8, 34). Экономическая деятельность немислима без отношений собственности, они лежат в основе экономической деятельности и одновременно являются ее результатом. В объекте мошенничества в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5 – 7 ст. 159 УК РФ) указанные правовые блага неразделимы и образует единое благо – интересы предпринимательской деятельности.

Интересы официальной службы и интересы правосудия представляют собой комплексные правовые блага, однако среди их компонентов есть и кумулятивные блага, что позволяет названные объекты отнести к объектам смешанного генезиса и рассмотреть в следующем подразделе настоящего параграфа.

Объекты смешанного генезиса

Генезис некоторых объектов преступлений одновременно сочетает в себе кумуляцию, интеграцию или комплексирование.

Так, *некоторые виды безопасности, выступающие элементами национальной безопасности, могут быть одновременно и кумулятивными, и интегративными объектами преступлений.* Отмеченная дуалистическая природа безопасности как объекта преступления обусловлена свойствами этого сложного социально-правового явления. С одной стороны, безопасность представляет собой состояние защищенности одного или нескольких правовых благ, с другой стороны, для обеспечения безопасности

как целевой ценности необходимо создание и защита правовых благ, выступающих в данном случае инструментальными ценностями.

Рассмотрим этот дуализм на примере транспортной безопасности. Она предполагает безопасность жизни и здоровья людей, в то же время обеспечивается такими благами, как порядок движения и эксплуатации транспорта, порядок поведения на транспорте, порядок использования воздушного пространства, сохранность транспортной инфраструктуры и т.д. Так, в приведении в негодность путей сообщения (ст. 267 УК РФ) объектом посягательства выступает транспортная безопасность. Данный объект является кумулятивным по отношению к жизни и здоровью людей, но интегративным по отношению к сохранности указанного имущества. В случае приведения в негодность путей сообщения причиняется вред или создается угроза причинения вреда жизни, здоровью людей, имущественным правам широкого круга лиц: перевозчика, пользователей транспортных услуг, а также собственника путей сообщения. Вместе с тем объект преступления один – транспортная безопасность.

Интегративно-кумулятивными объектами преступлений выступают также военная, государственная и экономическая безопасности.

Смешанным генезисом (комплексированием и кумуляцией правовых благ) характеризуются такие объекты преступлений, как *интересы правосудия, интересы того или иного вида официальной службы*.

Например, интересами официальной службы, выступающими в качестве объекта уголовно-правовой охраны, является комплекс (совокупность, сочетание) таких правовых благ, как реализация социальной функции конкретной службы, а также нормальная деятельность и авторитет органов и организаций, в которых осуществляется служба, и представляемых институтов власти (если это интересы государственной или муниципальной службы). Указанные блага образуют единые комплексные правовые блага в зависимости от вида службы, выступающие объектами всех преступлений против интересов официальной службы того или иного вида.

Следует отметить, что реализация социальной функции конкретной службы, включаясь в комплекс интересов этого вида службы, по своей генетической структуре представляет собой кумулятивное правовое благо. Это обстоятельство позволяет отнести рассматриваемые объекты к числу объектов смешанного генезиса.

Сходным образом, но с определенной институциональной спецификой сконструирован и такой объект посягательства, как интересы правосудия.

Полинуклеарные объекты преступлений

Многообъектным является лишь то преступление, объект которого имеет сложную форму. Многообъектность означает *свойство преступления, характеризующее его как имеющего несколько объектов посягательства, а не объектов преступления.* Объект преступления в структуре многообъектного преступления или многообъектного состава преступления один, но он имеет сложную форму, которую можно определить как ***полинуклеарную***, чаще всего – ***бинуклеарную*** (от лат. *nucleus* – ядро). Такой объект обладает следующими обязательными признаками: 1) его структура образована двумя и более разнородными правовыми благами («ядрами»), каждое из которых самостоятельно охраняется уголовным правом; 2) между этими правовыми благами отсутствует генетическая связь; 3) сочетаясь в одном элементе юридической структуры или состава преступления – в объекте преступления, правовые блага сохраняют самостоятельное значение его признаков (объектов посягательства), т.е. имеет место индифферентное сочетание правовых благ.

Например, в полинуклеарный объект разбоя входят здоровье человека и собственность. Эти правовые блага разнородны, самостоятельно защищаются нормами о преступлениях против здоровья и нормами о преступлениях против собственности, не взаимосвязаны в объекте преступления.

В отличие от кумулятивных объектов при структурировании полинуклеарного объекта преступления не происходит образования качественно нового правового блага. Так, в примере с разбоем сочетание в объекте преступления двух разнородных правовых благ – здоровья человека и собственности – не приводит к возникновению нового правового блага. В отличие от интегративных объектов, входящие в полинуклеарный объект преступления правовые блага не соотносятся между собой как часть и целое, а сочетаются, сохраняя независимость друг от друга.

Поскольку изучение полинуклеарного объекта преступления является краеугольным камнем настоящего диссертационного исследования, детальной характеристике данного вида объекта посвящен самостоятельный параграф.

Объекты со сложной структурой комбинированного типа

Анализ составов преступлений, закрепленных в Особенной части УК РФ, позволил нам выделить в отдельный вид объекты со сложной структурой комбинированного типа. Строго говоря, объекты данного типа – это разновидности полинуклеарного объекта, в котором в качестве одного или нескольких элементов выступают объекты посягательства со сложной содержательной структурой в различных сочетаниях между собой или с простыми объектами посягательства.

Например, *интегративно-полинуклеарными* объектами преступлений можно назвать полинуклеарные объекты, один из элементов которых имеет интегративную структуру, а другой (остальные) является простым объектом посягательства. Так, в составе вовлечения несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции, совершенного лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста (ч. 2 ст. 242 УК РФ), основной объект посягательства – общественная нравственность, дополнительный объект посягательства – нормальное развитие несовершеннолетнего. Личная нравственность несовершеннолетнего в данном преступлении соотносится с

нормальным развитием несовершеннолетнего как часть и целое и выступает самостоятельным правовым благом по отношению к общественной нравственности.

Кумулятивно-полинуклеарные объекты преступления – это полинуклеарные объекты, одним элементом которого выступает кумулятивный, а другим (другими) – простой объект посягательства. Примером преступления с таким объектом является хищение или вымогательство оружия, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья. В данном случае полинуклеарный объект состоит из трех благ: общественной безопасности, собственности и здоровья потерпевшего, причем последние два не утрачивают самостоятельного значения в составе преступления, а являются объектами посягательства наравне с общественной безопасностью.

В качестве примера преступления с *комплексно-полинуклеарным объектом* можно привести умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, совершенное в отношении лица или его близких в связи с дачей свидетельских показаний. В данном случае комплексное правовое благо «жизнь – здоровье» индифферентно сочетается с другим правовым благом – свершением правосудия.

От сложноструктурированных объектов необходимо отличать объекты преступлений, *сопряженных с другими преступлениями*, а также преступлений, *совершенных с целью облегчить совершение другого преступления*, поскольку сопряженность с другим преступлением или направленность на облегчение другого преступления не изменяет структуры объекта преступления, совершенного с названными особенностями.

Данное обстоятельство нашло отражение в квалификационных правилах. Так, убийства, сопряженные с другими видами преступлений (с похищением человека, разбоем, вымогательством, бандитизмом, изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера),

в соответствии с разъяснениями, данными в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам об убийстве, квалифицируются по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 126, 131, 132, 162, 163, 209 УК РФ.

В своих решениях Судебная коллегия по уголовным делам дополнительно аргументирует предложенное Пленумом толкование: «... разбой и убийство при разбое имеют разные объекты посягательства (имущество и жизнь), разные последствия, предполагают разное психическое отношение к деянию и его последствиям и влекут разную уголовную ответственность, то есть содержат различные существенные элементы, относящиеся к степени тяжести и последствиям, защищаемым социальным ценностям и преступному умыслу.

Такой позиции не противоречат положения ч. 2 ст. 17 УК РФ.

Признано также в различных решениях Конституционного Суда РФ, что ст. 162 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ содержат описание разных преступлений, которые, не соотносятся между собой как целое и часть, а содержащиеся в них нормы не относятся друг к другу и как общая и специальная, а потому действия виновного в разбойном нападении, в ходе причиняется смерть, подлежат квалификации по совокупности преступлений.

Таким образом, привлечение Водянова к уголовной ответственности не противоречит ч. 1 ст. 50 Конституции России и ч. 2 ст. 6 УК РФ»⁹³.

Конституционный Суд Российской Федерации поддерживает эту позицию (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21.10.2008 №511-О-О, от 19.05.2009 № 846-О-О, от 23.09.2010 № 1216-О-О, от 21.04.2011 № 578-О-О и от 17.02.2015 № 307-О).

Такой подход критикуется многими учеными со ссылкой на ч. 1 ст. 17 УК РФ в редакции от 21.07.2004, однако, на наш взгляд он заслуживает внимания. На неясность формулировки ч. 1 ст. 17 УК РФ в указанной

⁹³ Апелляционное определение от 01.06.2016 № 37-АПУ16-4 // СПС «КонсультантПлюс».

редакции обратило внимание правовое управление Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации еще при подготовке соответствующего законопроекта⁹⁴. Изменения 2004 г. были направлены на установление правил квалификации при конкуренции нормы-целого и нормы-части, однако этот вид конкуренции здесь не усматривается. Во-первых, убийство в данном случае является не только крайней степенью применения насилия к потерпевшему, в отношении которого совершено второе преступление (похищение, разбой, изнасилование и т.д.), смерть может быть причинена и другому лицу в связи с совершением этого преступления. Во-вторых, законодатель четко определил конструкции составов преступлений, в которых применительно к убийству имеет место учетная совокупность преступлений, когда в 2008 г. ввел составы террористического акта, захвата заложника и диверсии, повлекших умышленное причинение смерти человеку. Таким образом, в приведенном примере убийство, сопряженное с другими преступлениями, не является многообъектным, в данном случае правильнее говорить о многообъектном преступном поведении, которое может иметь место при идеальной, а иногда и реальной совокупности преступлений (в последнем случае о многообъектности преступной деятельности свидетельствует наличие связи между преступлениями, образующими реальную совокупность).

Аналогичный подход к определению объекта следует применять при характеристике преступления, совершенного с целью облегчить совершение другого преступления. Одно преступление не становится многообъектным от того, что оно сопутствует совершению другого преступления, поскольку не посягает на его объект. Оба объекта находятся в самостоятельных плоскостях.

⁹⁴ Заключение правового управления Аппарата ГД ФС РФ от 31.05.2004 N 2.2-1/1890 «По проекту Федерального закона № 13532-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (II чтение) // СПС «КонсультантПлюс».

Глава 2. Концепция построения теоретической модели многообъектного преступления

Теоретическая модель – это универсальное средство научного познания, которое служит тому, чтобы воспроизвести и закрепить в схематичной форме строение и свойства реальных объектов познания. Теоретическая модель многообъектного преступления позволяет исследовать специфику его внутренней структуры, определить сущностные черты и внутренние закономерности безотносительно к конкретному содержанию признаков реальных преступлений, что дает возможность наглядно изучить весь массив многообъектных преступлений, часть которого всегда будет недоступна исследователю.

Концепция построения теоретической модели многообъектного преступления предполагает систему научных взглядов о конструкции многообъектных преступлений, воспроизводящей инвариантные взаимосвязи и свойства их элементов. Ее цель – в непосредственной схематизации эмпирического материала, помогающей познать существующие закономерности реальной действительности.

Теоретическая модель многообъектного преступления представляет собой абстрактный объект познания, сформированный посредством извлечения из структуры целостного явления специфических характеристик и свойств и последующей перестройки их в самостоятельный объект. Понятие «многообъектное преступление» включает в себя его теоретическую модель. Выявленные характеристики и закономерности теоретической модели многообъектного преступления релевантны для всех совершенных многообъектных преступлений.

Построение теоретической модели многообъектного преступления целесообразно производить в два этапа, следуя от атрибутивного признака изучаемого явления (в нашем случае – это полинуклеарная структура объекта преступления) к описанию взаимосвязей во всей конструкции

многообъектного преступления. При этом изучение теоретической модели многообъектного преступления целесообразно осуществлять в параллели с изучением многообъектного состава преступления, поскольку состав преступления – это законодательно закреплённая разновидность теоретической модели преступления, выступающая основанием уголовной ответственности.

§ 1. Полинуклеарная структура объекта как атрибутивный признак многообъектного преступления и многообъектного состава преступления

Методологической основой исследования структуры объекта познания является изучение его строения, связи и расположения составных частей.

Рассматривая полинуклеарную структуру, следует отметить различие в системах объекта многообъектного преступления и объекта в многообъектном составе преступления, обусловленное различием сущности объектов совершенного преступления и состава преступления. Объект многообъектного преступления не всегда по своей структуре совпадает с объектом вменённого состава преступления, поскольку помимо составообразующих признаков юридическая структура преступления может включать в себя иные юридически значимые признаки, в том числе объект посягательства. Поэтому полинуклеарная структура объекта преступления может быть образована *как составообразующими, так и иными юридически значимыми объектами посягательства.*

Такой подход позволяет осуществить классификацию многообъектных преступлений *в зависимости от способа закрепления признаков полинуклеарности объекта в уголовном законе на следующие виды: преступления: а) с институализированной многообъектностью; б) с фактической многообъектностью; в) со смешанной многообъектностью.*

Их объекты характеризуются соответственно институализированной, фактической и смешанной полинуклеарностью.

Институализированная многообъектность имеет место в юридической структуре преступления с многообъектным составом, например разбоя. *Фактическая многообъектность* свойственна преступлениям с однообъектным составом, совершенным при обстоятельствах, свидетельствующих о посягательстве на объект, не предусмотренный составом преступления (умышленное уничтожение имущества следователя из мести за его законную деятельность по расследованию преступления, совершенное с причинением значительного ущерба). *Смешанная многообъектность* преступления предполагает сочетание в его объекте как институализированной, так и фактической полинуклеарности. В качестве примера можно привести то же преступление, совершенное общеопасным способом либо повлекшее по неосторожности смерть человека. Данное преступление охватывается двуобъектным составом (ч. 2 ст. 167 УК РФ), а также имеет третий объект посягательства, не учтенный составом уничтожения имущества, – интересы правосудия.

Ценность предложенной классификации в том, что она является необходимым инструментарием для выявления недостатков уголовно-правового регулирования. В частности, распространенность и типичность определенных преступлений, объект которых характеризуется фактической или смешанной многообъектностью (полинуклеарностью), свидетельствует о необходимости законодательной дифференциации уголовной ответственности за такие преступления посредством формулирования квалифицированных составов.

Независимо от типа полинуклеарности объект многообъектного преступления имеет одинаковое строение: он образован двумя и более объектами посягательства. Правовые блага, выступающие в этом качестве, обладают специфическими *атрибутивными и реляционными* свойствами.

Принципиальное значение имеют такие атрибутивные признаки, как *самостоятельная уголовно-правовая охрана* каждого правового блага, включенного в объект преступления, их *разнородность* и *двуединая связь объекта посягательства с объективной и субъективной сторонами преступления*.

Самостоятельная уголовно-правовая охрана правового блага означает, что оно должно удовлетворять двум условиям: а) быть объектом уголовно-правовой охраны; б) охраняться самостоятельно, т.е. специально.

Круг объектов уголовно-правовой охраны сформулирован в ст. 2 УК РФ в обобщенной форме, что не всегда позволяет отграничить их от объектов охраны других деликтных отраслей права, прежде всего административного. Во-первых, ряд правовых благ совершенно правильно отнесены законодателем к объектам как уголовно-правовой, так и административно-правовой охраны; более того, они находятся под защитой и других отраслей российского права (например, права и свободы человека и гражданина). Во-вторых, ст. 2 УК РФ и аналогичные ей нормы-задачи деликтного законодательства иной отраслевой принадлежности являются рамочными. Конкретное же содержание объектов охраны той или иной деликтной отрасли права можно узнать лишь из системного анализа норм, закрепляющих составы правонарушений. Таким образом, *объектом уголовно-правовой охраны можно назвать лишь то правовое благо, которое защищается нормой Особенной части УК РФ посредством установления конкретного уголовно-правового запрета на совершение общественно опасного посягательства на это благо*.

Безусловно, критерии и методика определения объекта уголовно-правовой охраны могут быть раскрыты только на страницах соответствующего фундаментального исследования, однако разрабатывая учение о многообъектных преступлениях, мы не смогли обойти стороной данную проблему и пришли к следующим выводам. *В качестве объекта уголовно-правовой охраны можно рассматривать только то правовое благо,*

которое выступает при установлении уголовно-правового запрета (криминализации деяния) в качестве криминообразующего признака состава преступления – объекта посягательства. Иные правовые блага, несмотря на их соответствие «рамкам» объекта уголовно-правовой охраны, установленным в ч. 1 ст. 2 УК РФ, в реальности таковыми не являются.

Объектами посягательства в многообъектном преступлении (составе преступления) выступают лишь те правовые блага, которые являются самостоятельными объектами уголовно-правовой охраны. В противном случае круг многообъектных преступлений и составов необоснованно расширится – туда войдет подавляющее число составов, закрепленных в Особенной части УК РФ, и фактически все совершенные преступления. Самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны признается лишь в том случае, если на его охрану специально направлена одна или несколько норм Особенной части УК РФ. *Юридически данный факт закрепляется посредством законодательного установления конкретного правового блага в качестве единственного или основного объекта посягательства одного или нескольких составов преступлений.*

В некоторых случаях только многообъектность делает деяние преступным. Например, оскорбление – это административное правонарушение, объектом которого выступают честь и достоинство личности (ст. 5.61 КоАП РФ), а оскорбление представителя власти или лица, осуществляющего правосудие, – это уже преступления, посягающие на два объекта, поскольку к чести и достоинству личности добавляются интересы государственной власти или правосудия. В этой связи возникает вопрос: многообъектны ли преступления, предусмотренные ст. 297 и 319 УК РФ, если само по себе оскорбление не преступно? Ответ будет утвердительным, потому что уголовный закон защищает честь и достоинство личности посредством нормы об уголовной ответственности за клевету. Вспомним негативную ситуацию, когда клевета и оскорбление были одновременно декриминализованы, а спустя несколько месяцев клевета снова стала

преступлением. В указанный промежуток времени (с 08.12.2011 по 10.08.2012) оскорбление представителя власти и неуважение к суду являлись однообъектными преступлениями, поскольку честь и достоинство личности не входили в круг объектов уголовно-правовой охраны.

Разнородность правовых благ, образующих полинуклеарный объект преступления, означает наличие у этих благ различий по свойствам, которые позволяют отнести их к разным видам. Этим обстоятельством объясняется законодательное решение сконструировать состав воспрепятствования оказанию медицинской помощи (ст. 124¹ УК РФ) как посягающий на один комплексный объект – жизнь и здоровье лиц, нуждающихся в медицинской помощи. Уголовно-правовая охрана личных благ медицинского работника осуществляется посредством многообъектных составов преступлений против жизни и здоровья, совершенных в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности. Ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи и за насилие, применяемое к медицинскому работнику, наступает по совокупности преступлений.

Двуединая связь объекта посягательства с объективной и субъективной сторонами преступления означает, что это *не просто то правовое благо, которому причиняется вред или создается угроза причинения вреда (связь с объективной стороной преступления), а то, на которое посягает преступление (связь с субъективной стороной преступления).*

Данный момент является принципиальным при определении объектов посягательства в структуре теоретической модели преступления и совершенного преступления. В частности, ряд ученых полагают, что факультативный объект – «это конкретное общественное отношение, которому причиняется вред в результате совершения конкретного преступления, однако в рамках этого состава преступления такой объект не предусмотрен»⁹⁵. Возникает вопрос: любое ли общественное отношение (или

⁹⁵ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 2002. С. 116.

правовое благо), которому преступлением причинен вред, является объектом посягательства?

Преступление может повлечь следствие, причиняющее вред объекту уголовно-правовой охраны, которое не учтено законодателем ни в качестве признака состава преступления, ни в качестве отягчающего наказание обстоятельства. Например, в результате совершенного мошенничества потерпевшая Т. длительное время необоснованно находилась в открытой базе судебных приставов как должник, что причиняло вред чести и достоинству личности⁹⁶. Вопреки позиции судов общей юрисдикции, согласно которой «ни гражданское, ни иное законодательство не содержат указаний на возможность компенсации морального вреда, причиненного хищением имущества»⁹⁷, Конституционный Суд Российской Федерации признал возможность причинения преступлением физических и нравственных страданий потерпевшему, несмотря на то что содеянное квалифицировано как преступление, посягающее на имущественные права⁹⁸. Однако в данном случае нельзя говорить о многообъектности мошенничества, поскольку причинение вреда чести и достоинству потерпевшей, имевшее место в ходе исполнительного производства, не находилось в прямой зависимости от совершенного деяния, а возникло опосредованно, возможность наступления таких последствий не осознавалась и не могла осознаваться лицом, совершившим мошенничество.

Преступление может заканчиваться вредными изменениями не только в объекте преступного посягательства, но и в других правовых благах, охраняемых уголовным законом, покушение на которые не охватывалось субъективной стороной преступления. Поскольку принципом уголовной ответственности является запрет на объективное вменение,

⁹⁶ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 05.11.2015 по делу № 4-УД15-29.

⁹⁷ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 12.07.2000 № 512п00пр.

⁹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2016 № 1107-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трубиловой Май Георгиевны на нарушение ее конституционных прав положениями частей первой и четвертой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 151 и пункта 2 статьи 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации».

ограничительными рамками служит субъективная сторона преступления, в которой прямое отражение находит объект преступления.

Объекты посягательства в совершенном преступлении всегда имеют значение для квалификации содеянного и учитываются либо в качестве криминообразующих признаков, либо в рамках обстоятельств, отягчающих наказание, которые также охватываются юридической структурой преступления. Поскольку перечень последних исчерпывающий, то далеко не любое правовое благо, охраняемое уголовным законом и которому причинен вред, может считаться объектом посягательства, а лишь то, которое закреплено в составе преступления или в структуре отягчающего обстоятельства.

Реляционные (относительные) свойства объектов посягательства характеризуют их в разрезе соотношений между собой в структуре объекта преступления. Так, основоположник теории объекта преступления Б.С. Никифоров на примере разбоя отмечал, что характер этого преступления заключается в посягательстве не только на собственность, но и на личность потерпевшего. «Бывает, что средством завладения имуществом при разбое, – пишет ученый, – является лишение потерпевшего жизни или причинение ему тяжких телесных повреждений. В этих случаях момент посягательства на личность выступает на первый план, в значительной мере заслоняя характер разбоя как преступления против личной собственности»⁹⁹. Как видно из приведенной цитаты, автор отметил некую «конкуренцию» правовых благ, выступающих объектами посягательства в преступлении. Так ли это на самом деле, каков их статус в системе объекта?

В учебной юридической литературе объекты посягательства в многообъектных преступлениях и многообъектных составах преступлений принято классифицировать «по горизонтали» на основной, дополнительный

⁹⁹ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М. 1960. С. 170-171.

и факультативный¹⁰⁰, при этом подчеркивается, что такое деление осуществляется на уровне непосредственного объекта¹⁰¹. Между тем подобная классификация объектов посягательства имеет как последователей, так и противников. В числе последних В.К. Глистин, полагавший, что «концепция дополнительных и факультативных объектов возникла вследствие того, что ее авторы отказались от понимания объекта как определенной целостности»¹⁰², и С.В. Землюков, по мнению которого объект является единым, включающим в себя два равнозначных и взаимообусловленных понятия¹⁰³.

Позволим себе не согласиться с этой позицией. Объект преступления, как и любая другая подсистема преступления (состава преступления), действительно единственна. Вместе с тем подсистемы юридической структуры преступления (состава преступления), являясь вторичными компонентами, могут иметь сложную структуру и представлять собой систему признаков (первичных компонентов), о чем часто забывается при характеристике объекта преступления. Объект как подсистему юридической структуры преступления (состава преступления) образуют такие обязательные признаки, как одно или несколько правовых благ, на которые осуществляется посягательство.

Как и в случае с аксиологической классификацией объектов («по вертикали»), при осуществлении юридической классификации («по горизонтали») систематизации подлежат не объекты преступлений, выступающие подсистемой в структуре преступления или состава

¹⁰⁰ Деление объектов посягательства на основные и дополнительные впервые было предложено в советском праве в середине XX в. (см. *Розенберг Д.Н.* О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства). – Учен. зап. Харьков., 1948. Вып. 3. С. 74.)

¹⁰¹ *Винокуров В.Н.* Указ. соч. С. 36; Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. *А.В. Бриллиантова.* М., 2015 // СПС «КонсультантПлюс»; *Фролов Е.А.* Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сб. учен. тр. Свердлов. юрид. ин-та. Свердловск, 1969. Вып. 10. С. 203 и др.

¹⁰² *Глистин В.К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л. 1979. С. 76.

¹⁰³ *Землюков С.В.* Классификация объектов и последствий преступления // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. Сб. науч. трудов. Вып. 3 Красноярск, 2000. С. 14-15.

преступления, а правовые блага, на которые осуществляется посягательство, т.е. объекты посягательства.

Другим методологическим недостатком рассматриваемой классификации является неоднозначное определение критериев соотношения «основного», «дополнительного» и «факультативного» объектов посягательства. По этой проблеме сформулировано несколько основных точек зрения.

Некоторые авторы исходят из того, что «отличие дополнительного объекта от факультативного состоит в том, что дополнительный объект находится всегда в рамках основного состава, предусмотренного конкретной статьей УК, а факультативный упоминается в квалифицированных составах¹⁰⁴». Есть мнение, что «факультативный объект может превратить простой основной состав в квалифицированный»¹⁰⁵. Из приведенных высказываний явно просматривается стремление придать факультативное значение квалифицированному составу преступления. Такой подход означает признание в качестве факультативных тех объективных или субъективных признаков, которые содержатся не в основном, а квалифицированном составе преступления, что идет вразрез с традиционным пониманием основных и факультативных признаков состава преступления.

Существует позиция, согласно которой дополнительный объект может быть как необходимым (обязательным), так и факультативным. Обосновывая такое деление, А.В. Наумов пишет: «Необходимый (обязательный) дополнительный объект всегда связан с причинением ему того или иного вреда соответствующим преступным посягательством (либо с угрозой причинения такого вреда). Факультативному же объекту вред может и не причиняться (либо он может быть не поставлен под угрозу причинения

¹⁰⁴ Черняков А.Г. Непосредственный объект производства, приобретения, хранения, перевозки или сбыта немаркированных товаров и продукции // Общество и право. 2010. № 2. С. 135 - 137.

¹⁰⁵ Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. М., 2015. С. 42.

вреда)»¹⁰⁶. При этом другими авторами отмечается, что «факультативный объект не является обязательным признаком состава преступления»¹⁰⁷ или «каждый из дополнительных объектов преступления (изложенных в альтернативной форме), имея самостоятельную правовую защиту, рассматривается как факультативный, так как в конкретном случае совершения преступления ущерб может быть нанесен только какому-либо одному из перечисленных объектов или не причинен им вообще»¹⁰⁸.

Исключение факультативного объекта посягательства из числа самостоятельных признаков объекта в составе преступления представляется обоснованным. Верно подмечено учеными также и то обстоятельство, что дополнительный объект может быть изложен в альтернативной форме. Вместе с тем определение альтернативно указанных дополнительных объектов как факультативных нельзя признать правильным, поскольку прилагательное «факультативный» означает необязательный, служащий для дополнительной специализации¹⁰⁹. Необязательным в таких составах является лишь одновременное наличие всех дополнительных объектов посягательства.

Оригинальную классификацию объектов посягательства в многообъектном составе преступления предложил профессор Л.Д. Гаухман. Он отходит от стандартного деления объектов посягательства на основной, дополнительный и факультативный, и полагает, что «При посягательстве на два объекта один из них всегда является обязательным, а второй может быть: 1) обязательным, 2) альтернативным или 3) дополнительным (факультативным)»¹¹⁰. Вторым обязательным объектом ученый считал объект, «при отсутствии посягательства на который отсутствует данный состав преступления», альтернативными – «взаимозаменяемые объекты,

¹⁰⁶ Наумов А.В. Российское уголовное право. курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. М., 2008. С. 308.

¹⁰⁷ Уголовное право России. Общая часть / под. ред. О.С. Капинус. М., 2015. С. 130.

¹⁰⁸ Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015 // СПС КонсультантПлюс; Семернева Н.К. Указ. соч. С. 39.

¹⁰⁹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 779.

¹¹⁰ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2010. С. 80.

равнозначные друг другу в уголовно-правовом значении» (здоровье и психологическая безопасность в составе разбоя), дополнительным (факультативным) – объект, «нарушаемый одновременно с обязательным объектом, который, являясь более важным и ценным, его поглощает» (здоровье и телесная неприкосновенность в составе хулиганства поглощается общественным порядком)¹¹¹. В последнем случае явно идет речь о кумулятивном объекте посягательства, аккумулирующем в себе иные правовые блага.

Весьма своеобразное видение структуры объекта многообъектного состава преступления предложил А.М. Ораздурдыев, полагающий, что объекты в преступном деянии могут находиться в самых различных сочетаниях: 1) основного объекта и обязательного дополнительного объекта (ст. 162, 206, 211, 226 УК РФ); 2) основного объекта и факультативного (необязательного дополнительного) объекта (ст. 164 УК РФ); 3) основного объекта и альтернативного объекта (одного из нескольких дополнительных объектов) (ст. 163, ч. 3 ст. 127 УК РФ); 4) одного основного объекта и множества дополнительных объектов (ст. 212, 232 УК РФ); 5) наличия в одном составе преступления множества одинаковых основных объектов (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ)¹¹². В приведенной позиции имеет место не только смешение кумулятивных и полинуклеарных объектов преступлений, но и понятия объекта преступления и потерпевшего. Данная позиция неприемлема в практическом отношении и недостаточно убедительна с точки зрения теории, поскольку представляет собой эклектику различных подходов к пониманию сути объекта преступления и допускает нарушение соотносительности категорий «основной», «дополнительный», «факультативный», «альтернативный», «обязательный», «необязательный».

¹¹¹ Там же. С. 80-81.

¹¹² Ораздурдыев А.М. Проблема множественности объектов и парных субъектов в понятии простого преступления // Российский следователь. 2013. № 15. С. 23 - 28.

Профессор Н.Ф. Кузнецова выступала противником выделения в составе преступления дополнительного и факультативного объектов посягательства, полагая, что данные объекты «чаще всего входят в систему непосредственного объекта как его подсистемы»¹¹³. Вместе с тем, аргументируя свои возражения, автор приводила в пример составы преступлений, в которых в качестве объекта преступления выступает кумулятивное правовое благо (например, реализация функций правосудия при избрании меры процессуального принуждения в составе незаконного задержания, заключения под стражу или содержания под стражей (ст. 301 УК РФ)). В этом случае выделение дополнительного объекта преступления в виде личной свободы человека действительно нецелесообразно, поскольку названное правовое благо, аккумулированное в реализацию функций правосудия, утрачивает свою самостоятельность. «Расщепление» кумулятивного объекта может привести к квалификационным ошибкам. Однако мы не можем согласиться с приведенной позицией применительно к объекту преступления, сконструированному по принципу полинуклеарности.

Такие составы преступлений, как, например, разбой, Н.Ф. Кузнецова называла «составами с двумя непосредственными объектами», именуя их «первый» и «второй» объекты и отказываясь признавать второй объект дополнительным, поскольку «он является непосредственным». Возражение ученого вызывало также выделение дополнительного объекта в составах преступлений, «квалифицированных вторым более тяжким последствием», например повлекших смерть по неосторожности¹¹⁴.

Анализ судебных решений показал, что выделение факультативного объекта преступного посягательства в них осуществляется крайне редко и разнородно. Так, делаются попытки признать в качестве факультативного объекта общественный порядок в составе побоев, совершенных из хулиганских побуждений (ст. 116 УК РФ); здоровье ребенка в составе

¹¹³ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 172.

¹¹⁴ Там же. С. 300 – 301.

преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ; здоровье, телесную неприкосновенность и собственность в составе хулиганства (ст. 213 УК РФ); жизнь и здоровье потерпевшего в составе преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ; права и интересы личности в преступлениях, предусмотренных ст. 306, 315 УК РФ¹¹⁵.

В некоторых судебных решениях находит отражение описание сразу трех объектов посягательства – основного, дополнительного и факультативного. Например, отмечается, что состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, имеет несколько объектов: основным из них являются отношения, обеспечивающие безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортного средства, дополнительным объектом – здоровье человека, факультативным объектом – собственность. Такая позиция суда справедливо подвергнута критике со стороны государственного обвинителя, полагавшего, что подобное толкование судом состава преступления «не соответствует закону и основано не на нормах уголовного и уголовно-процессуального закона»¹¹⁶.

В судебной практике редко, но встречается указание на факультативный объект не в составе преступления, а в совершенном деянии. Так, при избрании вида и размера наказания подсудимому М. за совершение им преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 228 УК РФ, суд учел «наличие наряду с основным (здоровье населения и общественная нравственность) ещё и факультативного объекта посягательства – установленного порядка отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы»¹¹⁷. Вместе с тем в составах преступлений, закрепленных в ст. 228 УК РФ, такой признак не содержится.

¹¹⁵ Постановление Президиума Приморского краевого суда от 13.01.2012; апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 02.12.2014. Дело № 22-8096/2014; апелляционное постановление Верховного Суда Республики Бурятия от 25.08.2015. Дело № 22-1817/2015 и др.

¹¹⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 23.04.2013. Дело № 22-2672/2013.

¹¹⁷ Приговор Ливенского районного суда Орловской области от 15.09.2015. Дело № 1/1-90/2015.

Интересно, что наличием в преступлении факультативного объекта в судебных решениях обосновываются две противоположные позиции: возможность и невозможность прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим. В частности, по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 306 УК РФ, права и интересы лица, в отношении которого осуществлен заведомо ложный донос, в одном случае рассматривались как дополнительный объект, и это выступало поводом для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением с потерпевшим, а в других именно «факультативность» объекта преступления, напротив, препятствовала такому прекращению¹¹⁸.

Такие категории, как «альтернативный», «обязательный», «необязательный» объекты преступлений, в правоприменительной практике не анализируются.

Мы провели экспертный опрос ученых и практиков на предмет понимания ими дополнительного и факультативного объектов посягательств, а также целесообразности их выделения, и получили следующие результаты. Среди обеих групп были респонденты, которые затруднились с ответом или были против выделения таких понятий (среди правоприменителей доля таких лиц больше, чем среди ученых), что свидетельствует о наличии нерешенных вопросов, касающихся структуры объекта в многообъектном преступлении. Вместе с тем большинство респондентов под дополнительным объектом понимают объект посягательства в составе преступления, который не участвует в уголовно-правовой классификации составов преступлений по объекту, а под факультативным – объект, на который фактически осуществлено посягательство и который не входит в состав преступления.

Налицо отсутствие единообразного понимания классификации объектов посягательства «по горизонтали» как в юридической литературе, так и в правоприменительной практике. Между тем такая классификация

¹¹⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Тамбовского областного суда от 29.06.2010. Дело № 22-1319; приговор Советского районного суда г. Уфы от 26.10.2011. Дело № 1-587/2011.

возможна при проведении ее на методологической основе, выработанной в рамках учения о многообъектном преступлении. Эту основу составляют: 1) раздельность юридической классификации объектов посягательства в теоретической модели многообъектного преступления и в многообъектном составе преступления; 2) точное формулирование дихотомических и иных категорий, по которым группируются объекты посягательства.

Проблема в том, что в логике дихотомические категории «основной» и «дополнительный» определяют один из принципов соотношения объектов окружающей действительности, в соответствии с которым один («основной») является главным по отношению ко второму объекту («дополнительному»). Такое понимание объектов посягательства совершенного многообъектного преступления или его теоретической модели не допустимо, поскольку в структуру любого соотношения входят не только соотносимые объекты, но и их свойства¹¹⁹.

Безусловно, социальные ценности, защищаемые государством, в том числе и посредством уголовного закона, имеют свою иерархию, основы которой заложены в Конституции Российской Федерации и международных правовых актах. Однако данная иерархия строится по принципу соотношения степени значимости для государства и общества той или иной социальной ценности, и с этого ракурса неравенство носителей соотношения действительно есть. Но при попытке соотнести объекты преступного посягательства носителями соотношения выступают не просто правовые блага, а правовые блага, выступающие в статусе объекта посягательства. Если в качестве основы соотношения взять главенство одного объекта совершенного посягательства по отношению к другому, то осуществить их соотношение невозможно, потому что для соотношения необходимо сравнение одного и того же свойства обоих объектов посягательства. А с учетом специфики соотношения главенства это свойство, выступающее

¹¹⁹ *Колычев П.М.* Категория соотношения. СПб., 2006. С. 170-171.

основанием соотношения, должно отвечать на вопрос: «главное для чего?» В невозможности ответить на этот вопрос и кроется причина невозможности установления соотношения «основной – дополнительный» между объектами посягательства совершенных многообъектных преступлений или теоретической модели многообъектного преступления.

Система объекта совершенного многообъектного преступления и теоретической модели многообъектного преступления характеризуется совокупностью нескольких объектов посягательства, не выступающих в сравнительном соотношении (основной и дополнительный), а сосуществующих на основе дуализма (в двуобъектных преступлениях) и плюрализма (в трехобъектных и полиобъектных преступлениях).

Экспертный опрос ученых и правоприменителей показал, что большинство респондентов включают в теоретическую модель многообъектного преступления как преступления с многообъектным составом, так и преступления с простым составом, совершенные с отягчающими обстоятельствами (ст. 63 УК РФ), свидетельствующими о наличии еще одного объекта посягательства. Таким образом, в юридической структуре многообъектного преступления объекты посягательства могут иметь разный юридический статус, зависящий от того, является ли этот признак криминообразующим, иными словами, входит ли он в состав преступления или нет. В первом случае данный признак трактуется как обязательный, во втором – как необязательный, т.е. факультативный. Факультативный объект также имеет законодательное закрепление, но не в составе преступления, а в структуре некоторых обстоятельств, отягчающих наказание (например, совершение преступления по экстремистскому мотиву).

Теоретическая модель многообъектного преступления может включать в себя один или несколько обязательных и факультативных объектов посягательства. Множественность обязательных объектов посягательства обусловлена многообъектностью состава преступления, а множественность

факультативных объектов – наличием нескольких обстоятельств, отягчающих наказание и влекущих многообъектность преступления.

Исключая возможность деления объектов совершенного многообъектного преступления и теоретической модели многообъектного преступления на основной и дополнительный, мы тем не менее *допускаем такой подход для объектов посягательства, выступающих признаками состава преступления.*

В отличие от преступления как реального явления окружающей действительности и его теоретической модели, состав преступления «есть объективно существующая структура преступлений данного вида, формулируемая в виде абстрактных понятий и описываемая в диспозициях уголовно-правовых норм»¹²⁰. Нормы, закрепляющие составы преступлений, сгруппированы в уголовном законе по главам и разделам в соответствии с иерархической одномерной классификацией объектов посягательства. В ней может участвовать только один из объектов, указанных в качестве признака многообъектного состава преступления. Именно этот объект посягательства в теории уголовного права принято называть «основным». Другой объект посягательства (реже – другие объекты), выступающий признаком многообъектного состава преступления, чаще всего называют «дополнительным».

При таком подходе, когда основанием деления выступает отнесение состава преступления к определенной группе составов, выделение основного и дополнительного объектов оправданно, поскольку соотношение категорий «основной» и «дополнительной» как «главное и неглавное», «существенное и несущественное» не преломляется к иерархической значимости защищаемых посредством уголовного закона социальных ценностей или значимости объектов посягательства в составе преступления. ***Основой соотношения «основной – дополнительный» в данном случае выступает значимость***

¹²⁰ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 43.

объекта посягательства для законодательной классификации составов преступлений по объекту посягательства и, как следствие, – для структурирования Особенной части уголовного закона. В соответствии с принципами таксономии основной объект является общим признаком элементов, объединенных в множество. В данном случае в качестве элементов, объединяемых в множества, мы рассматриваем составы преступления, закрепленные в нормах уголовного закона, сгруппированных по главам и разделам Особенной части УК РФ.

Между тем в доктрине делаются попытки установить соотношение главенства объектов посягательства в многообъектном составе преступления, используя в качестве основания соотношения иные свойства этих объектов.

Так, широкое распространение получило мнение, что «основным непосредственным объектом преступления являются те общественные отношения, нарушение которых составляет социальную сущность данного преступления и с целью охраны которых издана уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за его совершение, а дополнительным – общественные отношения, посягательство на которые не составляет сущности данного преступления, но которые этим преступлением всегда нарушаются наряду с основным объектом»¹²¹. Применяется даже такое выражение, как «попутное» причинение вреда дополнительному объекту или его «попутная» уголовно-правовая защита¹²². В связи с этим рядом ученых высказано предположение о несправедливости оценивать жизнь человека как дополнительный объект преступления (применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 277, 295 и 317 УК РФ), поскольку такой подход формирует мнение, что законодатель рассматривает жизнь человека как

¹²¹ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 81; Савельева В.С. Основы квалификации преступлений. М., 2015. С. 26; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2008. С. 110.

¹²² Корнеева А.В. Теория квалификации преступлений. М., 2015. С. 18.

менее значимый, чем другие правовые блага, объект уголовно-правовой защиты¹²³.

Вряд ли это опасение оправдано. Отмечая существование двуобъектных преступлений, А.В. Наумов обоснованно подчеркнул, что «Вопрос о том, какой именно объект является основным, а какой – дополнительным, решается в зависимости не от важности правоохраняемого блага, а от его связи с родовым объектом»¹²⁴. О.С. Капинус придала этому утверждению практическую значимость: «Такая расстановка акцентов ... необходима для определения направленности умысла и, как следствие, для правильной квалификации преступного деяния»¹²⁵.

Анализ сущности объекта преступления и его юридического значения свидетельствует о том, что говорить о «попутной» уголовно-правовой охране того или иного правового блага или о «попутном» причинении вреда объекту уголовно-правовой охраны недопустимо. Наглядный пример: механический перенос специальных видов убийств (ст. 277, 295 и 317 УК РФ) в гл. 16 УК РФ изменит структуру объекта, поскольку поменяет местами основной и дополнительный объекты этих составов, не повлияв при этом ни на сущность преступлений, ни на их квалификацию.

Нежелание признавать те или иные блага дополнительным объектом посягательства ввиду их повышенной социальной значимости, авторы игнорируют структуру Особенной части УК РФ и называют их основными объектами. Например, Л.В. Лобанова полагает, что «Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 2 данной статьи (речь о ст. 296 УК РФ. – *Е.К.*), соответственно выступают общественные отношения, обеспечивающие психическую безопасность указанных в данной части статьи лиц как условие надлежащего осуществления предварительного расследования, рассмотрения дел или материалов в суде, исполнения

¹²³ Горелик А.С., Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 36.

¹²⁴ Наумов А.В. Российское уголовное право. курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. М., 2008. С. 308.

¹²⁵ Капинус О.С. Объект преступления при посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля // Уголовная ответственность и проблемы исполнения уголовных наказаний: Сб. науч. трудов Академии Генеральной прокуратуры РФ. М., 2009. С. 26.

судебных актов»¹²⁶. Автор отмечает, что «спокойствие выступает тем защищаемым благом, для охраны которого сконструирована рассматриваемая уголовно-правовая норма. ... Сама же деятельность по выполнению задач правосудия является факультативным объектом преступления, несмотря на наличие связи между этой деятельностью и рассматриваемым посягательством»¹²⁷.

Попытки придать тому или иному объекту посягательства значение социальной сущности преступления приводит многих исследователей к противоречию. Так, Н.И. Коржанский сначала утверждает, что сущность разбоя – в посягательстве на собственность, а затем предлагает отнести нормы о разбое и вымогательстве к главе о преступлениях против личности, как это было сделано в УК ГДР 1968 г.¹²⁸. *Представляется неверным с точки зрения методологии определять реляционные (относительные) свойства объектов посягательства в многообъектном составе преступления, опираясь на оценочную категорию социальной сущности посягательства.* Такой подход мог быть оправдан в советском уголовном праве, в котором число составов преступлений вообще и многообъектных в частности было гораздо меньше, чем сегодня, а социальная сущность любого явления оценивалась сквозь призму господствующей идеологии.

В.В. Мальцев, определяя отношение «основной – дополнительный» применительно к объектам посягательства, исходит из «неравнозначности объектов уголовно-правовой охраны». Свою позицию он аргументирует на примере состава изнасилования следующим образом. Объект «половая свобода» не равнозначен объекту «здоровье», поскольку, создавая норму об изнасиловании, именно половую свободу законодатель хотел поставить под ее защиту; этот объект находится в одной плоскости с родовым объектом; в большей мере, чем другой объект (здоровье), определяет степень

¹²⁶ Горелик А.С., Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 106.

¹²⁷ Там же. С. 109.

¹²⁸ Коржанский Н.И. Там же.

общественной опасности; с его нарушением связан момент окончания преступления; вред дополнительному объекту может быть и не причинен¹²⁹. Доводы о превашировании основного объекта при определении степени общественной опасности представляются необоснованными: например, в составе изнасилования с причинением тяжкого вреда здоровью степень общественной опасности преступления определяется, безусловно, основным объектом, но далеко не в большей мере, чем дополнительным. Вместе с тем заслуживает поддержки мнение автора о замысле законодателя при создании нормы и относимости основного объекта в составе преступления с родовым объектом.

Изложенное привело нас к выводу о целесообразности отказа в теории уголовного права и в правоприменительной практике от такого понятия, как «факультативный объект посягательства» в составе преступления. Вместе с тем выделение дополнительного объекта посягательства в многообъектных составах преступлений представляется оправданным с точки зрения уголовно-правовой теории и востребованным практикой.

Анализ многообъектных составов преступлений позволил нам классифицировать дополнительные объекты посягательства по двум основаниям: 1) в зависимости от постоянства в составе преступления – *постоянные и переменные*; 2) в зависимости от способа закрепления содержания – *определенные и вариативные*.

Постоянный дополнительный объект посягательства – это дополнительный объект посягательства, наличие которого не зависит от содержания признаков конкретного преступления (например, здоровье и психическая безопасность человека в составе разбоя (п. «в» ч. 2 ст. 162 УК РФ)).

Переменный дополнительный объект посягательства – это дополнительный объект посягательства, наличие или отсутствие которого

¹²⁹ Мальцев В.В. Указ. соч. С. 230 – 231.

зависит от содержания признаков конкретного преступления. Так, убийство лица в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ) может иметь или не иметь дополнительный объект в зависимости от того, является ли социально полезная деятельность потерпевшего объектом уголовно-правовой охраны. Переменным является также дополнительный объект (здоровье, физическая неприкосновенность, психическая безопасность человека) в составе хищения предметов, имеющих особую культурную ценность (ст. 164 УК РФ).

Определенный дополнительный объект посягательства характеризуется одним законодательно определенным правовым благом. В качестве определенного дополнительного объекта выступают интересы правосудия в составе убийства, совершенного с целью скрыть другое преступление (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и др.

Вариативный дополнительный объект посягательства включает в себя несколько правовых благ, сочетающихся в составе преступления по принципу «один, или несколько, или все». При квалификации преступления с таким составом может вменяться посягательство как на одно, так и на несколько правовых благ, составляющих дополнительный объект. Примером вариативного дополнительного объекта посягательства являются жизнь и здоровье в составе умышленного уничтожения или повреждения имущества, повлекшего по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 167 УК РФ).

Разработанная научная классификация дополнительных объектов выполняет прежде всего гносеологическую функцию. Мы будем использовать ее при исследовании системных качеств законодательной системы многообъектных преступлений. Кроме того, предложенная классификация помогает ориентироваться в массиве многообъектных составов преступлений, вычленять из него составы преступлений, посягающих на интересующий исследователя объект. Это особенно важно в

период интенсивного роста числа составов преступлений в уголовном законе. Измерить и оценить уровень охраны того или иного правового блага можно, применяя в качестве одного из инструментов познания разработанную нами классификацию.

Помимо аксиологической и правовой классификации объектов посягательства мы предлагаем ввести в научный оборот их классификацию *по особенностям механизма преступного поведения*¹³⁰. Механизм многообъектного преступления заключается в том, что вред одному правовому благу причиняется посредством причинения вреда другому правовому благу. *Исходный* преступный результат приводит к *конечному* преступному результату или создает угрозу его наступления. Например, в таком преступлении, как применение насилия, опасного для жизни или здоровья, к судье в связи с осуществлением им правосудия вред, причиненный здоровью человека, причиняет вред интересам правосудия. Данный посыл лежит в основе дихотомического соотношения объектов посягательства, которым причиняется вред или создается угроза причинения вреда. Для именованного этого соотношения мы предлагаем использовать понятия «терминальный и инструментальный»¹³¹.

Терминальный (от лат. terminalis – заключительный, конечный) объект посягательства представляет собой то правовое благо, которому причиняется вред посредством причинения вреда другому правовому благу (в приведенном примере – это интересы правосудия). Инструментальным объектом посягательства является тот объект посягательства, посредством причинения вреда которому причиняется вред другому объекту посягательства.

¹³⁰ Под механизмом преступного поведения в криминологической литературе традиционно понимается «связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний, детерминирующих решение совершить преступление, направляющих и контролирующих исполнение этого решения» (см.: Курс советской криминологии. М., 1985. Т. 1. С. 359).

¹³¹ Такое дихотомическое деление объектов окружающей действительности применяется в психологических, социологических, педагогических, политических, экономических и философских науках.

Таким образом, схему механизма совершения многообъектного преступления можно представить как *«посягательство на терминальный объект, совершенное посредством посягательства на инструментальный объект»*. Именно такая конструкция применяется для построения составов преступлений, совершение которых возможно различными способами. Например, воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ) может реализовываться по-разному, в том числе посредством применения насилия.

Вариация той же схемы *«посягательство на инструментальный объект, совершенное с целью посягательства на терминальный объект»* встречается гораздо реже и применяется в тех случаях, когда причинение вреда терминальному объекту посягательства имеет альтернативные мотивы и цели. Так, причинение вреда интересам правосудия посредством противоправного воздействия на лицо, осуществляющее правосудие, может быть мотивировано желанием избежать негативных последствий или желанием отомстить за уже наступившие негативные последствия.

Дифференциация терминального или инструментального значения объектов посягательства в механизме совершения преступления имеет важное значение для правильного структурирования Особенной части уголовного закона. В большинстве случаев группирование составов осуществляется по терминальному объекту посягательства. Однако в УК РФ есть значительное число составов преступлений, отнесенных к определенной группе составов по инструментальному объекту посягательства. Например, убийство, совершенное с целью скрыть другое преступление, отнесено в структуре Особенной части УК РФ к группе составов преступлений против жизни, несмотря на то что посредством посягательства на жизнь (инструментальный объект) осуществляется причинение вреда интересам правосудия (терминальный объект). Такой подход законодателя не вызывает у нас возражений, поскольку он направлен на экономию нормативного

материала. Размещение данного состава в главе о преступлениях против правосудия привело бы к необоснованному «раздуванию» числа статей в уголовном законе. При этом мы находим целесообразным выделение в самостоятельные статьи специальных составов посягательства на жизнь, поскольку в одних случаях момент окончания преступления перенесен на стадию покушения на причинение смерти (ст. 277, 295, 317 УК РФ), в других – посягательство на жизнь осуществляется в рамках посягательства на кумулятивный объект (ст. 205, 357, 361 УК РФ).

Предложенное деление объектов посягательства применимо как для теоретической модели многообъектного преступления и совершенного преступления, так и для состава преступления, поскольку механизм причинения вреда или создания угрозы причинения вреда присущ как первым, так и вторым. При этом дихотомическое деление объектов посягательства «основной – дополнительный» в составе преступления не всегда совпадает с делением «терминальный – инструментальный». Как уже было проиллюстрировано, и терминальные, и инструментальные объекты могут выступать в одних составах основными, а в других – дополнительными объектам посягательства. Аналогичным образом отсутствует зависимость между делением объектов посягательства в теоретической модели преступления на обязательные и факультативные и их классификацией по особенностям механизма преступного поведения.

§ 2. Особенности и виды многообъектных преступлений и многообъектных составов преступлений

Одной из методологических основ формирования теоретической модели явления выступает определение термина, обозначающего суть моделируемого явления. Разрабатывая понятийный аппарат учения о многообъектных преступлениях в одном из предыдущих параграфов, мы вывели краткие (словарные) определения понятий «многообъектное преступление» и «многообъектный состав преступления», основанные на этимологии, классификации и различении.

Вместе с тем для построения теоретической модели и фундаментального исследования рассматриваемых социально-правовых явлений необходимо формулирование их развернутых определений. С точки зрения логики *краткие и развернутые определения* различаются по своим задачам: объяснить значение термина или, подводя итог обзору основных его свойств, раскрыть сущностные признаки предмета. Разнятся и *методология разработки* этих определений. Если в первом случае применяется сочетание законов диалектической логики и правил лингвистики, то во втором – помимо законов логики применяются статистические методы исследования социальных явлений (статистическое изучение вариаций).

Существует множество определений понятия «многообъектное преступление». Их ревизия показывает, что в большинстве случаев ученые не раскрывают значение данного понятия, а формулируют его признаки применительно к некоторым видам преступлений, т.е. дают определение феномена, построенное на изучении свойств единичных явлений. Вкладывая неодинаковый смысл в понятие многообъектных преступлений, авторы, как следствие, весьма различно очерчивают круг этих деяний.

Анализ предлагаемых в науке уголовного права дефиниций и признаков многообъектного преступления позволил нам систематизировать и обобщить накопленный теоретический опыт. В результате мы получили

следующие достаточно противоречивые характеристики многообъектных преступлений, сформулированные современной уголовно-правовой доктриной.

1. Многообъектность преступлений «выражается в разнообразном характере причиняемого ими вреда, т.е. обуславливает множественность общественно опасных последствий»¹³².

2. Многообъектное преступление имеет основной и дополнительный непосредственные объекты, каждый из которых самостоятельно охраняется уголовным правом¹³³.

3. Посягает одновременно на несколько смежных непосредственных объектов, один из которых является основным¹³⁴.

4. Его совершение «сопряжено с причинением вреда двум или более объектам, которые лежат в плоскости разных родовых»¹³⁵ или видовых объектов¹³⁶.

5. Характеризуется совершением одного действия, «причиняющего одновременно вред двум и более объектам, при этом причинение вреда дополнительному объекту служит способом посягательства на основной объект»¹³⁷.

6. В многообъектном преступлении посягательство на непосредственный объект всегда причиняет или создает опасность причинения ущерба дополнительному объекту¹³⁸.

7. Это составное преступление, «слагающееся из двух или более общественно опасных деяний, каждое из которых, взятое в отдельности,

¹³² Безверхов А. Оценка изменений уголовного законодательства о служебных нарушениях и практики его применения // Уголовное право. 2010. № 3. С. 13.

¹³³ Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. М., 2005. С. 23.

¹³⁴ Закомолдин Р.В. Преступные нарушения специальных правил и требований безопасности: монография. Тольятти, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁵ Уголовное право России. Общая часть: учебник / С.А. Балеев, Б.С. Волков, Л.Л. Кругликов и др.; под ред. Ф.Р. Сундунова, И.А. Тарханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2009 (автор главы – Ф.Р. Сундунов) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁶ Дутов Д.В., Иванов А.Л., Кожухарик Д.Н., Степаненко Н.Е., Фатеев К.В. Нарушение специальных видов военной службы: вопросы уголовной ответственности. М., 2007 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁷ Семернева Н.К. Указ. соч. С. 123-124.

¹³⁸ Гусева Т.А., Ларина Н.В. Индивидуальный предприниматель: от регистрации до прекращения деятельности. М., 2005 // СПС «КонсультантПлюс».

представляет собой самостоятельное преступление, и посягающее на два и более объекта уголовно-правовой охраны»¹³⁹.

8. Может быть составным преступлением или иметь полностью самостоятельное значение (например, воспрепятствование законной предпринимательской или иной экономической деятельности, совершенное должностным лицом)¹⁴⁰.

9. Преступления, в которых причинение вреда основному объекту сопряжено с причинением вреда множеству обязательных дополнительных объектов (например, массовые беспорядки, организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ), и преступления, в которых «сочетание объектов выглядит в форме наличия в одном составе преступления множества одинаковых основных объектов» (в качестве примера последней группы многообъектных преступлений приводятся убийство двух или более лиц и причинение смерти двум или более лицам по неосторожности)¹⁴¹.

Возникновение плюрализма мнений в понимании многообъектного преступления вполне закономерно, поскольку правовая природа этих преступлений неоднородна. Рациональное зерно есть в большинстве из приведенных точек зрения, и они, несомненно, представляют теоретическую значимость, поскольку позволяют раскрыть различные аспекты этого многогранного феномена.

Обращение к следственной и судебной практике показывает, что понятие «многообъектное преступление» (вариант – «двубъектное преступление») используется применительно к преступлениям, составы которых включают любой сложноструктурированный объект. Такой подход

¹³⁹ *Возжанникова И.Г.* Рецидив как вид множественности преступлений: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. М., 2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁰ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева, 2008 // СПС «КонсультантПлюс»; *Карабанова Е.Н., Бажанов С.В., Воронцов А.А., Нечаев А.Д., Расторопова О.В.* Преступления экономической направленности: понятие и критерии классификации // Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2016 году: Сб. науч. докладов. Вып. 5 / Под общ. ред. О.С. Капинус; М., 2017. С. 170 – 196; Преступления в сфере экономической деятельности: проблемы квалификации: монография / Е.Н. Карабанова и др.; М., 2018. С. 9 – 21.

¹⁴¹ *Ораздурдыев А.М.* Указ. соч. С. 23 - 28.

представляется, с одной стороны, избыточным, поскольку включает в рассматриваемую категорию преступления со сложноструктурированным объектом, не имеющие признака многообъектности. С другой стороны, мы не нашли ни одного уголовно-процессуального решения, где бы отмечалась многообъектность преступления, совершенного при наличии отягчающего обстоятельства, свидетельствующего о многообъектности. Поскольку перед правоприменителем не стоит задача формулирования определений понятий, мы можем лишь косвенно судить о смысле, который вкладывает практика в то или иное понятие, без расчета на его полноту.

Постепенно, по мере изучения на основе нормативного, эмпирического и теоретического материала свойств многообъектности преступлений, ее дифференциации от смежных явлений стала ясна и ее сущность. Опираясь на полученные и изложенные в предыдущих параграфах научные знания, мы сформулировали развернутое определение многообъектного преступления через род и видовое отличие: *это сложное единичное преступление, обладающее признаком многообъектности, т.е. посягающее на несколько разнородных «генетически» не связанных между собой правовых благ, каждое из которых самостоятельно охраняется уголовным законом.*

Многообъектным преступлениям присущи как общие социально-правовые (уголовная противоправность (противозаконность), общественная опасность, виновность, наказуемость), так и специальные признаки. Последние позволяют отграничить данный вид деяний от других преступлений. К числу таких признаков относятся критериальные и иные сущностные характеристики исследуемых преступлений. Рассмотрим их подробно.

1. Критериальным признаком многообъектных преступлений является такое их свойство, как *многообъектность*¹⁴², которое позволяет отнести рассматриваемые деяния к *сложным единичным преступлениям.*

¹⁴² Понятие многообъектности было подробно рассмотрено в предыдущем параграфе.

Структура последних в большинстве случаев «выражается в умножении тех или иных элементов составов»¹⁴³. Помимо преступлений со сложным составом к сложным относятся также преступления, которые имеют внешнее сходство с множественностью преступлений¹⁴⁴. Если раньше в советской юридической литературе сложные преступления дифференцировались на продолжаемые, длящиеся, собирательные и составные¹⁴⁵, то в ряде современных учебников и монографий выделяются еще и многообъектные преступления¹⁴⁶, что заслуживает поддержки.

Между тем стремительная тенденция к расширению классификации сложных преступлений, имеющая место на современном этапе развития теории уголовного права, привела к невозможности одномерной классификации указанных преступлений и появлению различных вариантов многоуровневых классификаций¹⁴⁷. Продолжая данную мысль, применительно к правовой природе многообъектных преступлений отметим, что в некоторых современных классификациях сложных преступлений многообъектные и составные преступления приведены как самостоятельные одноуровневые группы преступлений. Однако составное преступление может быть многообъектным, если речь идет о законодательно учтенной разнообъектной идеальной совокупности преступлений.

Преступление не является составным, если оно причиняет вред различным правовым благам, образуя единственный сложноструктурированный объект посягательства. Наш вывод основан на том, что в данном случае отсутствует совокупность двух или нескольких самостоятельных преступлений, поскольку в структуре деяния отсутствует совокупность самостоятельных объектов посягательства. Так, при массовых

¹⁴³ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 279.

¹⁴⁴ Квалификация преступлений / под ред. К.В. Образцова и Н.И. Пикурова. М., 2016. С. 131 (авторы главы – К.В. Образцов и Д.С. Чикин).

¹⁴⁵ Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 662 - 664.

¹⁴⁶ Уголовное право России. Общая часть: Учебник / под ред. А.И. Чучаева, Н.А. Нырковой. Ростов-на-Дону, 2009. С. 74; Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М., 2010. С. 274 – 276.

¹⁴⁷ Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. М., 2008. С. 53-57, Романюк С.Н. Сложные единичные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук Тюмень, 2008. С. 10 и др.

беспорядках вред может быть причинен и личности, и собственности, однако эти последствия наступают в рамках посягательства не на указанные правовые блага, а на общественную безопасность, обеспечивающую безопасность как личности, так и собственности. Возьмем другой пример. При разбое вред личности и собственности причиняется при последовательном посягательстве на личность и собственность. Данное различие нашло отражение в правилах квалификации, выработанных доктриной и судебной практикой, в частности при квалификации групповой преступной деятельности¹⁴⁸.

Таким образом, принципиально важно, что в структуре состава многообъектного составного преступления сочетаются два и более состава преступления, каждый из которых имеет свой объект посягательства. Они полинуклеарно сочетаются в объекте составного преступления. Данная ситуация возможна лишь в единственном случае – когда одно преступление является способом совершения другого. При этом единообразных понятий таких деяний в науке не выработано. Преступления, с помощью которых совершается другое преступление, именуют по-разному: преступление-способ¹⁴⁹, преступления, выступающие методами или средствами совершения другого преступления¹⁵⁰. То «другое» преступление вообще не получило доктринальной дефиниции. Мы предлагаем называть такие деяния соответственно *преступление-способ* и *преступление-результат*, что отражает их функциональную роль в структуре многообъектного составного преступления (в первом объект посягательства – *инструментальный*, во втором – *терминальный*).

¹⁴⁸ Так, в соответствии с п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о краже, грабеже и разбое в случаях, когда лицо, не состоявшее в сговоре, в ходе совершения преступления другими лицами приняло участие в его совершении, такое лицо должно нести уголовную ответственность лишь за конкретные действия, совершенные им лично. Соответственно, лицо, присоединившись из хулиганских побуждений к избиению потерпевшего при разбое, будет отвечать за применение насилия, а не разбой. В аналогичной ситуации при массовых беспорядках ответственность наступает за участие в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК РФ).

¹⁴⁹ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 291.

¹⁵⁰ Яковлев А.М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 65.

Итак, многообъектное составное преступление представляет собой структурно-логический синтез преступления-способа и преступления-результата, посягающих на инструментальный и терминальный объекты соответственно.

Профессор Л.В. Иногамова-Хегай справедливо указывает на то, что в последнее время наблюдается направление к смешению понятий составного и многообъектного преступлений¹⁵¹. Полагаем, что такая тенденция необоснованно упрощает и искажает теоретические представления о сложных преступлениях.

Во-первых, круг составов многообъектных преступлений не ограничен лишь составными преступлениями, поскольку включает в себя также составы многообъектных преступлений, не являющихся составными. Например, причинение легкого вреда здоровью следователю в связи с производством предварительного расследования может быть совершено как с целью воспрепятствования осуществлению указанной деятельности, так и из мести за нее. В первом случае имеет место составное многообъектное преступление, поскольку оно состоит из двух преступлений: 1) воспрепятствования осуществлению производству предварительного расследования и 2) причинение легкого вреда здоровью. Во втором случае (применения насилия из мести) признаки составного преступления отсутствуют, но преступление является многообъектным за счет сложного структурирования («раздвоения») объекта преступления, где в качестве объектов посягательства выступают нормальная деятельность органов предварительного расследования и здоровье потерпевшего.

Во-вторых, многообъектные преступления могут охватываться как многообъектным, так и простым составом, если они совершены при наличииотягчающего обстоятельства, влекущего многообъектность. Например, любое преступление, совершение с целью скрыть другое преступление,

¹⁵¹ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М., 2015. С. 132.

посягает как минимум на два правовых блага, одно из которых – интересы правосудия.

В-третьих, составное преступление может быть однообъектным, например, в случае с убийством двух и более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Таким образом, *прямой зависимости между многообъектностью преступления и его составным характером нет, что не исключает одновременное наличие указанных характеристик преступления.*

Многообъектные преступления – это самостоятельная разновидность сложных преступлений, сложность которых заключается в полинуклеарной структуре объекта.

Классификация сложных единичных преступлений должна проводиться только по одному основанию, иное влечет внутриклассовую разнородность и делает бессмысленным деление на классы. Последние должны исключать друг друга. Исходя из этих требований, мы не сможем произвести классификацию сложных единичных преступлений ни простым, ни иерархическим способом. Только *фасетный подход, иными словами многоаспектная классификация*, может охватить все необходимые аспекты понятия «сложное единичное преступление» в рамках одной классификации. В отличие от иерархического, он позволяет описать понятие неограниченным количеством независимых друг от друга *классификационных признаков, одним из которых предлагаем признать сложную структуру объекта преступления.*

2. Многообъектное преступление как система признаков характеризуется *полиструктурностью, в основе которой лежит специфическая функциональная связь его элементов (структурно-функциональный признак)*. В зависимости от этих функциональных связей многообъектные преступления можно разделить на две группы: преступления, многообъектность которых обусловлена: 1) способом совершения; и 2) направленностью умысла на определенный объект.

Подобное группирование позволяет рассмотреть особенности полиструктурных свойств указанных деяний.

Преступлениям, многообъектность которых обусловлена способом совершения, присуща функциональная связь действий (бездействия), совершаемых в процессе преступления. Она выражается в том, что *одно противоправное действие (бездействие) является способом совершения другого противоправного действия (бездействия)*. Так, в ряде многообъектных насильственных преступлений способом достижения преступной цели выступает психическое или физическое насилие (например, контрабанда наркотических средств, совершенная с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль). Противоправный способ совершения преступления причиняет вред или создает угрозу причинения вреда одному объекту посягательства, опасность для другого объекта представляет уже не способ, а деяние в целом, в этом проявляются эмерджентные свойства системы признаков многообъектного преступления. В результате вред причиняется нескольким разнородным объектам уголовно-правовой охраны.

В преступлениях, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла на определенный объект, существует функциональная связь между *причинением вреда нескольким разнородным объектам уголовно-правовой охраны в результате одного действия (бездействия)*. Так, при совершении преступления с целью скрыть другое преступление причиняется вред интересам правосудия. В преступлениях такого вида *вред, причиненный одному объекту уголовно-правовой охраны, выступает инструментом причинения вреда другому объекту*. В убийстве, совершенном с целью скрыть другое преступление, вред, причиненный жизни, – это инструмент причинения вреда интересам правосудия.

Некоторые преступления сочетают в себе признаки как первой, так и второй группы. Например, при применении насилия к лицу, осуществляющему правосудие или предварительное расследование, с целью

воспрепятствовать осуществлению этой деятельности, вред, причиненный личности, может не только повлиять на принимаемое должностным лицом решение, но и подействовать устрашающе на остальных участников судопроизводства, вызвать негативное отношение к участию в судопроизводстве.

Несмотря на различия функциональных связей признаков многообъектных преступлений, механизм их совершения единообразен: *вред одному правовому благу (терминальному объекту) причиняется посредством причинения вреда другому правовому благу (инструментальному объекту)*. Данное обстоятельство обуславливает присущность всем многообъектным преступлениям такого признака, как полиструктурность, и одновременно определяет ее вариативность.

Множественность разнородных структур в многообъектном преступлении означает множественность не только объектов посягательства, но и других объективных и субъективных признаков, образующих подсистемы в рамках групповой принадлежности (объекта, объективной и субъективной сторон, субъекта преступления), а также в виде деяний-компонентов.

Под *деянием-компонентом в структуре многообъектного преступления* мы понимаем поведенческий акт субъекта преступления, посягающий на один объект уголовно-правовой охраны и представляющий собой самостоятельную систему объективных и субъективных признаков. Деяние-компонент может охватываться отдельным составом преступления, хотя в ряде случаев такое совпадение отсутствует. Независимо от этого деяние-компонент выступает элементарной единицей в системе признаков многообъектного преступления, отражающей в концентрированном виде свойства целого. Таким образом, выделение деяния-компонента в структуре многообъектного преступления представляет собой фрактальное членение системы на компоненты, имеющее важное методологическое значение в системном анализе объектов познания.

Структура преступления, многообъектность которого обусловлена способом совершения, представлена сочетанием двух и более деяний-компонентов. Например, в разбое, совершенном с незаконным проникновением в жилище, с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью и имущественного ущерба, признаки объективной стороны образуют сложную подсистему в виде совокупности действий по применению насилия, проникновению в жилище, изъятию имущества и совокупности последствий в виде тяжкого вреда здоровью, незаконного пребывания в жилом помещении и лишения имущества. Одновременно указанные признаки входят в подсистемы трех деяний-компонентов: умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека, нарушения неприкосновенности жилища, открытого хищения имущества, каждое из которых имеет свой объект посягательства, объективную и субъективную стороны. Единым в деяниях-компонентах, выделяемых в рамках одного преступления, выступает его субъект.

Структуру преступлений, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла на определенный объект, можно определить как совокупность одного деяния-компонента с признаками, определяющими его направленность на второй объект. Так, в структуре клеветы в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации (ст. 298¹ УК РФ) выделяется в качестве подсистемы клевета как преступление против личности (деяние-компонент), а также признаки деяния, определяющие направленность преступления на второй объект посягательства – интересы правосудия. Это признаки специального статуса потерпевшего, специальные мотив и цель.

Признаки субъективной стороны образуют аналогичные подсистемы. Многообъектное преступление представляет собой *совокупность деяний-компонентов, подчиняющихся частным целям для достижения общей цели, определяемой мотивом преступления, или одно многоцелевое деяние*. Любое

действие имеет помимо интенционального (цель) еще и операционный аспект (способ достижения цели). В этой связи важно не допускать смешения понятий «действие» и «операция», хотя формально операция – это тоже действие, и общим для них является то, что они выступают единицами деятельности. Для их разделения в психологии введено понятие «действий-процессов», подчиненных общей цели, и «операций», которые непосредственно зависят от условий достижения конкретных целей¹⁵². В отличие от целенаправленного действия-процесса, способы его осуществления (операции) определяются не самой целью, а условиями ее достижения. Одни и те же единицы человеческой деятельности могут выступать в зависимости от ситуации как действия-процессы и как операции.

Для понимания функциональной связи действий в многообъектном преступлении данное положение имеет принципиальное значение. Если мы «разложим» многообъектное преступление на *отдельные единицы деятельности и оценим их с позиции интенционального и операционного аспектов, то увидим следующие закономерности его субъективной стороны. Преступление представляет собой мотивированную деятельность, направленную на достижение конкретной цели, где отдельные действия могут выступать в своей взаимосвязи в качестве последовательных процессов и операций, имеющих промежуточные цели, либо одно действие выполняет многоцелевую функцию.*

В качестве примера рассмотрим те же варианты разбоя и клеветы. Оставив за скобками законодательную конструкцию усеченного состава разбоя, отметим, что хищение чужого имущества – это корыстно-мотивированная деятельность, цель которой – завладеть чужим имуществом. Изъятие имущества – это действие-процесс, направленное на достижение обозначенной цели, а применение насилия и проникновение в жилище в данном случае выступают в качестве операций, посредством которых

¹⁵² Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 107 - 109.

осуществляется изъятие имущества. Промежуточные цели этих операций – сломить сопротивление потерпевшего, получить непосредственный доступ к материальным ценностям – направлены на достижение общей цели деяния. Дальнейшее дробление операций на другие, более мелкие операции имеет значение для конкретизации причинно-следственной связи общественно опасных последствий и способа совершения преступления. В клевете, направленной против интересов правосудия, одно действие (распространение заведомо ложных порочащих сведений) имеет две цели: навредить одновременно и личности, и интересам правосудия.

Мы установили, что полиструктурность как сущностный признак многообъектных преступлений имеет свою специфику: она обусловлена способом совершения преступления или направленностью умысла. Данное обстоятельство исключает из круга многообъектных преступлений деяния с неосторожной формой вины. Многообъектные преступления могут быть *только умышленными*.

Исследуя структуру многообъектных преступлений, необходимо отдельно остановиться на том, какое место в ней занимает *предмет* преступления, признаки которого, как уже было отмечено ранее, мы относим к объективной стороне.

Предмет преступления является первичным элементом многообъектного преступления и входящего в него деяния-компонента. Вне данной структурной единицы предмет не может находиться в системе признаков многообъектного преступления.

Наличие в многообъектном преступлении нескольких деяний-компонентов в ряде случаев приводит к тому, что в юридической структуре такого преступления или в многообъектном составе преступления можно выделить не один, а несколько разнокачественных предметов преступления. Например, в мошенничестве в сфере компьютерной информации (ст. 159⁶ УК РФ) предметами преступления являются похищенное имущество и компьютерная информация. Однако прямой корреляции между

полиструктурностью многообъектного преступления и множественностью его предметов нет. Так, незаконное проникновение в жилище, совершенное с применением насилия, вообще не имеет в своей юридической структуре предмета преступления. Множественность предметов многообъектного преступления обусловлена исключительно структурой деяний-компонентов и не зависит от внутрисистемных связей первичных элементов преступления.

Системный анализ многообъектных преступлений привел нас к необходимости исследования проблемы места потерпевшего в системе признаков преступления (состава преступления).

В современном научном обороте получает распространение такой термин, как «специальный потерпевший», под которым принято понимать потерпевших, обладающих специально определенными в уголовном законе признаками¹⁵³. Вместе с тем в юридической литературе нет единого подхода к определению групповой принадлежности признаков, характеризующих потерпевшего, в структуре преступления. Несмотря на широкую распространенность отнесения этих признаков к объекту преступления, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в составе преступления специальные признаки потерпевшего характеризуют не только объект, но и объективную сторону преступления, а также его субъективную сторону, отражаясь в специальных мотивах и целях.

Специальные признаки потерпевшего в составе преступления не входят в его объект, а образуют самостоятельную группу, обладающую специфическими характеристиками. Какие есть причины для включения в структуру объекта преступления таких признаков квалифицированного убийства, как беспомощное состояние или беременность потерпевшей? Думается, что таких причин нет, независимо от того, какое понимание

¹⁵³ *Дагель П.С.* Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления (Тематический сборник). Владивосток, 1974. С. 22 – 23; *Анощенкова С.В.* Уголовно-правовое учение о потерпевшем / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 101; *Максимов С.В.* Представители судебной власти - специальные потерпевшие по уголовным делам // Российский судья. 2012. № 2. С. 14 – 17.

объекта посягательства (общественное отношение или правовое благо) принято за основу.

Группа признаков потерпевшего имеет все основания выступать самостоятельной подсистемой состава преступления наравне с объектом, субъектом, объективной и субъективной сторонами преступления, поскольку она *объединяет в себе существенно сходные признаки, нетипичные для других подсистем*. Довод о том, что признаки потерпевшего в ряде случаев действительно участвуют в характеристике объекта преступления, не может служить основанием для непризнания их самостоятельной подсистемой состава. Объект преступления характеризуется не только признаками потерпевшего, но и признаками объективной и субъективной сторон преступления, что не влечет их включения в объект.

Необходимо четко разделять определение функциональной роли тех или иных признаков в составе преступления и их классификацию – это две самостоятельные логические операции. В составе преступления все признаки имеют сложные взаимосвязи. Тот или иной аспект признака преступления, взаимодействуя с другими признаками, проявляет себя в различных элементах состава преступления. Например, такой признак потерпевшего, как осуществление им правосудия, характеризует не только объект, но и субъективную сторону преступления, определяя его цель. Однако выполнение этой функции в структуре преступления не дает основания отнести специальный статус потерпевшего к объекту или субъективной стороне преступления.

Специальные признаки потерпевшего (а они присутствуют в подавляющем большинстве преступлений, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла на определенный объект) – это часть системы юридической структуры преступления или состава преступления, которую можно представить в виде самостоятельной системы, состоящей из элементов и обладающей определенной целостностью. Иными словами, специальные признаки потерпевшего образуют самостоятельную подсистему

признаков преступления. Реальной тенденцией стало фактическое выделение рассматриваемых признаков в относительно самостоятельную группу всеми без исключения авторами учебников по Особенной части уголовного права России и комментариев к УК РФ. Эта тенденция развивается, несмотря на господство теоретических взглядов, рассматривающих признаки потерпевшего как составную часть объекта, что также является одним из аргументов в пользу признания этих признаков самостоятельным элементом в составе преступления.

Однако данная структурная единица не является постоянной и характерной для всех без исключения составов преступлений, что позволяет считать группу специальных признаков потерпевшего *факультативной* подсистемой. Ее особенность в том, что данная группа признаков существует не в одной плоскости с традиционными четырьмя элементами состава преступления, а выделяется независимо от них, объединяя признаки, характеризующие одновременно несколько таких элементов.

Изложенное привело нас к выводу, что *в силу полиструктурности системные особенности многообъектных преступлений определяются видовым разнообразием элементов, их иерархической многомерностью (включает многоуровневость и многогранность), а также взаимодействием этих элементов.*

3. Множественность разнородных структур обеспечивает множественность функций преступления в окружающей действительности, что обуславливает следующую сущностную характеристику многообъектного преступления: ***имеющая уголовно-правовое значение множественность вредных последствий или возможность их наступления (материальный признак)***. Объект посягательства тесно связан с последствиями преступления, в связи с чем некоторые ученые считают, что «объект и последствия с обязательностью предполагают друг друга»¹⁵⁴.

¹⁵⁴ Павлов С.Н. Объект и последствия преступления в теории уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 10.

Вместе с тем объект посягательства – это не просто то, чему причиняется вред или создается угроза причинения вреда, а то, на что посягает преступление. В связи с этим преступность последствий определяется исходя из их объекта преступления, а не наоборот. Н.Д. Дурманов правильно отмечал, что под результатом преступления «следует понимать те качественные изменения, которые причинены объекту посягательства действием или бездействием субъекта»¹⁵⁵. *Факт посягательства на объект уголовно-правовой охраны позволяет отграничить юридически значимые (преступные) последствия от иных вредных последствий, наступивших в результате совершения преступления.*

Множественность последствий является сущностной, но не критериальной характеристикой многообъектного преступления, поскольку она присуща не только ему, но и некоторым другим специфическим преступлениям. Во-первых, множественность общественно опасных последствий свойственна всем преступлениям, посягающим на объект со сложной аксеологической структурой. Во-вторых, даже преступление с простым объектом может повлечь множественность вредных последствий или возможность их наступления.

Так, на первый взгляд наступление дополнительных тяжких последствий в результате совершения преступления (п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ) должно говорить о его многообъектности. Так ли это на самом деле? В действительности многие тяжкие последствия вообще не причиняют вреда какому-либо объекту уголовно-правовой охраны. Например, в качестве дополнительного тяжкого последствия судебной практикой признается сиротство малолетнего ребенка в результате убийства его родителей¹⁵⁶, что не свидетельствует о наличии еще одного объекта посягательства в совершенном убийстве, кроме жизни человека.

¹⁵⁵ Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М.–Л. 1948. С. 57.

¹⁵⁶ Определение Верховного Суда РФ от 12.01.2009 № 45-О08-96 // СПС «КонсультантПлюс».

Мы изучили судебные решения, где дополнительные тяжкие последствия выражались в смерти человека, вреде здоровью, имущественном ущербе и обнаружили следующую закономерность. В большинстве случаев они являлись последствиями преступлений с кумулятивным объектом, который аккумулировал в себе указанные правовые блага. Например, в качестве тяжкого последствия незаконного сбыта наркотических средств (ст. 228¹ УК РФ) рассматривается смерть лица, приобретшего наркотическое средство, от отравления в результате его употребления¹⁵⁷.

Кроме того, в качестве тяжкого последствия признается наступление смерти по неосторожности в результате умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК РФ)¹⁵⁸ или при превышении пределов необходимой обороны (ст. 114 УК РФ)¹⁵⁹, а также наступление смерти в результате оставления в опасности (ст. 125 УК РФ)¹⁶⁰. Однако указанные преступления не являются многообъектными, поскольку посягают одновременно на жизнь и здоровье одного и того же потерпевшего, которые в данном случае выступают взаимозависимыми однородными социальными ценностями, сливаясь в единый комплексный объект посягательства.

Кроме того, уголовно-правовое значение имеют только те последствия, которые носят не случайный характер, а соотносятся с объектом преступления, согласуются с общественно опасным действием или бездействием, а в некоторых случаях и с другими общественно опасными последствиями деяния. В связи с этим мы находим необоснованной квалификацию как изнасилования, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшей, случаев, когда она в результате стресса покончила жизнь самоубийством. В данном примере вред, причиненный жизни, не соотносится с объектом преступления, в отличие от случаев, когда причинение смерти произошло в результате неосторожных насильственных

¹⁵⁷ Приговор Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 17.01.2014. Дело № 1-6 / 2014.

¹⁵⁸ Приговор Южно-Сахалинского городского суда от 01.04.2015. Дело № 1-122/15.

¹⁵⁹ Приговор Зиминского городского суда Иркутской области от 05.08.2011. Дело № 1-154/2011.

¹⁶⁰ Приговор Брянского областного суда от 24.06.2013. Дело № 2- 10/13.

действий виновного (зажимал рот, чтобы потерпевшая не кричала, и она задохнулась).

Возможность наступления последствий, лежащих за рамками конкретного состава преступления, также должна охватываться субъективной стороной, в противном случае даже тяжкие последствия не могут вменяться в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Таким образом, множественность вредных последствий указывает на многообъектность преступления лишь в том случае, если они находились в прямой непосредственной зависимости от совершенного действия (бездействия) и неизбежность либо вероятность их причинения сознавалась виновным, при этом причинение вреда или угроза его причинения имеют уголовно-правовое значение (находятся в рамках конкретного состава преступления либо участвуют в квалификации содеянного в качестве обстоятельств, отягчающих наказание¹⁶¹).

4. Формальный признак многообъектного преступления заключается в способе законодательной регламентации уголовно-правового запрета на его совершение. Анализ современного российского и зарубежного уголовного права, а также исторических источников показывает, что существует два способа законодательного закрепления признака многообъектности преступления: **1) конструирование многообъектного состава преступления, т.е. состава, в объект которого входит несколько объектов посягательства, и 2) установление в уголовном законе обстоятельств, отягчающих наказание и влекущих многообъектность преступления.**

¹⁶¹ Обстоятельства, отягчающие наказание, участвуют в квалификации преступления, поскольку квалификация предполагает не только точную ссылку на статью (часть, пункт статьи) Особенной части УК РФ и Общей части УК РФ, дополняющей или конкретизирующей норму Особенной части УК РФ. Полная квалификация определенного преступления требует установления и других обстоятельств, влияющих на характер и степень ответственности, а также характеризующие личность виновного (см. *Левицкий Г.А.* Указ. соч. С. 15). К таким обстоятельствам ученые справедливо и аргументированно относят обстоятельства, отягчающие наказание, предусмотренные ст. 63 УК РФ (см. *Буранов Г.К.* Отягчающие наказания обстоятельства в уголовном праве России: Дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 59 – 60; *Рарог А.И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М., 2015. С. 31 – 32).

Термин «многообъектный состав преступления» встречается в юридической литературе нечасто и устоявшегося доктринального определения не имеет. Данное словосочетание означает видовое понятие состава преступления, специфика которого обусловлена наличием двух и более объектов посягательства, выступающих в качестве признаков объекта в составе преступления.

Существенный вклад в становление учения о составе преступления в советском праве внес А.Н. Трайнин, посвятивший немало трудов изучению понятия состава преступления, его элементов, классификации, а также прикладным вопросам квалификации преступлений, связанным с особенностями отдельных видов составов. В своих работах, рассматривая классификацию составов преступлений по их конструкции, автор разделил все составы на простые и сложные, выделив в последней группе самостоятельную подгруппу составов преступлений с двумя объектами¹⁶². В таких составах «одно конкретное посягательство бьет по двум объектам, а в соответствии с этим один конкретный состав предполагает наличие двух разнородных объектов»¹⁶³. К составам преступлений с двумя объектами ученый относил хулиганство, обмеривание и обвешивание, разбой и вымогательство.

Само по себе определение двуобъектного состава преступления, предложенное А.Н. Трайниным еще в середине XX века, представляется актуальным и сегодня. Вместе с тем содержание этого определения во многом зависит от его конкретного наполнения, а именно от того, что считать «посягательством на два разнородных объекта». В предыдущих параграфах мы уже писали о том, что далеко не во всех случаях причинение вреда или создание угрозы причинения вреда нескольким разнородным правовым благам свидетельствует о том, что они являются самостоятельными объектами посягательства. Объекты некоторых как

¹⁶² Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 105.

¹⁶³ Там же. С. 115.

совершенных преступлений, так и закрепленных в законе составов преступлений являются сложными. Ряд правовых благ, на которые посягает субъект преступления, включают в себя иные правовые блага, утрачивающие в данном случае свое самостоятельное значение. Подобные составы преступлений (террористический акт, массовые беспорядки, превышение должностных полномочий, злоупотребление должностными полномочиями и т.д.) нельзя признать многообъектными.

В современной юридической литературе наряду с понятием «двуобъектный (иногда двухобъектный) состав преступления» употребляется понятие «многообъектный состав преступления». Следует определиться с тем, как соотносятся термины «многообъектный» и «двуобъектный» применительно к составам преступления. Является ли их соотношение количественным или оно свидетельствует о качественных различиях составов?

В частности, Н.К. Семернева дифференцирует многообъектные и двуобъектные составы преступлений, исходя не из количественной, а из качественной характеристики объекта преступления: «Понятия двух- и многообъектных составов преступления необходимо разграничивать, так как это не просто количественный признак дополнительного объекта. В них заключается сам принцип деления на дополнительный и факультативный объекты с различными правовыми последствиями. О дополнительном объекте можно, бесспорно, говорить только по двухобъектным преступлениям»¹⁶⁴.

В качестве общей черты двуобъектного и многообъектного составов автор отмечает, что в них, в отличие от совокупности преступлений, простые преступления объединены в одном составе, «тесно взаимосвязаны единством места, времени, целью совершения деяния»¹⁶⁵. Данное утверждение представляется весьма категоричным ввиду разнообразия дву- и

¹⁶⁴ Семернева Н.К. Указ. соч. С. 38.

¹⁶⁵ Там же.

многообъектных составов преступлений. Например, состав посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), является двуобъектным, однако не объединяет в себе два простых преступления.

В качестве разграничительного критерия двуобъектных и многообъектных составов (а равно дополнительного и факультативного объекта) преступлений Н.К. Семернёва предлагает использовать следующий приём: исключение дополнительного объекта из состава преступления означает разрушение самого состава, именно такой состав, по мнению автора, и является двуобъектным (ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132, ст. 162, 277, 295, 317 УК РФ). К числу многообъектных составов ученый относит составы, которые «конструируются законодателем в тех случаях, когда способом совершения преступления является альтернативное воздействие на несколько объектов, которым наряду с основным причиняется (может быть причинен) вред». В их числе указаны составы, предусмотренные ст. 212, 281 УК РФ и др., поскольку «вред, который может быть причинен в процессе совершения конкретного преступления, не является обязательным единственным признаком данного преступления»¹⁶⁶.

Приведенная классификация составов преступлений представляется небесспорной. Мы уже высказывали свои возражения относительно расщепления на самостоятельные объекты кумулятивных, комплексных и интегративных объектов преступлений.

В русском языке термины, определяемые словами с умножающими приставками «дву-» и «много-», обозначают количество повторений понятия, лежащего в основе термина. Термины «двуобъектный состав преступления» и «многообъектный состав преступления» обозначают количественное повторение объектов посягательства, выступающих признаками его состава. Независимо от того, один, два или три объекта посягательства составляют

¹⁶⁶ Там же. С. 41.

объект преступления, они для данного состава являются необходимыми, а не факультативными.

Если наличие одного объекта посягательства в составе преступления является обязательным, то существование второго возводит один объект в ранг основного, а второй (в некоторых случаях и третий) – в ранг дополнительного объекта посягательства. Правовое благо, выступающее в качестве дополнительного объекта посягательства, несмотря на его наименование, является самостоятельным полноценным объектом уголовно-правовой охраны.

Соответственно, под многообъектным составом преступления мы предлагаем понимать состав преступления со сложноструктурированным объектом преступления, состоящим из нескольких объектов посягательства (основного и дополнительного (дополнительных)).

В этом определении мы принципиально отказались от такого понимания многообъектного состава преступления, как объединение в одном составе двух разнообъектных деяний, потому что такое объединение зачастую полностью отсутствует, например, в составе применения насилия к представителю власти (ст. 318 УК РФ).

Большинство многообъектных составов преступлений являются квалифицированными, поскольку содержат отягчающие обстоятельства, связанные с появлением дополнительного объекта преступления, что влечет усиление уголовной ответственности по сравнению с базовым преступлением. Однако влекущие многообъектность отягчающие обстоятельства предусмотрены не во всех статьях Особенной части УК РФ, что обязывает правоприменителя учитывать их при назначении наказания в порядке ст. 63 УК РФ. К числу таких обстоятельств на сегодняшний день относится совершение преступления:

- по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

- с целью скрыть другое преступление;

- в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;

- с применением физического или психического принуждения;

- в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма.

Это обстоятельства, отягчающие наказание, предусмотренные п. «е», «е¹», «ж», «к» и «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Суммируя полученные знания, отметим, что *многообъектное преступление характеризуется следующими специальными социально-правовыми признаками: 1) полинуклеарная структура подсистемы объекта преступления, включающая два и более объекта посягательства (критериальный признак); 2) полиструктурность системы признаков, в следствие которой вред одному правовому благу (терминальному объекту) причиняется посредством причинения вреда другому правовому благу (инструментальному объекту) (структурно-функциональный признак); 3) имеющая уголовно-правовое значение множественность общественно опасных последствий или возможность их наступления (материальный признак); 4) охватывается признаками многообъектного состава преступления или совершается при наличии отягчающего обстоятельства, дополняющего преступление еще одним объектом (формальный признак).*

Многообъектные преступления и многообъектные составы преступлений многочисленны и разнообразны, вместе с тем их совокупность представляет собой систему, в связи с чем необходимо построение системной классификации этой совокупности, отражающей ее закономерные системные связи. Точность и конструктивность настоящего исследования будут значительно повышены средствами качественной формализации, к которым

прежде всего относится системная классификация изучаемых явлений. Это дает возможность более глубокого познания их сущности и выявления их качественных особенностей, позволит в следующих разделах работы детализированно изучить многообъектные преступления, обнаружить недостатки в законодательной регламентации уголовной ответственности за многообъектные преступления, а также выработать частные правила квалификации многообъектных преступлений.

Классификация многообъектных преступлений

По количеству правовых благ, на которые осуществлено посягательство (объектов посягательства):

1) *двухобъектные* (незаконное проникновение в жилище, совершенное с применением насилия – ч. 2 ст. 139 УК РФ),

2) *трехобъектные* (разбой, совершенный с незаконным проникновением в жилище – ч. 3 ст. 162 УК РФ),

3) *полиобъектные*¹⁶⁷ (разбой, совершенный с незаконным проникновением в жилище, с целью скрыть другое преступление – п. «е¹» ч. 1 ст. 63, ч. 3 ст. 162 УК РФ).

По содержанию объектов посягательства. Эта классификация осуществляется на основе дифференциации видовой и родовой принадлежности правовых благ, выступающих объектами посягательства, в зависимости от их аксиологической сущности. Она не может быть одномерной, поскольку одномерная классификация имеет место только в том случае, когда характеристика элементов одного множества полностью исключает характеристику другого множества. Классификация многообъектных преступлений по этому основанию является перекрестной, одно и то же преступление одновременно относится к разным видам.

¹⁶⁷ Преступление посягает на четыре и более объекта.

Например, совершенный разбой можно отнести к преступлениям против собственности и преступлениям против личности.

Между тем, провести исчерпывающую классификацию многообъектных преступлений по содержанию их объекта нельзя. Лишь в некоторых случаях возможно выделение определенных криминологических групп преступлений, (например, корыстно-насильственных, корыстных компьютерных), учитывающих дуализм или плюрализм объектов посягательства.

По особенностям функциональных связей элементов многообъектного преступления:

1) преступления, многообъектность которых обусловлена способом совершения (мошенничество в сфере компьютерной информации – ст. 159^б УК РФ);

2) преступления, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла на определенный объект (применение насилия в отношении представителя власти – ст. 318 УК РФ).

По способу закрепления в законе признаков многообъектности:

1) преступления с многообъектным составом, т.е. с институализированной многообъектностью (разбой – ст. 162 УК РФ);

2) преступления, совершенные при наличии обстоятельств, отягчающих наказание и обуславливающих многообъектность, т.е. с фактической многообъектностью (умышленное уничтожение имущества, совершенное с целью скрыть другое преступление – п. «е¹» ч. 1 ст. 63, ст. 167 УК РФ);

3) преступления со смешанной многообъектностью (умышленное уничтожение имущества следователя из мести за его законную деятельность по расследованию преступления, совершенное с причинением значительного ущерба, совершенное общеопасным способом либо повлекшее по неосторожности смерть человека, –п. «ж» ч. 1 ст. 63, ч. 2 ст. 167 УК РФ).

Эти классификации должны учитываться при составлении нормативно закрепленных перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности, а также в процессе непосредственного формирования статистической отчетности и сборе эмпирических данных в ходе научных исследований. Официальные данные статистической отчетности и статистическая информация о совершенных многообъектных преступлениях, полученная в рамках научных исследований, должны применяться с целью оптимизации конструирования законодательных моделей многообъектных преступлений.

Классификация многообъектных составов преступлений и ее соотношение с классификацией многообъектных преступлений

Классификация по содержанию объектов посягательства. На законодательном уровне все составы преступлений классифицированы по объектам посягательства по видовой и родовой принадлежности. Проблема, возникающая при систематизации составов преступлений по данному основанию, заключается в том, что во множестве составов преступлений, посягающих на то или иное благо, в ряде случаев можно выделить подмножество составов, характеризующее другим объектом посягательства. Например, во множестве составов преступлений против собственности можно выделить подмножество составов преступлений против личности (насилованный грабеж, разбой), что вовсе не противоречит отнесению их к множеству составов преступлений против собственности. Мы имеем дело с ситуацией, когда один и тот же состав, исходя из особенностей его объекта, может быть отнесен к различным группам.

Классификацию составов преступлений по факту является перекрестной. Однако в тексте Особенной части уголовного закона такой вид классификации составов не может быть отражен, поскольку перекрестная классификация всегда представлена в виде *классификационной таблицы*, где один и тот же объект систематизации состоит в нескольких пересекающихся

рядах. В тексте Особенной части уголовного закона можно закрепить только одномерную классификацию составов преступлений, поэтому она всегда будет условной.

Между тем в некоторых множествах составов преступлений, объединенных по содержанию основного объекта посягательства, теоретически возможно выделение подгруппы составов, объединенных по содержанию дополнительного объекта посягательства. В основе этой логической операции лежит отмеченная специфика перекрестной классификации составов преступлений. Анализ юридической литературы показывает, что внутри группы составов, объединенных в одну главу Особенной части УК РФ, осуществляется теоретическое группирование составов преступлений по двум различным критериям: а) по специфическим признакам основного или единственного объекта посягательства и б) по признакам дополнительного объекта посягательства.

В первом случае происходит группирование составов на основе выделения их группы внутри вида преступлений – т.е. по признакам, характеризующим одновременно групповую и видовую принадлежность объекта посягательства (многими учеными для отражения такой специфики объекта используется понятие «групповой объект посягательства»). Например, среди составов преступлений в сфере экономической деятельности выделяется группа составов преступлений в сфере банкротства. Во втором случае группирование составов преступлений внутри вида происходит по признакам дополнительного объекта посягательства без учета особенностей основного объекта и его видовой принадлежности. Например, преступления, предусмотренные ст. 295 - 298¹ УК РФ, объединяются в группу преступлений, посягающих на личность участников судопроизводства.

В связи с этим целесообразно разделять уголовно-правовую (законодательную) и криминологическую классификацию многообъектных составов преступлений. Так, состав посягательства на жизнь сотрудника

правоохранительного органа в соответствии с законодательной классификацией относится к составам преступлений против порядка управления (одномерная классификация), а в соответствии с криминологической классификацией – к составам преступлений против порядка управления и к составам преступлений, посягающих на жизнь¹⁶⁸ (перекрестная классификация).

В исследованиях, посвященных отдельным составам преступлений, достаточно часто можно встретить предложения о переносе той или иной уголовно-правовой нормы в другую главу или даже раздел Особенной части УК РФ, в качестве одного из аргументов нередко приводятся примеры из уголовного законодательства зарубежных стран. Анализ такого рода работ¹⁶⁹ показывает, что в основном вопрос о месте расположения в структуре уголовного закона возникает касательно норм, закрепляющих многообъектные составы преступлений, не укладывающиеся в лоно одномерной классификации.

Полагаем, осуществляя систематизацию составов преступлений по объекту посягательства в Особенной части уголовного закона, необходимо руководствоваться не только законами таксономии (на них основаны как уголовно-правовая, так и криминологическая классификация составов преступлений по объекту посягательства), но и утилитарными соображениями – уголовный закон должен быть прежде всего удобен для применения. Например, составы угрозы и применения насилия к лицам, осуществляющим правосудие или предварительное расследование, могут быть включены в рамках уголовно-правовой классификации как в главу о преступлениях против правосудия, как это сделано в УК РФ, так и в главу о преступлениях против жизни и здоровья (такой опыт законодательной

¹⁶⁸ Пункт 2 Перечня № 8 преступлений, в результате совершения которых возможна смерть потерпевших, утв. указанием Генеральной прокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

¹⁶⁹ Например, Горелик А.С., Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 34 – 35; Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы квалификации и законодательной регламентации. М., 2007. С. 30.

регламентации имеется в УК Франции (Le Code pénal de la France)¹⁷⁰). Вместе с тем в отечественном уголовном праве исторически сложилось, что подобные составы преступлений структурно размещаются в главах уголовного закона, направленных на защиту не личных, а общественных правовых благ (по терминальному объекту посягательства). Такой подход не противоречит законам таксономии и привычен для правоприменителя, поэтому не нуждается в пересмотре.

По количеству дополнительных объектов посягательства можно выделить составы с одним дополнительным объектом (*двухобъектные*); с двумя дополнительными объектами (*трехобъектные*); с тремя и более дополнительными объектами (*полиобъектные*). В отличие от характеристики многообъектных преступлений, в которых количество объектов определяется по числу правовых благ, подвергнутых посягательству, в многообъектном составе есть один основной объект, а также один или несколько дополнительных объектов. В основном составе может быть только один дополнительный объект. В квалифицированном составе происходит приращение еще одного дополнительного объекта посягательства. Например, объект как элемент основного состава разбоя состоит из двух объектов посягательства – основного (собственность) и вариативного дополнительного объекта (здоровье и психическая безопасность личности). Особо квалифицированный состав разбоя, совершенного с незаконным проникновением в жилище, помимо названных объектов содержит еще один дополнительный объект – неприкосновенность жилища.

В связи с предложенной классификацией возникает вопрос о структуре объекта состава-части и состава-целого¹⁷¹. Например, нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные

¹⁷⁰ <http://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения 20.04.2018).

¹⁷¹ Подробнее о многосоставных диспозициях уголовно-правовых норм, о соотношении состава-целого и состава-части см.: *Карбанова Е.Н., Нечаев А.Д.* Многосоставные диспозиции и проблемы определения границ состава преступления // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2017. № 8. С. 85 – 90.

или жилые помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой (ст. 360 УК РФ) – это состав-целое, состоящий из составов-частей: 1) нападения на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, и 2) нападения на служебные или жилые помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой. В данном примере составы-части каждый сам по себе являются двуобъектными (в первом составе дополнительный объект представляет собой личные блага: здоровье, физическую неприкосновенность; во втором составе – собственность). Состав-целое является трехобъектным составом с двумя дополнительными объектами, в качестве которых выступают личные блага и собственность.

В зависимости от постоянства дополнительного объекта многообъектные составы предлагается разделить на составы с *постоянным* дополнительным объектом и составы с *переменным* дополнительным объектом. Конкретное преступление, охватываемое таким составом, может быть как многообъектным, так и однообъектным. Например, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, повлекшее по неосторожности тяжкие последствия (ч. 2 ст. 167 УК РФ) в виде причинения тяжкого вреда здоровью человека, посягает на два самостоятельных объекта уголовно-правовой охраны (собственность и здоровье человека), а в виде длительной приостановки деятельности предприятия – только на собственность, нормальная деятельность предприятия не является самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны. Убийство свидетеля с целью воспрепятствования дачи им показаний является двуобъектным преступлением, поскольку посягает на жизнь человека и интересы правосудия. В то же время убийство лица, пытающегося пресечь правонарушение, посягает на один объект – жизнь человека. При этом оба убийства квалифицируются одинаково – по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство лица в связи с выполнением им общественного долга.

В зависимости от способа закрепления содержания дополнительного объекта мы выделяем составы с *определенным или вариативным* дополнительным объектом¹⁷².

Традиционное деление составов преступлений *по степени общественной опасности соответствующих деяний и строгости наказания за их совершение*, взятое в срезе многообъектных составов преступлений, теоретически позволяет выделить только основные и квалифицированные составы. Однако в отечественном уголовном праве есть привилегированные многообъектные составы – мошенничество в сфере компьютерной информации. Анализ санкций ч. 1 – 3 ст. 159 и ч. 1 – 3 ст. 159^б УК РФ показывает, что названные составы являются привилегированными по отношению к аналогичным составам «простого» мошенничества. На уровне частей третьих имеется даже различие в категориях преступлений. Так называемая привилегированность нивелируется лишь применительно к особо квалифицированным составам обоих рассматриваемых преступлений, предусмотренных в частях четвертых, – их санкции идентичны. Вместе с тем наличие двух объектов посягательства уже предполагает повышенную общественную опасность преступления, что исключает привилегированность его состава.

В ряде составов преступлений, которые принято относить к квалифицированным или особо квалифицированным, дополнительный объект преступления может выступать не в качестве квалифицирующего, а в качестве криминообразующего признака состава. Речь идет о некоторых составах хищений. Для примера возьмем кражу, совершенную с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ). С одной стороны, совершение такой кражи отягчено особо квалифицирующим признаком – сопряженностью с незаконным проникновением в жилище, с другой стороны, если стоимость похищенного имущества не превышает 2 500 руб., то

¹⁷² Понятие постоянного и переменного, определенного и вариативного дополнительного объекта, а также примеры составов с такими объектами приведены в предыдущем параграфе.

анализируемый признак состава преступления выступает уже в качестве не квалифицирующего, а криминообразующего.

Эти классификации должны учитываться при составлении нормативно закреплённых перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности; в правотворческой деятельности с целью оптимизации конструирования законодательных моделей многообъектных преступлений; а также при квалификации преступлений.

РАЗДЕЛ II. СИСТЕМНЫЕ ОСНОВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МНОГООБЪЕКТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Сформулированные в предыдущем разделе диссертации базисные положения теории многообъектных преступлений составляют исходное ядро ее развития. Данные конструкты создают основу дальнейшего углубления теоретических знаний в области правотворчества и правоприменения. В качестве конструктов, создаваемых в настоящем разделе, выступают представления о системе законодательных моделей многообъектных преступлений как о правовом феномене, об исторической эволюции этих систем, современных видах, особенностях российской системы и ее проблемах.

Глава 1. Законодательные системы многообъектных преступлений

§ 1. Понятие и основные параметры законодательных систем многообъектных преступлений

Ранее мы определили, что современное уголовное право знает два способа законодательной регламентации уголовной ответственности за многообъектные преступления: посредством конструирования многообъектных составов преступления и установления обстоятельств, отягчающих наказание и влекущих многообъектность преступления.

Анализ научной полемики о сущности состава преступления показывает, что традиционным признается понимание его как закрепленной в уголовном законе модели преступления¹⁷³. Однако состав преступления

¹⁷³ *Галахова А.В.* Вопросы квалификации преступлений в уголовном праве и судебной практике (по признакам объекта) // Российский следователь. 2010. № 13. С. 20 – 23; *Иванчин А.В.* Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности // *Lex russica*. 2015. № 6. С. 16 – 29; *Игнатов А.Н., Костарева Т.А.* Уголовная ответственность и состав

может охватывать множество законодательных моделей преступлений. Так, особо квалифицированный состав преступления содержит все признаки, включенные в квалифицированный состав того же преступления. Комбинация этих признаков формирует совокупность различных законодательных моделей преступлений, охваченных квалифицированным составом.

Кроме того, модели преступлений конструируются законодателем не только в виде *составов*. Сформулировав в Общей части уголовного закона признаки, характеризующие юридическую структуру преступления, в виде обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, законодатель сконструировал практически безграничное множество *моделей преступлений, производных от базовых*, т.е. от составов преступлений¹⁷⁴. Часть из них образована посредством дополнения состава преступления признаком, обуславливающим многообъектность. Предметом настоящего исследования выступают именно эти законодательные модели преступлений, производные от составов преступлений, далее именуемые как *производные модели многообъектных преступлений*.

Благодаря закреплению в Общей части уголовного закона признаков, обуславливающих многообъектность преступления, в уголовном праве создается и функционирует *законодательная система моделей многообъектных преступлений, представляющая собой совокупность системы многообъектных составов преступлений и системы производных моделей многообъектных преступлений, именуемая далее – законодательная система многообъектных преступлений*.

преступления: Лекция. М., 1996. С. 27; *Марчук В.В.* Специальные принципы квалификации преступлений // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 79 – 90; Уголовное право России. Общая часть: учебник / С.А. Балеев, Б.С. Волков, Л.Л. Кругликов и др.; под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. М.: Статут, 2009 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁴ Мы позволили себе неточность, назвав это множество моделей «безграничным». Оно, как и любое закрытое множество, конечно. Однако расчет числа моделей преступлений, производных от составов преступлений, и их группировка возможны лишь кибернетическими методами на основе комбинаторики. Не являясь специалистами в данной сфере, мы не беремся за такое исследование, но выражаем надежду на то, что в будущем эта идея будет реализована на стыке юридических и математических наук, что внесет существенный вклад в развитие науки уголовного права.

В рамках этой системы существуют различные подсистемы, также имеющие системную организацию. Помимо двух названных подсистем, образованных по формальным признакам построения моделей, можно выделить несколько подсистем по объекту посягательства. Это, например, система многообъектных насильственных преступлений, многообъектных преступлений экстремистской направленности и др.

Между тем законодательная система многообъектных преступлений структурно вписана в законодательную систему преступлений, выступающую в данном случае в качестве *метасистемы*. Формирование главных звеньев последней основано на классификации объектов посягательства, которая, как уже отмечалась, является перекрестной. За счет этого качества существует законодательная система многообъектных преступлений, и вся метасистема приобретает свойство многомерности. *Законодательная система преступлений имеет каркас из пересекающихся линейных рядов законодательных моделей преступлений, посягающих на разнородные правовые блага; узловыми элементами этого каркаса выступают законодательные модели многообъектных преступлений.*

Подобное многомерное системное представление о совокупности законодательных моделей преступлений *имеет важное методологическое значение в уголовно-правовых и криминологических исследованиях*, поскольку выделение исследуемого звена и каркасной сети идущих от него интегративных связей, возникающих в узловых элементах, позволяет максимально точно и полно очертить границы объекта и грани предмета исследования, что, в свою очередь, позволяет создать концептуальную основу целостного теоретического отображения изучаемых явлений.

Системное исследование законодательных моделей многообъектных преступлений имеет не только методологическое, но и практическое значение, поскольку позволяет моделировать недостающие элементы их системы. Являясь каркасным образованием, законодательная система многообъектных преступлений создает *коррелятивные зависимости*. С их

учетом можно сформировать целостный облик системы и добиться более глубокой дифференциации ответственности. *Интегративный потенциал узловых элементов каркаса проявляется при перекрестном сопоставлении компонентов системы, направленном на выявление возможных связей и корреляций и конструирование на их основе законодательных моделей многообъектных преступлений.*

Сказанное определяет востребованность системного подхода к исследованию законодательной регламентации уголовной ответственности за многообъектные преступления.

Под системой в философии понимается «объект, разрешающий актуальные противоречия в заданных условиях среды за счет функциональной ориентированности своей динамики и конструкции, формируемой организационными процессами»¹⁷⁵. Соответственно выявление и описание системных параметров (подразделяются на системообуславливающие, системообразующие и системоорганизующие), имеет важное методологическое значение при исследовании любого объекта, представляющего собой систему.

Поскольку системность в уголовном праве – это не только свойство отрасли, но и «инструмент познавательных процедур, предполагающий анализ уголовного права через призму отраслевых и межотраслевых взаимодействий, системных связей как внутри отрасли, так и извне, возникающих в процессе ее функционирования»¹⁷⁶, анализируя перечисленные параметры системы многообъектных преступлений и ее подсистем, мы применяем различные **методы системного исследования.**

Метод фрактального членения системы на компоненты основан на таком интегральном качестве системы, как ее фрактальность, т.е. «запечатленность» в элементарных единицах системы свойств и

¹⁷⁵ Винограй Э.Г. Указ. соч. С. 67.

¹⁷⁶ Денисова А.В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика. автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. С. 9.

характеристик, присущих данной системе как целому¹⁷⁷. За *элементарную единицу системы* в данном случае мы берем многообъектный состав преступления или производную модель многообъектного преступления, каждый из которых представляет собой сложную систему признаков, сформированную с учетом их бланкетного содержания. Познавая их системные параметры, мы тем самым познаем и само целое, т.е. систему многообъектных преступлений.

Метод выхода за рамки дихотомии «целое и части» предполагает рассмотрение проявлений целого и частей извне, со стороны среды.

Наконец, *построение системной модели* как метод системного исследования позволяет изучать элементы системы таким образом, чтобы из полученных данных складывалась целостное представление о системе, а не совокупность несопоставимых представлений.

Применение этого инструментария позволило нам следующим образом описать *системные параметры* системы многообъектных преступлений, а также связанные с ними *факторы интеграции, системные закономерности и интегральные системные качества*.

I. Системообуславливающие параметры – это те факторы, которые привели к появлению системы и обуславливают ее существование (системопорождающие проблемы, цель существования системы и актуальная среда). Применительно к законодательной системе многообъектных преступлений такими факторами выступают *социальные и правовые детерминанты* установления уголовной ответственности за многообъектные преступления, которые характеризуют системопорождающие проблемы, цель существования системы и актуальная политическая и социально-экономическая среда.

Для того чтобы определить социальную и правовую обусловленность норм, регулирующих уголовную ответственность за многообъектные

¹⁷⁷ В отличие от элемента системы, ее элементарная единица обладает всеми основными свойствами, присущими целому (Там же. С. 152.).

преступления, необходимо уяснить, какая объективная закономерность лежит в основе их создания. В общем виде данные нормы делятся на две группы: 1) нормы, закрепляющие многообъектные составы преступлений, и 2) нормы об отягчении наказания за многообъектные преступления.

Искомая закономерность состоит в признании законодателем того факта, что посягательство на несколько правовых благ существенно повышает уровень общественной опасности деяния по сравнению с уровнем общественной опасности однородного с ним деяния, посягающего на одно из этих благ. *Данная системопорождающая проблема ставит перед законодателем цель принятия адекватных мер уголовно-правового реагирования, продиктованных конкретными условиями актуальной среды.*

Субъективные и объективные признаки преступления, обуславливающие его многообъектность, выступают средством дифференциации ответственности. Однако следует отметить, что в случае с многообъектным преступлением речь идет не только о дифференциации уголовной ответственности, но и в более широком смысле – о дифференциации уголовной и иной публично-правовой ответственности, т.е. межотраслевой дифференциации. Иными словами, указанные признаки являются *обстоятельствами, устражающими публично-правовую ответственность.*

Таким образом, *социальная обусловленность норм, регулирующих уголовную ответственность за многообъектные преступления, заключается в необходимости повышения строгости публично-правовой ответственности за деяние, посягающее на два и более объекта уголовно-правовой охраны, относительно строгости ответственности за деяние, посягающее на один из них, исходя из конкретных условий социальной среды, актуальной на момент принятия и существования этих норм.*

Социальная обусловленность дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности подробно исследовалась в работах В.И. Зубковой, Н.Ф. Кузнецовой, Т.А. Плаксиной, Е.В. Роговой,

П.С. Тоболкина, А.Д. Чернова и др. ученых. Отмечается, что «дифференциация уголовной ответственности ... представляет собой разделение мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, на основании характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного в целях достижения баланса между строгостью ответственности за тяжкие преступления и мягкостью за преступления, не представляющие большой общественной опасности»¹⁷⁸. Те же принципы лежат в основе межотраслевой дифференциации уголовной и административной ответственности. В современном законодательстве в качестве одного из критериев разграничения преступления и административного правонарушения выступает посягательство еще на один или несколько объектов (по такому признаку отграничиваются, например, уголовно наказуемые виды оскорбления от оскорбления - административного деликта).

Возникает вопрос: какие именно причины лежат в основе повышения уровня ответственности за многообъектные преступления? В юридической литературе высказано суждение, что «способом посягательства на основной объект нередко выступает причинение вреда дополнительному либо факультативному объекту, что в итоге повышает общественную опасность деяния. Именно этим обстоятельством и объясняется конструирование составов преступления с усложненным объектом»¹⁷⁹. В целом, с таким выводом можно согласиться, но возможна и обратная ситуация, когда посягательство на основной объект является способом посягательства на дополнительный объект. Например, убийство, совершенное по экстремистскому мотиву или в целях скрыть другое преступление, направлено на специальный объект (толерантность, терпимость между различными социальными группами и их представителями в первом случае и

¹⁷⁸ *Рогова Е.В.* Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. С. 20.

¹⁷⁹ *Семернева Н.К.* Указ. соч. С. 38.

интересы правосудия – во втором). В данном случае посягательство на жизнь выступает способом посягательства на указанные правовые блага.

Необходимо установить, за счет чего происходит повышение общественной опасности многообъектных преступлений? Во-первых, и это в силу очевидности не требует доказательств, многообъектное преступление *причиняет вред или создает грозу причинения вреда большему числу объектов уголовно-правовой охраны, чем однообъектное посягательство, признаки которого входят в систему многообъектного преступления как подсистема «деяние-компонент»*. Многообъектность преступления влияет на *качественное увеличение общественно опасных последствий, как учтенных в составе преступления, так и не учтенных, но имеющих юридическое значение*. Качественное увеличение в данном случае предполагает приумножение видового разнообразия общественно опасных последствий. К слову, между многообъектностью преступления и количественным показателем вреда корреляционной связи не выявлено.

Во-вторых, для изучения социальной детерминанты установления уголовной ответственности за многообъектные преступления необходимо обратиться к механизму преступного поведения, которому в криминологии отводится важная роль, поскольку на основе результатов его изучения разрабатываются меры предупреждения преступности, среди которых в отдельный блок выделяются меры уголовно-правового противодействия.

Известно, что преступное поведение вариативно, оно зависит как от внешних условий (обстановки), так и от нравственных устоев личности. Определяя цель и подбирая средства ее достижения, человек исходит из собственной системы ценностных ориентаций. Например, в случае хищения товаров из магазина человек, чьи морально-нравственные установки не допускают насилия, выберет ненасильственный вариант преступного поведения. Посягательство сразу на два объекта уголовно-правовой охраны (физическую неприкосновенность потерпевшего и имущество), напротив,

свидетельствует о более выраженной антисоциальной направленности личности преступника.

Исследуя механизм преступного поведения, В.Н. Кудрявцев обосновал, что «решение, принимаемое при совершении антиобщественного поступка, может быть охарактеризовано в рамках целей, поставленных субъектом, и средств их достижения. Либо те, либо другие (а иногда и те и другие вместе) находятся в противоречии с их социально полезными антиподами»¹⁸⁰.

Социальная сущность преступления, посягающего на несколько объектов уголовно-правовой охраны, заключается в том, что как цель поведения человека, так и средство (или средства) ее достижения носят антиобщественный противоправный характер.

Мы провели опрос людей, работа которых не связана с правоохранительной деятельностью, на предмет возможных детерминант инструментального насилия¹⁸¹. Мы сочли необходимым опросить лиц именно об этом способе совершения преступления, поскольку насилие относится к числу явлений, понятных и в той или иной степени знакомых любому человеку. Кроме того, преступления, совершенные этим способом, выступают самым крупным блоком в массиве многообъектных преступлений.

На вопрос «Зачем для достижения преступного результата преступники применяют насилие?» респонденты ответили следующим образом: чтобы наверняка добиться поставленной цели (49 %), чтобы быстрее добиться поставленной цели (36 %), чтобы потерпевший испугался и не пошел жаловаться (21 %), чтобы удовлетворить нездоровую потребность в насилии (8 %). В основном назывались несколько из указанных причин.

¹⁸⁰ Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М.: Норма, 2012. С. 44.

¹⁸¹ В криминологии термин «инструментальное насилие» приобрел широкое распространение и применяется для обозначения насилия, используемого исключительно как средство достижения преступной цели (см.: Абельцев С.Н. Криминологическое изучение насилия и защита личности от насильственных преступлений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000. С. 8; Кириллов С.И. Основы теории криминологического исследования корыстно-насильственных преступлений и их предупреждение: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999. С. 400 – 401).

Респонденты, не обладающие специальными познаниями в области психологии и юридических наук, выразили очень важную мысль, что в основе психологической сущности сложного в силу своей многообъектности насильственного преступления лежат свойственные человеческой природе желание облегчить совершение необходимых для него действий и желание скрыть свой низкий поступок. *Таким образом, мы пришли к выводу, что на совершение многообъектного преступления существенное влияние оказывают два конкретных типа мотивации «избегание неудачи» и «максимальное удовлетворение нужды».* Этот результат оказался для нас крайне важным, ибо в 2007 г. перечень обстоятельств, отягчающих наказание, был дополнен совершением преступления с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «е¹» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Применение общественно опасного средства для достижения общественно опасной цели имеет ту же мотивационную подоплеку, что и указанные отягчающие обстоятельства: *максимально эффективно и без негативных последствий для себя причинить вред объекту уголовно-правовой охраны.*

Таким образом, в основе повышения уровня публично-правовой ответственности за многообъектное преступление лежат следующие причины: *причинение вреда или создание угрозы причинения вреда нескольким объектам уголовно-правовой охраны (изменение характера общественной опасности деяния) и особенности механизма преступного поведения (увеличение степени общественной опасности деяния за счет интенсивности негативного воздействия на объект уголовно-правовой охраны и /или сокрытия преступления).*

Однако повышение уровня публично-правовой ответственности – это не единственная социальная детерминанта рассматриваемого феномена. Второй такой детерминантой является *стремление государства повысить эффективность уголовно-правовой охраны того или иного правового блага посредством установления системы уголовно-правовых запретов всех общественно опасных вариантов посягательств на это благо*

(идеологическая направленность уголовного закона). Например, защищая интересы правосудия, законодатель специально предусматривает уголовную ответственность за все формы негативного воздействия на личность участников судопроизводства (за посягательство на их честь, достоинство, собственность, физическую неприкосновенность, психическое благополучие, здоровье и жизнь). Тем самым формируется полноценная система охраны интересов правосудия от посягательств, осуществляемых через посягательство на личность участников судопроизводства.

Таким образом, **социальная детерминация** уголовной ответственности за многообъектные преступления представляет собой *двуединое сочетание 1) необходимости повышения уровня публично-правовой ответственности за такие преступления в силу их повышенной общественной опасности и 2) необходимости повышения эффективности защиты отдельных правовых благ от всей совокупности общественно опасных посягательств на эти блага.*

На уровне системообразующих и обуславливающих параметров фактором интеграции рассматриваемой системы выступает целевое единство, т.е. подчиненность подсистем этой общей конечной цели.

Правовые детерминанты установления уголовной ответственности за многообъектные преступления тесно связаны с социальными, поскольку правовые явления социально обусловлены, однако в силу формальной природы они нуждаются в самостоятельной проработке.

Законодательные модели многообъектных преступлений имеют две формы: *многообъектные составы преступлений и модели преступлений, образованные посредством дополнения составов преступлений обстоятельствами, отягчающими наказание и влекущими многообъектность преступления, именуемые нами «производные модели многообъектных преступлений».*

Жизнеспособность этих конструкций подтверждена историческим опытом и распространенностью в мировых правовых системах. Вместе с тем

научная дискуссия относительно целесообразности конструирования многообъектных составов преступлений не прекращается. Анализ юридической литературы показывает, что почвой для диспута выступает сложившееся представление о многообъектном составе преступления как об объединении простых составов преступлений¹⁸². Существует мнение, что «объединение двух разнообъектных деяний в одном составе преступления есть следствие архаичного подхода к многообъектным преступным деяниям, возникшего в прошлом из-за отсутствия представлений о назначении наказаний по совокупности преступлений, что для современного уголовного права неверно и нарушает принцип справедливости»¹⁸³.

Остроту полемике придают трудности в квалификации многообъектных преступлений и возникающие в связи с этим квалификационные ошибки, разнородность правоприменительной практики. Ученые уже давно предлагают решать эти проблемы за счет «сокращения сложных составных преступлений с переходом на конструкции единых простых составов и квалификации их по правилам совокупности преступлений»¹⁸⁴.

Для принятия конструктивного решения необходимо выявить истоки этих проблем. В качестве таковых выступает болезненный для теории и практики вопрос о квалификации сложного преступления в случае, когда за деяние-компонент предусмотрена равная или более строгая уголовная ответственность, чем за сложное преступление. Корень этой проблемы определяется несколькими факторами, к числу которых мы относим: системность норм Особенной части уголовного закона, несбалансированность процессов пенализации и отсутствие легитимного квалификационного правила для таких случаев. Первый фактор является имманентным свойством уголовного закона и относится, скорее, к его

¹⁸² Семернева Н.К. Указ. соч. С. 38.

¹⁸³ Токарчук Р.Е. Пробелы и излишества уголовного законодательства РФ, касающиеся некоторых форм хищения. Пути их устранения // Российский юридический журнал. 2014. № 3. С. 78 - 83.

¹⁸⁴ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч.

достоинствам, чем к недостаткам. Устранение двух других находится в компетенции законодателя и отчасти Верховного Суда Российской Федерации.

Важно то, что ни один из этих факторов не ставит под сомнение целесообразность конструирования многообъектных составов преступлений. При таких обстоятельствах возникает вопрос о том, насколько будет оправданным решать сложившуюся на практике проблему, значение которой мы ни в коем случае не умаляем, посредством сокращения числа многообъектных составов преступлений с одновременным «разложением» их на простые составы и квалификацией по совокупности.

Мы пришли к выводу, что такой подход подкупает своей простотой, высокой эффективностью в преодолении обозначенных трудностей правоприменения, однако он не рационален.

Прежде всего, необходимо концептуально определиться, можно ли считать многообъектный состав преступления произвольным, механическим объединением простых разнообъектных преступных деяний? Если да, то правы те ученые, кто предлагают «разложить» сложные составы преступлений на простые и перенести дальнейшее решение проблемы в лоно института совокупности преступлений.

Отвечая на поставленный вопрос, следует отметить *целенаправленность многообъектного состава преступления на максимально эффективное разрешение социальных проблем, связанных с совершением общественно опасного деяния. К числу таких проблем относятся необходимость превенции и восстановления социальной справедливости.* В основе этого интегрального качества многообъектного состава преступления лежит особое свойство систем – *эмерджентность*, или «системный эффект»¹⁸⁵, под которым в теории систем понимается «возникновение у сложных объектов новых, интегральных свойств,

¹⁸⁵ Термин «эмерджентность» впервые употребил английский философ Джордж Генри Льюис в своей работе «Вопросы о жизни и духе» (См.: Lewes G. Problem of Life and Mind. L., 1875. V. 2. P. 412.).

отсутствующих у их подсистем и элементов»¹⁸⁶. Она является одной из форм проявления принципа перехода количественных изменений в качественные, что обеспечивает целостность системы.

Многообъектность, заключается в специфике не только объекта преступления, но и иных объективных и субъективных признаков. Например, общественно опасные последствия могут быть одновременно способом совершения преступления. Так, удаление (уничтожение), блокирование, модификация компьютерной информации, признаются уголовным законом общественно опасными последствиями (ст. 272–274 УК РФ), в то же время выступают конститутивными признаками многообъектного состава мошенничества в сфере компьютерной информации как способ совершения преступления (ст. 156⁶ УК РФ); в составе разбоя причинение вреда здоровью является способом совершения преступления и одновременно его общественно опасным последствием.

Образованные посредством внутрисистемной функциональной связи новые, интегральные свойства многообъектных составов преступлений подчинены получению определенного полезного результата. Не суммирующий подход, не объединение деяний лежит в основе конструирования многообъектных составов, а стремление законодателя оптимально сформировать уголовно-правовой запрет наиболее опасных видов одного деяния¹⁸⁷. Многообъектные составы преступлений следует рассматривать только под углом целостности состава, где под влиянием эмерджентного синергизма состав приобретает совершенно новые качества.

Предлагаемый в юридической литературе способ решения ряда проблем квалификации преступлений за счет «сокращения сложных составных преступлений с переходом на конструкции единых простых

¹⁸⁶ Винограй Э.Г. Указ. соч. С. 36.

¹⁸⁷ В данном случае мы говорим не о фактических, а о формально-юридических уголовно-правовых запретах, которые, как совершенно точно отметил С.А. Маркунцов, являясь более узким понятием, разделяются на «первичные, содержащие модели основных составов преступлений, и соответствующие им вторичные запреты, заключающие в себе модели квалифицированных и привилегированных составов преступлений» (см.: Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 141).

составов и квалификации их по правилам совокупности преступлений» мы не считаем оправданным по следующим причинам.

Во-первых, учтенная совокупность преступлений возможна и необходима далеко не во всех случаях, а лишь тогда, когда совокупность признаков содеянного является органичной и между ними существует функциональная связь. *Не все, а только определенные действия (бездействие) приводят к преступному результату быстрее, эффективнее, надежнее, позволяют увеличить объем причиненного вреда или извлеченной преступником выгоды, обеспечить ему безнаказанность.* Таким свойством, например, обладает совокупность признаков открытого хищения и применяемого с этой целью насилия. Напротив, изнасилование и хищение имущества изнасилованной женщины представляют собой лишь механическую совокупность признаков содеянного, объединенную субъектом, потерпевшей, местом и временем совершения преступлений в отсутствие каких-либо функциональных связей между признаками.

Во-вторых, самостоятельная уголовно-правовая охрана некоторых правовых благ, входящих в многообъектный состав преступления, осуществляется только при наличии специальных условий, которые при совершении многообъектного преступления могут отсутствовать. Например, физическая неприкосновенность личности самостоятельно и отдельно от жизни и здоровья охраняется уголовным законом только посредством запретов, сформулированных в ст. 116 - 117 УК РФ. «Разложение» существующих составов сложных насильственных преступлений на простые потребует усиления уголовно-правовой охраны физической неприкосновенности личности посредством криминализации деяний, которые сами по себе не имеют необходимой степени общественной опасности. Если этого не сделать, то существенно, а главное необоснованно, снизится уровень ответственности за преступления, совершенные с применением насилия.

В-третьих, в Особенной части уголовного закона закрепляются составы преступлений, описывающие типичные, традиционные способы причинения вреда правовым благам. Именно такие механизмы причинения вреда отражены в субъективных представлениях людей. В свою очередь, эти представления имеют реальные основания. Немало важно, что в сознании людей многообъектное преступление воспроизводится как одно деяние, поскольку все действия, осуществляемые в рамках этого деяния, подчинены одной мотивационной основе и одной цели. В данном случае конструирование многообъектных составов преступления создает разумные и понятные ориентиры для людей о пределах ответственности за типичное противоправное поведение, что положительно сказывается на реализации превентивной функции уголовного закона.

В-четвертых, «разложение» сложных преступлений на простые не обеспечит справедливости уголовной ответственности, поскольку в силу достаточно гуманных правил назначения наказания по совокупности преступлений, когда применяется поглощение менее строгого наказания более строгим, частичное сложение наказаний и ограничение по максимальному размеру окончательного наказания, повлечет снижение строгости ответственности. Учетная совокупность преступлений в данном случае является хорошим способом отнести преступление к необходимой категории тяжести и назначить справедливое наказание.

Так, в действующей редакции Особенной части УК РФ содержатся четыре статьи, предусматривающие уголовную ответственность за специальную контрабанду (ст. 200¹, 200², 226¹ и 229¹). Обращает на себя внимание тот факт, что в ст. 226¹ и 229¹ УК РФ законодатель предусмотрел в качестве квалифицирующего признака совершение контрабанды с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль. Аналогичный признак отсутствует в ст. 200¹, 200² УК РФ, что представляется необоснованным. Конечно, в случае применения такого насилия при совершении экономической контрабанды

ответственность наступает за соответствующий вид контрабанды и применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) по совокупности. И одно, и второе преступление относятся к категории небольшой или средней тяжести. Законом предусмотрены различные варианты назначения наказания по совокупности преступлений, при этом окончательное наказание не может превышать более чем наполовину максимальный срок или размер наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений, т.е. в худшем для виновного случае – 7,5 лет лишения свободы. Для сравнения контрабанда алкоголя без применения насилия к представителю власти наказывается лишением свободы на срок до 5 лет.

А теперь представим, что бы было, если бы в ст. 229¹ УК РФ в числе особо квалифицирующих признаков тоже отсутствовало применение насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, и мы бы аналогичным образом квалифицировали контрабанду наркотиков по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 229¹ и ч. 1 ст. 318 УК РФ. В этой ситуации по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательное наказание в виде лишения свободы не могло бы превышать 10,5 лет лишения свободы, поскольку максимальный срок наказания, предусмотренный за наиболее тяжкое из совершенных преступлений (контрабанду), составляет 7 лет. Сравним полученный результат с санкцией ч. 4 ст. 229¹ УК РФ – от 15 до 20 лет лишения свободы!

Разумеется, уголовный закон не терпит сослагательного наклонения, но нехитрый математический подсчет позволяет выявить не просто дисбаланс санкций отдельных норм Особенной части, а пробелы, допущенные при конструировании квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений.

Сказанное имеет значение и для избрания формы реализации уголовной ответственности, поскольку предоставляемые уголовным законом возможности освобождения от нее связаны с категорией совершенного

преступления. «Разложение» многообъектных составов преступлений на простые в ряде случаев повлечет изменение категории преступления и существенно, но в то же время необоснованно расширит сферу применения норм об освобождении от уголовной ответственности.

В-пятых, одновременное наличие в уголовном законе многообъектных составов преступлений и простых составов, которые структурно входят в многообъектный состав как деяние-компонент, имеет важное значение для проведения взвешенной уголовной политики, позволяя «точечно» воздействовать на строгость уголовной ответственности, избегая беспочвенного смягчения уголовной ответственности за наиболее опасные формы одного и того же деяния.

Нельзя не отметить, что существенное достоинство многообъектного состава преступления состоит в возможностях развития, необходимость которого обусловлена изменениями актуальных проблем, для решения которых он сконструирован, и взаимодействием со средой, т.е. системой норм уголовного закона. Например, наличие в УК РФ состава разбоя с причинением тяжкого вреда здоровью, позволило в 2011 г. избежать существенного снижения уровня ответственности за данное многообъектное преступление при отмене нижних порогов наказания за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и за грабеж. Гипотетическое отсутствие состава разбоя и необходимость квалификации содеянного по совокупности умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и грабежа в этой ситуации привели бы к неадекватному снижению строгости ответственности.

В-шестых, квалификация содеянного по совокупности преступлений вместо одного преступления приводит к искажению статистических данных о количестве совершенных преступлений за счет необоснованного завышения уровня преступности в стране или в регионе.

Экспертный опрос ученых и практиков показал различные позиции опрашиваемых групп относительно идеи «разложения» составных преступлений на простые и квалификации содеянного по совокупности: ее

поддерживают 38 % ученых и лишь 19 % практикующих юристов. Удивительно, что в качестве аргумента как противники такого подхода, так и его сторонники назвали одну и ту же проблему – трудности при квалификации содеянного и соблюдение принципа справедливости.

Изложенное привело нас к выводу, что *обусловленные структурными характеристиками свойства, а также направленность и функциональность многообъектных составов преступлений, составляют правовую детерминацию такой законодательной регламентации уголовной ответственности за многообъектные преступления.*

Системообразующие и системообуславливающие параметры системы многообъектных составов преступлений определяют ее системные закономерности и интегральные качества.

Внешний аспект системных закономерностей выражается в *многомерности связей многообъектного состава преступления с внешней средой, т.е. имеет место разнообразие ракурсов, в которых данная система вписывается в объемлющие ее системы.* К числу таких многоуровневых метасистем относятся:

- совокупности составов преступлений, посягающих на правовые блага, входящие в многообъектный состав преступления;
- совокупности законодательных моделей преступлений, посягающих на правовые блага, входящие в многообъектный состав преступления;
- совокупность составов преступлений;
- совокупность составов правонарушений;
- совокупность законодательных моделей преступлений;
- совокупность законодательных моделей правонарушений.

Механизм включения многообъектного состава преступления в эти системы имеет множество граней. Одна из них – это взаимодополнение. Так, образованный в гл. 32 УК РФ блок норм, направленных на защиту личности представителя власти от посягательств в связи с осуществлением служебной

деятельности, закрепляет систему составов (ст. 317 – 320 УК РФ), взаимодополняемость которых обеспечивает полноценную и всестороннюю охрану как личности представителей власти, так и в более широком плане – уголовно-правовую и правовую охрану личности.

Другой аспект системных закономерностей связан с функциональной ролью многообъектных составов преступлений в указанных метасистемах. На примере приведенных норм видно, что благодаря их наличию обеспечивается многоаспектная дифференциация ответственности внутри метасистемы в зависимости от объекта правонарушения: дифференциация по личным благам (ответственность за посягательство на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, психическую безопасность, честь и достоинство личности) и дифференциация в зависимости от наличия в объекте правонарушения второго блага, обусловленного специальным статусом личности. Такая многоаспектная дифференциация ответственности позволяет эффективно реализовать принцип справедливости.

Как уже было отмечено, конструирование многообъектных составов – это не единственный вариант установления уголовной ответственности за многообъектные преступления. Вторым способом выступает формулирование в Общей части уголовного закона *признаков, отягчающих наказание* в силу многообъектности совершенного преступления и обусловленной этим обстоятельством повышенной общественной опасности деяния.

Законодательные модели многообъектных преступлений, сконструированные при помощи этих признаков, тоже включены в перечисленные метасистемы. В целом, установление уголовной ответственности за многообъектное преступление посредством формулирования в Общей части уголовного закона определенных юридических признаков совершенного преступления имеет те же социальные детерминанты, что и при конструировании многообъектных составов преступлений – *направленность на разрешение возникающих в условиях*

конкретно-исторической среды социальных проблем, связанных с совершением общественно опасного деяния (необходимость превенции и восстановления социальной справедливости).

Вместе с тем правовые детерминанты при общей схожести имеют свои нюансы, основанные на системных особенностях законодательной регламентации уголовной ответственности за многообъектные преступления.

Анализ деликтного законодательства показывает, что *законодательные модели многообъектных преступлений интегрированы в подсистемы разноуровневой системы правонарушений*. В их числе системы составов преступлений, системы законодательных моделей преступлений, системы составов правонарушений и системы законодательных моделей правонарушений. Нередко объектами посягательства в этих законодательных моделях выступают одни и те же правовые блага.

Современному законодательству присуще осуществлять охрану тех или иных правовых благ посредством так называемых «*пакетных*» законов. Этот подход позволяет государству эффективно защищать правовое благо, которое в силу социально-экономических и политических причин на данном историческом этапе нуждается в усилении мер правовой охраны. На отраслевом уровне такой подход часто реализуется в создании блока норм внутри отрасли права, направленных на охрану такого правового блага.

В частности, в рамках уголовного права посредством принятия «*пакетного*» законодательства сформированы блоки норм, направленные на борьбу с преступлениями террористической и экстремистской направленности, против половой неприкосновенности несовершеннолетних и т.д. Обычно в эти блоки входят нормы, закрепляющие соответствующие основные и квалифицированные составы; обстоятельства, отягчающие наказание; особенности назначения наказания и освобождения от уголовно ответственности или наказания за совершение этих преступлений. Такой комплексный подход обеспечивает эффективность охраны правового блага.

Установление признака преступления, обуславливающего его многообъектность, в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, осуществляет в системе уголовно-правовых норм, направленных на охрану этого объекта, важную функцию. С их помощью работает организационно-интегративный механизм системы. *Наличие таких признаков дает возможность свободных комбинаций и «достраивает» систему до состояния завершенности.* Отсутствие в Особенной части уголовного закона состава преступления, квалифицированного одним из таких признаков, компенсируется вменением обстоятельства, отягчающего наказание, что обеспечивает справедливость уголовной ответственности и достижение целей уголовного наказания.

За счет этого интегрального качества *система многообъектных преступлений* гораздо шире и гибче системы многообъектных составов преступлений. Исключение/введение однообъектного состава преступления влечет соответственно исключение/введение из системы многообъектных преступлений, всех моделей, производных от этого состава. Очевидно и обратное взаимодействие – исключение/введение из числа отягчающих обстоятельств признака, влекущего многообъектность преступления, ведет к исключению/введению из системы всех моделей многообъектных преступлений, образованных с участием этого признака.

Вместе с тем при отмеченных положительных качествах законодательных моделей многообъектных преступлений, сконструированных таким способом, отказ от многообъектных составов в пользу подобных моделей представляется необоснованным, поскольку у многообъектных составов есть важное *преимущество – более точное фокусирование системы на решении актуальных проблем.* Их потенциал в достижении функциональных результатов гораздо выше, поскольку четко сформулированы границы уголовной ответственности, что в большей мере способствует реализации принципа справедливости. Кроме того, субъективное восприятие лицом уголовно-правового запрета,

сформулированного посредством многообъектного состава преступления, более конкретизировано, субъект ясно представляет повышение пределов ответственности за совершение многообъектного преступления в сравнении с преступлением, посягающим на один объект.

Фокусированное воздействие свойственно не только отдельным законодательным моделям многообъектных преступлений, но и их системам. Формирование блока норм, направленных на защиту правового блага, нуждающегося в повышении уровня защиты, посредством создания системы законодательных моделей преступления, обычно сопровождается широким освещением в средствах массовой информации, что имеет очень важное значение для реализации целей общей превенции.

Столь подробный анализ системообуславливающих факторов крайне важен, поскольку именно они оказывают определяющее влияние на характер всех других системных параметров.

II. Системообразующие параметры системы многообъектных преступлений включают *конструкцию* (элементный состав и структуру) системы и ее *динамику* (функционирование и развитие). На этом уровне *факторами интеграции* законодательной системы многообъектных преступлений являются функциональное взаимодополнение элементов и наличие каркасных структур в виде объектов посягательства, скрепляющих систему в единое целое.

Структура системы представляет собой «устойчивую упорядоченность в пространстве и во времени ее элементов и связей между ними, определяющую функциональную компоновку системы и ее взаимодействие с внешней средой»¹⁸⁸. С точки зрения системного подхода систему законодательных моделей преступлений, ее подсистемы и элементы можно определить как сочетание жестких и корпускулярных (дискретных) систем.

¹⁸⁸ Прангшвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. М., 2000. С. 24.

Жесткие системы характеризуются жестко фиксированными связями между составляющими их элементами и подсистемами. При этом функциональная полноценность каждого элемента системы выступает необходимым условием функционирования системы в целом. Примером жесткой системы является состав преступления. В отличие от жестких, *корпускулярные (дискретные) системы* состоят из множества относительно автономных и в какой-то степени взаимозаменяемых элементарных единиц. Главным системообразующим фактором является их отнесение к одной группе, обеспеченное их сходством (например, множество составов убийства). Такие системы отличаются большой гибкостью: в силу относительной независимости их элементы способны к различным вариациям. Благодаря этим свойствам осуществляется приспособление системы к изменяющимся условиям конкретно-исторической среды. Например, провозглашение в качестве конституционной ценности свободы слова и повышение в связи с этим социальной роли средств массовой информации привели к тому, что в российском уголовном законе множество составов применения насилия пополнилось составами применения насилия к журналистам или их близким с целью воспрепятствования законной журналистской деятельности.

Если оценивать систему законодательных моделей преступлений в целом и систему многообъектных преступлений в частности, то обнаруживаются несколько способов гармоничного сочетания жесткого и дискретного типов систем. Во-первых, имеет место их *закономерное чередование* при переходе от низших структурных уровней к более высоким:

- набор признаков преступления, обуславливающих его многообъектность, которые по своей сути являются обстоятельствами, устражающими ответственность (корпускулярность);

- взаимоотношения этих признаков в многообъектных составах преступлений и иных законодательных моделях многообъектных преступлений (жесткие связи);

- множество составов преступлений, посягающих на определенное правовое благо, включающее в себя многообъектные составы преступлений (корпускулярность);
- система составов преступлений в Особенной части уголовного закона (жесткая система);
- множество законодательных моделей преступлений, посягающих на определенное правовое благо, включающее в себя законодательные модели многообъектных преступлений (корпускулярность);
- система законодательных моделей преступлений (жесткая система).

Применительно к системе многообъектных преступлений можно выделить второй способ совмещения корпускулярного и жесткого принципов организации – так называемый «звездный» тип системы¹⁸⁹. В центре такой системы находится система признаков, преступления, обуславливающих его многообъектность. Периферическими элементами выступают законодательные модели многообъектных преступлений. Вместе с тем «периферические» элементы, находясь в зависимости от «центральной оси», независимы друг от друга в эволюционном плане. Это означает, что элементы, располагающиеся на периферии «звездных» систем, могут свободно изменяться. Так, признак совершения преступления «с целью скрыть другое преступление» определяет развитие системы многообъектных преступлений, посягающих на интересы правосудия. Существующая на сегодняшний день система многообъектных преступлений, включающих этот признак, может легко измениться посредством конструирования нового многообъектного состава преступления с таким признаком или посредством дополнения или, наоборот, исключения однообъектного состава преступления, на основе которых создана соответствующая производная модель многообъектного преступления.

¹⁸⁹ Классификацию систем на жесткие, корпускулярные и звездные предложил и обосновал советский системолог А.А. Малиновский (*Малиновский А.А. Механизмы формирования целостности систем // Системные исследования. Ежегодник 1973. М.: Наука. 1973. С. 52 - 62*).

Ученые - специалисты в области системной методологии отмечают, что в таких системах звездного типа «жесткий центр оказывает координирующее воздействие на множество периферийных элементов, относительно независимых друг от друга. Данное сочетание обеспечивает необходимую адаптационную гибкость системы, возможность свободных комбинаций периферийных элементов и, в то же время, сохранение централизованной координации по главным параметрам функционирования и развития»¹⁹⁰. Названные специалисты изучали качества звездных систем на примере их биологических, экономических, социальных и социотехнических видов. Однако, как видно из приведенного выше описания сущности системы законодательных моделей многообъектных преступлений, все отмеченные достоинства звездных систем присущи и ей тоже.

Абстрагируясь от конкретного содержания систем многообъектных преступлений, мы пришли к выводу, что в конструктивно-функциональном плане такая система является идеальной, поскольку она разрешает актуальные проблемы посредством фокусированного воздействия, осуществляемого на основе функциональной взаимодополняемости элементов.

Ее положительные системные эффекты необходимо использовать при совершенствовании метасистем, в которые она структурно входит. Так, признаки, обуславливающие многообъектность преступления, являясь обстоятельствами, повышающими уровень общественной опасности деяния, должны устрожать не только наказание, но и вид ответственности. То есть выступать криминообразующими признаками, дифференцирующими уголовную и иные виды деликтной ответственности.

Например, уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти деяния не повлекли причинение значительного ущерба, являются административными правонарушениями. Криминообразующим признаком

¹⁹⁰ Винограй Э.Г. Указ. соч. С. 116.

аналогичного преступления выступает значительный размер причиненного ущерба. Вместе с тем значительность вреда – это не единственное обстоятельство, повышающее общественную опасность данного деяния. Так, уничтожение или повреждение имущества, не повлекшее причинение значительного ущерба, но совершенное по экстремистскому мотиву, или общеопасным способом, или в отношении лица в связи с осуществлением им социально полезной деятельности (например, судьи в связи с рассмотрением дела) более общественно опасно, чем административное правонарушение, поскольку посягает на несколько объектов уголовно-правовой охраны.

Наличие в объекте законодательной модели многообъектного правонарушения двух и более правовых благ, каждое из которых самостоятельно охраняется уголовным правом, и связанное с этим повышение уровня общественной опасности в сравнении с однообъектным правонарушением знаменует собой взаимопереход количественных и качественных изменений и требует межотраслевой дифференциации ответственности.

Единственным способом межотраслевой дифференциации уголовной и иной деликтной ответственности в этом случае является конструирование многообъектных составов преступлений небольшой тяжести. Эту *системную закономерность* можно охарактеризовать как системное преобразование.

Система многообъектных преступлений находится в *динамике*, т.е. она функционирует и развивается. **Функционирование** в данном случае – это реализация системой ее функции, т.е. той роли, которую эта система должна выполнять в уголовном праве. Тип строения законодательной системы многообъектных преступлений тесно связан с ее функциональными свойствами, что является *системной закономерностью*, обусловленной системообразующими параметрами.

Функции любой системы корреспондируют целям ее создания. Как уже отмечалось, общей функцией для системы многообъектных преступлений, ее подсистем и отдельных элементарных единиц является дифференциация

ответственности. Вместе с тем подсистемы и элементарные единицы системы многообъектных преступлений выполняют еще и другие специфические функции. Так, подсистемы многообъектных преступлений против какого-либо правового блага предназначены для наиболее полного учета всех форм общественно опасных посягательств на это благо, функция многообъектного состава преступления в усилении формализации пределов уголовной ответственности и сужении возможностей судебного усмотрения при назначении наказания. Специфическое предназначение производных законодательных моделей многообъектных преступлений заключается в компенсировании отсутствия многообъектного состава преступления.

Функционирование системы – это не единственно форма ее поведения, возможно также нейтральное («мертвые» нормы) и дисфункциональное поведение (неразрешимая конкуренция норм).

Развитие. Общий закон теории систем гласит: «Законы развития управляемого объекта теоретически уменьшают его возможное разнообразие. Они указывают, что движение (изменение) объекта управления протекает не хаотически и не в любых направлениях, а по определенным правилам»¹⁹¹. На этот естественный для любой системы процесс существенное влияние оказывают различные факторы, что приводит к многомерности процессов развития.

Первый фактор – это *возникновение новых подсистем*. На различных исторических этапах появлялись подсистемы законодательных моделей преступлений, совершенных общепасным способом, по экстремистскому мотиву, посредством вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей и т.д. В основе этих процессов лежат диалектические законы: борьба государства с преступностью и иными формами общественно опасного поведения, являясь по своей сути борьбой

¹⁹¹ Вдовин В.М., Суркова Л.Е., Валентинов В.А. Теория систем и системный анализ: учебник. М., 2014. С. 65.

противоположностей, на каком-то этапе обнаруживает неспособность уголовного закона эффективно противодействовать наиболее общественно опасным формам асоциального поведения, т.е. происходит отрицание эффективности уголовного закона. В результате посредством введения новых и совершенствования существующих уголовно-правовых запретов с учетом актуальных социальных реалий осуществляется переход государства на качественно новый уровень уголовно-правовой охраны социально значимых ценностей.

Второй фактор – это *соразвитие подсистем*. Системно-упорядочивающее начало нетрудно проследить на примере регламентации уголовной ответственности за преступления, совершенные по экстремистскому мотиву. В УК РСФСР была всего одна законодательная модель многообъектного преступления, содержащего данный признак – это состав убийства, совершенного на почве национальной или расовой вражды или розни (п. «м» ст. 102). С принятием УК РФ число таких законодательных моделей значительно увеличилось за счет конструирования пяти многообъектных составов преступлений и введения в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления по экстремистскому мотиву. Данный признак появился со временем еще в пяти составах преступлений, претерпел содержательные изменения, однако всегда формулировался единообразно как в многообъектных составах, так и в иных законодательных моделях многообъектных преступлений. Параллельно идет соразвитие системы преступлений, совершенных посредством применения насилия, общеопасным способом и др.

Основной *системной закономерностью* динамики законодательных систем многообъектных преступлений является их прогресс, который идет путем синтеза жизнеспособных структур и направлений, в результате чего осуществляется обогащение системы действенными организационными формами и новыми функциональными свойствами, обеспечивающими более эффективное разрешение актуальных проблем. При этом имеет место баланс

двух разнонаправленных процессов – отрицания и приемственности различных элементов и связей старого качества.

Задача настоящего параграфа – разработать основные параметры феномена системы многообъектных преступлений. Подробный анализ развития этих систем осуществлен в следующем параграфе настоящего диссертационного исследования.

III. Системоорганизующими параметрами выступают организационные механизмы, обеспечивающие функционирование системы. В теории систем к таким механизмам относятся обеспечение ресурсами, управление и самоорганизация. С данными параметрами связаны системные закономерности соотношения управления, спонтанной и детерминированной организации, а также влияния на эти процессы информационных ресурсов.

Несколько необычные, на первый взгляд, для правового явления параметры при более детальном изучении обнаруживают свою релевантность. Главным ресурсом для функционирования законодательной модели многообъектного преступления как системной законодательной конструкции является ее *информационное обеспечение*, т.е. толкование признаков преступления. Оно осуществляется по принципу единообразия и не требует дополнительных информационных ресурсов. Так, понятие хищения, данное в п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ, является одинаковым как для состава с одним объектом посягательства, так и для многообъектных составов хищения. Толкование признака насилия, опасного для жизни или здоровья, содержащееся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации о краже, грабеже разбое, универсально для всех законодательных моделей многообъектных преступлений, в конструкции которых есть этот признак. Таким образом, функционирование законодательных моделей многообъектных преступлений почти не требует дополнительных информационных ресурсов.

Управление законодательной системой многообъектных преступлений тесно связано с предыдущим параметром.

Во-первых, изменение толкования какого-либо признака преступления сужает или расширяет сферу применения всех составов преступлений и производных законодательных моделей, содержащих этот признак. Например, изменение содержания понятия тяжкого вреда здоровью отражается на квалификации всех многообъектных преступлений, содержащих этот признак.

Во-вторых, автономность многообъектного состава позволяет в необходимых государству случаях выводить его из-под воздействия общих тенденций. Так, несмотря на то что разбой является хищением, положения ст. 7.27 КоАП РФ о мелком хищении и связанные с ними процессы декриминализации, не затрагивают уголовную ответственность за данное преступление ввиду более высокой общественной опасности, обусловленной многообъектностью.

В-третьих, в процессе управления системой есть возможность оперативно оценивать и влиять на функциональность отдельных подсистем. Например, в ст. 191 УК РСФСР предусматривалась уголовная ответственность за сопротивление представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка. Произошедшие в стране социально-политические изменения привели к исчезновению института официального общественного представительства по охране общественного порядка. Соответствующая подсистема в многообъектном составе преступления утратила свою охранительную функцию, поэтому с принятием УК РФ она была исключена из конструкции соответствующего состава. Изложенное свидетельствует о наличии возможностей эффективного управления системой многообъектного состава преступления и системой многообъектных преступлений.

Вместе с тем законодательные модели многообъектных преступлений имеют высокую способность к самоорганизации, эта *системная закономерность* основана на том, что *рассматриваемая система насыщена*

различными гранями и плоскостями пересечения с иными правовыми явлениями, в том числе существующими вне уголовно-правового поля.

Наибольший потенциал самоорганизации присущ тем моделям, в которых закреплены бланкетные и оценочные признаки преступления. *Чем больше таких признаков, тем более вероятны спонтанные и детерминируемые процессы самоорганизации законодательной модели многообъектного преступления в силу поступления извне информационных ресурсов.* Эта закономерность обусловлена двумя факторами: 1) содержательной изменчивостью названных признаков и 2) сложностью конструкции законодательной модели преступления, куда они структурно входят и вступают во взаимодействие с другими признаками.

При изменении «информационного ресурса» (т.е. толкования признака) в законодательной модели многообъектного преступления могут *спонтанно* возникать новые или исчезать существующие структуры. В качестве примера приведем многообъектный состав преступления, закрепленный в ст. 295 УК РФ. Одним из видов потерпевших в нем определено «иное лицо, участвующее в отправлении правосудия». Данный бланкетный признак раскрывается с учетом норм процессуального законодательства. Упразднение института народных заседателей, не имевшее отношение к вопросам уголовно-правового регулирования, привело, однако, к спонтанному изменению системы данного состава преступления, причем очень необычному. Сегодня народные заседатели уже не могут являться потерпевшими от посягательства в целях воспрепятствования осуществлению правосудия. Однако совершение посягательства из мести за осуществление обязанностей народного заседателя в прошлом может квалифицироваться по указанным нормам и сейчас.

Вместе с тем мы не можем отрицать и механизмы спонтанной самоорганизации рассматриваемых систем, имеющие негативные последствия в виде «мертвых» норм, неразрешимой конкуренции норм и т.д. Так, статьей 127² УК РФ «Использование рабского труда» предусмотрена

уголовная ответственность за использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг). Состав содержит два объекта посягательства: свободу труда и физическую свободу человека, поскольку рабский статус труда предполагает рабское положение потерпевшего, присущее объекту права собственности. Необходимость установления последнего существенно осложняет борьбу с принудительным трудом, ради которой и вводилась ст. 127² УК РФ. Норма фактически бездействует (в 2015 г. осуждено 4 человека, в 2016 г. – 4, в 2017 г. – 1), применяется только в случаях, когда способом совершения преступления выступает применение насилия (по ч. 1 ст. 127² УК РФ не осуждено ни одного человека). Динамика закрепленных в статье составов свидетельствует об их неэффективном функционировании.

Таким образом, *системной закономерностью спонтанного развития законодательной системы многообъектных преступлений является ее нелинейная зависимость от иницирующих факторов.*

Помимо спонтанных процессов законодательные модели многообъектных преступлений подвержены детерминированным процессам самоорганизации. *К детерминирующим факторам относятся выработанные уголовно-правовой доктриной и практикой правила квалификации.* Так, правила квалификации сложных насильственных преступлений существенно влияют на систему многообъектного состава преступления, включающего признак применения насилия. В зависимости от признания или непризнания необходимости квалификации сложного насильственного преступления по совокупности с преступлением против здоровья варьируется объем насилия, выступающего составообразующим признаком сложного насильственного преступления.

Высокая способность законодательных моделей многообъектных преступлений к самоорганизации, и соответственно *возрастающие риски дефективности функционирования системы,* должны учитываться при

осуществлении уголовного нормотворчества, которое, как уже было отмечено, представляет собой процесс управления системой. Условием эффективности такого управления является *согласованность управляющего воздействия с синергетическими тенденциями, возникающими внутри законодательной системы, с ее устойчивым состоянием, реакциями на внешнее воздействие и вектором развития.*

С другой стороны, высокая способность к самоорганизации законодательных моделей многообъектных преступлений, их систем и метасистем обеспечивает своего рода «*эффект люфта*», когда функционирование системы выравнивается за счет самоорганизации без внешнего управления системой. Рассмотрим этот эффект на примере сложных насильственных преступлений. Изменение санкций норм, содержащихся в гл. 16 УК РФ, может изменить квалификацию сложного насильственного преступления, потребовав квалификацию по совокупности или исключив таковую. Поэтому изменение санкций преступлений, предусмотренных гл. 16 УК РФ, не требует одновременного внесения изменения в санкции всех сложных насильственных преступлений. Система преступлений, посягающих на жизнь и здоровье, куда входят, в том числе и сложные насильственные преступления, сама выравнивает свое функционирование за счет механизмов самоорганизации.

Изложенное позволяет сделать вывод, что на уровне системоорганизующих параметров *факторами интеграции системы* выступают единство управления подсистемами, действие механизма самоорганизации и связи информационного взаимодействия.

§ 2. История развития систем многообъектных преступлений

Как уже было сказано, одним из системообразующих параметров системы выступает ее динамика, объединяющая два взаимосвязанных процесса – функционирование и развитие. Поиск закономерностей в эволюции систем представляет собой важный этап системного подхода, способствующий углублению научного знания об объекте исследования и позволяющий оценить его эволюционную перспективность, ибо «не результат есть действительно целое, а результат вместе со своим становлением» (Г. Гегель).

Развитие системы включает в себя несколько этапов: возникновение, становление, эволюцию и разрушение. В основе развития системы многообъектных преступлений лежит взаимосвязь их социальной сущности и конкретно-исторических условий. Причина этой корреляции в следующих особенностях. Во-первых, направленность поведения человека определяется системой присвоенных общественно-исторических ценностей¹⁹². Во-вторых, деятельности человека присущи общественно-исторически сформировавшиеся средства и способы, передаваемые ему окружающими людьми¹⁹³. В-третьих, не только деятельность человека, но и нормативное регулирование тесно связаны с историческим развитием общества. Так, С.И. Вележев отмечает: «Нормативность как свойство социальной организации отражает и закрепляет закономерности возникновения, развития, изменения и прекращения общественных отношений. Посредством правовых норм закрепляется то общее, что связывает отдельные казусы в единое целое – обусловленное причинно-следственными связями социальное взаимодействие. Нормативность есть отражение этого общего,

¹⁹² *Ткаченко А.Н.* Развитие категориального строя психологической науки (принципы и методологические предпосылки построения современной системы психологических знаний): автореф. дис ... докт. психол. наук. Киев-М., 1982. С. 11.

¹⁹³ *Леонтьев А.Н.* Указ. соч. С. 97.

существующего объективно, в человеческом сознании.»¹⁹⁴. Таким образом, в основе социально-правовой обусловленности уголовно-правовых норм лежит триединство человеческого сознания, нормативно-правового регулирования и общественного развития, взятого в определенном историческом срезе.

Любой эпохе развития общества и государства сопутствовало исторически определенное представление о наказании за нарушение законов государства. Условия жизни того или иного общества оказывают непосредственное влияние на содержание уголовно-правовых норм, установленных законом. Вместе с тем не будем идеализировать и признаем, что субъективная воля законодателя вносит свои коррективы.

Социально-правовая обусловленность установления ответственности и определения уровня ее строгости детерминированы особенностями исторического развития государства и спецификой его общественно-экономических устоев и принципов.

Методология. Исследование исторически обусловленных закономерностей формирования уголовно-правовых норм об ответственности за многообъектные преступления целесообразно проводить на основе *эволюционного подхода*. Этот подход в науке сформировался на стыке различных сфер познания. Основные принципы эволюционного подхода как в естественных, так и в гуманитарных науках заимствованы из эволюционной биологии. Анализ правовых источников в исторической ретроспективе, взятой в мировом масштабе, показывает, что в системе права существуют аналоги природных механизмов наследственности, изменчивости, естественного отбора и разнообразия, поэтому есть все основания относить юридическую науку к числу эволюционных дисциплин.

Эволюционный подход предполагает рассмотрение явлений в качестве изменяющихся систем. В связи с этим он в полной мере применим к исследованию многообъектных преступлений, поскольку законодательная

¹⁹⁴ Вележев С.И. Нормативность и казуальность права: теоретико-методологический и сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2005. С. 12.

регламентация ответственности за их совершение, как мы показали в предыдущем параграфе, являет собой систему. Достоинство эволюционного подхода заключается в том, что он позволяет изучить процессы, происходящие в объекте познания под воздействием окружающей его среды, что весьма затруднительно при обращении исключительно к компаративистике.

В рамках эволюционного подхода мы применяем *институционально-эволюционный подход к исследованию*, который предполагает «сквозное» изучение различных государственных и общественных институтов, взятых в срезе одной эпохи. При этом мы используем сочетание конкретно-исторического метода исследования с методами синхронного и диахронного сравнения. Необходимость применения этого подхода продиктована тем, что историческая эпоха представляет собой «единицу периодизации исторического процесса, выделяющую качественно специфический период развития человечества»¹⁹⁵. Каждая эпоха выдвигает свои критерии общественной опасности деяния и определения ее степени, поэтому законодательно закреплённая оценка тяжести преступлений исторически изменчива, зависит от особенностей государственных и иных институтов конкретной эпохи. В условиях неоднозначности подходов к исторической периодизации мы посчитали наиболее приемлемым для нашего исследования *использование сочетания формационного и цивилизационного подходов к исторической периодизации*, что позволяет провести анализ интересующих нас уголовно-правовых норм в полном объеме.

Второй методологической основой является изучение законодательных систем многообъектных преступлений сквозь призму «человеческого измерения» рассматриваемых правовых явлений. Уголовное право выступает «зеркалом» жизни общества, а исторические процессы во многом обусловлены личностью, ее сознанием, культурой, мировоззрением и

¹⁹⁵ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН. М.: Мысль, 2000—2001. Т. 4. С. 451—452.

опытом. Они же формируют средства и способы поведения человека, а также систему ценностей в обществе и подходы государства к уголовно-правовой охране этих ценностей. Как было отмечено в предыдущей главе, сущностными характеристиками многообъектных преступлений являются посягательство на несколько социально значимых ценностей, выступающих объектами уголовно-правовой охраны, а также особый механизм поведения, причиняющего вред. «Человеческое измерение» этих конструктов позволяет не только увидеть логику исторического развития законодательных систем многообъектных преступлений, но и наметить перспективы их развития с учетом знаний социальных наук.

Третьим методологическим принципом исторического исследования законодательных систем многообъектных преступлений мы взяли *отображение системы со стороны среды (метасистем)*, который предполагает ретроспективную оценку уголовной ответственности за многообъектные преступления с учетом всех уголовно-правовых норм, взятых в определенном историческом срезе. Если в предыдущем параграфе нами исследовались вопросы взаимодействия законодательной системы преступлений с внешней средой, то на настоящем этапе ставятся иные задачи: выявление таких проявлений систем, которые невидимы «изнутри», и дополнение научных представлений о сущности рассматриваемых систем знаниями, полученными из их анализа со стороны метасистем. Изучение объекта познания с этого ракурса контрастно проявляет его качества и тенденции развития.

Наконец, четвертый методологический принцип заключается в потенциальной сравнимости уголовно-правовых норм, что предполагает акцент на их функциональной стороне, т.е. на том, как эти нормы решают актуальные для своего времени социальные проблемы, связанные с необходимостью дифференциации ответственности за посягательство на два и более правовых блага.

Исследовательская часть. Очевидно, что о преступлении как социально-правовом явлении можно говорить с момента появления первых уголовно-правовых источников, в которых предусматривалась ответственность за посягательства на различные правовые блага.

Убийство человека человеком, другие виды физического насилия, присвоение чужих вещей, захват чужих территорий для проживания существовали задолго до появления государственности. В первых нормах, получивших свое законодательное закрепление, в качестве объектов уголовно-правовой охраны провозглашались жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность, половая свобода, честь, достоинство личности, собственность, формирующиеся начала государственной власти, к числу которых относятся и сословная структуризация общества. Тогда же возникли и многообъектные составы преступлений. Причиной тому было стремление государственной власти оптимизировать противодействие посягательствам на перечисленные блага в том числе посредством усиления ответственности за одновременное причинение нескольким из них, а также стремление охватить системой запретов все варианты посягательства на то или иное охраняемое благо (см. предыдущий параграф).

Первые уголовно-правовые нормы появились в рабовладельческих государственных образованиях *Древнего Востока* (IV - III тысячелетия до н.э.). Несмотря на определенные различия, обусловленные особенностями времени существования¹⁹⁶, уклада, социальных и политических институтов, культуры, быта, мировоззрений и религии, мы выделили общие закономерности, свойственные правовой регламентации ответственности за многообъектные преступления в протогосударствах Древнего Востока.

Возвышение правящего и жреческого сословий, появление богатого царско-храмового хозяйства сопровождались возведением государственной власти и религии в ранг наивысших ценностей, охраняемых правом. Суть в

¹⁹⁶ Стадия восточной древности охватывает период III – I тысячелетия до н.э.

том, что в клерикальных и теократических государствах религиозные устои представляют собой составную часть общественного и государственного строя. В связи с этим наиболее тяжкими преступлениями признавались посягательства на верховного правителя, на священнослужителей, дворцовую и храмовую собственность («Книга мертвых» (Древний Египет), Законы Хаммурапи (Месопотамия), Законы Ману (Древняя Индия)). Эти же преступления составляли и самую обширную группу многообъектных преступлений в праве Древнего Востока.

Уголовно-правовая охрана сословной иерархии выражалась в том, что более высокий статус преступника являлся основанием для смягчения, а более высокий статус потерпевшего – основанием для отягчения ответственности. Влияние социального (классового) статуса преступника на строгость уголовной ответственности свидетельствует о присущности ей сословного принципа и находится вне плоскости настоящего исследования. Между тем дифференциация уголовной ответственности в зависимости от социального (сословного) статуса потерпевшего имеет иную правовую природу, основанную на наличии в преступлении еще одного объекта посягательства – сословной иерархии, которая заключалась в социальном превосходстве отдельных групп людей, выступающего основой государственного строя.

Вторую черту многообъектных преступлений по древневосточному праву определяла его синкретичность с нормами религии и морали. Так, в Древнеиндийской Артхашастре повреждение и уничтожение общественно значимых объектов и объектов царской собственности рассматривались как оскорбление царя (КА, III, 19(30)).

В-третьих, многим источникам уголовного права Древнего Востока был свойственен *сакральный характер*. Данная особенность правовой культуры нашла отражение в специфике законодательной регламентации ответственности за многообъектные преступления. Например, в Китае сыновья почтительность (священный принцип «сяо») – это одно из

центральных понятий в конфуцианской этике. Однако историки отмечают, что «в эпоху династии Хань (III в. до н.э. - III в. н.э.) «почитание родителей» было постепенно соединено с «преданностью», после чего служение родителям и лояльность к императору стали представлять единое целое. ... В этот период произошла официальная политизация ведущего принципа конфуцианской морали, которая подняла «преданность» на уровень «сыновней почтительности» подданных по отношению к власти в лице императора»¹⁹⁷. Поэтому в Древнем Китае если заведомо ложный донос карался тем наказанием, которое грозило оклеветанному, то аналогичное деяние, совершенное в отношении родственника, влекло смертную казнь.

Итак, систему преступлений, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла на определенный объект, в праве стран Древнего Востока составляли многообъектные преступления против государственной власти, религии и сословной иерархии. При этом механизм причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны представлял собой негативное воздействие на людей или предметы, которые не только обеспечивали существование этих институтов, но и олицетворяли их.

В качестве преступлений, многообъектность которых обусловлена способом совершения, выделялись сложные насильственные преступления – посягательства на собственность, на половую свободу и половую неприкосновенность личности (изнасилование). В ряде случаев преступления против половой свободы имели и третий объект. Например, Среднеассирийскими законами предусматривалась более строгая ответственность за изнасилование замужней женщины, чем незамужней, поскольку оно рассматривалось как преступление против семейных устоев (III, 55 - 56). Вторым общественно опасным способом совершения преступления считался поджог. Очевидно, что человек, формируясь как вид, сохранил в своем сознании устойчивые модели разрушительного

¹⁹⁷ Кокарев К.А. Эволюция политических режимов в Китае в период реформ :1976-2002 гг.: автореф. ... дис. докт. истор. наук. М., 2005. С. 8.

воздействия, сложившиеся в процессе эволюции живой природы. Использование хорошо усвоенных еще в первобытный период деструктивных возможностей насилия и огня позволяло человеку эффективно и целенаправленно реализовывать противоправные цели.

Таким образом, законодательная регламентация ответственности за многообъектные преступления в источниках права Древнего Востока была обусловлена мировоззрением древних людей, *в котором личность воспринималась как представитель сословия, среди объектов уголовно-правовой охраны наивысшей ценностью обладали царская власть и религия, среди общественно опасных способов совершения преступления рассматривалось применение насилия и поджог.*

Государства *античного мира*, возникшие в III тысячелетии до н.э. и просуществовавшие до начала I тысячелетия н.э., представляли собой более высокую ступень развития цивилизации, при этом находились в тесном взаимодействии с восточным миром (экономические, культурные и иные связи). Контакт с восточными странами способствовал заимствованию и переосмыслению их правового опыта, тем более, что современная наука отрицает тезис о происхождении античных государств в результате разложения родового строя, признавая влияние внешнего фактора¹⁹⁸.

Афинское и римское право, по сравнению с правом Древнего Востока, имело бóльшую самостоятельность от обычаев, норм религии и морали. Вместе с тем законодательные системы многообъектных преступлений во многом походили на древневосточные: те же объекты уголовно-правовой охраны и механизмы причинения вреда. По-прежнему в центре внимания сословная иерархия, деятельность представителей государственной власти и религиозных культов. Эта черта ярко проявилась в период кризиса республиканских институтов и роста всевластия императора.

¹⁹⁸ История государства и права зарубежных стран: в 2 т. Т. 1: Древний мир и Средние века. С. 177.

В Древнем Риме особый статус некоторых многообъектных преступлений в силу повышенной общественной опасности признавался не только в уголовном, но и в уголовно-процессуальном праве. В соответствии с Законами XII таблиц (V в. до н.э.) уголовный процесс был двух видов: частный и государственный. Частный процесс применялся в случаях совершения частных деликтов (*delictum privatum*), при этом потерпевшая сторона сама возбуждала дело и проводила предварительное расследование, добывала доказательства. Напротив, публичные деликты (*delicta publica*), имели место, когда затрагивались интересы римской общины. В этом случае процесс носил государственный характер, дело в таких случаях возбуждал и контролировал царь, нередко до суда нарушителя подвергали аресту. За публичные деликты, как правило, назначалась смертная казнь. Многообъектность преступления являлась основанием для признания деяния публичным деликтом, в то время как деяние-компонент, образующее структуру этого преступления являлось частным деликтом. Например, повреждение или уничтожение чужого имущества влекло возмещение вреда потерпевшему, а поджигание строения наказывалось смертной казнью (Таблица VIII п. 10), поскольку данный способ совершения преступления меняет структуру объекта повреждения или уничтожения чужого имущества, существенно повышая его общественную опасность. Аналогичным образом дифференцировалась ответственность за «простые» хищения и хищения с применением насилия, за «простую» обиду (*iniuria*) и обиду лица, занимающего высокое место в социальной иерархии.

На законодательную систему многообъектных преступлений в римском праве существенное влияние оказал прогресс в области юридической техники. Законы XII таблиц представляли собой первый писанный источник римского права, где четко прослеживается различие основных и квалифицированных составов деликтов.

В качестве промежуточного вывода отметим, что уголовное право Древнего мира отличало небольшое число многообъектных составов

преступлений, что было обусловлено незначительным количеством объектов уголовно-правовой охраны (жизнь, здоровье, половая свобода и неприкосновенность, интересы семьи, собственность, государственная власть, религиозный культ, сословная иерархия) и общественно опасных способов совершения преступлений (применение насилия и поджог). Кроме того, фрагментарность и бессистемность уголовно-правовых норм Древнего мира, являющиеся результатом их обычноправовой основы, препятствовали созданию полноценных систем многообъектных преступлений в рассматриваемый исторический период, хотя их зарождение было очевидно. Данную стадию можно охарактеризовать как этап системогенеза, на котором формируются протосистемы многообъектных преступлений.

В Средние века, берущие свое начало с падения Западной Римской империи и продолжавшиеся вплоть до эпохи Возрождения (XVI в.), государства прошли путь от протогосударств и варварских королевств до централизованных национальных государств. Средневековье характеризуется феодальным способом производства и монархической формой правления (раннефеодальная, сеньориальная, сословно-представительная и абсолютная), сложными взаимоотношениями (от симбиоза до конфликта) между церковью и государством, повышением политической и социальной роли городского населения. Средневековье на Востоке начинается с таких исторических вех, как объединение Китая династией Суй, падение империи Гуптов в Индии, формирование государственности в Японии, возникновение воинствующей религиозной общины – государства Арабский халифат; и завершается гораздо позже, чем в Западной Европе, с зарождением элементов капитализма (XVIII – XIX в.).

Особенностью средневекового права Западной Европы было влияние церковного и рецепция римского права, Востока – традиционность, консерватизм, синкретизм норм права, морали и религии.

По мере исторического развития общества и нормативно-правового регулирования его жизни, система многообъектных преступлений развивалась в сторону усложнения. *В основе этого процесса лежали происходящие изменения в социально-политической сфере, в общественном сознании и психологии людей, что привело к увеличению числа правовых благ, в том числе охраняемых уголовным правом, и способов посягательства на них.*

В средневековом (феодалном) праве благами, входящим в структуру полинуклеарного объекта ряда составов преступлений против личности и собственности, выступали *государственная власть, церковь и религия, военная безопасность, международный мир, сословная иерархия, актуальная культура.*

Большинство из них по сей день образуют объекты многообъектных преступлений, однако способ конструирования многообъектных признаков существенно изменился. Анализ феодальных источников права позволил нам выделить следующие особенности законодательных моделей многообъектных преступлений.

1. Средневековому периоду уголовного права не было свойственно выделение *Общей части*, что обуславливало высокую степень казуистичности уголовно-правовых норм. В связи с этим многообъектными были лишь те преступления, которые имели *многообъектный состав*.

2. Средневековые государства являлись религиозными, поэтому средневековое право испытывало *большое влияние религии или этико-философских учений*, что отразилось на системе многообъектных преступлений. В странах Западной Европы помимо конструирования квалифицированных составов преступлений против личности и против собственности, совершенных в отношении лица или имущества, связанных с богослужением, это влияние выразилось в борьбе с отживающими традициями, не соответствующими новому уровню развития цивилизации. Данное обстоятельство не только привело к появлению такого специфического объекта уголовно-правовой охраны как *актуальная*

*культура*¹⁹⁹, но и отразилось на законодательных моделях многообъектных преступлений. Борьба с языческими культурами в Западной Европе привела к тому, что в ряде варварских правд был установлен запрет на сжигание ведьм. Доселе разрешенное и даже одобряемое в обществе посягательство на жизнь было криминализовано по причине своей многообъектности.

Синкретизм ислама и мусульманского права во многом обусловил отсутствие в последнем системы многообъектных преступлений. В нормах шариата не был развит институт отягчающих обстоятельств, дифференциация ответственности осуществлялась по следующему принципу. Преступления делились на три группы: посягательства на «права Аллаха», т.е. на права всей мусульманской общины (вероотступничество, сопротивление властям, кража, ложное обвинение в прелюбодеянии и т.д.), преступления, посягающие на права отдельных лиц, и преступления, признаваемые таковыми не основными источниками шариата, а правовой доктриной. За первые (хадд) была предусмотрена смертная казнь, за вторые (кисас) – наказание по принципу талиона и кровная месть, за третьи (тазир) размер наказания законом не устанавливался, а назначался в каждом конкретном случае по усмотрению судей с учетом мнения муджтахидов. Такой подход к дифференциации ответственности исключает необходимость конструирования законодательных моделей многообъектных преступлений.

В уголовном праве Средневекового Китая, напротив, под влиянием ортодоксального конфуцианства сформировался высокий уровень дифференциации публично-правовой ответственности, поскольку в основу наказания был положен конфуцианский постулат о восстановлении гармонии в мире. Китайская религиозно-философская мысль уделяла серьезное внимание соизмеримости тяжести преступления и урона, причиненного гармонии. В Своде законов династии Тан (653 г.) искомый уровень дифференциации тяжести преступлений обеспечивался, в том числе,

¹⁹⁹ Актуальная культура – это важная, существенная для настоящего момента совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей.

посредством создания законодательной системы многообъектных преступлений. Так, в названном законе существовала система составов преступлений против моральных устоев в семье, охраняемых уголовным правом как основы мировой гармонии. В эту группу преступлений входили различные посягательства на жизнь, здоровье, честь и достоинство близких родственников, мужа. Аналогичным образом осуществлялась охрана других основ гармоничного миропорядка: моральные устои служебных и учебных отношений, подчинения власти и др. Этот опыт построения системы многообъектных преступлений был заимствован средневековой Японией.

3. Специфическим объектом посягательства в многообъектных преступлениях эпохи феодализма являлась *жесткая сословная иерархия, выходящая за рамки классовой дифференциации*, как основа общественного строя эпохи абсолютизма и сословно-представительной монархии. Сословная иерархия в качестве дополнительного объекта преступления выступала в составах преступлений против жизни, здоровья, чести и достоинства личности во многих источниках уголовного права: в Тюрингской Правде англосаксов и варнов (IX в.), Винодольском уставе хорватов (XIII в.), древнеармянском Судебнике Смбата (XIII в.). Их анализ показывает, что в средневековом праве приоритет имели сословные интересы аристократии, а не интересы общества в целом. Среди норм уголовного права центральное место занимали те, что непосредственно защищали представителей власти и лиц, обеспечивающих ее осуществление.

Так, статья 1 краткой редакции Русской Правды (XI в.) предусматривала наказание за убийство княжеского дружинника, княжеского приказчика, тиуна, судебного должностного лица²⁰⁰. Эта категория лиц пользовалась особой защитой. Кроме того, Русской Правдой предусматривалась уголовная ответственность за угрозу жизни и здоровью вирника (лица, исполнявшего судебное решение). В Новгородской судной

²⁰⁰ Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 1. М., 1984. С. 47, 50.

грамоте (1440 г.) и Псковской судной грамоте (1467 г.) устанавливалась уголовная ответственность за посягательства на участников судопроизводства, при этом наглядно демонстрировалось неравный статус последних²⁰¹. Представители феодальной аристократии занимали самое привилегированное положение: любое посягательство на них каралось суровыми мерами. Аналогичные действия, совершенные в отношении посадника, тысяцкого, владычного наместника, иных судей, наказывались штрафом в зависимости от сословной принадлежности потерпевшего²⁰². Указанные преступления посягали на три правовых блага: личность, нормальную деятельность по осуществлению правосудия и сословную иерархию как основу общественного строя.

В период позднего Средневековья, когда сословия окончательно оформились, охрана сословной иерархии приобрела новую особенность – усиление защиты городского населения, в первую очередь, его верхушки. В связи с этим в России в ст. 26 Судебника 1550 г. устанавливалась разная ответственность за оскорбление, наиболее строгое наказание следовало за нанесения бесчестия боярам, занимавшим высокое служебное положение, и «гостям большим» (т.е. представителю городской верхушки), наименьшее – за бесчестие боярского человека, черного городецкого и черносошного крестьянина. Средний размер наказания устанавливался за оскорбление купцов и торгово-ремесленного населения городов.

4. Следование европейского средневекового права христианским заповедями, в числе которых было признание божественного происхождения судебной власти²⁰³, привело к формированию во многих источниках блока уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за посягательства на интересы правосудия. В их числе было немало многообъектных составов. Например, в России, начиная с Соборного

²⁰¹ Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 337, 369.

²⁰² Там же. С. 310.

²⁰³ Библейские постулаты требовали беспрекословного уважения к суду: «судей не злословь, и начальника в народе своем не поноси», одновременно призывая к подлинному и справедливому правосудию.

уложения 1649 г., зарождается тенденция консолидирования норм, предусматривающих ответственность за преступления против правосудия (гл. X «О суде»). В этом источнике права содержится ряд уголовно-правовых норм, направленных на защиту безопасности лиц, осуществляющих правосудие. В частности, ст. 106 гл. X Уложения устанавливает ответственность за причинение судье телесных повреждений, убийство судьи, за которые предусматривалось наказание в виде отсечения руки и смертная казнь соответственно. Предусматривалась ответственность за различные нарушения порядка во время судебного разбирательства: оскорбления, драки, убийства (ст. 105 гл. X). Появилась уголовная ответственность за неуважение к суду: преступлением считалась брань между истцом и ответчиком перед судьями, а также оскорбление судьи как во время судебного процесса, так и вне него (ст. 105 - 106). Уголовная ответственность за клевету ограничивалась ответственностью за ложное обвинение судьи во взяточничестве.

5. Для многообъектных преступлений периода феодализма было присуще *опосредованное причинение вреда* одному объекту через посягательство на другое правовое благо. В основе этого подхода к конструированию уголовно-правовых запретов лежал широко распространенный в эпоху Средневековья принцип объективного вменения.

Так, посягательство на личность человека, осуществляющего общественно полезную деятельность, результаты которой охранялись уголовным правом, признавалось многообъектным *независимо от связи преступления с осуществлением этой деятельности*. Например, по Салической правде (к. V – н. VI в.) убийство человека, состоящего на королевской службе, наказывалось в три раза строже, чем убийство свободного франка. Статья 1 краткой редакции Русской Правды (XI в.) предусматривала наказания за убийство княжеского дружинника, княжеского

приказчика, тиуна, судебного должностного лица²⁰⁴. Аналогичным образом защищались имущественные права данных лиц: по Салической правде кража королевского быка каралась в два раза строже, чем кража быка у простого франка.

Учет опосредованного причинения вреда и господство принципа объективного вменения послужили основанием для появления многообъектных преступлений, гипотетически причиняющие вред еще одному объекту уголовно-правовой охраны. Например, посредством конструирования многообъектных составов преступлений предусматривалась повышенная уголовная ответственность за посягательство на лицо, гипотетически причастное к укреплению обороноспособности государства. Типичной особенностью всех варварских правд была усиленная охрана жизни мальчиков, которые рассматривались в качестве будущих воинов, а также жизни, здоровья чести и достоинства свободных женщин. Так, по Салической Правде тройной вергельд полагался за убийство женщины, находившейся в детородном возрасте. Состояние беременности еще больше увеличивало штраф. Если же потерпевшая утратила способность рожать детей, выплачивался обычный вергельд. Нормы о посягательствах на беременных женщин и женщин детородного возраста закреплялись в гл. XXIV «Об убийстве мальчиков», поскольку такую женщину воспринимали как потенциальную мать будущего воина. Дополнительным объектом названных составов преступлений выступала военная безопасность государства.

В памятниках феодального права к числу составов преступлений, дополнительным объектом которых также выступала обороноспособность государства, можно отнести отрывание пальца, которым натягивают лук. Наказание за такое преступление составляла 35 солидов, в то время как за

²⁰⁴ Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 1. М., 1984. С. 47, 50.

отрывание других пальцев – 9 солидов (Салическая Правда. XXIX. О нанесении увечий).

Другим примером учета опосредованного причинения вреда является рассмотрение в качестве преступлений против собственности убийства лиц, осуществляющих охрану имущества. По Алеманнской Правде (к. VI-VIII в.) размер наказания за убийство пастуха зависел от численности поголовья скота, которое пас потерпевший (ст. 80).

Сказанное позволяет прийти к выводу, что источники уголовного права эпохи средневекового феодализма выражали еще племенное сознание людей, в котором личность не отделена от коллектива²⁰⁵. При таком подходе человек, прежде всего, оценивался через призму принадлежности к общине с позиции полезности для нее, что нашло отражение в понимании механизма причинения вреда публичным интересам посредством физического или даже гипотетического устранения индивидуума из системы обеспечения публичных интересов.

6. Специфической чертой феодального права выступал *символизм*. При восприятии символа в сознании человека посредством ассоциативной связи происходит переход от означающего к означаемому. Существование символа указывает на значимость того или иного явления как для отдельного человека, так и для групп людей, всего общества в целом. Символ отличается ценностным характером значения, неким симбиозом идейного начала и эмоциональной оценки. Для уголовного права рассматриваемой эпохи было характерно выражение объекта уголовно-правовой охраны через символ, посягательство на который считалось посягательством на сам объект.

По причине символического характера некоторых частей тела или отдельных способов побоев в средневековом праве достаточно сложно провести грань между посягательством на здоровье или физическую неприкосновенность и посягательством на честь и достоинство личности.

²⁰⁵ История государства и права зарубежных стран: в 2 т. Т. 1. М., 2009. С. 415.

Например, в соответствии с Краткой Правдой (Правдой Ярослава) оскорблением действием считалось вырывание усов и бороды, нанесение ударов батоном, жердью, пястью, чашей, рогом, мечом плашмя, мечом в ножнах или рукоятью меча; по Салической Правде – удар палкой или кулаком; по Форалу Лиссабона (XII в.) – бросок экскрементов в лицо; по чешскому Ряду земского права (XIV в.) – пощечина; по Баварской Правде – вырывание волос женщине.

Таким образом, символизм обуславливал специфику механизма причинения вреда чести и достоинству личности.

7. Зачастую дополнительный *объект преступления характеризовался местом его совершения*. Очевидно, что обстоятельством, повышающим ответственность, в данном случае выступал не признак места сам по себе, а причинение вреда или создание угрозы причинения вреда не только личному, но и общественному правовому благу.

Обстоятельством, отягчающим убийство, выступало, например, совершение его на территории феодального домена (Русская Правда и Алеманнская Правда). Столь серьезный характер общественной опасности такого убийства объясняется территориальной близостью к лицам, наделенным государственно-властными полномочиями. Так, ст. 29 Алеманнской Правды гласила: если кто-либо убьет человека во дворе герцога, который там гуляет или оттуда возвращается, то должен уплатить три виры за то, что нарушил приказ герцога, чтобы каждый человек пользовался миром (чтобы ему был обеспечен мир), когда он идет к герцогу или возвращается оттуда.

Квалифицирующим признаком также выступало совершение преступления в непосредственной физической близости от королевской персоны. Например, «если король пирует в чьем-нибудь доме и там в это время кто-либо совершит преступление, [виновный должен] уплатить двойное возмещение [против обычного]» (п. 3 Законов Этельберга (VI – VII в.)). В России строго каралось не только причинение вреда жизни или

здоровью, совершенное во дворе государя, но даже обнажение оружия в этом месте; при этом ответственность дифференцировалась в зависимости от присутствия или отсутствия государя в момент совершения деяния (ст. 4 – 5 Соборного Уложения 1649 г.)²⁰⁶. Эти примеры наглядно показывают, как признаки объективной стороны (место и обстановка) без какой-либо связи с направленностью умысла очерчивали один из объектов посягательства в рассматриваемых многообъектных преступлениях – государственную власть.

Не стоит забывать, что церковь активно участвовала в нормотворчестве, благодаря чему появилась такая правовая категория, как «оскорбление или неуважение церкви». Как следствие, в Алеманнской и в Баварской Правдах (VII-VIII в.), в Соборном Уложении 1649 г. выделяется группа преступлений (включая кражу, убийство), квалифицирующим признаком которых является место их совершения – в церкви или во дворе церкви. О том, что это не просто специальный признак объективной стороны преступления, а признак, обуславливающий многообъектность преступления, свидетельствует тот факт, что указанные преступления относились к числу «оскорблений церкви», «церковному мятежу», влекли штраф не в пользу потерпевшего или его родственников, а в пользу церкви (Западная Европа), либо сурово наказывались (Россия).

Таким образом, отличительной чертой конструирования законодательных моделей многообъектных преступлений в период Средневековья было выражение многообъектности преступления через объективные признаки места и обстановки его совершения, а также статуса потерпевшего без учета направленности умысла. Это соответствовало специфике феодального уголовного права, характерной особенностью которого были включение в диспозицию нормы преимущественно объективных признаков общественно опасного деяния и допустимость объективного вменения. Сегодня подобных составов

²⁰⁶ Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 3. М., 1985. С. 90.

преступлений крайне мало, в качестве примера можно привести сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный в следственном изоляторе или исправительном учреждении.

8. Особенность многообъектных составов преступлений, закрепленных в законодательных источниках феодального периода, заключалась в том, что в подавляющем большинстве рассматриваемых составов многообъектность преступлений была обусловлена направленностью умысла на определенный объект. Число составов, в которых многообъектность обусловлена способом совершения преступления, невелико – обычно это разбой, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, а также убийство и уничтожение (повреждение) чужого имущества посредством поджога. *Это объясняется двумя факторами: ориентированностью названных нормативных правовых актов на приоритетную защиту публичных интересов и относительно невысокой вариативностью поведения человека в период выхода из первобытнообщинного строя и в эпоху Средневековья.*

Изложенное привело нас к следующему предварительному выводу. По сравнению с правом Древнего мира в средневековом уголовном праве увеличилось число многообъектных составов преступлений, что было обусловлено расширением круга объектов уголовно-правовой охраны (в качестве таковых стали рассматриваться военная безопасность, международный мир, сословная иерархия, актуальная культура) и усложнением в общественном сознании механизмов причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны. При этом «набор» общественно опасных способов совершения преступлений в силу невысокой вариативности поведения остался прежним (применение насилия и поджог). Сложились первые законодательные системы многообъектных преступлений, чему способствовали такие факторы, как появление относительно систематизированных письменных источников права и огромное влияние религиозно-философской мысли на содержание права. Вместе с тем в

мусульманском праве это влияние привело к обратному эффекту – к отсутствию системы многообъектных преступлений.

Разделение историко-правового материала на периоды Нового (XVII – XIX в.) и Новейшего (XX в.) времени отечественные специалисты в области истории права считают нецелесообразным по причине искусственности такого подхода, неопределенности временных рамок обозначенных периодов и невозможности выстроить полную и логически завершенную панораму развития права в *Современную эпоху*. Такой методологический подход вполне обоснован, и мы в своем диссертационном исследовании также прибегнем к нему, однако, полагаем необходимым разделить в качестве предмета исследования уголовное законодательство Современной эпохи, включающей достаточно длительный отрезок времени, и современное уголовное законодательство. Первое анализируется в ретроспективном срезе, что укладывается в рамки исследования эволюции законодательных систем многообъектных преступлений; изучение же второго имеет иную задачу и методологию, в связи с чем будет осуществляться отдельно в следующем параграфе диссертации.

Переход человечества от сословно-феодального к современному строю сопровождался изменением в экономике, а также религиозном и политико-правовом сознании. Идеология эпохи Возрождения сосредоточила усилия на борьбе с ортодоксальной религиозностью и теократическим мышлением. Перестройка на гуманистическое мировоззрение нашла отражение не только в уголовном праве Европы, но и во всем мире, поскольку в современную эпоху постепенно развивались такие объективные процессы, как глобализация и интеграция. Законодательные системы многообъектных преступлений претерпели существенные изменения, выражающиеся в следующем.

1. В современную эпоху произошло обособление уголовного законодательства в качестве самостоятельной отрасли, сопровождавшееся выделением Общей части уголовного права, что в значительной степени

усовершенствовало институт обстоятельств, отягчающих наказание. С этого момента в законодательных системах многообъектных преступлений *стали появляться подсистемы производных моделей многообъектных преступлений*, что связано с переходом от казуистичного к абстрактному способу формулирования уголовно-правовых запретов.

Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые отягчающие обстоятельства определялись отдельно от составов преступлений, выделялись в отдельные статьи и назывались «обстоятельствами, увеличивающими вину и наказание» (ст. 135). Некоторые из них косвенно свидетельствовали о многообъектности преступления (противозаконные и безнравственные побуждения к преступлению; применение усилий для устранения препятствий к совершению преступления; нарушение особых личных обязанностей в отношении к месту, в коем преступление совершено, и в отношении к лицам, против которых оно направлено), однако сконструированы данные признаки крайне расплывчато, что дает нам право говорить только о начале формирования в Уложении 1845 г. системы производных моделей многообъектных преступлений.

В нашей стране эта подсистема была сформирована в советском праве. В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и УК РСФСР 1922 г. в качестве обстоятельств, отягчающих наказание и обуславливающих многообъектность преступления, конкретно указывались совершение деяния в интересах восстановления власти угнетающего класса и применение насилия к личности в качестве способа совершения преступления. В последующих источниках советского и российского уголовного права перечень таких обстоятельств расширялся, что приводило к постепенному разрастанию подсистемы. Аналогичным образом осуществлялось развитие уголовного законодательства стран СНГ.

Процесс консолидации и систематизации уголовно-правовых норм, наивысшей формой которого являлась *кодификация*, оказал существенное

влияние на формирование законодательных систем многообъектных преступлений. В странах англосаксонской правовой системы важным новшеством было расширение статутного права, если институты Общей части по-прежнему содержалась в общем праве, то Особенная часть уже закреплялась в законах. Системы многообъектных преступлений обрели более четкую структурную организацию в результате классификации составов преступлений по объекту посягательства. В многообъектных составах оформились основные и дополнительные объекты посягательства.

2. *Формирование представлений о субъективной стороне преступления* сопровождалось акцентированием таких признаков, как мотив и цель преступления. Данное обстоятельство обусловило изменение подхода к конструированию составов преступлений, объект которых включает помимо интересов личности результаты социально полезной деятельности этой личности. Усиление уголовной ответственности обуславливалось уже не гипотетической, а реальной связью личности с результатами ее социально полезной деятельности. В составах преступлений появилась связь посягательства на личность с осуществлением этой личностью конкретных видов социально полезной деятельности, что позволило сформировать систему многообъектных преступлений, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла на определенный объект. Так, в Уголовном кодексе Франции 1810 г. многообъектными преступлениями признавались уже не просто посягательства на лиц, обладающих властными полномочиями, а насильственное сопротивление их законной деятельности (ст. 209), оскорбление при исполнении обязанностей или по поводу их исполнения (ст. 222).

В российском праве эта тенденция нашла отражение в Артикуле воинском 1715 г. Ряд его норм был направлен на защиту судей и лиц, содействовавших им в осуществлении правосудия, исполняющих решение суда (гл. XXIII «О палаче и профосах»): «Никто да не дерзает генералугевальдигеру, профосам и протчим судейским служителям, во управлении

чина их, и когда оныя захотят взять винного, возбранять и воспрепятствовать, ниже б им противитися, ниже на палача каким образом нападать, когда он какую казнь по указу отправлять будет, под потеряннем живота» (Артикул 204)²⁰⁷. Однако данный подход не применялся к посягательствам на царя, высших военачальников и священнослужителей, ответственность за которые не дифференцировалась в зависимости от направленности умысла. Спустя полтора века с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) эта зависимость стала учитываться при регламентации ответственности за посягательство на священнослужителей (ст. 224, 225, 227, 229)²⁰⁸.

Впоследствии наблюдалось увеличение числа составов преступлений, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла на определенный объект за счет возрастающего многообразия мотивов и целей, определяющих эту направленность.

3. Уголовному праву современной эпохи, формировавшемуся в период реформ и революций, была присуща *тенденциозность*. Эта черта двояко отразилась на построении систем многообъектных преступлений.

С одной стороны, активное включение специальных мотивов и целей в законодательные модели преступлений, направленное на усиление уголовно-правовой охраны тех или иных правовых благ, расширяло системы многообъектных преступлений.

С другой стороны, стремление государства максимально защитить определенное правовое благо, приводило к тому, что ответственность за посягательство на «приоритетное» правовое благо была крайне суровой и практически не дифференцировалась по признаку дополнительного объекта. В качестве примера можно привести уголовно-правовую охрану частной собственности в Великобритании в XVIII в., когда за любое хищение, даже мелкую кражу, назначалась смертная казнь. Из отечественной истории ярким

²⁰⁷ Российское законодательство X – XX веков. Т. 4. С. 364 – 365.

²⁰⁸ Российское законодательство X – XX веков. Т. 6. С. 222.

примером тенденциозности права, «стирающей» различие между многообъектным и сходным с ним однообъектным преступлением, являлось принятие в 1932 г. «закона о колосках», которым в качестве единственной меры наказания за хищение грузов на транспорте, колхозного и кооперативного имущества независимо от размера и способа предусматривался расстрел с конфискацией всего имущества.

Многообъектность преступления в таких случаях являлась формальной и фактически теряла свое юридическое значение, делая бесполезным существование ряда многообъектных составов преступлений.

4. На законодательных системах многообъектных преступлений отразилась *гуманизация права*, берущая свое начало с эпохи Возрождения. На смену уголовно-правовой охране сословной иерархии пришла охрана такого правового блага, как равенство всех перед законом. Если ранее более высокий статус преступника являлся основанием для смягчения, а более высокий статус потерпевшего – основанием для отягчения ответственности, то в современную эпоху появилась обратная тенденция: по Уложению 1845 г. чем выше состояние, звание и степень образованности виновного, тем строже ответственность. Провозглашенный конституционный принцип равенства всех перед законом, привел к тому, что в ряде стран отказались от повышенной уголовно-правовой охраны личности верховного правителя, членов его семьи, дипломатических представителей иностранных государств. Например, в 1947 г. были внесены изменения в УК Японии, в результате которых названные составы преступлений перешли в разряд общеуголовных, утратив свою многообъектность.

Гуманизация права существенно повлияла на концептуальное понимание объекта преступлений против веры. Господство буржуазных взглядов на религию и право привело к тому, что в континентальном уголовном праве религиозные преступления представляли собой посягательства не на права Бога и не на государственные интересы, а на права физических и юридических лиц. В результате такого подхода

существенно сократилось число составов религиозных преступлений. При этом были исключены некоторые многообъектные составы преступлений, представлявших собой посягательство на веру и иное правовое благо (например, убийство, причинение телесных повреждений, кража, совершенные на территории церкви в отношении прихожан). Группа преступлений против веры в Современную эпоху включала в основном составы богохульства и воспрепятствования богослужению. Причем если еще в середине XIX в. в России в качестве одного из объектов посягательства в многообъектных преступлениях против веры выступала исключительно христианская религия, то уже в начале XX в. был сделан существенный шаг навстречу равной охраны чувств верующих, принадлежащих к различным религиозным конфессиям (ст. 80 Уголовного уложения 1903 г.).

5. *Развитие естествознания и формирование научного мировоззрения* способствовало более глубокому пониманию механизмов причинения вреда, что оказало непосредственное влияние на систему многообъектных преступлений. Например, в России во второй половине XVIII в. широкий размах приняла борьба с эпидемическими заболеваниями. В качестве мер по регулированию санитарно-эпидемиологической обстановки предусматривалось введение смертной казни за мародерство «вымерших от заразы домов» и разрытие кладбищ и могил²⁰⁹. С помощью таких запретов посредством пресечения преступлений против общественной нравственности или собственности осуществлялась охрана санитарно-эпидемиологического благополучия.

6. Историческая изменчивость форм и способов поведения человека Современной эпохи, обусловленная стремительным развитием интеллекта и прогрессирующей вариативностью поведения, непосредственно отразилась на законодательных системах многообъектных преступлений. Так, на способы совершения преступлений большое влияние оказал научно-

²⁰⁹ Законодательство Екатерины II. В 2 т. Т. 2. / Арапов Д.Ю. и др. М.: Юрид. лит., 2000-2001. С. 837 – 838.

технический прогресс. В конце XIX в. преступный мир взял на вооружение высокие разрушительные возможности взрывчатых веществ и взрывных устройств, что обусловило потребность в усилении уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием указанных предметов. Своевременной реакцией государства на этот вызов стало конструирование законодательных моделей многообъектных преступлений, совершенных таким общепасным способом.

В конце XX в. применение в противоправных целях компьютерной информации и информационных технологий, наносящее вред информации и ее носителям, послужило основанием криминализации компьютерных преступлений и дифференциации ответственности за преступления, совершенные указанным способом. Законодательные системы многообъектных преступлений всех стран, принадлежащих к англосаксонской и континентальной правовым семьям, были дополнены блоком составов преступлений, совершенных путем вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей (Закон США о мошенничестве и злоупотреблениях, связанных с компьютером 1986 г., Закон 1987 г. о дополнения УК Японии статьями о компьютерных преступлениях и др.).

7. *Развитие философии и социальных наук* (социологии, психологии, истории, политологии и юриспруденции) оказали большое влияние на понимание сущности правовых благ и механизмов их государственной охраны. Как результат, появились составы преступлений, объекты посягательства которых имели сложную содержательную структуру (кумулятивные, интегративные и комплексные объекты посягательства). Эта тенденция привела к исключению некоторых составов преступлений из законодательных систем многообъектных преступлений в связи с изменением структуры объекта.

Так, массовые беспорядки, повлекшие уничтожение имущества, причинение вреда здоровью, смерть людей, изначально рассматривались как многообъектные преступления, посягающие на порядок управления (основной объект посягательства) и соответственно собственность, здоровье или жизнь (ст. 289 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., ст. 75 УК РСФСР 1922 г., ст. 59.2 УК РСФСР 1926 г.). Понятие общественной безопасности как правового блага еще не было выработано, возможности ее охраны как объекта, обеспечивающего безопасность других правовых благ (личности, собственности и т.д.), еще не получили научного обоснования. На примере отечественного уголовного законодательства видно как по мере развития социально-философских представлений об объектах уголовно-правовой охраны и объектах преступных посягательств изменялось понимание объекта массовых беспорядков: посягательство на порядок управления и дополнительный объект (дореволюционный и ранний советский период); на государство и дополнительный объект (ст. 79 УК РСФСР 1960 г.); на общественную безопасность (ст. 212 УК РФ). В основе этой эволюции лежит переход от сложной формы к сложному содержанию объекта преступления.

Другим примером изменения социально-философских взглядов на правовые блага, оказавшим влияние на законодательную систему многообъектных преступлений, является изменение представлений об интересах службы как объекте уголовно-правовой охраны и объекте преступного посягательства. Так, в ст. 65 Уголовного уложения 1903 г. в качестве обстоятельства, усиливающего ответственность, рассматривалось совершение преступления служащим «с нарушением отношения служебной подчиненности, или посредством злоупотребления своей обязанностью или полномочием, или посредством угрозы притеснением или иным злоупотреблением властью, или с нарушением долга службы в отношении частных лиц, – если за такие нарушение, злоупотребление или угрозу не

определены в законе особые наказания»²¹⁰. Такая законодательная конструкция свидетельствовала о существовании подсистемы многообъектных преступлений, в структуре которых в качестве дополнительного объекта посягательства выделялась государственная и общественная служба. Сейчас такого отягчающего обстоятельства нет, поскольку изменилось представление о службе и ее интересах как о неделимом комплексе благ, включающем соблюдение прав и свобод граждан и юридических лиц, интересов общества и государства, что соответствует статусу правового государства.

Изменение структуры объекта некоторых преступлений, происходящие под влиянием эволюции мировоззрения, привело в некоторых случаях к переходу от полинуклеарного объекта преступления к интегративному. Так, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. к преступлениям против веры наряду с богохулением и порицанием веры, вероотступничеством и святотатством относились разрытие могил и осквернение мёртвых тел. Переосмысление содержания правовых благ и их взаимосвязи повлекло изменение объекта посягательства последних, в качестве которого признавалась общественная нравственность.

Изложенное привело нас к следующему промежуточному выводу. В уголовном праве Современной эпохи законодательные системы многообъектных преступлений находились под влиянием двуединой тенденции – одновременного увеличения и снижения качественного разнообразия законодательным моделям многообъектных преступлений. Происходило это за счет повышения вариативности поведения человека, обусловившего увеличение числа общественно опасных способов совершения преступления, и одновременного изменения общественного мировоззрения, повлиявшего на представления об объектах уголовно-правовой охраны и преступного посягательства, о концепции охраны правовых благ. Последнее

²¹⁰ Российское законодательство X – XX веков. Т. 9. С. 291.

обстоятельство привело к возникновению объектов преступлений со сложной содержательной структурой, которые вытеснили полинуклеарность объектов некоторых преступлений. Сложились первые законодательные системы производных моделей многообъектных преступлений, чему способствовало появление института обстоятельств, отягчающих наказание. Вместе с тем эти тенденции не были всеобщими и однородными в мировом масштабе, усилился разрыв между уровнем и темпами развития законодательных систем многообъектных преступлений в уголовном праве стран, принадлежащих к различным правовым семьям.

§ 3. Типология современных законодательных систем многообъектных преступлений

Историческое и современное сравнительное правоведение, хотя и являются взаимосвязанными областями научного познания, тем не менее каждое из них обладает своей специфической гносеологической и прикладной функцией. Изучение истории становления и развития законодательных систем многообъектных преступлений позволило нам выявить круг тех основных вопросов, рассмотрение которых составляет предметное содержание современного сравнительного правоведения, проводимого в рамках объекта настоящего диссертационного исследования.

Целью такого исследования (задачей диссертационной работы) выступает осуществление типологии современных законодательных систем многообъектных преступлений, что позволит выявить наиболее общие закономерности различных систем, в том числе тех, которые не связаны между собой общим происхождением или взаимным влиянием; определить правовую политику различных государств; заимствовать накопленный зарубежный опыт для удовлетворения своих потребностей правового развития; спрогнозировать пути дальнейшего развития и совершенствования российской законодательной системы многообъектных преступлений.

Методологическую основу типологии составят сравнительно-правовой метод и метод типологизации. В отличие от примененного в предыдущем параграфе эволюционного подхода, сочетающего в себе синхронное и диахронное сравнение, предметом сравнения в настоящем параграфе являются действующие правовые системы (*синхронное сравнение*), благодаря чему можно выявить тенденции к их сближению или отдалению.

Другой прием сравнительно-правового метода, используемый нами, – это последовательное сравнение законодательных систем многообъектных преступлений одной и той же правовой семьи (*внутрисемейное сравнение*), и последующее сравнение особенностей законодательных систем

многообъектных преступлений, присущих разным правовым семьям (*универсальное сравнение*). Результативность такого подхода обеспечивается соблюдением *принципа соотносимости* сравниваемых объектов и *принципа репрезентативности* сравнения, поскольку осуществить исчерпывающее сравнение правовых систем, взятых в мировом масштабе, практически не реально. При этом мы придерживаемся теории, выделяющей семьи *общего, континентального, мусульманского, общинного и обычного права*²¹¹. Однако в предмет нашего исследования включены первые три семьи, поскольку их существование является общепризнанным в науке, кроме того, в их уголовном праве можно выделить интересующие нас системы.

Проводимое нами сравнительно-правовое исследования основано на сочетании нормативного и функционального способов (*смешанное сравнение*). Нормативное (формально-юридическое) сравнение осуществляется преимущественно в рамках уголовного права континентальной правовой семьи, поскольку мы отталкиваемся от понятий, категорий и институтов, сформировавшихся в ее лоне.

Однако при вовлечении в исследование уголовного права других семей обнаруживается различие категорий, институтов, структуры отрасли права, способов подачи нормативного материала, обусловленное конкретно-историческими причинами развития данных правовых систем. В таких случаях целесообразно использовать метод функционального сравнения²¹². Предпосылкой функционального сравнения законодательных систем многообъектных преступлений является сопоставимость их социальной обусловленности. При этом функциональное сравнение предполагает абстрагирование от доктринальных понятий исследуемых правовых систем. Иной подход привел бы нас к невозможности изучения многообъектных

²¹¹ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988; Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М.: Проспект, 2009. С. 21.

²¹² Данный метод сравнительного правоведения разработан в немецкой философии права (Эрнст Рабель, Карл Цвайгерт). Отличительным приемом функционального сравнения выступает первоочередность установления социального предназначения исследуемого правового явления с последующим поиском норм, реализующих это предназначение.

преступлений тех стран, доктрина которых не допускает четырехчленную структуру состава преступления.

Наконец, следует отметить, что в правовой компаративистике в основном выделяется три уровня сравнения: микросравнение, институциональное и макросравнение, при этом признается допустимость и иных уровней. Наше компаративистское исследование выходит за рамки перечисленных традиционных уровней и представляет собой *системное сравнение*, осуществляемое с использованием не только сравнительно-правовой, но и системной методологии.

Вторым методом исследования типологии законодательных систем многообъектных преступлений является непосредственно *типологизация*, в основу которой положено разбиение изучаемой совокупности объектов на обладающие определенными свойствами упорядоченные и систематизированные группы с помощью идеализированной модели или типа.

Исследовательская часть. Как уже было отмечено, для проведения компаративистского анализа мы последовательно отбирали уголовное законодательство стран, принадлежащих к трем правовым семьям, в том числе стран, имеющих гибридные правопорядки. Такой подход позволил нам в качестве подготовительного этапа типологизации охарактеризовать специфические черты уголовного права, присущие тем или иным правопорядкам и оказывающие влияющие на построение законодательных систем многообъектных преступлений (далее – факторы).

К числу таких факторов в современном уголовном праве относятся:

- 1) источники уголовного права;
- 2) институт обстоятельств, отягчающих наказание;
- 3) уровень репрессивности уголовного закона;
- 4) система объектов уголовно-правовой охраны.

Особенности *источников уголовного права* влияют на устойчивость законодательных систем многообъектных преступлений. Категории

устойчивости и лабильности применительно к законодательным системам многообъектных преступлений не следует понимать, как абсолютно противоположные, ибо все исследуемые нами системы подвижны и изменчивы, а предложенные понятия носят оценочный характер, выражая степень этой подвижности.

Специфика источников уголовного права определяет *степень прогрессивности* законодательных систем многообъектных преступлений (в значении являющийся прогрессом, ведущий или стремящийся к прогрессу, передовой). По указанному признаку все эти системы можно рассматривать на шкале «консервативная – прогрессивная». Сразу оговоримся, что данные категории, хотя и являются оценочными, сами по себе не несут в себе какого-либо суждения с позиции «плохой – хороший», т.е. в этом смысле они нейтральны.

Наиболее консервативными представляются системы многообъектных преступлений в мусульманских странах, что связано с консервативностью источников мусульманского уголовного права. Его исламизация, пришедшая на смену европеизации²¹³, привела к тому, что в современном мусульманском мире источником уголовного права выступает закон, как правило, кодифицированный в традициях общего или континентального права, однако содержание этих законов основано на традиционных для мусульманского права источниках – Коране, Сунне, иджме и кийясе²¹⁴, что обеспечивает консервативную устойчивость законодательных систем многообъектных преступлений.

Прогрессивными можно назвать законодательные системы многообъектных преступлений, сложившиеся в рамках континентальной и общей правовых семей. Они наиболее лабильны и быстро реагируют на актуальные проблемы, возникающие в обществе. В системах, которые

²¹³ Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Указ. соч. С. 60 – 61.

²¹⁴ Там же. С. 109.

сложились в лоне общего права, эта адаптивная функция частично выполняется судебными прецедентами.

Специфика источников уголовного права определяет не только степень прогрессивности законодательных систем многообъектных преступлений, но и *степень их формализации*.

Сегодня в странах общего права (а это более 60 стран, расположенных на всех континентах) большинство уголовно-правовых норм сосредоточено в статутном праве, однако прецедентное право не утратило своей доминирующей роли. Во многих странах семьи общего права не принят кодифицированный уголовный закон (Великобритания, а также ряд бывших британских колоний: Антигуа и Барбуда, Барбадос, Доминика, Ирландия, Лесото, Намибия, Свазиленд, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Кристофер и Невис, Сьерра-Леоне, Тринидад и Тобаго, ЮАР, Ямайка).

В условиях отсутствия единого кодифицированного акта и доминирующей роли судебного прецедента преступность и наказуемость деяний в этих странах нередко устанавливается прецедентным правом. В основном, формулирование уголовно-правовой нормы осуществляется через цепочку, состоящую из нескольких последовательных прецедентов, в которых уточняется содержание предыдущих прецедентов, что приводит к спонтанному возникновению новых структур в законодательных системах многообъектных преступлений. Как уже было отмечено при анализе свойств систем, те из них что насыщены границами и контактными линиями *обнаруживают высокий потенциал самоорганизации*.

Это свойство в полной мере присуще законодательным системам многообъектных преступлений, сформированным в указанных странах семьи общего права, их отличает *неопределенность границ и внутренней структуры, компенсируемая правоприменительной интерпретацией*. Такие

системы мы предлагаем именовать *«системами, основанными на прецедентах»*²¹⁵.

Среди бывших британских колоний немало государств с кодифицированным уголовным правом. Так, в настоящее время УК Индии 1860 г. является основным источником уголовного права не только в самой Индии, но и в Бангладеш, Мьянме (Бирме), Пакистане, его положения реципированы в уголовное право Брунея, Малайзия, Сингапура, Шри-Ланки, Северной Нигерии. Кодифицированы также уголовные законы Канады, некоторых штатов США, Кипра, Гондураса, Сент-Люсии, Гренады, Австралии, Папуа-Новой Гвинеи, Науру и ряда бывших африканских колоний Англии (Кении, Уганды, Танганьики и т.д.). В странах семьи общего права, в которых основным источником уголовного права выступают соответствующие кодексы, законодательная система многообъектных преступлений имеет относительно *формализованные границы и структуру*²¹⁶.

Рассматриваемые системы еще более формализованы в странах семьи континентального права, в которых ведущая роль источника уголовного права традиционно отводилась уголовному закону. В современном мире это кодифицированный акт. Однако в некоторых странах сложилась практика наряду с уголовным кодексом к основным законодательным источникам уголовного права относить военные уголовные кодексы, законы о международных преступлениях, о налоговых преступлениях, о наркотических средствах и др. (США, Великобритания, Германия, Испания, Италия, Япония). Такой подход не влечет за собой каких-либо специфических особенностей законодательных систем многообъектных

²¹⁵ Термин *«системы, основанные на прецедентах»* применяется в системном анализе и информатике, научное знание которых лежит в основе современной теории систем, широко используемой во всех естественных и гуманитарных науках. Его употребление в нашем случае адаптивно, оно согласуется с общепринятой уголовно-правовой терминологией, при этом не влечет искажения сути явления, что обусловлено универсальным характером системного анализа как метода научного познания.

²¹⁶ Назвать такие системы *«формальными»* было бы не совсем корректно, поскольку в системном анализе понятие «формальных» (или «дедуктивных») систем, полностью исключает интерпретацию элементов и связей, что несопоставимо с природой правовых норм.

преступлений в сравнение с теми, что сложились в рамках уголовных кодексов или неcodифицированных правовых систем.

Учеными-компаративистами отмечается значительное и повсеместное увеличение доли кодифицированного уголовного права в мире, это дает нам основание прогнозировать направление эволюционирования законодательных систем многообъектных преступлений *как стремление к формализации границ и структуры*. Однако кодификация мусульманского права не изменяет его консервативного содержания, основанного на нормах шариата, поэтому распределение законодательных систем многообъектных преступлений на шкале «консервативные – прогрессивные» останется прежним.

Влияние законодательной регламентации обстоятельств, отягчающих наказание, на формирование рассматриваемых систем заключается в особенностях их структурирования. Мы уже определились, что законодательные модели многообъектных преступлений бывают двух типов – многообъектные составы и производные модели преступления, образованные посредством дополнения состава преступления признаком, обуславливающим многообъектность. По своей правовой природе данные признаки относятся к числу обстоятельств, отягчающих наказание. Названный институт присущ всем правовым порядкам, однако его содержание разнится. Во всех правовых семьях предусмотрены отягчающие обстоятельства, имеющие составообразующее значение. Между тем институт обстоятельств, учитываемых судом при индивидуализации наказания, в разных странах имеет различную регламентацию.

Перечень таких обстоятельств отсутствует в уголовных кодексах Австралии, Алжира, Аргентины, Бельгии, Болгарии, Вануату, Венгрии, Германии, Грузии, Дании, Индии, Йемена, Канады, КНР, Македонии, Нигерии, Нидерландов, Норвегии, Парагвая, Перу, Польши, Республики Корея, Сан-Марино, Туниса, Турции, Франции, Швейцарии, Японии, а также в УК большинства штатов США. В некоторых из них отягчающие

обстоятельства сформулированы абстрактно (например, § 46 УК Германии), что при определенных обстоятельствах позволяет рассматривать юридическую структуру совершенного преступления как многообъектную. Однако это не свидетельствует о наличии в законодательной системе многообъектных преступлений производных моделей, образованных посредством признака, обуславливающего многообъектность.

Подсистемы производных моделей многообъектных преступлений созданы лишь в тех национальных уголовных законодательствах, которые содержат общий перечень обстоятельств, отягчающих наказание. Такой перечень имеется в уголовных кодексах всех стран СНГ, а также Австрии, Андорры, Бразилии, Венесуэлы, Вьетнама, Гватемалы, Испании, Италии, Колумбии, Кубы, Лаоса, Латвии, Литвы, Монголии, Никарагуа, Панамы, Румынии, Сальвадора, Уругвая, Филиппин, Финляндии, Чили, Швеции, Эквадора, Эстонии.

Обычно среди обстоятельств, повышающих общественную опасность деяния в силу его многообъектности, закрепляется совершение преступления:

- общеопасным способом (Армения, Беларусь, Бразилия, Гватемала, Колумбия, Лаос, Латвия, Литва, Монголия, Панама, Румыния, Сальвадор, Украина, Филиппины, Эстония);

- с применением насилия и угрозой применения насилия (страны СНГ, Бразилия, Венесуэла, Гватемала, Панама, Чили);

- с незаконным проникновением в помещение (Венесуэла, Гондурас, Панама, Чили);

- по экстремистскому мотиву (Австрия, Азербайджан, Беларусь, Испания, Казахстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Швеция);

- в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (страны СНГ, Монголия);

- в отношении близкого родственника или супруга (Бразилия, Куба), родителей (Таджикистан);
- с целью скрыть другое преступление (страны СНГ, Албания, Бразилия, Гватемала, Италия, Лаос, Монголия, Эстония).

Как видно из приведенного анализа, наличие или отсутствие в национальном уголовном законодательстве подсистемы производных моделей многообъектных преступлений не связано с принадлежностью страны к той или иной правовой семье, а скорее зависит от правовых традиций, сложившихся в государстве, и источника рецепции уголовного права. Изучение опыта стран, переживших в последние десятилетия реформу уголовного права, показывает, что институт обстоятельств, отягчающих наказание, при реформировании концептуально не меняется, модифицируется лишь его содержательная сторона. Поэтому в *качестве прогноза развития законодательных систем многообъектных преступлений в части формирования подсистем производных законодательных моделей можно отметить следование сложившимся традициям*. Вероятность того, что страны, в которых такая система создана, откажутся от нее, невелика, равно как вероятность противоположных процессов.

Влияние *системы объектов уголовно-правовой охраны* на формирование структуры законодательных систем многообъектных преступлений обусловлено социальной функцией последней. Мы уже отмечали в предыдущих параграфах, что идеологическая направленность уголовного закона проявляется не только посредством формулирования перечня объектов уголовно-правовой охраны, но также путем повышения уровня уголовно-правовой охраны того или иного правового блага через установление системы уголовно-правовых запретов всех общественно опасных вариантов посягательств на это благо. Перечень объектов уголовно-правовой охраны не следует понимать узко как формализованный «список» правовых благ, приведенный в самостоятельной статье уголовного закона, закрепляющей его задачи. В ряде уголовных кодексов такая статья вообще

отсутствует, во многих кодексах круг правоохраняемых благ сформулирован обобщенно, но даже в тех случаях, когда подобная норма есть, в ней перечислены далеко не все объекты уголовно-правовой охраны (в ст. 13 УК КНР прямо указывается на открытый перечень таких объектов).

Единственным источником информации о фактическом перечне объектов уголовно-правовой охраны являются нормы Особенной части уголовного права. Почти во всех странах мира они сгруппированы с учетом видовых отличий этих объектов (можно встретить алфавитный принцип расположения статей в Особенной части уголовного кодекса (например, уголовные кодексы некоторых штатов США), но это редкое исключение).

В каждой уголовно-правовой системе сложились свои традиции деления уголовно-охраняемых объектов по родовому признаку. Вместе с тем в структуре Особенной части уголовных кодексов стран мира имеются некоторые общие черты. Так, во всех уголовных кодексах в качестве самостоятельных объектов уголовно-правовой охраны обозначены личность, собственность, интересы государственной службы и интересы правосудия.

Уголовно-правая охрана многих других правовых благ имеет широкое распространение, однако не является повсеместной. К числу таких объектов уголовно-правовой охраны относятся: экономическая деятельность, порядок прохождения военной службы, трудовые права, общественная безопасность, общественный порядок, здоровье населения, порядок управления, общественное доверие, иностранные государства и внешние сношения, обороноспособность страны, экологическая безопасность, безопасность транспорта, информационная безопасность, международный мир.

Нам понадобилось представить развернутую палитру объектов, поскольку она не только отражает основные направления современной уголовно-правовой охраны, взятой в мировом масштабе, на ее основе конструируются законодательные модели многообъектных преступлений. Здесь следует остановиться на двух ключевых моментах, непосредственно

оказывающих влияние на формирование законодательных систем многообъектных преступлений.

Во-первых, нетрудно заметить, что внушительная доля приведенных объектов имеет сложную содержательную структуру, охраняя такое благо, государство охраняет и другие блага, сохранность которых обеспечивается первым. Подобная концепция уголовно-правовой охраны является прогрессивной и эффективной, поскольку в составах преступлений интегративным объектом посягательства выступает правовое благо, интегрирующее другие блага; кумулятивным объектом – благо, аккумулирующее другие блага; комплексным объектом – благо, комплексирующее другие блага. *Это обстоятельство привело к вытеснению в ряде случаев многообъектности преступлений.*

Во-вторых, уголовно-правовая охрана одних и тех же правовых благ в разных странах строится на различных принципах, что сказывается на структуре объектов преступлений. Так, экономическая деятельность в социалистических (Вьетнам, КНР, Лаос) и постсоциалистических (страны СНГ и Балтии, бывшие югославские республики, Болгария, Монголия, Польша) странах выступает самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны; в других правовых системах составы экономических преступлений размещены в различных главах Особенной части, прежде всего в главах о деяниях, связанных с мошенничеством и коррупцией, против государственной власти и устоев государства²¹⁷.

В российском и зарубежном законодательстве известно немало случаев, когда составы преступлений отнесены законодателем к той или иной группе преступлений, исходя из возможных или наступивших общественно опасных последствий, точнее одного из нескольких последствий (например, сложные служебные преступления, некоторые

²¹⁷ Такой подход, кстати, был не чужд и отечественному законодательству: уклонение от уплаты налогов в раннем советском праве рассматривалось как преступление против порядка управления (ст. 78 - 80 УК РСФСР 1922 г.).

экономические преступления). Обращаясь к примеру с уклонением от уплаты налогов, отметим, что в отечественной доктрине уголовного права данное преступление рассматривается как посягательство на нормальное осуществление экономической деятельности, на отношения собственности, на порядок государственного управления, в силу чего значительное число авторов относит его к многообъектным. В то время как фактическим объектом посягательства выступает одно правовое благо (в приведенном примере – порядок государственного управления в сфере финансов), охрана которого гарантирует защищенность других благ (во нашем случае – это нормальное осуществление экономической деятельности в стране, отношения собственности).

Игнорирование этого обстоятельства приводит к существованию составов преступлений с искусственной многообъектностью. Такой подход законодателя нельзя оценивать, как неверный. Мы уже отмечали, что в основе построения Особенной части УК РФ лежит несколько концептуальных принципов, помимо групповой принадлежности объекта преступления это еще и удобство правоприменения. Но и нельзя отрицать тот факт, что значительное число составов преступлений, отнесенных законодателем к группе посягательств на какое-либо правовое благо, посягают на него опосредованно через посягательство на объект, имеющий сложную содержательную структуру, и они вполне могли бы занять свое место в ином структурном разделе Особенной части уголовного кодекса.

Данный тезис наряду с анализом современного уголовного законодательства привел нас к выводу о том, что *при определении границ систем многообъектных составов преступлений в национальном уголовном законодательстве нельзя руководствоваться исключительно структурой его Особенной части*. В противном случае повсеместно встречающаяся искусственная многообъектность существенно исказит границы и объем реально существующих систем.

Изучение уголовного законодательства стран мира показало, что традиционными подсистемами законодательных систем многообъектных преступлений являются: посягательства на личность и собственность в связи с осуществлением общественно полезной деятельности (правосудие, правоохранительная деятельность, служба в международных организациях и т.д.), хищения с применением насилия, хищения с незаконным проникновением в жилище, сексуальные насильственные преступления, преступления посягающие одновременно на нравственность несовершеннолетних и иное правовое благо. В остальном законодательные системы многообъектных преступлений отличаются вариативностью подсистем и элементов, основанной на сочетании разнородных объектов посягательства.

На национальные системы объектов уголовно-правовой охраны оказывает влияние такой современный культурный феномен, как двуединство процессов глобализации и деглобализации социальных ценностей.

Сознание народов неизбежно развивается, меняется их менталитет и общественный уклад, унифицируются социальные институты и ценности. Впервые вопрос о необходимости признания приоритета общепланетарных ценностей, если человечество хочет справиться с новыми, не имеющими прецедента, вызовами, поставили члены Римского клуба – международной организации, объединяющей представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты. Эти идеи были подвергнуты серьезному осмыслению в различных сферах научного познания.

Как результат, сегодня можно констатировать существование международно-правовой охраны общепланетарных ценностей. Для национальных уголовных законодательств это имеет первостепенное значение, положения конвенций о борьбе с теми или иным угрозами, принимаемые международным сообществом, имплементируются в уголовное законодательство различных стран. Таким образом, можно говорить о том,

что позиционирование ряда правовых благ, выступающих глобальными ценностями, в качестве объектов уголовно-правовой охраны непосредственно отражается на системе законодательных моделей преступлений в целом и законодательной системе многообъектных преступлений в частности. К числу таких преступлений относятся легализация (отмывание) имущества, полученного преступным путем, оборот детской порнографии, компьютерные преступления, торговля людьми. Это означает сближение по своим элементам законодательных систем многообъектных преступлений, закрепленных в национальных уголовных законодательствах. Связующим звеном в данном случае, выступает международное уголовное право.

Между тем нельзя игнорировать противоположную тенденцию – антиглобализацию, возникшую в ответ на стремление индустриально-рыночной цивилизации распространить свои неолиберальные ценности на всю планету без учета своеобразия социокультурных традиций других стран. Политическая философия антиглобализма и альтерглобализма сегодня очень популярна, ученые отмечают, что «оборотной стороной глобализации является возрастание национального»²¹⁸. В результате национализм, обычно вкупе с религиозным компонентом, становится идейной опорой в противостоянии воздействию извне. Влияние этой политической тенденции можно наблюдать в уголовном праве мусульманской правовой семьи. Речь идет об исламизации уголовного права, выражающейся в круге объектов уголовно-правовой охраны, и интенсивности этой охраны.

Как уже отмечалось, данные факторы оказывают непосредственное воздействие на формирование законодательной системы многообъектных преступлений. Исламизация уголовного права привела к тому, что в числе объектов уголовно-правовой охраны на первом месте стоят основные ценности ислама (мусульманская вера, жизнь и разум как дар Аллаха и

²¹⁸ *Атмурзаева Ф.И.* Специфика социальных трансформаций в современной России (глобализационный и этнокультурный аспекты): автореф. дис. ... докт. филос. наук. СПб., 2005. С. 9.

традиционный для мусульманских стран уклад брачно-семейных и иных отношений)²¹⁹. В результате такого подхода многие традиционно общеуголовные преступления против личности или собственности приобретают в мусульманском праве многообъектную структуру, что несвойственно уголовному праву семей континентального и общего права. Последние демонстрируют противоположную тенденцию – отход от идеи уголовно-правовой охраны религии, на законодательном уровне защищаются права человека исповедовать религию или не исповедовать никакой, равенство религий, а патриархальность традиций в индустриальном и постиндустриальном обществе изживается, в том числе, и уголовно-правовыми средствами.

Таким образом, если рассматривать законодательные системы многообъектных преступлений через призму аксиологии уголовного права, то можно констатировать, что в современном мире социальные ценности испытывают воздействие сложного переплетения национального, международного и глобального культурного обмена, однако эти процессы асимметричны. Преобладание одного из них влияет на современное состояние и дальнейшее эволюционирование законодательных систем многообъектных преступлений.

Данное обстоятельство порождает типологизацию названных систем по *признаку общности аксиологической структуры*, распределяя их по шкале с полярными профилями «оригинальная – унифицированная».

В качестве прогноза развития аксиологической структуры законодательных систем многообъектных преступлений мы отмечаем коллизию процессов ее сближения и разобщения, идущих в унисон с государственной политикой глобализации или антиглобализации, избранной в той или иной стране.

²¹⁹ Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М., 2019. С. 126.

В сравнительном правоведении уголовно-правовые системы дифференцируются не только по принадлежности страны к правовой семье, но и по *уровню репрессивности уголовного закона*. В частности, в зависимости от роли и места уголовно-правового принуждения в политике государства в конкретный исторический период выделяются репрессивные, карательные и гуманистические, по другой классификации – либеральные и авторитарные уголовно-правовые системы. Не вдаваясь в оценку этих типологизаций, отметим, что уровень репрессивности уголовного закона оказывает влияние на разнообразие элементов законодательных систем многообъектных преступлений, что, несомненно, представляет интерес для настоящего исследования.

Мы обратили внимание, что все законодательные системы многообъектных преступлений можно рассматривать *по шкале «большого и малого разнообразия подсистем, выделяемых по признаку объекта посягательства»*. Наиболее сложными с этой точки являются законодательные системы многообъектных преступлений, сформированные в странах СНГ, Балтии и Западной Европы. Наименьшей внутренней вариативностью обладают системы, сформированные в рамках общей семьи права. Нам удалось установить корреляцию между разнообразием подсистем и особенностями института совокупности преступлений, точнее уровнем его репрессивности.

Так, небольшая степень внутреннего разнообразия системы сочетается с высоким уровнем репрессивности данного института. Это страны, в которых широко применяется принцип назначения окончательного наказания по совокупности преступлений путем полного сложения наказаний с высокой планкой ограничения максимального размера наказания (Колумбия, Гватемала) или без ограничения (Турция, некоторые штаты США). Существует и обратная корреляция, характерная для уголовного законодательства стран, принадлежащих к семье континентального права.

Причина такой зависимости кроется в широте использования законодателем учтенной совокупности преступлений при конструировании сложных составов, многие из которых многообъектны. В данном случае для реализации принципа справедливости уголовной ответственности гуманность института назначения наказания по совокупности преступлений «компенсируется» возможностью назначения более строго наказания за совокупность преступлений в определенных законодателем случаях (случаях учтенной совокупности).

Рассмотрим эту зависимость на примере многообъектных составов преступлений, сопряженных с уничтожением или повреждением имущества, где в качестве дополнительного объекта посягательства закрепляется собственность. Следует отметить, что составы преступлений, в которых уничтожение и повреждение имущества выступают элементом психического насилия, оказываемого на потерпевшего, распространены только в уголовном праве стран СНГ. В качестве примера можно привести составы вовлечения в занятие проституцией (Казахстан, Таджикистан), вымогательство (Беларусь), ограничение конкуренции (Россия, Таджикистан), принуждение к участию в преступной деятельности (Беларусь), воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (Россия). Примечательно, что в советском уголовном праве многообъектных составов преступлений, способом совершения которых выступало уничтожение имущества, было много (например, ст. 132, 133, 133², 140¹, 143, 148 УК РСФСР). Современное уголовное законодательство стран СНГ частично унаследовало эту традицию.

В других законодательных системах семьи континентального права, а также в уголовном праве семьи общего права подобные составы отсутствуют, что обусловлено повышенным вниманием законодателей этих стран к охране частной собственности. Ответственность за посягательство на собственность закрепляется в самостоятельных уголовно-правовых нормах и наступает по совокупности с ответственностью за посягательство на иное

правовое благо. С учетом достаточно репрессивного характера ответственности за преступления, совершенные по совокупности, окончательное наказание за два таких преступления, одно из которых представляет собой посягательство на собственность, является достаточно строгим.

Аналогичная ситуация складывается в сфере установления уголовной ответственности за многообъектные компьютерные преступления²²⁰. К числу многообъектных составов, дополнительным объектом посягательства которых выступает информационная безопасность, традиционно относятся компьютерное мошенничество (Австрия, Германия, Македония, Молдова, Россия, Сербия, Хорватия, Черногория, Эстония, Япония) или хищение с использованием компьютерной техники (Армения, Беларусь, Казахстан), компьютерный подлог (Бельгия, Молдова, Хорватия). Ответственность за такие преступления предусмотрена в подавляющем большинстве стран, это представители общей и континентальной правовых семей, а также многие страны, принадлежащие к мусульманской правовой семье. Можно встретить и менее распространенные составы преступлений, например, незаконное вмешательство в процесс распределения дел между судьями с помощью компьютерной программы (Армения).

Однако есть уголовные законы, где подобные составы отсутствуют, в их числе Австралия, США и другие страны, принадлежащие к семье общего права. В их национальных законодательствах институт назначения наказания по совокупности преступлений обладает высокой степенью репрессивности, поэтому в целях повышения уровня уголовно-правовой охраны компьютерной безопасности преступления, посягающие на них, получают самостоятельную уголовно-правовую оценку, а наказания за совокупность преступлений суммируются.

²²⁰ Додонов В.Н., Карабанова Е.Н. Законодательство государств-членов ШОС, направленное на противодействие преступлениям и иным нарушениям, совершаемым в сфере или с использованием информационно-коммуникационных технологий (информационно-аналитический обзор) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6. С. 120.

На внутреннее разнообразие законодательных систем многообъектных преступлений оказывает влияние также уровень репрессивности уголовно-правовых санкций. Например, в странах мусульманской правовой семьи, где предусмотрена смертная казнь и широко применяется пожизненное лишение свободы, законодательные системы многообъектных преступлений отличаются небольшим внутренним разнообразием, поскольку наличие в санкциях такого строго наказания во многих случаях избавляет законодателя от необходимости формулировать многообъектные составы преступлений с квалифицирующими признаками.

Таким образом, в законодательных системах многообъектных преступлений разнообразие подсистем, построенных по признаку объекта посягательства, зависит не только от системы объектов уголовно-правовой охраны, но и от уровня репрессивности национального уголовного права.

Прогнозирование развития законодательных систем многообъектных преступлений в данном направлении следует рассматривать в контексте двуединых мировых процессов – глобализации и деглобализации. В рамках первого реализуется политика гуманизации уголовного права, в рамках второго наблюдается обратная тенденция. Как уже отмечалось ранее, данные процессы лежат в лоне государственной политики, которая зависит от множества факторов, в том числе и международного характера, спрогнозировать которые в рамках избранной научной специальности не представляется возможным.

Глава 2. Методология организации и построения законодательной системы многообъектных преступлений в уголовном праве России

Проведенный в предыдущей главе анализ законодательных систем многообъектных преступлений показал, что в Уголовном кодексе Российской Федерации данная система создана в соответствии с тенденциями построения такого рода систем, сложившимися в развитых странах, при этом она является результатом исторического развития отечественного уголовного права.

В соответствии с разработанной типологией мы определили *типологические характеристики* российской законодательной системы многообъектных преступлений, а также факторы, повлиявшие на построение этой системы и обусловившие ее типологическую принадлежность, и пришли к следующим результатам.

1. Система закреплена в уголовном законе, является *формализованной*, т.е. имеет формализованные границы и структуру, и *прогрессивной* в силу высокой степени изменчивости отечественного уголовного закона.

2. В уголовном праве России институт обстоятельств, отягчающих наказание, включает перечень указанных обстоятельств, которые в случае отсутствия в составе преступления подлежат учету при индивидуализации назначаемого наказания. Такой подход обусловил *двухуровневую* конструкцию российской законодательной системы многообъектных преступлений, состоящей из подсистемы многообъектных составов преступлений и подсистемы производных моделей многообъектных преступлений.

3. Система объектов уголовно-правовой охраны в России в целом не отличается от системы объектов уголовно-правовой охраны стран, принадлежащих к семьям общего и континентального права, и сформирован с учетом положений международных конвенций об уголовно-правовой

охране конкретных правовых благ. Данное обстоятельство позволяет отнести отечественную законодательную систему многообъектных преступлений к числу *унифицированных по своей аксиологической структуре*.

4. Российский уголовный закон соответствует принципу гуманизма, что влияет на разнообразие подсистем, выделяемых в структуре законодательной системы многообъектных преступлений. С этих позиций отечественная система характеризуется *большим разнообразием подсистем, выделяемых по признаку объекта посягательства*.

Перечисленные типологические характеристики являются ***основополагающими принципами*** организации и построения законодательной системы многообъектных преступлений в российском уголовном праве. ***Способами организации и построения*** рассматриваемой системы выступают *конструирование ее элементарных единиц*, т.е. законодательных моделей многообъектных преступлений, и *установление баланса внутри системы и с метасистемами*. В основу этих способов положены общие и специальные принципы. Общие принципы конструирования составов преступлений, криминализации и пенализации деяний, а также дифференциации ответственности получили достаточно глубокое освещение в доктрине уголовного права. В настоящей главе исследуются специальные принципы и правила конструирования законодательных моделей многообъектных преступлений, а также установления внутри- и межсистемного баланса.

§ 1. Методология конструирования законодательных моделей многообъектных преступлений

Законодательная система многообъектных преступлений в отечественном уголовном праве отличается высокой степенью разнообразия ее элементов (как законодательных моделей многообъектных преступлений, так и подсистем) и внутренних связей, что обусловлено перечисленными

типологическими характеристиками системы. Известно, что чем шире система, чем сложнее она организована, тем разнообразнее взаимосвязи ее элементов, поэтому проблемы, связанные с функционированием не только самой системы, но и ее элементарных единиц, имеют характер системных проблем.

Использование системно-диалектического-подхода позволяет оценить особенности, обнаружить достоинства и недостатки конструирования законодательных моделей многообъектных преступлений в их системной взаимосвязи, выявить существующие проблемы российского уголовного законодательства (в рамках заявленного предмета исследования), сформулировать принципы и правила конструирования элементарных единиц законодательной системы многообъектных преступлений, обеспечивающие ее эффективное функционирование. С этой целью необходимо не только опираться на отмеченные особенности построения законодательной системы многообъектных преступлений, но и учитывать специфику функциональной связи элементов в законодательных моделях многообъектных преступлений.

Мы выделяем следующие ***методологические принципы конструирования законодательных моделей многообъектных преступлений:***

- учет разнообразия признаков, влекущих многообъектность преступлений;
- учет комбинаторности признаков в структуре законодательных моделей многообъектных преступлений;
- функциональная завершенность законодательной системы многообъектных преступлений;
- учет системных закономерностей;
- криминологическое прогнозирование развития законодательной системы многообъектных преступлений.

I. Учет разнообразия признаков, влекущих многообъектность преступлений, предполагает, что при конструировании законодательных моделей многообъектных преступлений должны приниматься во внимание все возможные признаки, обуславливающие многообъектность преступления. Данные признаки группируются по двум видам: характеризующие способ совершения преступления или направленность умысла на определенный объект.

Выводы об отнесении деяний к той или иной группе многообъектных преступлений основаны на анализе уголовного закона и уголовно-правовой доктрины и подтверждаются судебной практикой.

К первой группе относятся законодательные модели преступлений, совершенных:

1) с применением *физического или психического насилия* (насильственный грабеж²²¹, вымогательство²²², разбой²²³, угон транспортного средства без цели хищения, совершенный с применением насилия²²⁴, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества²²⁵, и др.);

2) *общеопасным* способом (убийство, совершенное общеопасным способом²²⁶, умышленное уничтожение чужого имущества, совершенное общеопасным способом²²⁷, и др.);

3) путем вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи *компьютерной информации* или информационно-

²²¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12.04.2016 № 47-АПУ16-4 // СПС «КонсультантПлюс».

²²² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.01.2015 № 82-АПУ14-31 // СПС «КонсультантПлюс».

²²³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 14.03.2012 № 66-О12-16 // СПС «КонсультантПлюс».

²²⁴ Определение Верховного Суда РФ от 28.09.2010 № 37-Д10-17 // СПС «КонсультантПлюс».

²²⁵ Определение Верховного Суда РФ от 11.12.2002 № 29-О02-20 // СПС «КонсультантПлюс».

²²⁶ Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ по делам об убийстве.

²²⁷ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.03.2012 № 384-П11ПР // СПС «КонсультантПлюс».

телекоммуникационных сетей (мошенничество в сфере компьютерной информации²²⁸);

- 4) с использованием *заведомо подложного документа*;
- 5) с *похищением, сокрытием либо уничтожением официальных документов*;
- 6) с *уничтожением или повреждением имущества*;
- 7) с *незаконным проникновением в жилище*.

Ко второй группе относятся законодательные модели преступлений, совершенных:

1) в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом определенных видов социально полезной деятельности²²⁹:

- в связи с обеспечением реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина;
- в связи с политической деятельностью;
- в связи с участием в судопроизводстве;
- в связи с осуществлением полномочий публичной власти;
- в связи с осуществлением деятельности в сфере международных отношений;

2) с целью воспрепятствовать лицу в осуществлении им своих конституционных прав и свобод;

3) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

4) в целях провокации войны или осложнения международных отношений;

5) в отношении несовершеннолетнего с воспрепятствованием его нормальному развитию;

²²⁸ Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ по делам о мошенничестве, присвоении и растрате).

²²⁹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.09.2016 № 19-АПУ16-6 // СПС «КонсультантПлюс».

- б) с целью скрыть другое преступление;
- 7) в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма;
- 8) по мотиву неуважения к специальному порядку;
- 9) в отношении потенциально опасных предметов (хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ²³⁰).

II. Учет комбинаторности признаков, обуславливающих многообъектность, в структуре законодательных моделей многообъектных преступлений.

Оценивая комбинаторность признаков, обуславливающих многообъектность преступления, необходимо исходить из того, что каждый из них определяет качественную характеристику деяния, однако по своей *социальной сущности* эти признаки различны.

Так, особенностью перечисленных способов совершения преступления является то, что это *противоправные общественно опасные деяния* (далеко не все способы совершения преступления обладают таким свойством; например, способ совершения тайного или открытого хищения имущества без отягчающих обстоятельств сам по себе не представляет опасности). По этой причине практически все общественно опасные способы совершения преступления, обуславливающие его многообъектность, не относятся к числу обстоятельств, отягчающих наказание, перечисленных в ст. 63 УК РФ. Исключение составляет совершение преступления с применением некоторых разновидностей общепасных способов и физического или психического принуждения (п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Социальная сущность перечисленных признаков, свидетельствующих о направленности умысла на определенный объект, состоит в том, что они *задают любому преступному посягательству на индивидуальные правовые блага вектор на причинение ущерба общественным правовым благам либо*

²³⁰ Определение Верховного Суда РФ от 30.01.1996 // БВС РФ. 1997. № 2.

направляют посягательство на одно общественное правовое благо на причинение ущерба другому общественному правовому благу.

В юридической литературе встречается употребление парных понятий «общий и специальный объекты преступления», которым придается значение объектов, на которые может посягнуть любое лицо (жизнь, здоровье, честь, достоинство человека), и общественных отношений, которые «возникают и поддерживаются в связи с необходимостью осуществления особых социальных функций, обеспечивающих жизнедеятельность личности, общества и государства»²³¹, и которые представляют собой порядок поведения или деятельности, урегулированный специальными правовыми нормами, обеспечивающий выполнение соответствующих функций²³². К последней группе объектов относят различные виды безопасности, порядок управления, интересы государственной и муниципальной службы, службы в коммерческих и иных организациях.

Предложение разделить объекты преступлений на общие и специальные представляется нам интересным, хотя и не лишенным дискуссионных моментов. Аксиологическая концепция объекта преступления позволяет использовать мировые научные достижения в области аксиологии, политологии и социологии применительно к изучению объекта преступления. В теории используются понятия «общее благо» (common good), «общественное благо» (public good), «публичные интересы» (public interest), употребляемые как синонимы²³³. В отличие от индивидуальных (individual good), общественные правовые блага создаются и охраняются в интересах всех членов общества, включая будущее поколение.

В целом в зарубежных и российских источниках к общественным благам отнесены одни и те же социальные ценности: экологическая,

²³¹ *Зателепин О.К.* Квалификация преступлений против военной безопасности государства: монография. Серия «Право в Вооруженных Силах - консультант». М., 2009. Вып. 106 // СПС «КонсультантПлюс».

²³² *Тер-Акопов А.А.* Преступления и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М. 2003. С. 150.

²³³ *Etzioni A.* Common good. The Encyclopedia of Political Thought. New York. 2015. P. 1.

государственная, общественная безопасность, безопасность человечества, культурное наследие, сохранность материальной инфраструктуры, финансовая система, равенство прав, право на труд, образование, здравоохранение, информацию, порядок управления, торговля, информационная безопасность и т.д.²³⁴

Большинство норм УК РФ и уголовного законодательства зарубежных стран направлены на охрану общественных благ: конституционных прав и свобод человека и гражданина, нормального развития детей²³⁵, интересов экономической деятельности, общественной безопасности и общественного порядка, государственной безопасности, интересов правосудия, нормального функционирования государственной и муниципальной власти и т.д. *Общественные блага создаются и охраняются государством, однако реализуются людьми при помощи предметов материального мира и духовных ценностей, кроме того, общественные блага тесно связаны между собой, поэтому негативное воздействие на общественные блага часто осуществляется за счет негативного воздействия на людей и предметы или иные общественные блага. Это обстоятельство обуславливает многообъектность большого числа преступлений, посягающих на общественные блага.*

Полинуклеарная структура объекта в преступлении, многообъектность которого обусловлена направленностью умысла на определенный объект, представляет собой *сочетание общего и индивидуального блага* (например, в посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа) или *сочетание нескольких общественных благ* (например, в легализации имущества, приобретенного преступным путем).

²³⁴ Аристов Е.В. Общественные блага: концепция и конституционно-правовая характеристика // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 150 – 154; Altvater E. What Happens When Public Goods are Privatized? Berlin. 2007. P. 2; Lindholt L., Lindsnoes B. On Human Rights // Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights. Leiden. 2007. P. 53 – 67.

²³⁵ Отнесение преступлений, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина и нормальное развитие детей, к преступлениям против личности в отечественном УК не изменяет их сущности общественных правовых благ.

Нетрудно заметить, что признаки, обуславливающие многообъектность преступления, могут комбинироваться. *Комбинаторностью, т.е. способностью образовывать различные сочетания из конечного числа элементов, при построении законодательных моделей многообъектных преступлений обладают только способы совершения преступления*²³⁶.

Поскольку направленность умысла в преступлении одна, признак, определяющий эту направленность, может быть только один. Изъятие из этого правила образуют многообъектные составы преступлений с множественностью потерпевших. Такие составы могут охватывать законодательные модели многообъектных преступлений с различной направленностью умысла при совершении деяния в отношении различных потерпевших. Например, ч. 2 ст. 105 УК РФ закрепляет законодательную модель убийства двух и более лиц, при этом убийство одного из них совершено в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга, а убийство второго – с целью скрыть это деяние.

Таким образом, для того чтобы определить комбинаторность тех или иных признаков, обуславливающих многообъектность, необходимо установить их групповую принадлежность, т.е. решить, что в данной конкретной законодательной модели многообъектного преступления эти признаки характеризуют способ совершения преступления или направленность умысла на определенный объект. Несмотря на кажущуюся очевидность, это не всегда просто.

Для решения отмеченной проблемы мы разработали *следующую методику*. Прежде всего, необходимо классифицировать способы совершения преступления, обуславливающие его многообъектность, – в зависимости от их функции в поведении лица. В основе такого деления

²³⁶ Способы совершения преступления могут быть взаимоисключающими (например, тайное и открытое хищение) и комбинируемыми (совершение преступления с применением насилия и с незаконным проникновением в жилище). Способы, обуславливающие многообъектность преступления, являются комбинируемыми, поэтому использование нескольких таких способов обеспечивает и большое число объектов.

лежит психологическая теория деятельности, устанавливающая различный статус единиц деятельности («действие-процесс» и «операция»). Одни и те же единицы человеческой деятельности могут выступать в зависимости от ситуации как действия-процессы и как операции.

Данная классификация единиц деятельности может быть использована применительно к многообъектным преступлениям по следующим основаниям. Во-первых, любое преступление является деятельностью человека, для которой актуальны признаки, общие для всех видов деятельности. Во-вторых, многообъектное преступление в силу его направленности на несколько объектов представляет собой сложную, развернутую деятельность, его совершение предполагает достижение ряда конкретных промежуточных целей, связанных жесткой последовательностью. Многообъектное преступление представляет собой совокупность действий, подчиняющихся частным целям для достижения общей цели, определяемой мотивом преступления. Это деятельность, в которой отдельные действия могут выступать в своей взаимосвязи в качестве процессов и операций.

Например, воспрепятствование осуществлению правосудия мотивировано желанием избежать уголовной ответственности и имеет цель «воспрепятствовать осуществлению правосудия». В данном случае лингвистически цель и деятельность совпадают в своем словесном определении, поскольку «воспрепятствование», как все отглагольные существительные, имеет два значения – процесса деятельности и результата этой же деятельности. Применение насилия к лицу, осуществляющему правосудие, в данном случае является действием-процессом, имеющим цель заставить потерпевшего изменить свое поведение. Конкретное механическое действие, например сдавливание горла потерпевшего, – это операция.

В качестве контрастирующего примера рассмотрим разбой. Хищение чужого имущества – это деятельность, цель которой – завладеть чужим имуществом. Изъятие имущества – это действие-процесс, направленное на

достижение обозначенной цели, а применение насилия в данном случае выступает в качестве операции, посредством которой осуществляется изъятие имущества. Дальнейшее дробление операций на другие, более мелкие операции имеет значение для конкретизации причинно-следственной связи общественно опасных последствий и способа совершения преступления.

Проведенное исследование позволило нам разделить способы совершения многообъектного преступления в зависимости от их функции в поведении лица на *способы - исполнительные механизмы* и *способы-инструменты*. Первыми с точки зрения теории деятельности выступают действия-процессы, а вторыми – операции.

Способами - исполнительными механизмами мы называем такие способы, которые полностью составляют внешнюю форму деяния как признака объективной стороны преступления. За основу такого подхода взято понимание объективной стороны преступления как «механизма общественно опасного и противоправного посягательства», предложенное В.Н. Кудрявцевым²³⁷. К ним относятся применение физического или психического насилия как форма воспрепятствования социально полезной деятельности потерпевшего. Только направленность умысла позволяет в данном случае отграничить воспрепятствование осуществлению социально полезной деятельности от причинения вреда здоровью. Кроме того, специфическими видами исполнительного механизма являются хищение и вымогательство, которые выступают способом незаконного приобретения предметов, запрещенных или ограниченных в обороте.

В отличие от предыдущих примеров, *способы-инструменты* – это средства, с помощью которых совершается действие или бездействие, они имеют вспомогательное, инструментальное значение. Например, применение насилия для совершения хищения или принудительного полового акта. В

²³⁷ Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 11.

таких преступлениях сочетаются как минимум два действия: действие-инструмент и действие-результат, каждое из которых посягает на самостоятельное правовое благо. Действиями-инструментами в многообъектных преступлениях выступают применение физического или психического насилия, общественно опасного способа, вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей; использование заведомо подложного документа, похищение, сокрытие либо уничтожение официального документа.

Особенность способов – исполнительных механизмов в том, что в отличие от других способов, объективная сторона преступления-результата и общественно опасный способ совпадают в многообъектном составе. Проверить это можно посредством теоретического моделирования, мысленно сконструировав способ как преступление-результат. Например, «воспрепятствование осуществлению избирательных прав граждан, совершенное с применением насилия или угрозой его применения», и «применение насилия или угроза его применения с целью воспрепятствования осуществлению избирательных прав граждан» – два абсолютно идентичных состава преступления, в которых физическое и психическое насилие выступает в одном случае общественно опасным способом, в другом – преступлением-результатом.

С другими общественно опасными способами совершения преступления такая логическая операция невозможна. Например, «незаконное проникновение в жилище, совершенное с применением насилия» и «применение насилия с целью незаконного проникновения в жилище» существенно различаются по объективной стороне преступления моментом окончания преступления.

Эта методика позволяет точно установить функциональное значение общественно опасного способа в структуре законодательной модели многообъектного преступления, что, в свою очередь, имеет важное значение

для конструирования этих моделей. Так, способ - исполнительный механизм не обуславливает многообъектность преступления, в данном случае эту функцию берет на себя признак, характеризующий направленность умысла на определенный объект. Поскольку направленность умысла в преступлении одна, поэтому иные признаки, характеризующие направленность умысла на определенный объект, уже не могут быть включены в модель. Например, законодательная модель воспрепятствования осуществлению избирательных прав, совершенного с применением насилия, не может включать в себя экстремистский мотив, а законодательная модель незаконного проникновения в жилище, также совершенного с применением насилия, – может.

Приведенная методика теоретического моделирования имеет прикладное значение как для законотворчества, так и для правоприменения, а точнее, для квалификации содеянного, поскольку юридическое значение имеют лишь те признаки преступления, которые вписываются в его законодательную модель.

III. Следующий методологический принцип конструирования законодательных моделей многообъектных преступлений заключается в **функциональной завершенности законодательной системы многообъектных преступлений**. Несоблюдение его приводит к нарушению принципа дифференциации уголовной ответственности.

Проиллюстрируем эту проблему следующим наглядным примером. Совершение преступления с использованием заведомо подложного документа посягает в числе других объектов на порядок управления. Данный способ не является обстоятельством, отягчающим наказание, использование подложного документа образует самостоятельный состав преступления (ч. 3 – 5 ст. 327 УК РФ) или выступает составообразующим признаком другого преступления (п. «д» ч. 2 ст. 127¹, п. «в» ч. 2 ст. 193, ст. 193¹ УК РФ). Вместе с тем с использованием заведомо подложного документа могут совершаться любые преступления, связанные с обманом. Прежде всего, это

мошенничества. Законодатель не учел этот способ в качестве квалифицирующего признака мошенничества, что породило дискуссию относительно того, охватывается ли использование заведомо подложного документа основным составом мошенничества или нет.

Как отмечено Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, квалификация содеянного в данном случае осуществляется по ст. 159 УК РФ без дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 327 УК РФ²³⁸ (статья приведена без учета изменений и дополнений, внесенных в нее Федеральным законом от 26.07.2019 № 209-ФЗ), т.е. преступление-способ «поглощается» преступлением-результатом. Однако законодателю следовало бы учесть данный способ в качестве квалифицирующего признака мошенничества, в том числе и его специальных видов, чтобы обеспечить должный уровень строгости ответственности за данные многообъектные преступления.

Однако в некоторых случаях отсутствие необходимых структур целесообразно компенсировать посредством изменений перечня обстоятельств, отягчающих наказание, не включенных в состав преступлений.

Например, общеопасный способ, обуславливающий многообъектность посягательства, наиболее характерен для умышленных преступлений, связанных с уничтожением или повреждением имущества, а также причинением телесных повреждений, поскольку применяется в целях усиления разрушительного воздействия на объекты материального мира. Однако рассматриваемый способ совершения преступления не учтен законодателем в качестве отягчающего обстоятельства в специальных видах умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 144, 178, 346 УК РФ) и в специальных составах убийства и причинения вреда здоровью (ст. 277, 295, 296, 317, 318 УК РФ и др.). Казалось бы, это делать и необязательно, исходя из того, что, за эти преступления предусмотрено более

²³⁸ Пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о мошенничестве, присвоении и растрате.

строгое наказание, чем соответственно в ч. 2 ст. 167, ч. 2 ст. 105 и ч. 2 ст. 111 УК РФ, устанавливающих ответственность за уничтожение или повреждение имущества, убийство и причинение тяжкого вреда здоровью, совершенные общеопасным способом.

Вместе с тем возникает резонный вопрос: как учитывать общеопасный способ совершения указанных преступлений? В п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельств, отягчающих наказание перечислены лишь некоторые общеопасные способы совершения преступления. Очевидно, по замыслу законодателя в данном случае цель усиления наказания в том, чтобы противодействовать незаконному обороту предметов, ограниченных в гражданском обороте в силу их потенциальной общеопасности. Об этом свидетельствует приведенный в данной норме достаточно обширный перечень предметов, используемых для совершения преступления, их особый гражданско-правовой статус и отсутствие указания на механизм общеопасных способов совершения преступления (взрыв, поджог и т.д.).

В сложившейся ситуации воспрепятствование законной деятельности журналиста, совершенное посредством поджога его квартиры, будет квалифицироваться по ч. 3 ст. 144 УК РФ как преступление, совершенное без отягчающих обстоятельств с возможностью назначения минимального наказания (например, два месяца лишения свободы). Решением этой конкретной проблемы могло бы стать дополнение п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ указанием на совершение преступления общеопасным способом, что позволит восполнить необходимый элемент в законодательной системе многообъектных преступлений.

IV. Учет системных закономерностей при конструировании законодательных моделей многообъектных преступлений тесно связан с предыдущим методологическим принципом. Игнорирование системных закономерностей неизбежно приводит к бессистемности уголовно-правовой охраны тех или иных благ.

Мы уже обосновали, что классификация преступлений по объекту посягательства не может быть одномерной и является перекрестной. Последняя всегда представлена в виде классификационной таблицы, где один и тот же объект систематизации состоит в нескольких пересекающихся рядах. В некоторых множествах законодательных моделей преступлений, объединенных по содержанию основного объекта посягательства, возможно выделение подгруппы моделей, объединенных по содержанию дополнительного объекта посягательства. В основе этой логической операции лежит отмеченная специфика перекрестной классификации составов преступлений. Это приводит к тому, что в Особенной части УК РФ многие уголовно-правовые запреты образуют функционально объединенные группы (в данном случае можно также говорить о блоках уголовно-правовых норм).

Наиболее рельефно проблему бессистемности можно проиллюстрировать на примере блоков норм о посягательствах на личные права в связи с осуществлением охраняемых уголовным законом социально полезных видов деятельности. Так, преступления, совершенные в связи с осуществлением публично-властных полномочий (ст. 317 – 319, 321 УК РФ), помимо интересов нормального функционирования аппарата власти посягают на личные неимущественные правовые блага (жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, психическую безопасность, честь и достоинство личности). Конструирование такого рода многообъектных составов преступлений представляется обоснованным, позволяет комплексно и эффективно противодействовать всем противоправным способам посягательства на интересы государственной власти. Блоками уголовно-правовых норм защищаются также участники судопроизводства. Для охраны реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина; политической деятельности; деятельности в сфере международных отношений введены специальные нормы о посягательствах на некоторые

личные права лиц, осуществляющих эти социально полезные виды деятельности, или их близких.

Вместе с тем охрана правовых благ, представляющих собой результаты социально полезной деятельности, построена бессистемно, поскольку, указанные специальные нормы направлены на защиту различного круга личных правовых благ, внутри блоков разнится круг потерпевших. Кроме того, как бессистемность необходимо рассматривать отсутствие комплексного подхода к уголовно-правовой охране посредством формирования полноценных блоков норм.

Современное состояние уголовно-правовой охраны социально полезной деятельности посредством защиты лиц, осуществляющих такую деятельность, и их близких представлено в сводном виде в *Приложении 3 Таблицу 2*. Для анализа этих данных необходимо отметить, что усиление ответственности за совершение преступления в связи с осуществлением такого рода деятельности реализуется тремя способами, которые можно рассматривать как уровни защиты лиц, осуществляющих социально полезную деятельность, охраняемую уголовным законом:

- *I уровень*: посредством общих норм с учетом в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ);

- *II уровень*: посредством специальных норм о преступлениях, совершенных в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;

- *III уровень*: посредством специальных норм о преступлениях, совершенных в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом отдельных видов социально полезной деятельности (ст. 277, 295 – 298¹, 317 – 319 УК РФ и др.).

Из *Таблицы 2 Приложения 3* видно, что законодатель индивидуальные правовые блага одних и тех же лиц защищает на разных уровнях. Наиболее однородно построена защита лиц, осуществляющих полномочия публичной власти и участвующих в судопроизводстве, поскольку все, кроме собственности, индивидуальные правовые блага этих лиц охраняются специальными нормами. Разнородной является защита лиц, осуществляющих политическую деятельность (государственных и общественных деятелей). Психическая безопасность, честь, достоинство, собственность указанных потерпевших защищаются от преступных посягательств в связи с названными видами деятельности на I, здоровье – на II, а жизнь – на III уровне. Насилие, в том числе опасное для жизни и здоровья, не причинившее вреда здоровью (за исключением истязания), и оскорбление указанных лиц в связи с осуществлением политической деятельности вообще не являются уголовно наказуемыми деяниями.

Если рассматривать однородность защиты лиц, осуществляющих охраняемую уголовным законом социально полезную деятельность, в срезе разновидностей индивидуальных правовых благ, то становится ясным, что наиболее последовательно, а именно – специальными нормами, осуществляется охрана жизни, здоровья и телесной неприкосновенности указанных лиц. Исключение составляет отмеченный недостаток регламентации уголовной ответственности за применение насилия в связи с осуществлением политической деятельности.

Психическая безопасность в целом охраняется посредством специальных норм, однако лица, осуществляющие политическую деятельность и деятельность в сфере международных отношений, защищены от угроз в свой адрес общей нормой, предусмотренной ст. 119 УК РФ. Разнится и содержание уголовно наказуемого психического насилия в специальных нормах (см. *Таблицу 3 Приложения 3*).

Мы не являемся сторонниками тотальной унификации уголовно-правовых запретов и не разделяем точку зрения, что содержание угроз

должно быть единообразным в диспозициях уголовно-правовых норм²³⁹. Определяя уровень общественной опасности деяния, законодатель исходит из всей совокупности его признаков. Уровень общественной опасности психического насилия, безусловно, коррелирует с его содержанием, но в целом устанавливается исходя из важности объекта посягательства, возможности и тяжести причинения вреда как основному, так и дополнительному объекту преступления. Например, вряд ли было бы уместно предусматривать в ст. 296, 318, 321 УК РФ наравне с угрозой применением насилия еще и шантаж, по аналогии со ст. 309 УК РФ. В большинстве своем в качестве потерпевших от указанных преступлений выступают представители публичной власти. Шантаж представляет собой распространение действительных и ложных позорящих сведений. Однако осуществление потерпевшим публично-властных полномочий предполагает безупречность его поведения на службе и в быту – на случай распространения действительных сведений, а также моральную устойчивость к угрозе распространения ложных сведений.

Между тем в ч. 2 ст. 309 УК РФ в качестве потерпевших предусмотрены свидетели и потерпевшие по делу, эксперты, специалисты, переводчики, т.е. люди, профессиональный статус которых разнороден и в большинстве своем не предполагает той специфики личности, о которой мы сказали. Их моральная устойчивость к психическому насилию в любой форме, в том числе шантажу, невысока, что увеличивает риски для основного объекта преступления – интересов правосудия. В этой связи в ст. 309 УК РФ криминализацию любого вида принуждения следует признать обоснованной.

Состояние законодательной регламентации ответственности за посягательство на честь и достоинство личности в связи с осуществлением социально полезной деятельности, охраняемой уголовным законом, свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев

²³⁹ Такие предложения нередко звучат в научных исследованиях (см, например, *Гертель Е.В.* Уголовная ответственность за угрозу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 11).

ответственность за клевету наступает по общей норме с учетом отягчающего обстоятельства (ст. 128¹ УК РФ). Исключение составляет клевета в отношении некоторых участников судопроизводства (судьи, присяжного заседателя, иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации), ответственность за которую предусмотрена специальной нормой в ст. 298¹ УК РФ. Оскорбление уголовно наказуемо только в том случае, если оно совершено в отношении участника судебного разбирательства (ст. 297 УК РФ), представителя власти (ст. 319 УК РФ) и военнослужащего (ст. 336 УК РФ). В остальных случаях наступает административная ответственность.

Имущественные права лиц, осуществляющих социально полезные виды деятельности, защищаются на общих основаниях с учетом отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ, за исключением журналистов. Лишь в ч. 3 ст. 144 УК РФ предусмотрена повышенная ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо к отказу от распространения информации, совершенное с повреждением или уничтожением их имущества.

Подобные посягательства на личные имущественные права в связи с осуществлением иных видов деятельности, охраняемых уголовным законом, квалифицируются по совокупности ст. 167 УК РФ и нормы о воспрепятствовании осуществлению этой деятельности либо вменяется отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «ж» ч. 2 ст. 63 УК РФ, что не обеспечивает должный уровень ответственности, поскольку умышленное уничтожение или повреждение имущества в зависимости от способа совершения и последствий является преступлением небольшой или средней тяжести. К этим категориям относятся большинство преступлений, представляющих собой некавалифицированные виды воспрепятствования осуществлению социально полезной деятельности. Даже при полном

сложении наказаний мы не получим такого увеличения строгости, которое имеет место в санкции ч. 3 ст. 144 УК РФ (лишение свободы на срок до шести лет) по отношению к санкции ч. 1 ст. 144 УК РФ (лишение свободы не предусмотрено).

Анализ признаков субъективной стороны рассматриваемых составов показывает отсутствие единообразия при формулировании мотивов и целей (см. *Таблицу 4 Приложения 3*). Большинство многообъектных составов преступлений, совершенных в связи с осуществлением лицом социально полезной деятельности, включают в себя цель воспрепятствовать или вмешаться в эту деятельность или отомстить за нее. Указанные признаки субъективной стороны являются основанием индивидуализации ответственности посредством учета в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Вместе с тем в ряде рассматриваемых составов преступлений мотив мести за осуществление социально полезной деятельности не является криминообразующим или дифференцирующим признаком. Это составы преступлений, совершенных в связи с обеспечением реализации конституционных прав человека и гражданина (ст. 141, 144, 148, 149 УК РФ), с участием в судопроизводстве (ст. 294, 309 УК РФ).

В каких случаях целесообразно предусмотреть мотив мести в качестве составообразующего признака преступления? Ответ на этот вопрос кроется в социально-психологической характеристике чувства мести. Желание отомстить возникает как реакция на обиду. Причиной возникновения обиды в психологии считается несоответствие между реальным и ожидаемым поведением другого человека²⁴⁰. На основании изложенного мы приходим к выводу, что мотив мести в качестве составообразующего признака обязательно должен быть предусмотрен в составах тех преступлений, совершению которых предшествует воздействие деятельности потерпевшего на лицо, совершившее преступление, или на близких ему лиц, что

²⁴⁰ Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1988; Орлов Ю.М. Самосознание и самовоспитание характера. М., 1987. С. 170.

субъективно воспринимается последним как причинение вреда ему или его близким.

Такое воздействие менее вероятно при обеспечении избирательных прав или при совершении богослужений и иных религиозных обрядов. Вместе с тем мотив мести наиболее характерен применительно к тем сферам социально полезной деятельности, в рамках которых достижение общественного блага с необходимостью сопровождается ущемлением субъективных, не основанных на законе, интересов человека или группы людей. Это журналистская деятельность, проведение собрания, шествия, митинга, пикетирования, участие в судопроизводстве, обеспечение общественного порядка и т.д.

В некоторых случаях законодатель дополнительно предусмотрел защиту лиц, осуществляющих социально полезную деятельность, посредством норм о преступлениях, совершенных по мотиву неуважения к специальному порядку. В таких преступлениях посягательство на личные блага является посягательством на порядок поведения или деятельности, урегулированный специальными правовыми нормами, обеспечивающий выполнение соответствующих функций (ст. 297, 319, 360 УК РФ). Эти преступления могут совершаться с любой целью и мотивом в обстановке, где посягательство на личные права само по себе является нарушением специального порядка. Виновный осознает это, но совершает посягательство, потому что не уважает соответствующий порядок (т.е. мотив неуважения к специальному порядку присутствует всегда). Это посягательств на честь и достоинство личности (ст. 297, 319 УК РФ), на здоровье и личную неприкосновенность (ст. 360 УК РФ).

Налицо неравномерность «репрессивной нагрузки», общественные правовые блага в виде специальных порядков должны защищаться пусть с разной степенью строгости, но единообразно. Почему публичное оскорбление сотрудника полиции при исполнении им служебных обязанностей влечет уголовную ответственность, а публичные пощечина,

толкание или хватание его за волосы, совершенные не в связи с исполнением, но при исполнении обязанностей (например, на почве личного конфликта), является административно наказуемым деянием? Объяснения этому нет, есть пробел, который необходимо устранять на законодательном уровне.

Бессистемность усиления ответственности за преступления, многообъектность которых обусловлена осуществлением социально полезной деятельности, выражается в дифференциации уровня защиты потерпевших в зависимости от их статуса в рамках одного блока уголовно-правовых запретов. В совокупности с данной проблемой необходимо рассмотреть проблему внешней бессистемности законодательных моделей многообъектных преступлений, существующей на межотраслевом уровне, т.е. на стыке системы с внешней средой.

Так, на сегодняшний день ряд федеральных законов предусматривает особую государственную охрану лиц, осуществляющих отдельные виды социально полезной деятельности, и их близких, а также имущества от преступных посягательств с целью воспрепятствовать их законной деятельности, либо принудить их к изменению ее характера, либо из мести за указанную деятельность. В *Таблице 5 Приложения 3* мы привели сводные данные о категориях таких лиц, защищаемых правовых благах и направленности посягательств, от которых гарантируется особая государственная защита, и о правовом основании этой защиты. Анализ полученных данных позволил нам сделать вывод, что почти во всех случаях государство гарантирует защиту не только самому лицу, осуществляющему социально полезный вид деятельности, но и его близким. Осуществляется особая охрана таких благ, как жизнь, здоровье, честь и достоинство, сохранность имущества, а в некоторых случаях и неприкосновенность жилища. Государство гарантирует особую защиту от посягательств, совершенных с целью воспрепятствовать законной деятельности лица, осуществляющего социально полезную деятельность, либо принудить его к

изменению ее характера, либо из мести за указанную деятельность (т.е. в связи с осуществлением соответствующей деятельности).

Однако очевидно, что уголовное законодательство не обеспечивает выполнение заявленных гарантий ни по кругу защищаемых лиц, ни по кругу защищаемых личных благ. Усиление ответственности за посягательства на указанных лиц наравне с посягательствами на любых лиц, осуществляющих социально полезную деятельность (I и II уровни), нельзя признать особой государственной защитой, последняя должна всегда иметь III уровень, что предполагает наличие специальных норм о преступлениях, совершенных в отношении лиц, находящихся под особой защитой государства, или их близких в связи с осуществлением данными лицами отдельных видов социально полезной деятельности.

Нарушение методологического принципа учета системных закономерностей при конструировании законодательных моделей многообъектных преступлений приводит не только к бессистемности уголовно-правовой охраны тех или иных благ, но и к проблемам квалификации преступлений, связанным с многообъектностью преступлений, которые будут подробно рассмотрены в следующем разделе настоящего диссертационного исследования.

V. Методологический принцип **криминологического прогнозирования** обязывает рассмотреть проблемы построения законодательной системы многообъектных преступлений, которые с высокой долей вероятности возникнут в будущем. Необходимость криминологического прогноза в данном случае продиктована потребностью в своевременном принятии мер уголовно-правового противодействия актуальным общественно опасным явлениям и целесообразностью предварительного изучения всех последствий принятия таких мер, чтобы наука уголовного права «работала» на опережение. В нашем случае теоретическим основанием для криминологического прогноза служит имеющаяся система знаний о криминологических перспективах, а также

полученные в результате настоящего исследования знания о многообъектных преступлениях.

В качестве прогноза развития законодательной системы многообъектных преступлений в уголовном праве России мы отмечаем сохранение указанных в начале параграфа типологических характеристик, что, однако, не исключает расширение круга объектов уголовно-правовой охраны и связанное с этим процессом увеличение способов совершения преступления, обуславливающих многообъектность преступлений.

К данному выводу позволяет прийти анализ современных научных реалий как в России, так и за рубежом. В условиях стремительного развития информационных технологий, становления цифровой экономики и цифровой медицины уголовное право может столкнуться с вызовами, в результате которых оно окажется устаревшим для нового информационного уклада общества и государства.

Одна из таких проблем связана с робототехникой. В настоящее время в России эта тема освещается преимущественно в контексте прогнозов и стратегий. Например, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.²⁴¹ робототехника и искусственный интеллект названы в числе основных направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий (п. 36). Робототехника также отнесена к перспективным высоким технологиям, развитие которых необходимо для решения задач национальной безопасности в области науки, технологий и образования (п. 80 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации²⁴².

Следует отметить, что Президент Российской Федерации поручил Правительству Российской Федерации совместно с Агентством стратегических инициатив по продвижению новых проектов, Российской

²⁴¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

²⁴² Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

академией наук, ведущими университетами и деловыми объединениями предпринимателей организовать разработку и реализацию Национальной технологической инициативы. В рамках этого масштабного проекта были утверждены планы мероприятий («дорожные карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по различным направлениям («Технет» (передовые производственные технологии)²⁴³, «Автонет»²⁴⁴, «Нейронет»²⁴⁵, «Аэронет»²⁴⁶, «Энерджинет»²⁴⁷, «Хелснет»²⁴⁸ и «Маринет»²⁴⁹), в рамках которых будет осуществляться обеспечение приоритетных позиций российских компаний на формируемых глобальных рынках продукции и услуг в сфере искусственного интеллекта.

Кроме того, важным документом в области государственной поддержки новых технологий на сегодняшний день является Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»²⁵⁰, в разделе I которой компоненты робототехники и технологии искусственного интеллекта обозначены как одна из позиций в перечне сквозных цифровых технологий. Пунктом 1.8.1 раздела «Дорожная карта» данной Программы запланировано внедрение регулирования правовых вопросов, связанных с использованием робототехники, инструментов искусственного интеллекта.

Одной из самых значимых сфер законодательного регулирования является уголовно-правовая, которая призвана осуществлять охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. К

²⁴³ Утвержден распоряжением Правительства РФ от 23.03.2018 № 482-р // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁴ Утвержден распоряжением Правительства РФ от 29.03.2018 № 535-р // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁵ Утвержден распоряжением Правительства РФ от 30.03.2018 № 552-р // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁶ Утвержден распоряжением Правительства РФ от 03.04.2018 № 576-р // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁷ Утвержден распоряжением Правительства РФ от 28.04.2018 № 830-р // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁸ Утвержден распоряжением Правительства РФ от 05.05.2018 № 870-р // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁹ Утвержден распоряжением Правительства РФ от 21.01.2020 № 40-р // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

настоящему времени законодателем предприняты определенные шаги, учитывающие современное развитие информационно-коммуникационных технологий, к числу которых относятся системы искусственного интеллекта.

Использование при совершении преступлений информационно-коммуникационных технологий повышает общественную опасность деяний. Современный уровень распространения телекоммуникационных сетей и широкий охват этими сетями всех групп населения обеспечивает злоумышленников возможностью дистанционного совершения преступления, использования крайне эффективных методов конспирации, сокращает общее время посягательства, увеличивает размер вреда, а также позволяет осуществлять преступные действия одновременно в отношении неограниченного круга потерпевших, что предопределяет наступление более серьезных негативных последствий.

Особую тревогу вызывает тот факт, что использование искусственного интеллекта преступными сообществами в развитых странах в ближайшее время может иметь место в различных сферах. Так, В.С. Овчинский аргументированно выделил следующие направления использования искусственного интеллекта в будущем: внедрение вредоносного программного обеспечения в платежные системы, в основном использующие протокол блокчейн; осуществление незаконных операций на финансовых рынках путем проникновения в торговые платформы; хищение интеллектуальной собственности; совершение особо тяжких насильственных преступлений, замаскированных под технические инциденты²⁵¹.

Кроме того, большие «криминальные» перспективы имеет применение нейротехнологий, связанных с подключением информационно-телекоммуникационных технологий к мозгу человека. Не вызывает сомнения тот факт, что нейротехнологии – это технологии будущего, что обуславливает многомиллиардные финансовые вложения в их развитие

²⁵¹ Овчинский В.С. Криминология цифрового мира. М.: Норма: Инфра-М, 2018. С. 149-154.

(проекты the BRAIN Initiative (США), The Human Brain Project (Швейцария) и т.д.) и широкий интерес во всех цивилизованных странах. В России научные исследования в области разработки и применения нейротехнологий проводятся учеными из лаборатории нейрофизиологии и нейрокомпьютерных интерфейсов биологического факультета МГУ им. Ломоносова, а также в Сколково.

Сегодня уже существуют технологии интерфейсов «мозг – компьютер», которые внедряются в постинсультной клинике для людей, страдающих тяжелыми нарушениями речи и движений, как средство коммуникации, когда человек когнитивно сохранен, но не может говорить и двигаться. В их основу положены компьютерная расшифровка и преобразование сигналов электроэнцефалограммы.

Полезность таких интерфейсов для реабилитации и социализации больных трудно переоценить, но и «сбрасывать со счетов» обратную сторону медали – инверсивный эффект изобретения – не стоит. Сам разработчик технологии профессор А.Я. Каплан отмечает, что она дает возможность инструментальным образом тестировать чувствительность человека к тем или иным эмоциональным аспектам, а также направленно ингибировать или активировать тот или иной эмоциогенный фокус²⁵². То есть применение нейроинтерфейсов позволяет осуществлять взаимодействие «мозг – компьютер» по двум направлениям – это воздействие мыслью и воздействие на мысли. Пока такие технологии примитивны, но уже сейчас человека можно подтолкнуть к нужной мысли путем наложения запретов по очереди на все другие его решения. Такое свойство нейроинтерфейсов вызывает широкий интерес у потенциальных пользователей. По словам ученого, многие «заинтересованные ведомства» предлагают «очень хорошие условия» для проведения соответствующих исследований²⁵³.

²⁵² Каплан А.Я. Нейроинтерфейсные технологии: перспективы использования в психиатрии // Психологическое здоровье: социальные, клиничко-организационные и научные аспекты: Сборник материалов Научно-практической конференции / под редакцией Г.П. Костюка. 2017. С. 208-211.

²⁵³ <http://www.msunews.ru/news/2970/>. (Дата обращения – 12.09.2019).

В последние годы активно разрабатываются нейроинтерфейсы, в основу функционирования которых положен метод биологической обратной связи, а также экзоскелеты, объединенные с нейрокомпьютерным интерфейсом, и другие прогрессивные технологии, с помощью которых возможно управление телом человека (Сколково). Таким образом, в будущем появится возможность посредством нейроинтерфейсов влиять на физическую и психическую деятельность человека, что, безусловно, продвинет медицину вперед. Однако откроются новые горизонты не только для общественно полезной, но и для общественно опасной деятельности.

По мере расширения сферы применения нейротехнологий в будущем общество неминуемо столкнется с инверсивным эффектом этих инноваций в виде преступлений, совершенных с их использованием. Их многообъектная природа не вызывает сомнения, однако психическая неприкосновенность личности, выступающая в таких преступлениях одним из объектов посягательства, вряд ли впишется в существующую законодательную классификацию правовых благ, защищаемых в рамках уголовно-правовой охраны личности.

В целом вопросы обеспечения информационной безопасности потребуют иных подходов. Мы живем в электронном мире и непосредственный контакт этого мира с человеческим мозгом дает огромные возможности для преступлений против общественной безопасности, против основ конституционного строя и безопасности государства, для организованной преступности, что станет новым вызовом эпохи.

§ 2. Обеспечение целостности законодательной системы многообъектных преступлений

Целостность системы (т.е. способность системы сохранять свои качества в условиях изменяющейся среды) складывается из таких компонентов, как интегрированность, функциональность и устойчивость.

Интегрированность законодательной системы многообъектных преступлений следует рассматривать в двух аспектах (внутреннем и внешнем) как интегрированность элементов внутри системы и интегрированность самой системы и ее элементов в метасистему – систему законодательных моделей преступлений. Интегрированность отличает сплоченность частей в целое, внутреннее единство системы, функциональная ориентированность взаимодействия частей на разрешение поставленных перед системой задач (повышение строгости публично-правовой ответственности за многообъектные преступления в силу их повышенной общественной опасности и повышение эффективности защиты отдельных правовых благ от всей совокупности общественно опасных посягательств на эти блага).

Функциональность предполагает способность законодательной системы многообъектных преступлений к самоорганизации и самодетерминированности функциональных действий системы, за счет которых осуществляется преобразование ее в функциональном направлении. В результате обеспечивается сохранение и развитие качественной специфичности системы, т.е. ее целостности. С этим качеством тесно связано понятие *устойчивости*, т.е. способности системы сохранять свою функцию при влиянии внешнего воздействия на нее. Это может быть изменение уголовного и иного законодательства, тенденций правоприменительной практики и т.д.

Целостность законодательной системы многообъектных преступлений не является ее перманентным свойством, его наличие зависит от

функциональной сбалансированности системы, которую необходимо учитывать в процессе законодательной регламентации уголовной ответственности.

Известно, что такая регламентация включает в себя криминализацию и пенализацию общественно опасных деяний, в их рамках осуществляется межотраслевая и внутриотраслевая дифференциация ответственности. Регламентируя уголовную ответственность, законодатель обязан соблюдать конституционные принципы необходимости, пропорциональности, соразмерности, справедливости и правовой безопасности²⁵⁴. Налицо взаимосвязь этих принципов. Конституционным Судом Российской Федерации неоднократно подчеркивалось, что несоблюдение предопределенных статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации требований необходимости, соразмерности и пропорциональности ограничения прав и свобод человека и гражданина является нарушением принципов справедливости и правовой безопасности²⁵⁵. В основе этих принципов лежит оценка сравнительных величин мер уголовно-правовой репрессии. В связи с этим пенализация преступления всегда имеет определенную степень, что признается как доктриной²⁵⁶, так и судебной практикой²⁵⁷. Поскольку уголовная ответственность регламентируется системой норм уголовного права, то сравнительные величины уголовно-правовой репрессии являются взаимно связанными. Их соотношение представляет собой *баланс степени пенализации деяний*.

В уголовном законе сбалансированность мер уголовно-правовой репрессии обеспечивает соблюдение не только принципа

²⁵⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

²⁵⁵ Определения Конституционного Суда РФ от 15.01.2019 № 2-О; от 12.02.2019 № 267-О; от 28.02.2019 № 316-О и № 317-О.

²⁵⁶ Карabanова Е.Н., Наумов А.В., Нечаев А.Д., Павлинов А.В. Цели уголовного наказания // Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2018 году: сб. науч. докл. Вып. 7 / под общ. ред. О.С. Капинус; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2019. С. 140-178.

²⁵⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 865-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сеземиной Ольги Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации».

пропорциональности и соразмерности, но и справедливости пенализации. Таким образом, системный подход к пенализации деяний выступает одной из гарантий реализации принципа справедливости уголовного закона (ст. 6 УК РФ).

В юридической литературе отмечается важное познавательное значение системы санкций уголовного закона при определении степени общественной опасности конкретного преступления, поскольку последняя оценивается, исходя не только из санкции той или иной статьи уголовного закона. «Данная санкция, – пишет Ю.А. Демидов, – рассматривается в системе других санкций, а точнее, в системе всех санкций уголовного законодательства»²⁵⁸. Отметим, что для оценки степени общественной опасности преступления необходим учет не только системы санкций уголовного закона, закрепленной в Особенной части уголовного закона. Так, из системы наказаний мы черпаем сведения о соотношении строгости видов наказаний; с учетом правил назначения наказания за неоконченное преступление можно оценить степень общественной опасности преступления с усеченным составом и т.д. Существует и обратное взаимодействие: степень общественной опасности преступления определяет строгость санкции, а с ней связаны возможности освобождения от наказания и от уголовной ответственности.

Степень общественной опасности преступления не только определяет строгость санкций, с ней связаны возможности освобождения от наказания и от уголовной ответственности, вменение рецидива как обстоятельства, отягчающего наказание, возможность привлечения к уголовной ответственности за неоконченное преступление, назначение дополнительных видов наказания, особенности назначения наказания по совокупности преступлений, возможность назначения условного осуждения, избрание вида

²⁵⁸ Демидов Ю.А. Указ. соч. С. 93.

исправительного учреждения, в котором будет отбываться лишение свободы, и т.д.

Очевидно, что мы имеем дело с системой взаимосвязанных и взаимозависимых элементов правовой действительности. Ее наименование в уголовно-правовой науке отсутствует, однако сам феномен системы как части правовой реальности, безусловно, существует, что подтверждается научными исследованиями, в которых ученые отмечают необходимость соблюдения принципа системности пенализации преступлений. *Данную систему мы предлагаем назвать «пенологической системой уголовного закона» (от лат. «роена» – наказание, кара).*

Предлагаемый для введения в научный оборот термин текстуально и по объему значения отличается от следующих понятий, используемых в теории уголовного права: «система уголовных наказаний», «система наказуемости», «система санкций уголовного закона», «система уголовной ответственности».

Под системой уголовных наказаний традиционно понимается «установленный законом соответствующий наказанию и его целям, обязательный для судов исчерпывающий перечень видов наказания, расположенных в определенном порядке соответственно степени их тяжести»²⁵⁹. Аналогичным образом система уголовных наказаний понимается Конституционным Судом Российской Федерации²⁶⁰. Вместе с тем есть и другое, более широкое понимание системы уголовных наказаний – «входящее в состав уголовной ответственности целостное множество

²⁵⁹ Уголовное право России. Общая часть / под. ред. В.П. Ревина. М., 2009 (автор главы – О.В. Филимонов) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // ВКС РФ. 2016. № 5; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2017 N 1438-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ермоловой Раисы Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью пятой статьи 46, частью третьей статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации и положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // СПС «КонсультантПлюс».

взаимосвязанных элементов – уголовных наказаний, служащее для определения исходных границ наказуемости преступлений и получившее отражение в перечне уголовных наказаний, в статьях Общей части УК РФ, регламентирующих конкретные наказания, в типовых санкциях и в санкциях статей Особенной части УК РФ.²⁶¹». На наш взгляд, расширение устоявшегося понятия «система уголовных наказаний» до тех рамок, которые обозначила И.А. Подройкина, обосновано. Данная система структурно входит в пенологическую систему уголовного закона.

Понятие «система наказуемости», исследованное в диссертации С.В. Юшкина не получило широкого признания в доктрине уголовного права. Данным термином автор предлагал именовать «систему уголовно-правовых институтов, посредством которых обеспечивается связь между категориями «преступление» и «наказание», устанавливаются пределы, порядок назначения наказания, последовательность и порядок оценки обстоятельств, учитываемых при назначении наказания, а также последовательность и порядок выполнения предписаний о назначении наказания, ограничивающих судебское усмотрение»²⁶². Очевидно, что причина непопулярности приведенного определения кроется в том, что оно по смыслу расходится с традиционным значением термина «наказуемость», которым называется формальный признак преступления. «Наказуемость как признак преступления необходимо понимать как потенциальную возможность применения к лицу, совершившему преступление, мер государственного принуждения, назначаемых по приговору суда»²⁶³. Вместе с тем идея С.В. Юшкина выделить систему норм, регулирующих более широкую сферу отношений, чем институт назначения наказания, и одновременно тесно связанных с назначением наказания, представляется

²⁶¹ Подройкина И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: автореф. ... дис. докт. юрид. наук. Омск, 2017. С. 10.

²⁶² Юшкин С.В. Системы наказуемости в российском уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1999. С. 6.

²⁶³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. М., 2017 (автор комментария – С.А. Маркунцов) // СПС «КонсультантПлюс».

интересной и полезной с точки зрения изучения внутрисистемных связей в крупнейшем уголовно-правовом институте – институте наказания.

В юридической литературе можно также встретить понятие «система уголовной ответственности», употребляемое, как правило, применительно к системе уголовно-правовых норм, регулирующим определенную сферу правоотношений (например, система уголовной ответственности за налоговые преступления, за экологические преступления, система уголовной ответственности несовершеннолетних, система уголовной ответственности юридических лиц).

Предлагаемое нами понятие «пенологической системы уголовного закона» имеет качественно иное содержание: *это совокупность системы санкций Особенной части уголовного закона и уголовно-правовых институтов наказания, иных мер уголовно-правового характера, освобождения от уголовно ответственности и от наказания*. В данных институтах, как справедливо отмечает Ю.В. Грачева, «законодателем использованы управомочивающие нормы, наделяющие правоприменителя возможностью учесть все особенности совершенного преступления»²⁶⁴. На этой институциональной особенности основано взаимодействие системы санкций уголовного закона с указанными институтами в пенологической системе уголовного закона.

Пенологическая система уголовного закона состоит из ряда разнородных подсистем, в связи с чем ее можно отнести к числу сложных систем. Введение в эту систему нового элемента не только порождает новые взаимосвязи, но и изменяет некоторые существующие. Например, появление нового вида уголовного наказания требует пересмотра существующих санкций, изменение категории преступления может повлиять на наказуемость приготовления к преступлению и т.д.

²⁶⁴ Грачева Ю.В. Перспективы существования судейского усмотрения в уголовном праве // Lex russica. 2014. № 8. С. 947 – 957.

Итак, мы пришли к выводу, что при конструировании санкции отдельно взятой уголовно-правовой нормы законодатель должен учитывать, что это элемент пенологической системы уголовного закона и ее введение, исключение или изменение будет иметь влияние на всю систему в целом. Даже при незначительном изменении одного или нескольких элементов данной системы должен соблюдаться *методологический принцип сбалансированности пенологической системы*, предполагающий взаимную относительность строгости санкций и влияние институтов наказания, иных мер уголовно-правового характера, освобождения от уголовно ответственности и от наказания на фактическую строгость уголовной ответственности.

Мы понимаем всю сложность такого подхода – весьма затруднительно сопоставить строгость уголовной ответственности за разнородные преступления. Но данный принцип может быть вполне успешно реализован при законодательной регламентации уголовной ответственности за преступления с многообъектным составом, поскольку в таких составах происходит пересечение признаков различных таксономических групп, задействованных в классификации преступлений по объекту посягательства. С учетом того что в многообъектных составах задействованы почти все объекты уголовно-правовой охраны, сбалансированная пенализация указанных деяний является своего рода «ребрами жесткости», каркасом всей пенологической системы уголовного закона.

Таким образом, сбалансированность пенологической системы, обеспечивающая целостность законодательной системы многообъектных преступлений, требует соблюдения как базовых принципов ограничения прав и свобод человека и гражданина (пропорциональности, соразмерности и необходимости), так и универсальных принципов (справедливости и правовой безопасности).

Вместе с тем анализ УК РФ выявил следующие проблемы пенализации многообъектных преступлений, обусловленные игнорированием законодателем указанных принципов.

1. Несоблюдением *принципа пропорциональности* ограничения прав и свобод человека и гражданина является бессистемность в повышении уголовной ответственности за преступления, совершенные с одинаковыми квалифицирующими признаками, обуславливающими многообъектность преступления, а именно *неравномерность повышения строгости наказания при усилении ответственности за совершение преступления с одним и тем же признаком, обуславливающим многообъектность преступления.*

Прежде чем перейти к анализу конкретных проблем, необходимо определиться с *методикой*, по которой мы будем оценивать системность пенализации многообъектных преступлений. О.Ю. Бунин пишет: «Одной из основных методик законодательного установления уголовно-правовой санкции при определении ее справедливости является соотнесение видов и размеров (сроков) наказаний, установленных в санкциях смежных норм Особенной части УК РФ, между собой при сравнении признаков, характеризующих элементы составов преступлений, за совершение которых они установлены»²⁶⁵.

Однако верный научный тезис на практике реализуется с трудом. Проблема в том, что в современном уголовном законе, в отличие от его советского предшественника, закреплено значительное видовое разнообразие наказаний, что коррелирует с другой особенностью – большим числом альтернативных и кумулятивных санкций, а так же высокой степенью их альтернативности. В современных санкциях предусматривается до семи видов основных наказаний и до трех видов дополнительных наказаний. Такое состояние уголовного закона усложняет задачу соблюдения принципа

²⁶⁵ Бунин О.Ю. Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 13.

системного баланса санкций. Существенные затруднения, связанные с оценкой справедливости санкций, внес законодатель, исключив в 2011 г. низший предел срока лишения свободы в значительном массиве статей УК РФ.

Исследователи проблем конструирования справедливых санкций уголовно-правовых норм и назначения справедливого наказания используют методику вычисления «среднего значения наказания» (его еще называют «средняя санкция»²⁶⁶, «средняя величина санкции»²⁶⁷, «медиана наказания»²⁶⁸), которая заключается в нахождении среднего арифметического значения размера или срока наказания, закрепленного в санкции статьи или части статьи Особенной части УК РФ. По этому параметру оценивается усиление строгости санкций за преступления с основным и квалифицированным составом. Для исследования вопросов пенализации многообъектных преступлений мы также будем использовать *медиану наказаний*.

Кроме того, нам понадобятся следующие числовые показатели:

- *коэффициент повышения медианы наказания* (отношение медианы наказания за преступление с квалифицированным составом к медиане наказания за преступление с основным составом (далее наказание за преступление с основным составом мы будем называть *базовым наказанием*), а также отношение медианы наказания за преступления с особо квалифицированным составом к медиане наказания за преступление с квалифицированным составом);

- *коэффициент повышения уголовной ответственности* (представляет собой среднее арифметическое значение коэффициентов повышения медиан

²⁶⁶ Чубарев В.Л. Общественная опасность преступления и наказание (количественные методы изучения). М., 1982. С. 55.

²⁶⁷ Рыбина А.В. Проблемы построения санкций и эффективность их применения за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 12.

²⁶⁸ Нечаева И.А. Построение санкций за преступления в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Краснодар, 2002. С. 11.

наказаний, содержащихся в санкции (далее санкцию нормы о преступлении с основным составом мы будем называть *базовой санкцией*)).

В подавляющем большинстве случаев ужесточение наказания при дифференциации ответственности осуществляется с изменением видов наказаний в санкциях. Поэтому коэффициент повышения уголовной ответственности рассчитывается, исходя только из тех видов наказания, для которых возможно вычислить коэффициент повышения медианы наказания. Есть санкции, для которых вообще нельзя рассчитать указанные показатели по причине того, что ни одно из наказаний в санкциях различных частей статьи Особенной части УК РФ не повторяется, но таких статей крайне мало (например, ч. 1 и 3 ст. 144, ч. 1 и 2 ст. 214 УК РФ).

Проблема усиления уголовной ответственности неоднократно становилась предметом научных исследований. В зарубежной науке предпринимались попытки посредством проведения факторного опроса измерить сопоставимость строгости наказания и общественной опасности преступления, в данный опрос входила оценка большого количества факторов, влияющих на уровень общественной опасности деяния. Тем самым осуществлялось выявление обстоятельств, отягчающих уголовное наказание, и устанавливалась степень такого отягчения²⁶⁹. В отечественной юридической литературе, посвященной вопросам дифференциации ответственности за отдельные виды преступлений, обращается внимание на то, что усиление ответственности за преступления, совершенные с одинаковыми квалифицирующими признаками, должно быть пропорциональным. Л.Л. Кругликов и О.Г. Соловьев пишут: «одноименные признаки должны одинаково повышать ответственность в родственных преступлениях (ст. ст. 171, 172, 174, 174.1, 175), а признаки, по-разному

²⁶⁹ *Durham A.M.* The use of factorial survey design in assessments of public judgments of appropriate punishment for crime // *Journal of Quantitative Criminology*. 1986. Vol. 2. № 2. P. 181–190.

изменяющие общественную опасность, должны располагаться в разных частях статьи»²⁷⁰.

Предпринимались и более масштабные попытки упорядочить процесс законодательной дифференциации ответственности. Так, А.П. Козлов отмечает сложность распределения квалифицирующих обстоятельств по группам и предлагает применять следующий способ: разложить на ступеням по степени общественной опасности однородные квалифицирующие признаки (групповое совершение преступления, различные по своему содержанию угрозы и т.д.), выстроить эти признаки по горизонтали по возрастанию степени общественной опасности и совместить полученные горизонтальные ряды; взятая после такого совмещения вертикаль будет представлять собой группу равных по степени общественной опасности признаков²⁷¹.

Т.А. Плаксина обоснованно критикует этот подход, указывая на то, что предложенное ранжирование уместно лишь в рамках одной группы однородных квалифицирующих признаков, а взятое в вертикальном срезе совмещение их горизонтальных рядов вовсе не свидетельствует о том, что попавшие в один ряд признаки равным образом влияют на степень общественной опасности преступления. Она аргументированно возражает против позиции, что одно и то же обстоятельство имеет одинаковое значение в различных видах преступления: «возможно, для каких-то квалифицирующих признаков это выглядит оправданным, но, безусловно, не для всех»²⁷². Пример с групповым изнасилованием и групповой кражей, как нельзя лучше, иллюстрирует эту мысль о различном влиянии одного и того же признака на степень общественной опасности разнородных преступлений.

Развивая эту мысль, отметим, что большая часть квалифицирующих признаков по-разному влияет на степень общественной опасности,

²⁷⁰ Кругликов Л.Л., Соловьев О.Г. Вопросы совершенствования норм об ответственности за легализацию криминальных доходов (ст. ст. 174 и 174.1 УК РФ) // Российский следователь. 2009. № 6. С. 14 – 16.

²⁷¹ Козлов А.П. Понятие преступления / А.П. Козлов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 808 – 810.

²⁷² Плаксина Т.А. Теоретически основы углубления дифференциации ответственности за убийство // Современное право. 2006. № 2. С. 54 – 58.

«вписываясь» в разнородные составы преступлений, что обусловлено эмерджентными свойствами последних. *Вместе с тем одинаковое значение в различных видах преступлений имеют те квалифицирующие признаки, которые изменяют качественную характеристику преступления посредством дополнения его еще одним объектом.* В многообъектном составе преступления объект как элемент состава имеет полинуклеарную структуру, правовые блага в нем «генетически» не связаны, каждое из них самостоятельно охраняется уголовным законом, а потому допустимо исследовать влияние таких квалифицирующих признаков на степень общественной опасности преступления *изолированно от остальных признаков состава преступления.*

Кроме того, составы преступлений с одинаковым квалифицирующим признаком, повлекшим их многообъектность, можно рассматривать как однородные, сгруппированные по признаку объекта преступления. Известно, что классификация объектов окружающей действительности, производимая по их существенным признакам, имеет познавательное значение. Данное обстоятельство также свидетельствует о возможности изучения влияния названных квалифицирующих признаков на степень общественной опасности преступления, независимо от иных признаков преступлений.

С этой целью мы проанализировали санкции норм, закрепляющих основные и многообъектные квалифицированные составы преступлений, и рассчитали коэффициенты повышения уголовной ответственности во всех случаях дифференциации ответственности по признакам, обуславливающим многообъектность преступления. Фактически полученные коэффициенты являются числовыми показателями степени общественной опасности каждого признака. Затем с использованием методов математической статистики определили диапазон варьирования этих коэффициентов в рамках преступлений с одним признаком, вычислили следующие параметры значений числового ряда коэффициентов для каждого из признаков:

- *размах* (**размахом ряда** чисел называется разность между наибольшим и наименьшим из этих чисел);
- *среднее арифметическое значение* (**среднее арифметическое** ряда чисел – это частное от деления суммы этих чисел на число слагаемых);
- *медиана* (срединное значение ряда чисел, упорядоченных по возрастанию, их может быть две, если в ряду четное количество чисел, и одна – если нечетное);
- *мода* (**модой ряда чисел** называется число, которое встречается в данном ряду чаще других, их может быть несколько, если разные числа присутствуют в ряду одинаковое количество раз).

Полученные результаты нашли отражение в *Таблице 6 Приложения 3*, в которой квалифицирующие признаки, обуславливающие многообъектность преступления, расположены в порядке возрастания среднего значения коэффициента (к) повышения уголовной ответственности в конкретных статьях Особенной части УК РФ.

Данные показатели являются условными, поскольку оценить повышение строгости санкции за преступление с квалифицированным составом по отношению к базовой санкции можно только по тем видам наказания, которые присутствуют в обеих санкциях. Высокая альтернативность и кумулятивность санкций, а также естественная необходимость в изменении видов наказаний от менее строгих к более строгим, в зависимости от степени общественной опасности деяния, снижают репрезентативность расчетов. Однако для математического анализа, основанного на вычислении пропорций, важно не столько качественное, сколько количественное изменение санкций.

Несмотря на отмеченные трудности, мы считаем, что такой сквозной анализ дифференциации ответственности без учета однородности основных составов преступлений необходим, поскольку позволяет:

- с определенной долей погрешности установить существующую государственную оценку степени общественной опасности каждого из

квалифицирующих признаков, обуславливающих многообъектность преступления;

- выявить случаи грубого нарушения принципа системности дифференциации ответственности в действующем законодательстве;

- смоделировать примерные ориентиры для дифференциации ответственности при изменении уголовно-правовых норм или принятии нового уголовного закона.

Проведенный анализ позволил нам прийти к следующим выводам. Наиболее низкие значения **коэффициента повышения уголовной ответственности** характерны для случаев, когда за преступление с квалифицированным составом предусмотрено наказание более мягкое, чем базовое (размер штрафа в ч. 3 и 4 ст. 148 УК РФ; срок обязательных работ в ч. 1 и 2 ст. 115 УК РФ) или равное ему на фоне незначительного повышения медианы других видов наказания (размер штрафа, исчисляемый доходом осужденного за определенный период, и срок лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ; срок лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в ч. 1 и 2 ст. 242¹ УК РФ). Объяснение такому подходу трудно найти, и мы разделяем мнение ученых, призывающих к пропорциональному увеличению всех альтернативных видов наказаний, включая дополнительные наказания, в санкциях норм о преступлениях с квалифицированным составом. Тем не менее объективность проводимого исследования требует от нас учета и тех санкций, которые сконструированы с нарушением логики.

Самый высокий коэффициент повышения уголовной ответственности за многообъектное преступление зафиксирован в санкции ч. 3 ст. 158 УК РФ, предусматривающей ответственность за кражу, совершенную с незаконным проникновением в жилище (5,25). Для сравнения, грабеж и разбой, совершенные с тем же отягчающим обстоятельством, наказываются соответственно в 1,5 и 2 раза строже, чем аналогичные преступления с

основным составом. Возможно, это объясняется тем, что по уровню строгости уголовной ответственности кража без отягчающих обстоятельств отчасти сопоставима с незаконным проникновением в жилище (оба преступления небольшой тяжести, в санкциях идентичны сроки обязательных и исправительных работ). Между тем из-за этих особенностей ст. 158 УК РФ признак незаконного проникновения в жилище характеризуется и большим размахом значений коэффициентов повышения уголовной ответственности, поскольку имеет экстремальное значение в выборке.

Помимо ст. 158 УК РФ данная проблема существует при пенализации преступлений, в составах которых дополнительным объектом выступает нравственное развитие несовершеннолетнего. Так, самый высокий коэффициент повышения уголовной ответственности зафиксирован в санкции ч. 2 ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера», а самый низкий – в санкции ч. 2 ст. 242¹ УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних». Причина тому – равенство медианы одного из видов наказаний на фоне незначительного повышения медианы другого наказания в последней норме, что выглядит нелогично, поскольку она направлена на защиту наиболее уязвимой категории – малолетних (не достигших 14 лет).

Размах значений коэффициентов повышения уголовной ответственности позволяет оценить их разброс. Его наличие – это нормальное явление, обусловленное разными пропорциями соотношения минимального и максимального сроков или размеров наказаний, установленных в гл. 9 УК РФ, и различным уровнем альтернативности и кумулятивности санкций уголовно-правовых норм. Однако высокие показатели размаха значений коэффициентов свидетельствует о нарушении принципа системного баланса санкций.

Чем меньше размах значений коэффициентов повышения уголовной ответственности, тем стабильнее его применение в пенологической системе

уголовного закона. Наименьший размах значений имеют коэффициенты повышения уголовной ответственности за преступления, совершенные с применением насилия, неопасного для жизни и здоровья, или с угрозой применения такого насилия. Относительно дифференциации ответственности за преступления, совершенные с целью скрыть другое преступление или с использованием заведомо подложного документа, параметры размаха коэффициентов являются малоинформативными, поскольку квалифицированных составов с такими признаками всего по два.

Средний размах значений коэффициентов повышения уголовной ответственности для всех квалифицирующих признаков, обуславливающих многообъектность преступлений, составляет **2,5**. Очевидно, что *именно такой размах значений является предельно допустимым в норме, он способен удерживать баланс пенологической системы.*

Кроме того, совокупность полученных данных свидетельствует о дисбалансе санкций за преступления, совершенные с применением насилия или угрозой применения насилия. Так, неконкретизированное насилие и угроза применением любого вида насилия имеет более низкий показатель наименьшего коэффициента, чем насилие, неопасное для жизни и здоровья, и более высокий показатель наибольшего коэффициента, чем насилие, опасное для жизни и здоровья. По логике вещей, границы значений коэффициента повышения уголовной ответственности за совершение преступления с применением насилия или угрозы его применением должны не выходить за нижнюю границу коэффициента применения насилия, неопасного для жизни и здоровья, и соответствующей угрозы, и верхнюю границу применения насилия, опасного для жизни и здоровья, и соответствующей угрозы. Выход за нижнюю границу имеет место в ч. 2 ст. 282 УК РФ, а за верхнюю – в ч. 2 ст. 139 УК РФ.

Мода значений характеризует типичные случаи. Совпадение или приближенность среднего значения и моды значений коэффициентов повышения уголовной ответственности свидетельствует об относительной

стабильности числового ряда даже при наличии экстремальных значений. Наибольший разрыв между этими параметрами имеет место при дифференциации уголовной ответственности за многообъектные преступления, дополнительно посягающие на нравственное развитие несовершеннолетнего; наименьший – за многообъектные преступления, совершенные с применением насилия, неопасного для жизни и здоровья, или с угрозой применения такого насилия. Это уже второй показатель, свидетельствующий о несовершенстве законодательной регламентации первой группы преступлений и соблюдении системного баланса во второй.

Среднее арифметическое и медиана значений коэффициентов повышения уголовной ответственности призваны определить их усредненные величины. Поскольку среднее арифметическое зависит от всех элементов выборки, наличие экстремальных значений существенно влияет на результат. В таких ситуациях среднее арифметическое может исказить смысл числовых данных. Следовательно, при анализе набора данных, содержащего экстремальные значения, необходимо учитывать среднее арифметическое и медиану значений.

В *Таблице 6 Приложения 3* на основе совокупного анализа среднего арифметического значения и медианы значений коэффициентов повышения уголовной ответственности построена их шкала, отражающая степень влияния квалифицирующих признаков, обуславливающих многообъектность преступления, на его общественную опасность. Данная шкала имеет познавательный и прикладной характер.

Так, на основе полученных данных можно *вывести шаблон коэффициентов повышения уголовной ответственности для каждого из квалифицирующих признаков, что важно для законодательного конструирования санкций*. Сказанное вовсе не означает, что действующий уголовный закон нуждается в сиюминутном изменении. Любые правки санкций должны быть, прежде всего, криминологически обоснованы. Но при дополнении Особенной части УК РФ новыми нормами и, тем более, при

разработке в случае необходимости нового уголовного закона, представленные расчеты могут быть приняты во внимание законодателем. Шкалирование коэффициентов повышения уголовной ответственности должно учитываться при построении «лестницы» составов преступлений в одной статье Особенной части УК РФ по степени общественной опасности соответствующих преступлений.

Кроме того, познавательная функция шкалирования коэффициентов повышения уголовной ответственности заключается в том, что оно дает исследователю представление о ценностной градации отдельных объектов уголовно-правовой охраны относительно друг друга. Мы согласны с мнением зарубежных коллег, что основная функция уголовных наказаний заключается в укреплении моральных ценностей, они символически подтверждают жизнеспособность общих убеждений, которые лежат в основе социального доверия и солидарности²⁷³.

Например, из содержания построенной нами «шкалы» отчетливо прослеживается, что на сегодняшний день наиболее опасными среди однородных являются те преступления, которые дополнительно посягают на нравственное развитие несовершеннолетнего. Этот результат не обманул наши ожидания, поскольку усиление борьбы с преступлениями такого рода является одной из приоритетных задач государства, что находит отражение и в программных документах²⁷⁴, и в характере современных изменений УК РФ, направленных на ужесточение ответственности за преступления, посягающие на развитие несовершеннолетних.

Шкалирование коэффициентов повышения уголовной ответственности и изучение их шкалы в динамике может применяться в качестве одного из методов мониторинга уголовно-правовой политики Российской Федерации. Регулярно производимые замеры коэффициентов

²⁷³ Pickett J.T., Baker T. Punishment and solidarity? An experimental test of the educative-moralizing effects of legal sanctions // Journal of Experimental Criminology. 2017. Vol. 13. № 2. P. 217–240.

²⁷⁴ Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

повышения уголовной ответственности, связанного с появлением дополнительного объекта преступления, позволяют определить приоритеты уголовно-правовой охраны гораздо точнее, чем сравнение санкций разнородных преступлений. Последние зависят от общей степени общественной опасности преступления в целом, на которую влияют все признаки преступления. Анализ же степени общественной опасности отдельно взятых признаков, характеризующих дополнительный объект преступления и участвующих в дифференциации ответственности, методологически более информативен, поскольку позволяет исследователю абстрагироваться от конкретных особенностей преступления и определить в сравнительном отношении аксиологическую значимость отдельных объектов уголовно-правовой охраны.

Описанное свойство шкалирования коэффициентов повышения уголовной ответственности может быть использовано не только в мониторинге, но и в реализации уголовно-правовой политики. Так, исходя из объективных потребностей общества, можно внести изменения в шкалу, расставив акценты, соответствующие направлениям уголовно-правовой политики, и применить полученный шаблон при конструировании новых санкций.

2. Несоблюдение **принципа соразмерности** при установлении уголовной ответственности за многообъектные преступления имеет два полярных проявления: *игнорирование многообъектности преступлений и, напротив, чрезмерное повышение уголовной ответственности за многообъектное преступление.*

Продemonстрируем проблему игнорирования многообъектности преступления на примере пенализации клеветы и клеветы в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации. Квалифицированные составы обоих преступлений, закрепленные в ч. 5 ст. 128¹ и ч. 3 ст. 298¹ УК РФ, содержат одинаковый квалифицирующий

признак – соединенность клеветы с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Санкции указанных норм абсолютно идентичны. Вместе с тем клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера небольшой или средней тяжести (ч. 4 ст. 128¹ УК РФ), наказываются строже, чем аналогичные виды клеветы, совершенные в связи с осуществлением правосудия или предварительного расследования (ч. 1, 2 ст. 298¹ УК РФ).

При подобном законодательном подходе вообще утратился смысл в выделении специального состава клеветы в отношении участников судопроизводства, поскольку проигнорирована двубъектность клеветы в связи с осуществлением правосудия и обусловленная этим повышенная общественная опасность деяния. В УК РФ более ранней редакции, до декриминализации клеветы²⁷⁵, санкции за клевету в связи с осуществлением правосудия (ст. 298) были значительно строже, чем санкции за клевету, предусмотренную общей нормой (ст. 129).

Описанный недостаток (игнорирование многообъектности) присущ и другим статьям, предусматривающим ответственность за преступления, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла на определенный объект (ч. 3 ст. 221, ч. 4 ст. 226, ч. 3 ст. 229 УК РФ) (см. *Таблицу 7 Приложения 3*). Вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ, совершенное с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью или организованной группой, хищение специальных предметов, пересиленных в ст. 221, 226 и 229 УК РФ, совершенные в форме разбоя с причинением тяжкого вреда здоровью или организованной группой, наказываются мягче, чем соответствующие виды разбоя и вымогательства, образующие общие составы преступлений.

²⁷⁵ До вступления в силу Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Наличие нескольких объектов в составе преступления должно во всех случаях служить основанием для дифференциации уголовной ответственности, вследствие чего санкции и (или) диспозиции указанных норм нуждаются в изменении. Так, размеры наказаний в санкциях ст. 298¹ УК РФ следует увеличить в той мере, в которой это необходимо, чтобы они превосходили размеры наказаний, предусмотренных в санкциях ст. 128¹ УК РФ. Статью 221 УК РФ следует дополнить частью 4, а статью 226 УК РФ частью 5 в которых бы предусматривалась ответственность за хищение или вымогательство специальных предметов, совершенные с причинением тяжкого вреда здоровью или организованной группой. Санкции этих частей должны быть строже, чем санкция ч. 4 ст. 162 УК РФ. В ч. 4 ст. 229 УК РФ следует предусмотреть квалифицирующие признаки «организованной группой» и «с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего».

Другим примером игнорирования многообъектности преступления является обязанность суда во всех случаях признавать в качестве смягчающего наказание обстоятельства противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Многообъектность преступления часто сопровождается множественностью потерпевших или потенциальной опасностью для большого круга лиц, например, при общеопасном способе совершения преступления, либо посягательством помимо личного еще и на общественное правовое благо. Применение названной уголовно-правовой льготы в данном случае не оправданно с точки зрения соразмерности и справедливости уголовной ответственности, поскольку противоправное или аморальное поведение потерпевшего может смягчать наказание только в случае причинения преступлением вреда исключительно тому потерпевшему, который дал повод для этого. В связи с этим рассматриваемая норма должна быть дополнена указанием на то, что преступление, к которому потерпевший дал повод своим аморальным и противоправным поведением, совершено в отношении него лично.

Вместе с тем есть и иная крайность, которая заключается в чрезмерном повышении уголовной ответственности, что тоже свидетельствует о нарушении принципа соразмерности и справедливости при установлении уголовной ответственности за многообъектные преступления. Так, санкции уголовно-правовых норм, закрепляющие многообъектные составы убийств (ст. 277, 295, 317 УК РФ), на сегодняшний день являются одними из самых строгих в Особенной части УК РФ, предусматривают лишение свободы на срок от 12 до 20 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет, либо пожизненное лишение свободы, либо смертную казнь. В то же время за «простое» убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) установлено наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет с ограничением свободы до 2 лет либо без такового.

Если строгость ответственности за оконченное убийство лиц, перечисленных в ст. 277, 295, 317 УК РФ, не вызывает сомнения, то анализ санкций указанных статей и ч. 1 ст. 105 УК РФ показывает, что верхний предел наказания за покушение на «простое» убийство (11 лет и 3 месяца) ниже низшего предела наказания за покушение на убийство государственного или общественного деятеля, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, или сотрудника правоохранительного органа (12 лет). Отсутствует даже незначительное пересечение в сроках наказания.

При этом применительно к приготовлению такой несопоставимой разницы в уровне ответственности уже нет: приготовление к «простому» убийству наказывается лишением свободы на срок до 7 лет и 6 месяцев, а за приготовление к убийству перечисленных специальных потерпевших с учетом позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации²⁷⁶ назначается лишение свободы сроком до 10 лет.

²⁷⁶ Пункт 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

При помощи операций с числовыми промежутками можно показать соотношение наказуемости за «простое» и особо квалифицированное убийство на всех трех стадиях их совершения. При сравнении наказаний за убийство (А) наблюдается частичное пересечение числовых промежутков от 12 до 15 лет включительно, при покушении на убийство (Б) пересечение отсутствует, при приготовлении к убийству (В) имеет место неполное совпадение числовых промежутков²⁷⁷.

$$А) [6; 15] \cap [12; +\infty] = [12; 15]$$

$$Б) (0; 11\frac{1}{4}] \cap [12; +\infty] = 0$$

$$В) (0; 7\frac{1}{2}] \cap (0; 10] = (0; 7\frac{1}{2}]$$

Как видим, на разных стадиях преступления применяются три различных способа ужесточения наказания при дифференциации ответственности в зависимости от объекта преступного посягательства. К слову, анализ санкций других норм, содержащихся в Особенной части УК РФ, показывает, что в подавляющем большинстве случаев законодатель прибегает к первому из описанных способов дифференциации (т.е. конструирует санкции посредством частичного пересечения), реже к третьему и не использует второй. В отдельных случаях можно встретить «стыковочный» способ, который также является разновидностью частичного пересечения числовых промежутков (например, сроки лишения свободы в ч. 1 и 2 ст. 117 УК РФ составляют соответственно до 3 лет и от 3 до 7 лет).

Изменение стадии совершения преступления не может повлечь изменения способа ужесточения наказания, однако в случае с многообъектными убийствами и рядом других преступлений именно это и происходит, чему виной две причины. Первая (общая) кроется в правилах назначения наказания за неоконченное преступление, вторая (частная) – в конструировании особо квалифицированных составов убийств по типу усеченных.

²⁷⁷ Поясним, что целыми числами обозначены сроки лишения свободы, исчисляемые в годах; « $+\infty$ » означает наказание в виде пожизненного лишения свободы либо смертной казни; «0» – 2 месяца лишения свободы.

Проблема видится в том, что на законодательном уровне урегулирован лишь высший предел назначаемого наказания за неоконченное преступление, причем даже это сделано недостаточно четко, что по прошествии долгих лет было компенсировано разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Низший же предел срока или размера наказания, который может быть назначен осужденному за неоконченное преступление, в законе специально не оговорен. В тех случаях, когда лишение свободы на определенный срок является самым мягким видом наказания, нижней границей наказания выступает минимальный срок лишения свободы, т.е. 2 месяца. В результате мы получаем существенное смягчение уголовной ответственности, особенно в случае, когда к лицу применяются одновременно несколько льготных норм о назначении наказания.

В юридической литературе широко критикуется Федеральный закон от 07.03.2011 № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», снизивший нижний предел наказания в виде лишения свободы до 2 месяцев во многих статьях Особенной части УК РФ, поскольку суду были представлены очень широкие рамки назначения наказания²⁷⁸. Однако эта проблема существовала задолго до вступления в силу названного Закона – при назначении наказания за неоконченное преступление, когда единственным или самым мягким видом наказания выступало лишение свободы на определенный срок. Тому пример наказуемость приготовления к квалифицированному убийству или посягательству на жизнь некоторых специальных потерпевших (от 2 месяцев до 10 лет лишения свободы).

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что специфическая конструкция составов многообъектных посягательств на жизнь в купе с существующими специальными правилами назначения наказания,

²⁷⁸ Наумов А.В. О серьезной уязвимости одного из последних законопроектов о внесении поправок в УК РФ // Уголовное право. 2011. №1. С.38-39.

снижающими его верхний предел, приводят к необоснованно завышенной строгости уголовной ответственности за покушение на убийство и ее существенному занижению в случае приготовления к указанным преступлениям в сравнении с «простым» убийством.

Выходом из этой ситуации видится работа в двух направлениях. Во-первых, предлагается составы преступлений, предусмотренные ст. 277, 295, 317 УК РФ, сконструировать как материальные, сохранив действующую санкцию в указанных нормах; во-вторых, внести изменения в ст. 66 УК РФ, установив, что при назначении наказания за неоконченное преступление в случае, если лишение свободы на определенный срок является единственным или самым мягким видом наказания, сокращается не только высший, но и низший предел срока в той же пропорции (но не ниже минимального размера, установленного для данного вида уголовного наказания). При таком подходе приготовление к убийству специального потерпевшего в связи с осуществлением им служебной деятельности, влекло бы наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 10 лет, а за покушение – от 9 до 15 лет, что отвечает требованию справедливости.

Ни в коей мере не умаляя особой повышенной опасности рассматриваемого преступления в силу его двубъектности, мы полагаем, что наказание в виде пожизненного лишения свободы, а тем более смертной казни является несоразмерно суровым по отношению к покушению на убийство указанных в диспозиции ст. 295 УК РФ лиц. Повышение нижнего предела санкции до 12 лет (для сравнения: нижний предел санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ составляет 8 лет) представляется достаточной уголовно-правовой мерой, обеспечивающей социальную справедливость и превентивное значение наказания за покушение на убийство.

Безусловно, можно рассчитывать на индивидуализацию наказания при совершении покушения на убийство лиц, указанных в диспозициях перечисленных норм, но анализ практики показывает, что суды назначают за них достаточно жесткие наказания. Так, ФИО был признан виновным в

покушении на убийство двух сотрудников правоохранительных органов, в процессе которого никто из потерпевших не пострадал, т.к. ФИО промахнулся из обреза, после чего сдался сотрудникам полиции. При назначении наказания учитывалось в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, наличие двоих несовершеннолетних детей и состояние здоровья виновного. Обстоятельств, отягчающих наказание, не имелось. Суд указал в приговоре, что «согласно вердикту присяжных заседателей ФИО заслуживает снисхождения, а поэтому в силу ч. 1 ст. 65 УК РФ смертная казнь и пожизненное лишение свободы к нему применены быть не могут, а наказание подлежит назначению в пределах санкции, предусмотренной ст. 317 УК РФ. С учетом изложенного, принимая во внимание социальную опасность, склонного к совершению насильственных преступлений, суд считает необходимым назначить ему наказание только в виде лишения свободы, близкое к максимальному». За данное преступление было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 17 лет с ограничением свободы на 1 год²⁷⁹.

3. Несоблюдение **принципа необходимости ограничения прав и свобод человека и гражданина** привело к исключению из системы дифференциации ответственности за многообъектные преступления поощрительных норм. Конкретная проблема заключается в применении уголовно-правовых льгот, связанных с освобождением от уголовной ответственности, одним из оснований которого является возмещение вреда, причиненного преступлением. Проведенное исследование показало, что судебная практика складывается достаточно противоречиво, когда речь идет о случаях примирения с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), назначения судебного штрафа (ст. 76² УК РФ) по уголовным делам о многообъектных преступлениях.

²⁷⁹ Приговор Ивановского областного суда от 12.05.2015. Дело № 2-08/15 // ГАС «Правосудие».

Как уже отмечалось, сущностной характеристикой многообъектного преступления является причинение вреда или создание угрозы причинения вреда нескольким «генетически» не связанным объектам уголовно-правовой охраны. В этой связи множественность и разнородность причиненного вреда – это типичные последствия многообъектных преступлений. В ряде случаев вред причиняется одновременно публичным и индивидуальным правовым благам. Потерпевшим по таким делам в соответствии со ст. 42 УПК РФ является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Таким образом, в ст. 42 УПК РФ идет речь о причинении вреда только индивидуальным правовым благам. В части причинении вреда публичным правовым благам потерпевший отсутствует.

В ст. 76 УК РФ предусматривается возможность освобождения лица от уголовной ответственности, если оно впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. Возникает проблема: если преступление многообъектно, то можно ли освободить совершившее его лицо от уголовной ответственности по указанному основанию? Данный вопрос актуален для преступлений не только с полинуклеарной, но и с кумулятивной структурой объекта, поскольку они причиняют вред широкому кругу правовых благ, аккумулированных в одном объекте уголовно-правовой охраны.

Анализ судебной практики по делам о многообъектных преступлениях позволил нам сделать вывод о ее разнородности, что мы расцениваем как крайне негативную ситуацию. Чаще всего суды сталкиваются с дилеммой освобождать или не освобождать виновного от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по уголовным делам о применении насилия к представителю власти (ст. 318 УК РФ), о нарушении правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшем по

неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или смерть потерпевшего (ст. 264 УК РФ), о хулиганстве (ст. 213 УК РФ).

В 68 % случаев суды освобождали виновных от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, и в 32 % случаев отказывали в удовлетворении соответствующего ходатайства, мотивируя решение многообъектностью преступления. Встречается также дифференцированный подход к решению обозначенной проблемы. Например, по одному из уголовных дел, возбужденных по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, суд исходил из того, что грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, может быть совершены как в отношении конкретного человека, так и в отношении неопределенного круга лиц. «Поскольку действия подсудимого были направлены непосредственно на одного потерпевшего, а не в отношении неопределённого круга лиц, у суда есть все основания прекратить уголовное преследование в отношении в связи с примирением с потерпевшим»²⁸⁰.

Практика Верховного Суда Российской Федерации по этому вопросу складывается тоже противоречиво. Например, в Обзоре судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием, утвержденном постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2005, содержится разъяснение, что «по делам о «двухобъектных» преступлениях преступное посягательство также осуществляется на иной защищаемый законом объект, по роду которого указанные преступления расположены в соответствующих главах УК РФ, а потерпевший при этом выступает лишь как дополнительное объективное проявление этого посягательства. В указанных случаях не только невозможно достичь примирения с основным объектом, но и примирение с потерпевшим не устраняет вред, нанесенный этому основному объекту преступного посягательства, а значит

²⁸⁰ Постановление Елизовского районного суда Камчатского края о прекращении уголовного преследования от 11.09.2012. Дело № 1-163/2012.

преступление в целом не теряет своей общественной опасности и уголовное дело в отношении лица, его совершившего, не может быть прекращено»²⁸¹.

Позднее принимались противоположные решения. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отказала в удовлетворении кассационного представления прокурора, требовавшего отменить постановление о прекращении уголовного дела по ст. 297 УК РФ в связи с примирением с потерпевшим, по причине невозможности примирения с потерпевшим по делу о двуобъектном преступлении. Оснований, препятствующих прекращению уголовного дела, о чем указывается в кассационном представлении, Судебная коллегия не усмотрела²⁸².

Аналогичная ситуация противоречивости складывается в судебной практике районного звена при решении вопроса о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа.

Ситуация действительно неоднозначная. С одной стороны, есть внушительный массив уголовных дел о преступлениях, посягающих на публичные правовые блага, где потерпевшего нет, и у виновного вообще не возникает возможности с кем-либо примериться, чтобы получить освобождение от уголовной ответственности. С другой стороны, в ст. 76 УК РФ формально не содержится каких-либо ограничений по ее применению, связанных с многообъектностью преступления.

Полагаем, что в случае причинения вреда публичному правовому благу освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим на сегодняшний день невозможно, как невозможно применение ст. 76 УК РФ в случае примирения только с одним из нескольких потерпевших. Конечно, если подходить формально, то буквальное толкование данной нормы позволяет и в этом случае освободить лицо от

²⁸¹ Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием, утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2005 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸² Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2013 № 19-О13-8сп // СПС «КонсультантПлюс».

уголовной ответственности, поскольку в тексте нормы идет речь о примирении с одним потерпевшим. Однако это противоречит духу уголовного закона и судебная практика обосновано не усматривает возможности для освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ при невыполнении ее условий в отношении всех потерпевших от преступления.

Аналогичным образом необходимо избегать формального подхода к ситуации с примирением с потерпевшим от многообъектного преступления. В пользу такого подхода говорит и указание Пленума Верховного Суда Российской Федерации на то, что «при разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности судам следует также учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет»²⁸³.

Для решения этой серьезной проблемы следует обратиться к социальному смыслу рассматриваемой уголовно-правовой льготы. Освобождение от уголовной ответственности – это одна из форм ее реализации²⁸⁴, вместе с тем это форма проявления гуманизма и справедливости уголовного закона²⁸⁵. Однако специфика освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим заключается в том, что это еще и мера реализации назначения уголовного судопроизводства, определяемого как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ). Данная мера осуществляется посредством стимулирования виновного к добровольному возмещению вреда, причиненного потерпевшему преступлением. Это обстоятельство существенно, поскольку оно исключает противоречие нормы, закрепленной в ст. 76 УК РФ, и правовой презумпции *jus publicum*

²⁸³ Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

²⁸⁴ Уголовное право России. Общая часть / под ред. О.С. Капинус. М., 2015. С. 263 (автор главы – В.В. Меркурьев).

²⁸⁵ Там же. С. 432 (автор главы – П.В. Аганов).

privatorium pactis mutari non potest (публичное право не может быть изменено соглашением частных лиц).

Было бы неправильным переводить решение проблемы возмещения вреда, причиненного потерпевшему преступлением, исключительно в плоскость цивилистики; наоборот, следует максимально задействовать потенциал уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Выполнению указанной задачи в значительной степени способствует установление в законодательстве стимулирующих процедур, побуждающих лиц, совершивших преступление, стремиться возместить причиненный преступлением вред «в обмен» на освобождение от уголовной ответственности или на снижение срока или размера наказания.

Момент применения мер стимулирования виновных к возмещению вреда имеет принципиальное значение. Безусловно, оно должно осуществляться на всех стадиях уголовного судопроизводства и исполнения наказания. Но в то же время приоритетным следует признать более раннее стимулирование, т.е. на стадии уголовного судопроизводства, поскольку темпы инфляции с течением времени обесценивают возмещение вреда.

Кроме того, проблема добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением, приобретает особую остроту на стадии исполнения уголовного наказания. Тому есть объективная причина – отсутствие материальных возможностей у обвиняемого, что обусловлено безработицей или низким уровнем дохода. В дополнение к объективным существуют и внутренние, психологические причины – несбывшиеся надежды избежать наказания, ненависть в связи с этим к потерпевшему, уверенность в несправедливости назначенного наказания и др., что приводит осужденных к самооправданию, психологической самозащите от общественного и собственного порицания²⁸⁶.

²⁸⁶ Карбанова Е.Н., Цепелев К.В. Стимулирование обвиняемого к возмещению причиненного преступлением вреда: проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 24 - 27.

В этой связи следует обратить самое пристальное внимание на применение стимулирующих норм, регламентирующих вопросы реализации уголовной ответственности на этапе уголовного судопроизводства. Отказ судов в освобождении лица от уголовной ответственности после примирения с потерпевшим и соблюдении иных условий, указанных в ст. 76 УК РФ, делает «невыгодным» возмещение вреда, причиненного потерпевшему в результате преступления. К сожалению, приходится называть явления своими именами и применительно к морально-этической категории «примирение с потерпевшим» прибегать к такой терминологии, как «выгода», но ведь именно это понятие лежит в основе любого стимулирования человека.

Как видим, существует необходимость применения уголовно-правовой льготы в случае примирения с потерпевшим и полного возмещения ему вреда на этапе уголовного судопроизводства. Безусловно, такая льгота установлена ч. 1 ст. 62 УК РФ, в соответствии с которой при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Однако ее поощрительный потенциал весьма скромнен, поскольку она содержит ограничения лишь относительно наиболее строгого вида наказания.

Со страниц юридической литературы часто звучат предложения сделать норму ст. 76 УК РФ императивной, предусмотрев обязанность суда освободить виновного от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим при наличии основания для такого освобождения²⁸⁷. Анализ правоприменительной практики по разрешению соответствующих

²⁸⁷ Анощенкова С.В. Указ. соч. С.; Скифский И.С. Статья 76 УК РФ: диспозитивный характер и судебское усмотрение // Российский судья. 2017. № 4. С. 13 – 15; Уренева О.В. Право потерпевшего на милость под судебный контроль // Российский судья. 2016. № 6. С. 26 – 30 и др.

ходатайств показывает, что основная причина отказа в их удовлетворении – это многообъектность преступления, что сужает зону поиска оптимального подхода к усовершенствованию редакции ст. 76 УК РФ. Необходимо на законодательном уровне упорядочить действия государства по применению уголовно-правовых льгот в случае примирения с потерпевшим и возмещения ему вреда, причиненного преступлением. При этом концептуальной основой данной поощрительной нормы должно быть соблюдение баланса между стимулированием виновного к раннему возмещению вреда, причиненного преступлением, и справедливостью применения поощрительной меры с учетом причинения вреда не только интересам потерпевшего, но и публичному правовому благу.

Мы предлагаем взглянуть на проблему дифференцированно и освобождать от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим не за деяние в целом, а в части ответственности за преступление, совершенное в отношении личных благ потерпевшего, с тем, чтобы лицо понесло юридическую ответственность за причинение вреда публичному правовому благу.

Например, лицо совершило воспрепятствование работе избирательной комиссии посредством применения насилия к члену избирательной комиссии (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ). Другое лицо совершило то же преступление, но ненасильственным способом (ч. 1 ст. 141 УК РФ), и по данному делу нет потерпевшего. Если придерживаться концепции императивного освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, то получится, что лицо, совершившее более опасное преступление, имеет дополнительные возможности для освобождения от уголовной ответственности только на том формальном основании, что ему есть с кем примириться. Полный запрет на освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим ухудшает положение последнего.

Вместе с тем соблюдение принципа необходимости и пропорциональности ограничения прав и свобод человека и гражданина предполагает, что такое примирение должно влечь более существенные льготы для лица, совершившего преступление, чем применение к нему положений ч. 1 ст. 62 УК РФ, не учитывающей тот факт, что лицо совершает преступление небольшой или средней тяжести впервые. Весомый поощрительный эффект в этой ситуации мог бы иметь запрет на назначение лишения свободы лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред, но не может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в силу многообъектности преступления.

РАЗДЕЛ III. ЧАСТНАЯ ТЕОРИЯ КВАЛИФИКАЦИИ МНОГООБЪЕКТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Если общая теория квалификации преступлений дает представление о квалификации любых без исключения преступлений, отражает общие для всех случаев правила квалификации, то частная теория квалификации должна рассматривать вопросы квалификации не всей совокупности преступлений, а лишь отдельной ее части.

Частная теория квалификации многообъектных преступлений имеет следующие характеристики:

- является структурным разделом теории квалификации преступлений;
- представляет собой целостную и логическую систему знаний о специфических проблемах квалификации рассматриваемой группы деяний и способах их решения;
- дополняет общую теорию квалификации преступлений;
- исходит из понятий и правил квалификации, которые сформулированы в рамках общей теории квалификации;
- базируется на синтезе эмпирических данных.

Положения данной теории формулируют правила квалификации, которые основаны на нормах действующего УК РФ, вытекают из его смысла и не требуют самостоятельного законодательного закрепления, т.е. являются доктринальными. Вместе с тем апробация данной теории в лоне правоприменения позволила выявить те теоретические положения, которые нуждаются в дополнительной законодательной регламентации.

Методология эмпирического исследования, положенного в основу настоящей теории, включает в себя следующие методы и последовательность их применения: 1) *анализ* правоприменительной практики по делам о многообъектных преступлениях на предмет противоречивых подходов к квалификации, оценка логичности и обоснованности аргументации при ее наличии; 2) *анализ* мнений экспертов относительно проблем квалификации

многообъектных преступлений и путей их решения, 3) при наличии релевантных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации отдельных видов преступлений: *анализ* соответствующих разъяснений, *абстрагирование* посредством выделения интересующих нас особенностей преступлений, проведение *анalogии* с другими видами преступлений, обладающих теми же особенностями, *индукция* вывода о квалификации многообъектных преступлений.

Эмпирическое исследование было проведено в несколько этапов: первичный опрос экспертов (ученых в области уголовного права, судей, прокуроров, следователей) в форме анкетирования позволил подтвердить или опровергнуть научную гипотезу о наличии нерешенных проблем квалификации многообъектных преступлений, их сути. Изучение правоприменительной практики (разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, материалов уголовных дел, материалов проверки сообщения о преступлении, докладных записок прокуроров, информационных писем Генеральной прокуратуры Российской Федерации) и повторный опрос в форме интервьюирования других экспертов, имевших тот же профессиональный статус, выявил конкретные проблемы и позволил обобщить информацию о предлагаемых способы их разрешения.

Частная теория квалификации многообъектных преступлений состоит из двух разделов, посвященных проблемам квалификации преступлений, многообъектность которых обусловлена способом совершения и направленностью умысла на определенный объект.

Глава 1. Проблемы квалификации преступлений, многообъектность которых обусловлена способом совершения

§ 1. Квалификация многообъектного преступления, в конструкцию которого входят признаки другого преступления

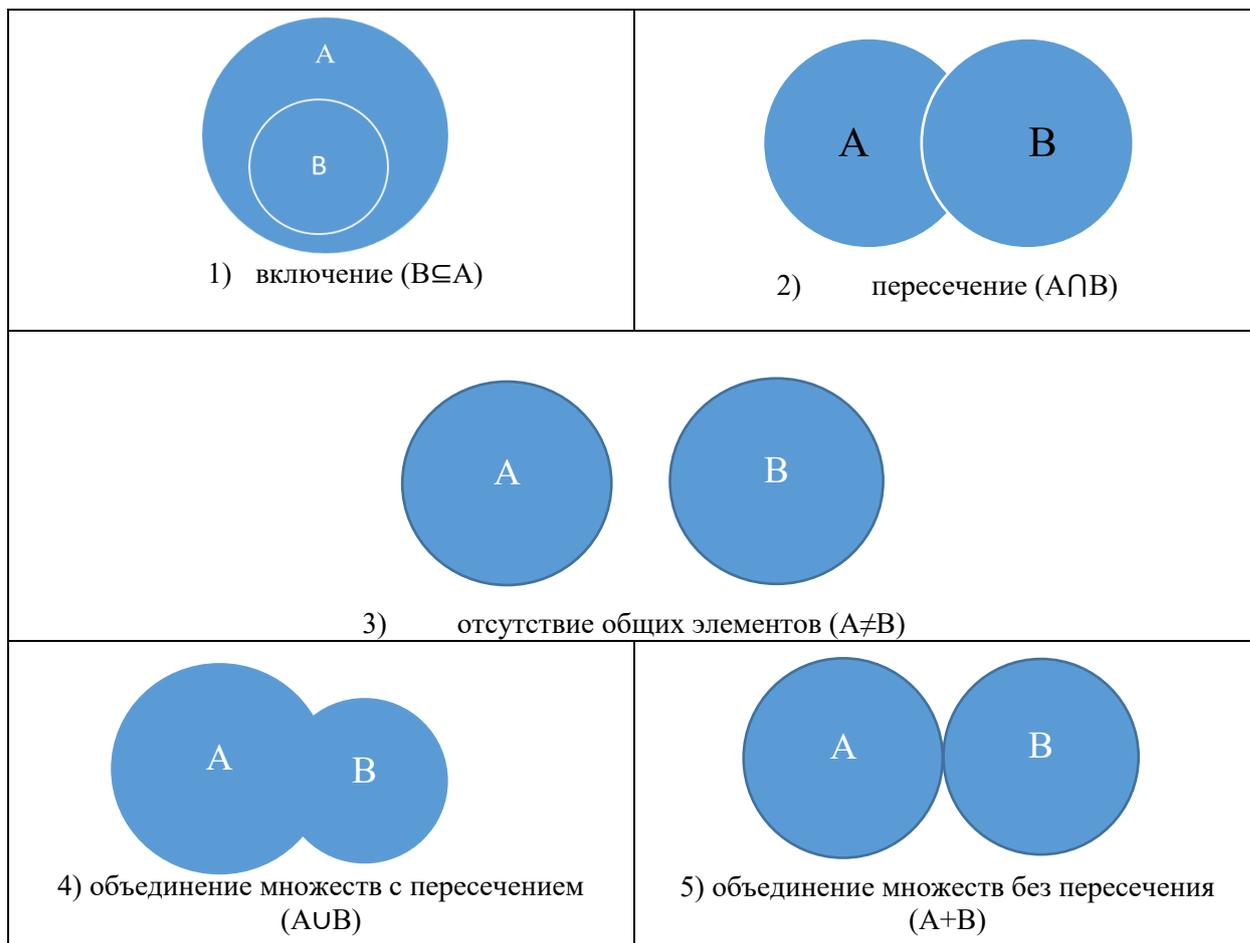
К числу проблемных вопросов квалификации многообъектных преступлений, относится квалификация преступления, способ совершения которого обладает признаками уголовно наказуемого деяния. Это способы-инструменты (например, разбой), но есть и способы - исполнительные механизмы (например, применение насилия в отношении представителя власти). Преступление, в конструкцию которого входит другое преступление в качестве способа-инструмента, может быть составным (например, кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище) и несоставными (например, изнасилование).

В преступном поведении, охватываемом единым умыслом и посягающем на несколько объектов уголовно-правовой охраны (далее – многообъектном преступном поведении), действия (бездействие), имеющие законодательную оценку как преступные, могут выполнять определенную функциональную роль: преступления-результата и преступления-способа²⁸⁸. Составное многообъектное преступление представляет собой структурно-логический синтез преступления-способа и преступления-результата, посягающих на разнородные объекты. В структуре несоставного многообъектного преступления, включающего в себя преступление-способ, преступлением-результатом выступает само многообъектное преступление.

²⁸⁸ От преступления-способа существенно отличается преступление-приготовление, несмотря на объединяющее их начало – стремление к совершению преступления-результата. Преступление-способ всегда предполагает выполнение объективной стороны преступления, в то время как преступление-приготовление представляет собой действия, описанные в ч. 1 ст. 30 УК РФ. Например, если в процессе совершения террористического акта были использованы незаконно приобретенные боеприпасы, то действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ и ст. 222 УК РФ. В данном случае незаконное приобретение боеприпасов не является способом совершения террористического акта, а является приготовлением к его совершению.

Основная проблема, которая возникает при квалификации многообъектного преступления, в конструкцию которого входят признаки другого преступления, связана с квалификацией разнообъектной идеальной совокупности преступлений. Она обсуждалась еще на страницах советской юридической литературы²⁸⁹, однако современные реалии выходят за рамки тех квалификационных правил, которые были сформулированы по советскому уголовному закону.

С точки зрения формальной логики системы признаков преступлений можно представить в виде множеств и установить следующие отношения между ними: включение, пересечение, отсутствие общих элементов, объединение множеств с пересечением или без него.

Преступление-результат и преступление-способ могут вступать в соотношение пересечения, включения и отсутствия общих элементов. При

²⁸⁹ Малков В.П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). Казань, 1974. С. 160-164; Яковлев А.М. Указ. соч. С. 64-69.

этом объединение множеств невозможно только при включении одного множества в другое, вследствие этого при включении признаков преступления-способа в систему признаков преступления-результата квалификация содеянного должна осуществляться по норме о преступлении-результате. В остальных случаях имеет место объединение множеств признаков преступлений, что определяет необходимость квалификации содеянного по совокупности преступлений.

Между тем мы провели комплексный анализ разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, где уже изложены правила квалификации содеянного в случае, когда одно преступление выступает способом совершения второго, независимо от специфики объекта преступления. Такой анализ позволяет добиться единообразного подхода к квалификации, что очень важно для правоприменителя. Изучение результатов такого обобщения позволило нам определить существующие правила квалификации.

А). *Состав преступления-результата охватывается составом преступления-способа.* Например, лицо, преследуя цель похитить древесину (преступление-результат), совершает незаконную рубку насаждений (преступление-способ). Действия лица, осуществившего рубку, а затем распорядившегося древесиной по своему усмотрению, не требуют дополнительной квалификации по статьям Особенной части УК РФ об ответственности за хищение чужого имущества²⁹⁰. Незаконное приобретение лицом чужого имущества в результате совершенных им операций с фальшивыми деньгами или ценными бумагами охватывается составом ст. 186 УК РФ и дополнительной квалификации по соответствующим статьям, предусматривающим ответственность за хищение, не требует²⁹¹.

²⁹⁰ Пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».

²⁹¹ Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.04.1994 № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (далее –

Б). *Состав преступления-способа охватывается составом преступления-результата.* Рассмотрим в качестве примера мошенничество, способом совершения которого выступает использование заведомо подложного документа. Последнее является преступлением-способом, причем способом обмана, который, в свою очередь, уже выступает способом хищения. Как отмечено Пленумом Верховного Суда РФ, квалификация содеянного в данном случае осуществляется по ст. 159 УК РФ без дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ²⁹², т.е. преступление-способ «поглощается» преступлением-результатом.

Аналогичные правила квалификации закреплены относительно хищения, совершенного с незаконным проникновением в жилище²⁹³, контрабанды, совершенной с использованием изготовленного другим лицом поддельных официального документа, печати²⁹⁴; мошенничества, присвоения или растраты, совершенных лицом с использованием служебного положения²⁹⁵; некоторых видов многообъектных насильственных преступлений. Ранее правило о поглощении состава преступления-способа составом преступления-результата предусматривалось для квалификации контрабанды, совершенной лицом с использованием служебного положения²⁹⁶; для хищения транспортного средства (разъяснялось, что «при установлении умысла на хищение транспортного средства действия лица надлежит квалифицировать по соответствующим статьям Уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за преступления против собственности. Дополнительной квалификации этих действий по ст. 148¹ УК

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг).

²⁹² Пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о мошенничестве, присвоении и растрате.

²⁹³ Пункт 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о краже, грабеже и разбое.

²⁹⁴ Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде».

²⁹⁵ Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

²⁹⁶ Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.2008 № 6 «О судебной практике по делам о контрабанде».

РСФСР не требуется, поскольку неправомерное завладение транспортным средством является в таких случаях способом хищения»)²⁹⁷ и др.

В ряде случаев квалификация содеянного осложняется ввиду совершения лицом преступления-приготовления, преступления-способа и преступления-результата. Например, мошенничество, совершенное с использованием официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, подделанного самим мошенником, представляет собой комплекс деяний, предусмотренных различными частями ст. 327 УК РФ (преступление-приготовление и преступление-способ) и ст. 159 УК РФ (преступление-результат). Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что в этом случае содеянное квалифицируется как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК РФ и ст. 159 УК РФ (в редакции уголовного закона до внесения в него изменений 26.07.2019²⁹⁸). Схожее разъяснение действует и относительно контрабанды, совершенной с использованием официального документа, подделанного лицом, совершающим контрабанду.

В). *Состав преступления-способа частично охватывается составом преступления-результата.* Наиболее ярко данная проблема проиллюстрирована соотношением многообъектного насильственного преступления и причинения вреда здоровью как способа совершения преступления. В соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22.09.1989 № 9 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка» и п. 2¹ Обзора качества рассмотрения окружными (флотскими) военными

²⁹⁷ Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.1969 № 50 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения (ст. ст. 211, 211.2, 148.1 УК РСФСР)».

²⁹⁸ Федеральный закон от 26.07.2019 № 209-ФЗ «О внесении изменений в статью 327 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

судами уголовных дел по первой инстанции (утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2005) содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, если причинение вреда здоровью влечет за собой более строгое или равное наказание, чем то, которое предусмотрено нормой о сложном насильственном преступлении²⁹⁹. Аналогичная позиция содержалась и в более ранних, уже утративших силу, источниках судебного толкования³⁰⁰.

Следует отметить случаи реверсивности подходов к соотношению признаков преступления-способа и преступления-результата. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о краже, грабеже и разбое в первоначальной редакции разъяснялось следующее: «Если лицо, совершая кражу, грабеж или разбой, незаконно проникло в жилище, помещение либо иное хранилище путем взлома дверей, замков, решеток и т.п., содеянное им надлежит квалифицировать по соответствующим пунктам и частям статей 158, 161 или 162 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 167 УК РФ не требуется, поскольку умышленное уничтожение указанного имущества потерпевшего в этих случаях явилось способом совершения хищения при отягчающих обстоятельствах.» (п. 20), то в 2017 г. эта позиция поменялась на обратную, в соответствии с ней содеянное в случае причинения значительного ущерба следует дополнительно квалифицировать по статье 167 УК РФ³⁰¹.

Как видим, *при квалификации многообъектного преступного поведения правоприменительная практика идет по пути казуального подхода.*

Почему так происходит? Возможна ли в данном случае более высокая степень абстракции? Проблема кроется в различном уровне наказуемости преступлений и различном соотношении признаков составов, которыми

²⁹⁹ СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁰ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.07.1963 № 7 «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников» // БВС СССР. 1963. № 4.

³⁰¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2017 № 17 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам».

охватываются отдельные действия, объединенные единым умыслом в преступном поведении лица.

Профессор Н.Ф. Кузнецова отмечала: «Уголовный кодекс РФ предусматривает довольно значительное число сложных преступлений, которые совершаются посредством других преступлений-способов. Они, разумеется, всегда ниже по категории, чем основные преступления»³⁰². Реалии современного уголовного законодательства таковы, что сегодня мы уже не можем так категорично утверждать о соотношении категорий преступлений. Но сегодня в УК РФ есть примеры того, как преступление-способ является более тяжким, чем преступление-результат. Выше уже приведены подобные сочетания преступлений.

Автор предлагала исходить из категории преступления, решая вопрос о том, является ли то или иное преступление способом совершения другого преступления. Если преступление, с помощью которого совершалось другое преступление, было выше или равно ему по категории, то оно, по мнению Н.Ф. Кузнецовой, не являлось способом: «Если насилие при совершении разбоя сопровождалось причинением тяжкого вреда здоровью, то оно не способ разбоя, а разбойное причинение тяжкого вреда здоровью»³⁰³. Однако такая расстановка акцентов не соответствует функциональной роли каждого из преступлений в механизме сложного преступления. Если потерпевший не отдает разбойнику имущество после угрозы причинением вреда здоровью и даже после причинения вреда здоровью средней тяжести, преступник применяет к потерпевшему более жесткое насилие, причиняя ему тяжкий вред здоровью, преследуя все ту же цель – сломить сопротивление потерпевшего и похитить чужое имущество. Интенсивность насилия в данном случае не меняет его функциональной роли. *Определение функциональной роли отдельных действий (бездействия) в содеянном и квалификация содеянного – это взаимосвязанные, но не однопорядковые логические операции.*

³⁰² Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 291.

³⁰³ Там же.

Кроме того, мы считаем необоснованным при решении вопроса о квалификации содеянного делать привязку к категории преступления. Категоризация, предусмотренная ст. 15 УК РФ, является условной классификацией преступлений, количество категорий и условия отнесения преступления к определенной категории могут варьироваться, причем независимо от изменения уровня общественной опасности и наказуемости преступлений, составы которых закреплены в Особенной части УК РФ. Поэтому было бы правильнее брать за критерий соотношения составов преступлений не категорию преступления, а его наказуемость, в которой отражается степень общественной опасности деяния.

Для того чтобы определить соотношение составов преступления-способа и преступления-результата, посягающих на разные объекты, необходимо ответить на два вопроса: в каком случае признаки одного состава преступления охватываются признаками другого состава преступления и если охватываются, то в каком объеме (полностью или частично)? В свою очередь, для их решения следует исходить из техники конструирования признаков конкретного состава преступления.

Проанализируем две ситуации: 1) одно деяние является признаком другого состава преступления и 2) одно деяние прямо не предусмотрено в составе другого преступления, но в реальной жизни оно может использоваться в качестве одного из способов совершения преступления.

В первом случае возможно два варианта. Первый вариант: возникает конкуренция нормы-целого и нормы-части, и тогда квалификация содеянного по совокупности преступлений полностью исключается (например, кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище, квалифицируется только по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, включающей в себя норму-часть, закрепленную в ст. 139 УК РФ). Второй вариант: *конкуренция норм отсутствует, но имеется пересечение признаков составов преступлений, требующее квалификации по правилам идеальной совокупности преступлений* (нарушение неприкосновенности жилища, совершенное с

причинением вреда здоровью средней тяжести, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 139 и ст. 112 УК РФ). В последнем примере в области пересечения признаков составов преступлений находится противоправное негативное воздействие на организм потерпевшего, за рамками пересечения этих двух составов остаются признаки нарушения неприкосновенности жилища и общественно опасные последствия в виде вреда здоровью средней тяжести. Необходимость вменения всех признаков содеянного обосновывает квалификацию преступлений по совокупности.

Вторая ситуация, как было определено выше, – это ситуация, когда одно деяние прямо не предусмотрено в составе другого преступления, но в реальной жизни оно может использоваться в качестве одного из способов совершения преступления. По мнению профессора Н.А. Лопашенко, дополнительная квалификация не нужна лишь в том случае, если одно деяние является обязательной частью другого состава преступления, в остальных случаях требуется квалификация по совокупности преступлений. Так, использование поддельных документов, вне зависимости от того, кем они были подделаны, непременным и обязательным элементом объективной стороны мошенничества не является, поскольку оно может быть совершено с использованием множества других разновидностей обмана и злоупотребления доверием. В связи с этим ученым признается необходимость дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ³⁰⁴. Эта позиция применительно к квалификации мошенничества с использованием подложного документа имеет как сторонников³⁰⁵, так и противников³⁰⁶.

Аналогичные результаты показал и экспертный опрос (56 % ученых выступили за квалификацию по совокупности и 44 % – против), у практиков

³⁰⁴ Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М., 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁵ Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 180.

³⁰⁶ Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 93; Винокуров В.Н. Сфера отношений, регулируемых официальными документами, и квалификация подделки официальных документов по совокупности преступлений // Современное право. 2016. № 9. С. 116–119; Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 291–292.

мнение в большинстве случаев соответствует правилам, установленным Пленумом Верховного Суда Российской Федерации³⁰⁷. При этом изменение характера вопроса с частного на концептуальный приводит к существенному изменению подходов (на вопрос о том, может ли состав преступления по умолчанию включать в себя признаки другого состава, все респонденты ответили отрицательно).

Принимая участие в данной многолетней научной дискуссии отметим, что в ряде случаев *предусмотренные в составе способы совершения преступления являются по своей социальной и физической природе деяниями, поэтому также могут иметь способы совершения. Как те, так и другие являются способами совершения преступления, однако они имеют различное юридическое значение: первые выступают составообразующими признаками, вторые – нет.*

Например, использование поддельного документа при мошенничестве выступает способом обмана, а обман – способом хищения. Мы солидарны здесь с Н.А. Лопашенко, что использование поддельного документа не является обязательным признаком мошенничества. Кроме того, признание использования поддельного документа при совершении мошенничества его частью потребовало бы признания этого преступления многообъектным составным. Но многообъектность не может возникнуть сама по себе без соответствующей законодательной модели преступления.

В большинстве случаев общественно опасный способ преступления учитывается законодателем в качестве конститутивного или квалифицирующего признака преступления (например, состав торговли людьми, совершенной с использованием поддельных документов). Отсутствие указания на конкретный противоправный способ совершения преступления в статье Особенной части УК РФ вовсе не свидетельствует о

³⁰⁷ Исследование показало, что практические работники по вопросам квалификации, урегулированным Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, всегда абсолютным большинством выбирают позицию, соответствующую разъяснениям высшей судебной инстанции, и в этом смысле результаты их опроса проигрывают в репрезентативности, поскольку мы не акцентировали внимание экспертов на необходимости принимать решение индифферентно от позиции Верховного Суда Российской Федерации.

том, что он «по умолчанию» предусмотрен нормой об основном преступлении.

Так, в ч. 1 ст. 185⁴ УК РФ регламентирована ответственность за любое воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение установленных законодательством Российской Федерации прав владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, если это деяние причинило гражданам, организациям или государству крупный ущерб либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Среди квалифицирующих признаков преступления обозначен лишь групповой способ совершения преступления. Подобное конструирование статьи вовсе не означает, что указанное выше воспрепятствование осуществлению соответствующих прав, совершенное с применением насилия, охватывается ст. 185⁴ УК РФ и не требует дополнительной квалификации по статье, предусматривающей ответственность за причинение вреда здоровью. Наоборот, любое насилие, рассматриваемое уголовным законом как самостоятельное преступление, должно в данном случае вменяться по совокупности, независимо от степени тяжести причиненного вреда здоровью, поскольку является законодательно не учтенным в качестве признака преступления и посягает на иной объект уголовно-правовой охраны. Эта позиция единогласно разделяется опрошенными экспертами.

Сказанное верно и для тех случаев, когда преступление-способ является более тяжким, чем преступление-результат. Так, сбыт поддельных денег или ценных бумаг наказывается строже, чем мошенничество (исключение составляет мошенничество в особо крупном размере). В случае незаконного приобретения лицом чужого имущества в результате совершенных им операций с фальшивыми деньгами или ценными бумагами квалификацию по норме о преступлении-способе нельзя признать правильной. Дело в том, что сбыт поддельных денег или ценных бумаг не

всегда связан с противоправным завладением имуществом³⁰⁸, кроме того, состав преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, формальный, а состав хищения – материальный³⁰⁹. Мы поддерживаем предложение квалифицировать содеянное по правилам об идеальной совокупности ст. 186 и 159 УК РФ, отметим также разнородность объектов этих посягательств, которую нельзя не учитывать при уголовно-правовой оценке содеянного. Сбыт фальшивых денег или ценных бумаг – это не многообъектное преступление; посягательство на собственность выходит за рамки данного состава.

Нет и не может быть таких составов преступлений, которые бы по умолчанию включали в себя признаки другого состава преступления. Традиционное правило квалификации, запрещающее дополнительно вменять общественно опасный способ преступления, распространяется исключительно на случаи учтенной законодателем совокупности преступлений. Во всех остальных случаях требуется квалификация по совокупности преступления-результата и преступления-способа, независимо от соотношения их тяжести. При этом если в системе юридически значимых признаков содеянного имеет место пересечение место пересечение признаков действия (бездействия), включенных в составы преступления-способа и преступления-результата, то квалификация осуществляется по правилам идеальной совокупности преступлений.

Если состав преступления-способа находится за рамками состава преступления-результата, квалификация осуществляется по правилам *реальной совокупности преступлений*, поскольку имеет место совершение двух и более действий (актов бездействия), содержащих признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ. С учетом изложенного нельзя не подчеркнуть правильность отмеченных выше

³⁰⁸ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности. СПб., 2002. С. 377.

³⁰⁹ Сляров С. Как квалифицировать последствия сбыта поддельных денег или ценных бумаг // Российская юстиция. 2002. № 10.

изменений подходов к квалификации кражи, грабежа и разбоя, совершенных с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище, если лицо умышленно уничтожило или повредило двери, замки и т.п., причинив тем самым значительный ущерб (п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о краже, грабеж и разбое в редакции от 16.05.2017 № 17).

В рамках рассматриваемой проблемы квалификации многообъектного преступления, в конструкцию которого входят признаки другого преступления, находится серьезный вопрос, касающийся квалификации применения насилия к третьим лицам с целью понуждения лица к определенному поведению.

Дело в том, что при совершении многообъектных преступлений насилие является не самоцелью, а имеет инструментальный характер, направлено на достижение преступного результата. В тех случаях, когда рассматриваемый способ совершения преступления является не исполнительным механизмом, а инструментом совершения преступления, его основное функциональное предназначение используется для того, чтобы сломить сопротивление потерпевшего, запугать его и добиться совершения нужных преступникам действий или заставить бездействовать. Такое лицо принято называть «принуждаемое лицо». Применение физического или психического насилия к третьим лицам с целью воздействовать на волю принуждаемого лица выполняет в преступлении двойную функцию: это физическое или психическое насилие в отношении третьего лица и психическое насилие в отношении принуждаемого лица.

В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»³¹⁰ разъясняется, что «по смыслу статьи 17 УК РФ, если при

³¹⁰ Далее – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера в целях преодоления сопротивления потерпевшего лица применялось насилие или выражалась угроза применения насилия в отношении других лиц (к примеру, близкого родственника потерпевшей), такие действия требуют дополнительной квалификации по иным статьям Особенной части УК РФ». Данный подход получил в юридической литературе как отрицательные³¹¹, так и положительные³¹² отзывы.

Проведенный нами экспертный опрос о квалификации вымогательства, в ходе которого физическое или психическое насилие применялось не к лицу, к которому обращено требование передачи имущества или права на имущество, а к его близким, дал следующие результаты. Многие эксперты придерживаются мнения, что действия виновных лиц, выраженные в высказывании угроз применения насилия, уничтожения или повреждения имущества не самому потерпевшему, а его близким, при условии, что данные действия были направлены на получение в будущем от потерпевшего требуемого имущества, образуют состав вымогательства и должны быть квалифицированы судом по ст. 163 УК РФ.

Такой подход находит применение и в судебной практике. Например, С. был осужден по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ за вымогательство у потерпевшего У. квартиры посредством высказывания угрозы убийством У. и его брата. Угроза убийством в отношении брата дополнительно по ст. 119 УК РФ не квалифицировалась, а вменялась в рамках состава вымогательства³¹³.

Между тем позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует признать обоснованной. При оценке действий виновного как одно преступление (например, изнасилование или вымогательство), без

³¹¹ Попов А.Н. О новеллах в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Уголовное право. 2016. № 2. С. 72 – 78.

³¹² Фаргиев И. Заметки к проекту Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Уголовное право. 2014. № 5. С. 98 – 100.

³¹³ Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска от 13.11.2014. Дело №1-63/14 // ГАС «Правосудие».

дополнительной квалификации действий в отношении третьих лиц игнорируется тот факт, что применение насилия к третьему лицу является также насилием и по отношению к принуждаемому лицу, посягает на его психическую безопасность даже в том случае, когда ему лично угроза не высказывалась и вред здоровью не причинялся.

Основным объектом изнасилования или насильственных действий сексуального характера выступает половая свобода принуждаемого лица, а его здоровье, физическая неприкосновенность, психическая безопасность образуют вариативный дополнительный объект. Статьи 131 и 132 УК РФ не направлены на охрану личных благ никого, кроме того лица, которое подвергается сексуальному насилию. Их составы не охватывают применение насилия к третьему лицу. Так, истязание женщины с целью принуждения ее к половому сношению и истязание грудного ребенка с целью принуждения его матери к половому сношению должны получать различную юридическую оценку. В первом примере признаки истязания полностью охвачены составообразующими признакам изнасилования как способ подавления воли потерпевшей, применяемый с целью совершения с ней принудительного полового акта. Во втором примере истязание младенца, является не способом подавления воли потерпевшей, а способом применения к ней психического насилия. Именно психическое насилие к потерпевшему, а не истязание третьего лица, входит в состав изнасилования.

Далеко не любое преступление, с помощью которого совершено другое преступление, может рассматриваться в качестве преступления-способа. Использование вредных последствий того или иного преступления, лежащих за рамками его состава, на совершение другого преступления не образует их функциональную взаимосвязь преступления-результата и преступления-способа. В приведенном примере истязание ребенка не выступает в качестве преступления-способа, полностью находится за рамками состава изнасилования и требует самостоятельной квалификации.

Аналогичным образом соотносятся другие составы принуждения потерпевшего (вымогательства, похищения человека, незаконного лишения свободы, торговли людьми, использования рабского труда) и составы применения психического или физического насилия к третьему лицу. Примечательно, что в п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ содержится прямое указание законодателя на то, что по данной норме квалифицируется вымогательство с причинением тяжкого вреда здоровью только потерпевшему, т.е. лицу, у которого, как следует из смысла ч. 1 ст. 163 УК РФ, вымогается имущество. Таким образом, вымогательство, совершенное с причинением тяжкого вреда другому лицу, квалифицируется как самостоятельное преступление.

Приведенные дискуссионные вопросы квалификации отчасти мог бы снять законодатель, сформулировав составы с учтенной совокупностью преступлений, которые традиционно совершаются посредством иных преступных действий (например, предусмотрев в качестве квалифицирующих признаков мошенничества совершение его посредством использования заведомо подложного документа и посредством сбыта поддельных денег или ценных бумаг). *До тех пор пока это не сделано, разнородность объектов деяний не позволяет без специального указания на то в законе квалифицировать их по одной норме, необходима дополнительная квалификация преступного способа совершения преступления. В том случае, если оба преступления посягают на один объект совокупность преступления-способа и преступления-результата исключается и квалификация осуществляется по норме о наиболее тяжком преступлении, независимо от функциональной роли преступления в механизме сложного преступного поведения.*

В этой связи мы считаем нуждающимся в пересмотре правила квалификации, предусмотренные Пленумом Верховного Суда Российской Федерации для мошенничества и контрабанды, совершенных с использованием документа, подделанного другим лицом, в соответствии с которым не требуется дополнительная квалификация по ст. 327 УК РФ, а

также для незаконного приобретения лицом чужого имущества в результате совершенных им операций с фальшивыми деньгами или ценными бумагами, исключая дополнительное вменение мошенничества. Кроме того, предлагается дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)»³¹⁴ разъяснением о том, что при вымогательстве угроза насилием и насилие могут применяться не только к обладателю имущества, но и к иным лицам. В последнем случае при наличии оснований угроза и насильственные действия должны дополнительно квалифицироваться как соответствующее преступление против личности, совершенное в отношении третьего лица.

В отличие от преступления-способа, которое может полностью или частично охватываться составом преступления-результата или квалифицироваться дополнительно, преступление-приготовление, будучи по закону оконченным преступлением, всегда должно получать самостоятельную уголовно-правовую оценку, что связано со спецификой функциональной роли, которую выполняет данное преступление в преступном поведении лица. *Приготовительное действие лежит за рамками объективной стороны преступления-результата, поэтому квалификация должна осуществляться по правилам реальной совокупности преступлений.* Это обстоятельство учитывается и судебной практикой. В случаях хищения либо вымогательства огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также их ношения, хранения, приобретения и изготовления с целью совершения другого преступления содеянное должно квалифицироваться как совокупность оконченого хищения либо вымогательства оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, незаконного их ношения,

³¹⁴ Далее – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о вымогательстве.

хранения, приобретения или изготовления и приготовления к совершению иного преступления, если ответственность за это предусмотрена законом³¹⁵.

Следует обратить внимание на то, что Пленумом Верховного Суда Российской Федерации по-разному рекомендуется квалифицировать мошенничество и контрабанду, совершенные с использованием официального документа, подделанного самим лицом, совершающим указанные преступления. В первом случае это совокупность мошенничества с преступлением, предусмотренным ч. 1 ст. 327 УК РФ, во втором случае – совокупность контрабанды с преступлением, предусмотренным ст. 327 УК РФ, т.е. как частью 1, так и частью 2 (сейчас частью 4) названной статьи. В ч. 2 ст. 327 УК РФ устанавливалась ответственность за подделку официального документа, совершенную с целью облегчить совершение другого преступления. Собственно говоря, именно такую цель и преследует контрабандист (как и любой другой преступник), подделывая официальный документ специально для использования его в совершении преступления.

В юридической литературе уже обращалось внимание на необходимость квалификации мошенничества с использованием официальным документом, подделанным самим мошенником, по совокупности не с ч. 1, а с ч. 2 ст. 327 УК РФ. Так, Э.Л. Сидоренко пишет: «... если подделка документов является единственно возможным способом совершения мошенничества, речь идет о ч. 1 ст. 327 УК РФ, а если она лишь облегчает его совершение и не рассматривается как безальтернативный способ мошенничества – деяние квалифицируется по ч. 2 ст. 327 УК РФ. Этот вывод, безусловно, соответствует букве закона, но не отражает его дух, ибо фактически невозможно доказать, являлась ли поддержка документами единственным приемлемым для виновного способом страхового

³¹⁵ Пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».

мошенничества»³¹⁶. Автор предлагает изменить в этой части правила квалификации мошенничества, сформулированные Пленум Верховного Суда Российской Федерации.

Мнения опрошенных экспертов по этому поводу разделились: большинство практиков поддержало идею вменения ч. 2 ст. 327 УК РФ, во взглядах ученых имеет место паритет. Инициатива о необходимости вменения совершения подделки документа с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение представляется обоснованной, тем более, что правила квалификации мошенничества и контрабанды, а равно иных преступлений, совершенных с использованием поддельного официального документа, должны быть единообразны.

Не только преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, или подделка официального документа могут выступать в качестве приготовления к совершению преступления, но и многие другие. Так, широкое распространение приобретает мошенничество в сфере страхования путем обмана относительно наступления страхового случая, когда мошенник делает заведомо ложное заявление в правоохранительные органы о совершении преступления (например, о хищении застрахованного автомобиля, об уничтожении застрахованного имущества и т.д.).

Исследование показало, что квалификация содеянного в рассматриваемом случае разнится. Прежде всего, следует определиться, является ли заведомо ложный донос способом совершения мошенничества. Полагаем, что нет, исходя из традиционного понимания способа совершения преступления, сложившегося в доктрине уголовного права. Мошенник обращается в правоохранительные органы, чтобы получить на руки копию постановления о возбуждении уголовного дела по факту хищения или порчи его имущества. В дальнейшем мошенничество совершается посредством

³¹⁶ Сидоренко Э.Л. Мошенничество в сфере страхования: некоторые проблемы квалификации // Уголовное право. 2015. № 5. С. 90 – 94.

предъявления этого и других необходимых документов страховщику. Способом совершения такого мошенничества выступает обман страховщика, а приобретение необходимых для введения в заблуждение документов – это не способ совершения мошенничества, а, по сути, приготовление к нему. Можно провести аналогию с подделкой официального документа для совершения с его помощью мошенничества.

Обратим также внимание на разнородность объектов рассматриваемого преступного посягательства: при заведомо ложном сообщении о преступлении имеет место посягательство на интересы правосудия, при мошенничестве – отношения собственности. Заведомо ложные доносы отвлекают правоохранительные органы на проведение доследственных проверок и предварительного расследования, что связано с необоснованными допросами граждан, проведением экспертиз и ревизий³¹⁷. Высокая общественная опасность заведомо ложного доноса не вызывает сомнений и требует самостоятельной правовой оценки. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос предусмотрена более строгая, чем за мошенничество в сфере страхования. Простой заведомо ложный донос влечет наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, а особо квалифицированный (т.е. соединенный с искусственным созданием доказательств обвинения) – до шести лет. Для сравнения санкция ч. 1 ст. 159⁵ УК РФ вообще не предусматривает наказания в виде лишения свободы. При таких обстоятельствах вряд ли будет обоснованным говорить о том, что заведомо ложный донос охватывается мошенничеством и дополнительная квалификация по ст. 306 УК РФ не требуется. Такого же мнения придерживается подавляющее большинство опрошенных экспертов.

Сложные вопросы квалификации преступлений, многообъектность которых обусловлена способом их совершения, получают еще большую остроту в преломлении к *институту соучастия*.

³¹⁷ Преступления против правосудия / Под ред. А.В. Галаховой. – М.: Норма, 2005. С. 212.

Для квалификации действий всех соучастников как совершение многообъектного преступления группой лиц по предварительному сговору необходимо, чтобы посягательство на несколько объектов входило в содержание предварительного сговора или имело место неоговоренное перерастание однообъектного преступления в многообъектное с причинением вреда еще одному объекту уголовно-правовой охраны всеми соучастниками или одним (несколькими) из них, но при условии, что остальные участники преступной группы воспользовались этим для совершения преступления. Например, соучастники кражи при перерастании ее в разбой воспользовались примененным соисполнителем насилием для совершения преступления или соучастники умышленного повреждения имущества воспользовались общеопасным способом совершения преступления, примененным соисполнителем.

Ранее судебная практика следовала иному направлению. Так, Х., К., Л. и С. Сговорились *огробрить* потерпевших А. и Н. Все осужденные незаконно проникли в дом, а С. остался на улице. Требуя денег, Х. и Л. стали избивать потерпевших, К. в это время искал деньги. Суд первой инстанции квалифицировал действия К. по п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ, исходя из того, что он сознавал факт применения Х. и Л. к потерпевшим насилия, опасного для их жизни и здоровья, и, когда причинялся тяжкий вред их здоровью, продолжал свои действия по хищению чужого имущества. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации действия К. были переквалифицированы на открытое хищение имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище, на том основании, что сам К. никакого насилия к потерпевшим не применял³¹⁸.

В 2015 г. данный подход к квалификации был пересмотрен высшим судебным органом: «В тех случаях, когда группа лиц предварительно

³¹⁸ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2008 года // БВС РФ. 2009. № 5.

договорилась о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие правовой оценке как разбой, содеянное им следует квалифицировать по ст. 162 УК РФ. Если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насилем либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками»³¹⁹.

Большинство опрошенных экспертов одобряют нововведение. Такое изменение правил квалификации многообъектных преступлений, совершенных в соучастии, считаем обоснованным. Однако если при совершении преступления группой лиц по предварительному сговору происходит перерастание спланированного преступления в преступление с иным объектом, *то как многообъектное преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору, должны квалифицироваться действия только тех участников группы, кто непосредственно посягал на новый объект или продолжал участвовать в совершении преступления, осознавая его многообъектный характер.* В этой связи стоило бы уточнить приведенное выше разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

При перерастании кражи, совершаемой группой лиц по предварительному сговору, в разбой не все соучастники хищения могут осознавать изменение характера преступления, однако, продолжая свое участие, они также, как и все остальные, пользуются применяемым соисполнителем насилем (либо угрозой его применения), без которого хищение не состоялось бы. Возможность осознавать факт перерастания ненасильственного хищения в насильственное может отсутствовать у тех

³¹⁹ Пункт 14¹ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о краже, грабеже и разбое.

соучастников, кто в соответствии с распределением ролей оказывал непосредственное содействие исполнителю в совершении преступления.

Например, это могут быть лица, которые во время кражи с незаконным проникновением в жилище не проникали в жилище, а по заранее состоявшейся договоренности вывозили похищенное или подстраховывали других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления. Если указанные соисполнители хищения осознавали изменение характера преступления и продолжали участвовать в нем, они должны нести ответственность за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору. Если же соучастник не осознавал факт перерастания преступления из одного в другое (например, весь период хищения стоял на улице у подъезда, подстраховывал своих соучастников, и, не зная о происходящем, думал, что участвует в совершении кражи), его действия должны квалифицироваться как кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору. Такой подход позволяет соблюсти принцип субъективного вменения.

Перерастания в многообъектное преступление не происходит, если имел место предварительный сговор на посягательство без обсуждения возможности применения общественно опасного способа совершения преступления, но уже на стадии сговора каждый соучастник сознательно допускал, что совершение преступления будет связано с применением такого способа. Такое деяние должно квалифицироваться как многообъектное преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Например, соисполнители до начала совершения похищения М. и К. договорились об изъятии потерпевших из места их пребывания и перемещении в другое место с целью принуждения к совершению определенных действий. От выполнения достигнутой договоренности никто из подсудимых не отказался. В отношении потерпевших К. и М. было

применено насилие, опасное для жизни и здоровья³²⁰. Необходимость в преодолении сопротивления потерпевших для достижения преступной цели здесь была очевидна уже на стадии сговора, поскольку похищение взрослого человека, находящегося в адекватном состоянии, вряд ли возможно без применения к нему насилия (как минимум психического). В такой ситуации отсутствие обсуждения возможного применения насилия не означает отсутствия предварительного сговора на такой способ совершения преступления. Отсутствие признаков перерастания преступления в многообъектное в данном случае отметили и опрошенные эксперты.

Последствия применения общественно опасного способа совершения преступления могут быть различны по характеру и степени тяжести, что непосредственным образом отражается на квалификации многообъектного преступления. Пленумом разъясняется, что, если умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, но только один из них причинил потерпевшему указанный вред, действия всех участников группы следует квалифицировать по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ как соисполнительство в разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего³²¹. Возникает вопрос, как квалифицировать действия тех соучастников, которые непосредственно не причиняли вреда здоровью, но предварительно договорились о применении неконкретизированного вида насилия к потерпевшему в процессе совершения преступления? Мнения экспертов по этому вопросу разошлись полярно.

Как было отмечено, специфика многообъектных преступлений, совершенных с применением насилия, заключается в инструментальном, как мы его назвали, характере насилия, которое используется для того, чтобы

³²⁰ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.03.2017 № 56-АПУ17-2.

³²¹ Пункт 14¹ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о краже, грабеже и разбое.

сломить сопротивление потерпевшего, запугать его и добиться совершения нужных преступникам действий или заставить бездействовать.

Вступая в предварительный сговор на совершение преступления с применением насилия, соучастники зачастую детально не обговаривают пределы такого насилия, и тому есть логическое объяснение. Преступники имеют определенную противоправную цель, и трудно заранее предположить, какой интенсивности потребуется насилие, чтобы эффективно воздействовать на сопротивляющегося потерпевшего и добиться поставленной цели. К сожалению, органы предварительного расследования и суды не уделяют этому моменту должного внимания и достаточно часто ограничиваются стандартной фразой «вступили в сговор на совершение преступления с применением насилия», не выясняя при этом, какое именно насилие соучастники договаривались применять.

Между тем в судебной практике могут возникнуть споры о доказанности пределов сговора на насилие. М. был осужден по п. «в» ч. 4 ст. 162 и п. «ж» и «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В кассационной жалобе адвокат указала, что между осужденными имелась договоренность на разбойное нападение, но не было договоренности на причинение тяжкого вреда здоровью или убийство. Не оспаривая совершения М. разбойного нападения и убийства Г., адвокат считала, что его действия следует квалифицировать по ч. 2 ст. 162 и ч. 1 ст. 105 УК РФ³²².

В случае когда определенной договоренности о характере насилия не было, но заранее планировалось применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, сознательное причинение вреда здоровью потерпевшего, в том числе тяжкого, может явствовать из такой договоренности. В менее очевидных ситуациях практика квалификации содеянного складывается неоднозначно: чаще всего действия всех участников группы квалифицируются как совершенные с причинением вреда

³²² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 08.09.2011 № 19-011-48 // СПС «КонсультантПлюс».

здоровью потерпевшего. Но встречаются уголовные дела, в которых причинение вреда здоровью вменяется только тому, кто непосредственно его причинил, а остальным соучастникам – просто совершение преступления с применением насилия.

Так, трое лиц решили проникнуть в квартиру к потерпевшему, чтобы обсудить возникший с ним конфликт, при этом заранее было принято решение о применении при проникновении в жилище насилия к потерпевшему. Ворвавшись в квартиру, первый из соучастников нанес потерпевшему два удара кулаком в лицо, причинив вред здоровью средней тяжести, остальные, проходя мимо, ударили лежащего на полу потерпевшего ногой каждый не менее двух раз. Первый из соучастников обвинялся в совершении совокупности преступлений, предусмотренных ст. 112 и ч. 2 ст. 139 УК РФ, второй – ч. 2 ст. 139 УК РФ (третий не достиг возраста уголовной ответственности). Сторона обвинения исходила из того, что, причиняя вред средней тяжести, один из соучастников вышел за пределы преступного сговора, при этом в обвинении отсутствовало описание сговора в части интенсивности применения насилия³²³.

Между тем содержание предварительной договоренности о характере и размере причиненного вреда подлежит обязательному установлению. Если есть основания полагать, что конкретное последствие предвиделось соучастниками, но при сговоре оно не было оговорено, ответственность должна определяться исходя из фактически наступивших последствий, т.к. соучастники предвидят необходимость применения общественно опасного способа совершения преступления и допускают его применение в том объеме, в котором это будет необходимо для достижения преступного результата.

Аналогичный подход следует применять в случае принятия сторонним лицом участия в совершении многообъектного преступления группой лиц по

³²³ Постановление Гагаринского районного суда г. Севастополя от 06.04.2015. Дело № 1-328/2015 // <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения 19.06.2017).

предварительному сговору или организованной группой. *Такое лицо должно нести уголовную ответственность лишь за конкретные действия, совершенные им лично.* Это правило нашло отражение в положении п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о краже, грабеже и разбое, регламентирующем квалификацию группового совершения названных преступлений.

Вместе с тем приведенные правила квалификации деяния, совершенного в соучастии, не распространяются на квалификацию преступлений со сложноструктурированным объектом иного типа (кумулятивным, интегративным, комплексным). Например, при участии в массовых беспорядках, независимо от того, имел ли место сговор или присоединение в ходе массовых беспорядков, от характера совершенных действий и осведомленности о действиях других участников массовых беспорядков, преступление всех участников подлежит квалификации по ч. 2 ст. 212 УК РФ. Данный вывод основан на том, что умыслом каждого участника охватывается посягательство на один общий для всех объект – общественную безопасность, а не на личность или собственность в отдельности.

§ 2. Методика определения соотношения признаков многообъектного преступления и способа его совершения

Уголовно наказуемый способ совершения многообъектного преступления имеет собственную юридическую структуру, позволяющую судить о наличии в нем признаков состава преступления, предусмотренного самостоятельной нормой Особенной части УК РФ. Очевидно, что признаки составов многообъектных преступлений, совершенных уголовно наказуемым способом, и составов, охватывающих эти способы, имеют пересечение или находятся в соотношении включения. Таким образом, происходит полное и частичное поглощение второго состава первым.

Определяя соотношение признаков составов преступления-результата и преступления-способа, прежде всего следует обозначить область пересечения составообразующих признаков и, исходя из полученных результатов, определить признаки, находящиеся за рамками пересечения признаков составов преступлений.

В случае полного поглощения состава преступления-способа составом преступления-результата норма, закрепляющая состав преступления-способа, является частью по отношению к норме-целому, закрепляющей состав многообъектного составного преступления. Общеизвестно, что в такой ситуации применяются правила квалификации преступлений при конкуренции нормы-части и нормы-целого, устанавливающие приоритет последней.

Если за рамками такого пересечения находятся признаки состава преступления-способа, отягчающие наказание, имеет место частичное поглощение составом многообъектного преступления состава преступления-способа. В данном случае необходима квалификация по совокупности многообъектного преступления и преступления-способа, поскольку совершенное многообъектное преступление, юридическая структура которого

содержит такие признаки, не является составным, и правила о конкуренции нормы-части и нормы-целого не применяются.

Однако с виду простая логическая задача на практике оказывается трудноразрешимой. Здесь необходимо выделить две проблемы:

- 1) определение наличия данного типа соотношения составов преступлений и
- 2) определение пределов такого соотношения.

Традиционно в научной литературе проблема квалификации многообъектных преступлений, совершенных уголовно наказуемым способом, рассматривается применительно к многообъектным насильственным преступлениям. Но только ли эти составы преступлений обладают спецификой пересечения признаков составов? Полагаем, что нет. Любой общественно опасный способ, имеющий свой состав преступления, может выйти за границы состава преступления-результата (это уголовно наказуемые виды вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, использования заведомо подложного документа, уничтожения или повреждения имущества, незаконного проникновения в жилище). Вместе с тем в официальном судебном толковании эта проблематика не находит должного отражения.

Итак, квалификация преступлений, многообъектность которых обусловлена уголовно наказуемым способом совершения преступления, осуществляется на основе анализа соотношения признаков многообъектного состава преступления и состава способа совершения преступления.

Для проведения такого анализа необходимы научно обоснованные критерии определения соотношения признаков двух составов преступления.

Экспертный опрос показал, что правоприменители в своей практической деятельности, квалифицируя многообъектные насильственные преступления, руководствуются следующими критериями при решении вопроса о необходимости дополнительной квалификации по статьям главы

16 УК РФ³²⁴. Дополнительная квалификация по статьям гл. 16 УК РФ требуется в случаях:

- а) наличия разных объектов (например, здоровье и жизнь в одном случае, собственность и здоровье – в другом);
- б) разных последствий (например, смерть и вред здоровью);
- в) разного психического отношения к этим последствиям;
- г) строгости санкции.

Вместе с тем многие правоприменители в качестве разграничительного критерия назвали лишь сравнение строгости санкций.

Доктрина уголовного права также занимается поиском критериев квалификации многообъектного преступления, совершенного уголовно наказуемым способом. Так, Р.Д. Шарапов применительно к многообъектным насильственным преступлениям формулирует следующее положение: «Правила квалификации сложных насильственных преступлений по совокупности норм и при их конкуренции основаны на том, что при уголовно-правовой оценке данных преступлений нужно учитывать форму вины по отношению к общественно опасным последствиям насилия, соотношение строгости наказания за сложное насильственное преступление и наказаний за основные составы общих насильственных преступлений, возможность совершения сложного насильственного преступления с двумя формами вины»³²⁵.

При всей дискуссионности вопроса приходится признать, что на современном этапе признаки состава преступления фактически предусмотрены не только в диспозиции статьи, но и в ее санкции³²⁶. Данный подход не разделяется некоторыми учеными, справедливо отмечающими отсутствие в уголовном законе предписания сравнивать санкции статей при

³²⁴ Мы намеренно поставили вопрос о квалификации именно многообъектных насильственных преступлений, поскольку с ними практические работники работают чаще всего.

³²⁵ Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве: понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 13.

³²⁶ Иногамова-Хегай Л.В. Указ. соч. С. 13.

квалификации преступлений³²⁷. Обоснованы и требования о внесении изменений в УК РФ с тем, чтобы обеспечить дифференциацию мер уголовно-правовой ответственности, отвечающую требованиям справедливости, разумности и соразмерности (пропорциональности)³²⁸. Между тем правоприменитель не может ждать законодательных изменений, он должен принимать решение в установленные процессуальные сроки, современные реалии, к сожалению, не оставляют нам другой оптимальной альтернативы, как квалификация с учетом результата сопоставления санкций.

Правоприменительная практика склоняется к учету строгости санкций уголовно-правовых при квалификации многообъектных преступлений, поскольку характер общественной опасности преступления, степень важности того или иного объекта уголовно-правовой охраны, в том числе и опасность причиненного ему вреда, формально отражены в санкции³²⁹. Этот подход актуален для любых многообъектных преступлений, в которых способ совершения преступного действия охватывается признаками самостоятельного состава преступления.

Исходя из сравнительного анализа санкций уголовно-правовых норм должен разрешаться вопрос о том, полное или частичное поглощение признаков состава преступления-способа имеет место в каждом конкретном случае. Если санкция нормы о преступлении-результате строже, чем санкция нормы о преступлении-способе, значит, законодатель предусмотрел полное поглощение признаков преступления-способа и дополнительной квалификации не требуется.

Если санкция мягче или равнозначна, то имеется частичное поглощение признаков состава преступления-способа. Какие-то признаки остались не охваченными нормой о преступлении-результате и требуют

³²⁷ Ермолович Я. Вопросы дополнительной квалификации по статьям гл. 16 УК РФ // Уголовное право. 2014. № 5. С. 50 - 52.

³²⁸ Бабий Н. Принципы построения уголовного закона и квалификация преступлений // Уголовное право. 2006. № 3.

³²⁹ Пункт 2.1 «Квалификация физического насилия в сложных насильственных преступлениях» // Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 26.01.2005) // СПС КонсультантПлюс.

дополнительной квалификации по совокупности. Данный вывод соответствует положениям ч. 1 ст. 17 УК РФ, в соответствии с которыми не признаются совокупностью преступлений лишь те случаи, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание.

Серьезной проблемой, по мнению ученых, является отсутствие «единообразного понимания методики сравнения санкций (нужно ли наряду с максимальными пределами санкций учитывать их минимальные пределы, а также категории сравниваемых преступлений, принимать во внимание только основные наказания или также дополнительные, следует ли учитывать влияние на строгость санкции ограничений, предусмотренных правилами назначения наказания, и др.)»³³⁰. К этой ситуации приводит разнообразие способов изложения, а также в ряде случаев несбалансированность санкций уголовно-правовых норм.

Между тем результаты экспертного опроса показывают, что на практике с проблемой сравнения санкций уголовно-правовых норм в целях квалификации многообъектных преступлений хотя бы раз сталкивались все респонденты. За необходимость учитывать санкции при квалификации многообъектных преступлений также высказались все респонденты. Затруднений при сравнении санкций не испытывал никто из правоприменителей, в таком случае учитываются нижние и верхние пределы наиболее строгого наказания, наличие альтернативных и дополнительных наказаний.

По вопросу квалификации содеянного при частичном пересечении признаков составов преступления-результата и преступления-способа Пленум Верховного Суда Российской Федерации дает не много разъяснений, и касаются они квалификации совершенных с применением насилия угона

³³⁰ Шаранов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 113.

транспортного средства без цели хищения³³¹, вымогательства,³³² изнасилования и насильственных действий сексуального характера³³³, разбоя³³⁴. Не утратили силу и сформулированные Пленумом Верховного Суда СССР рекомендации по квалификации насильственных преступлений, совершенных в отношении работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка. В этих разъяснениях раскрывается содержание и объем понятия насилия применительно к названным видам многообъектных преступлений.

Пленум Верховного Суда СССР прямо указывал на необходимость сравнения санкций за многообъектное преступление-результат и преступление-способ и исходил из того, что преступление-способ охватывается преступлением-результатом только в том случае, если санкция за первое строже: «Нанесение при указанных выше обстоятельствах тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, если последнее по закону союзной республики влечет за собой более строгое наказание, чем то, которое предусмотрено ч. 2 ст. 191.1 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, должно квалифицироваться по совокупности преступлений»³³⁵. Аналогичная позиция существовала и в более ранних источниках всесоюзного судебного толкования³³⁶.

³³¹ Пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // БВС РФ. 2009. № 2.

³³² Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о вымогательстве.

³³³ Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

³³⁴ Пункт 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о краже, грабеже и разбое.

³³⁵ Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22.09.1989 № 9 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка».

³³⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.07.1963 № 7 «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников».

Анализ современной позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации позволяет выделить следующие подходы к квалификации:

- состав многообъектного преступления, совершенного с применением насилия, неопасного для жизни и здоровья, может охватывать составы побоев;

- состав многообъектного преступления, совершенного с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, может охватывать составы умышленного причинения легкого, средней тяжести вреда здоровью; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, если оно не предусмотрено в качестве квалифицирующего признака многообъектного преступления, требует дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ;

- если в статье о многообъектном насильственном преступлении в качестве квалифицирующего признака выделено умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, то составом преступления с неконкретизированным видом насилия охватываются все остальные виды насилия (побои, совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, а также причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью и истязание), а составом преступления с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, охватывается причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью;

- наступление смерти по неосторожности в результате причинения тяжкого вреда здоровью не охватывается составом многообъектного преступления, совершенного с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, и требует дополнительной квалификаций по ч. 4 ст. 111 УК РФ;

- многообъектное преступление, сопряженное с убийством, квалифицируется по совокупности ст. 105 УК РФ и нормы о многообъектном преступлении, совершенном с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью.

Как видно, в действующих разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации ничего не говорится о сравнении строгости наказания

за преступление-результат и преступление-способ. Современная судебная практика уходит от этого квалификационного правила? Полагаем, что нет. Во-первых, в целом сформулированные правила квалификации угона транспортного средства, вымогательства, разбоя, изнасилования и насильственных действий сексуального характера соответствуют тому принципу, что преступление-способ требует дополнительной квалификации, если оно влечет более строгое наказание, чем многообъектное преступление. Во-вторых, не стоит забывать о специфике всесоюзного толкования, рассчитанного на применение уголовных кодексов различных союзных республик. На таком уровне толкования существовала необходимость в более высокой степени абстракции. На современном этапе достаточно казуистического подхода к разъяснению правил квалификации преступлений.

Идею о необходимости учета сравнения санкций преступления-результата и преступления-способа при квалификации многообъектного насильственного преступления поддерживает и Конституционный Суд Российской Федерации³³⁷.

Вместе с тем Верховный Суд Российской Федерации проводит масштабную работу по изучению и обобщению судебной практики и научных позиций по вопросам квалификации многообъектных насильственных преступлений. Так, 24 апреля 2014 г. на площадке высшего судебного органа состоялась впечатляющая остротой дискуссии международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений». Результаты этой работы нашли отражение в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности; по делам о вымогательстве и постановлении от

³³⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.2009 № 846-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Митрошина Алексея Борисовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 17, частью первой статьи 24 и статьей 27 Уголовного кодекса Российской Федерации».

03.03.2015 № 9 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации».

Изучение судебных решений по делам рассматриваемой категории показывает, что суды в целом руководствуются указанными правилами квалификации не только по уголовным делам, применительно к которым были даны соответствующие разъяснения, но и при квалификации других многообъектных насильственных преступлений. Так, при квалификации содеянного признак «применение насилия» никогда не охватывает собой умышленное причинение смерти и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Указанные последствия всегда вменяются дополнительно по совокупности с многообъектным насильственным преступлением. Квалификация многообъектного насильственного преступления производится по одной статье (или части) в тех случаях, когда санкция за такое преступление является более строгой по сравнению с санкциями за применение физического насилия в соответствующих статьях гл. 16 УК РФ³³⁸.

Для сравнения, в судебной практике советского периода дополнительно вменялись только те виды насилия, за совершение которых предусматривалось более строгое наказание. При равенстве санкций идеальная совокупность преступлений исключалась. Сегодня и судебной практикой, и некоторыми учеными признается, что конкуренции норм нет при совпадении пределов санкции уголовно-правовых норм об ответственности за составное преступление и преступление, входящее в его состав³³⁹. Этому же мнению придерживались и опрошенные практические работники.

В юридической литературе отмечается, что по общему правилу наличие дополнительного объекта не требует отдельной квалификации,

³³⁸ Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 26 января 2005 г.) // СПС КонсультантПлюс.

³³⁹ Насильственная преступность / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М, 1997. С. 63 – 64; Иногамова-Хегай Л.В. Указ. соч. С. 143 – 144.

однако при квалификации насильственных преступлений по совокупности со статьями гл. 16 УК РФ необходимо исходить и из содержания санкций³⁴⁰.

Вопрос о том, какие виды насилия охватываются нормой Особенной части УК РФ, закрепляющей состав многообъектного преступления, является одним из наиболее часто обсуждаемых в научной литературе. Некоторые ученые полагают, что «насилие, опасное для жизни и здоровья, включает в себя причинение тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью (ст. 111, 112, 115 УК РФ)»³⁴¹. Более гибкой представляется точка зрения, последователи которой предлагают исходить из строгости санкций уголовно-правовых норм, но и здесь возникают дискуссии.

Для наглядности обратимся к ч. 4 ст. 296 УК РФ (угроза в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования, совершенная с применением насилия, опасного для жизни и здоровья). Предлагается сравнить строгость санкций указанной нормы и соответствующей статьи гл. 16 УК РФ и квалифицировать по ч. 4 ст. 296 УК РФ без дополнительной квалификации все виды опасного для жизни и здоровья насилия, наказания за которые не превышают наказание, предусмотренное в санкции ч. 4 ст. 296 УК РФ (к таким видам насилия относятся деяния, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 111, ст. 112, 115, 117 УК РФ). Однако если тяжкий вред здоровью лиц, указанных в ч. 1 и 2 ст. 296 УК РФ, причиняется при обстоятельствах, указанных в ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ, то содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений по соответствующей части ст. 111 и по ч. 4 ст. 296 УК РФ³⁴².

Другие авторы полагают, что частью 4 ст. 296 УК РФ не охватывается также и преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 111 УК РФ, поскольку данная норма содержит квалифицирующие признаки, отсутствующие в

³⁴⁰ Кругликов Л.Л. О понятии и уголовно-правовой оценке насилия // Уголовное право. 2015. № 1. С. 72 - 75.

³⁴¹ Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5: Учебник для вузов / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 163.

³⁴² Преступления против правосудия / Под ред. А.В. Галаховой. С. 84; Горелик А.С., Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 118.

ст. 296 УК РФ³⁴³. Эта позиция представляется обоснованной, потому что ч. 4 ст. 296 УК РФ не предусматривает такие отягчающие признаки, как совершение преступления с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего, а равно в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, общеопасным способом, по найму. Однако перечисленные признаки не выходят за рамки состава преступления, закрепленного в ч. 4 ст. 296 УК РФ, поскольку санкция последней строже, а учет перечисленных признаков возможен в порядке ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельств, отягчающих наказание.

Существенной проблемой, на которую обращают внимание исследователи, является отсутствие научно обоснованных критериев, по которым можно провести сравнение строгости санкций уголовно-правовых норм. Проблема существенно обострилась, когда были отменены нижние пределы санкций ряда норм, а многие санкции были дополнены таким видом наказания, как принудительные работы. Возвращаясь к тому же примеру, обратим внимание на санкции ч. 2 ст. 111 УК РФ (лишение свободы на срок до 10 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового) и ч. 4 ст. 296 УК РФ (принудительные работы на срок до 5 лет либо лишение свободы на срок от 5 до 10 лет). Какая из двух санкций строже?

Сравнение санкций должно носить поэтапный характер и осуществляться по следующей схеме:

- 1) определение категории преступления;
- 2) установление наличия или отсутствия в санкции наказаний, не связанных с лишением свободы;
- 3) учет верхнего предела наказания;
- 4) учет нижнего предела наказания;
- 5) наличие дополнительного наказания;
- 6) обязательность дополнительного наказания.

³⁴³ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 3. М., 2007. С. 471; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И. Рарога, М., 2004. С. 549 (автор главы – Л.В. Иногамова-Хегай).

Предлагаемый алгоритм основан на положении ст. 60 УК РФ, в соответствии с которыми более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. Этой нормой законодатель расставил приоритеты, которым обязаны следовать суды. Согласно этим приоритетам, предпочтительным является назначение более мягкого наказания, что обусловлено необходимостью соблюдения принципов гуманизма и экономии средств государственной репрессии. Наличие в санкции вида наказания, не связанного с лишением свободы, рассматривается как смягчение ответственности. Так, санкция ч. 5 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 04.05.2011 № 97-ФЗ) является более мягкой, чем санкция ч. 4 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ), поскольку при равных размерах наказания в виде лишения свободы (от 7 до 12 лет) содержит новый, более мягкий, чем лишение свободы, основной вид наказания – штраф³⁴⁴.

Исходя из приведенной схемы, из двух санкций более строгой является та, которая предусмотрена за преступление более тяжкое по категории. В рамках одной категории преступлений более строгой будет являться санкция, в которой не предусмотрены виды наказаний, не связанные с лишением свободы. Среди таких норм более строгой санкцией обладает та, верхний предел наказания которой выше. При равенстве верхнего предела наказаний в обеих санкциях более строгой будет являться та, в которой выше нижний предел наказания. Далее степень строгости санкции определяется по наличию дополнительного наказания и затем по его обязательности.

Наличие в санкции такого наказания, как принудительные работы, не во всех случаях свидетельствует о том, что эта санкция мягче, поскольку за совершение тяжкого преступления принудительные работы применяются

³⁴⁴ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2013 № 31-АПУ13-7.

только в том случае, если преступление совершено впервые. Если вновь обратиться к взятым для сравнения санкциям ч. 2 ст. 111 и ч. 4 ст. 296 УК РФ, мы увидим, что если преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 296 УК РФ, совершено впервые, то за него можно назначить принудительные работы, соответственно, наказание будет мягче, чем наказание по ч. 2 ст. 111 УК РФ, а если не впервые, то строже, поскольку нижний предел лишения свободы в последней ниже (от двух месяцев). В этой связи наличие или отсутствие принудительных работ не может учитываться в сравнительной оценке строгости санкций, поскольку его применение сопровождается условием, связанным с личностью виновного.

Следует отметить, что сравнение санкций уголовно-правовых норм применяется не только при отграничении конкуренции норм от идеальной совокупности преступлений, но и в случаях, прямо предусмотренных законом: при определении обратной силы уголовного закона (ст. 10 УК РФ) при назначении наказания по совокупности преступлений (ч. 2 и 3 ст. 69 УК РФ), при определении территориальной подсудности уголовного дела и места производства предварительного расследования (ч. 3 ст. 32, ч. 3 ст. 152 УПК РФ). Данное обстоятельство свидетельствует в пользу того, что *сравнение санкций уголовно-правовых норм – это прием, который допускается законодателем для использования в правоприменительной практике для принятия процессуальных и материально-правовых решений.*

При квалификации многообъектных преступлений с учетом строгости санкций преступления-результата и преступления-способа помимо сравнения строгости двух санкций необходимо применять *критерии соотносимости квалифицирующих признаков преступления-результата и преступления-способа.* Например, санкция ч. 3 ст. 127 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконное лишение свободы, совершенное организованной группой, предусматривает более строгое наказание, чем за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков. Возникает вопрос, охватывает ли ч. 3 ст. 127 УК РФ состав ч. 1

ст. 111 УК РФ, если организованной группой совершено незаконное лишение свободы с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью. Мнения экспертов разделились. Большинство высказалось за то, что не охватывается, поскольку частью 2 ст. 127 УК РФ не предусмотрена ответственность за незаконное лишение свободы, совершенное с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью. Но среди опрошенных экспертов были и те, кто считает необходимым ориентироваться только на размер санкции ч. 3 ст. 127 УК РФ.

Рассмотрим эту проблему на примере многообъектных преступлений, совершенных с применением физического насилия. Дифференциация ответственности осуществляется разными способами:

- в статье содержится один состав многообъектного насильственного преступления (незаконное проникновение в жилище, совершенное с применением насилия (ст. 139, 140 УК РФ));

- в статье содержатся два состава многообъектного насильственного преступления, один из которых является более квалифицированным по признаку опасности насилия для жизни и здоровья (угон транспортного средства, совершенный с применением насилия, неопасного и опасного для жизни и здоровья (ст. 166 УК РФ));

- в статье в особо квалифицированный состав выделено совершение преступления с конкретизированными последствиями для жизни и здоровья потерпевшего.

Последний способ дифференциации ответственности вариативен: а) в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака предусмотрено причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (ст. 333 УК РФ), тяжкого вреда здоровью (ст. 162, 163 УК РФ), смерти по неосторожности (ст. 126 УК РФ), смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 127¹ УК РФ); б) закреплены самостоятельные составы преступлений, повлекших неосторожное причинение тяжкого вреда

здоровью и смерти, один из которых является более квалифицированным (ст. 131, 132 УК РФ).

Профессор Л.В. Иногамова-Хегай отмечает, что «квалификация деяния осуществляется по совокупности преступлений, предусмотренных нормой-целым и специальной, если искомая норма-целое включает в себя норму-часть (общую) только об основном составе другого преступления»³⁴⁵. Такой подход представляется правильным. В его развитие мы предлагаем следующие правила квалификации при соотношении основных, квалифицированных и особо квалифицированных составов преступления-результата и преступления-способа:

- если основной или менее квалифицированный состав многообъектного преступления-результата не охватывает, исходя из сравнения строгости санкций, признаки основного состава преступления-способа, то независимо от соотношения строгости санкций квалифицированный или более квалифицированный состав многообъектного преступления не может охватывать состав преступления-способа;

- если основной или менее квалифицированный состав многообъектного преступления-результата охватывает, исходя из сравнения строгости санкций, признаки основного состава преступления-способа, то соотношение объема более квалифицированного состава многообъектного преступления и объема состава преступления-способа осуществляется на основе сравнения строгости санкций уголовно-правовых норм о многообъектном преступлении-результате и преступлении-способе.

Данное квалификационное правило основано на традиционном понимании *квалифицированного состава* преступления как состава, включающего в себя необходимые признаки основного состава и квалифицирующий признак, и *особо квалифицированного состава*, который

³⁴⁵ Иногамова-Хегай Л.В. Указ. соч. С. 156.

включает в себя признаки основного или менее квалифицированного состава и особо квалифицирующий признак.

В преломлении к взятым для примера многообъектным насильственным преступлениям предлагаемое нами правило квалификации приобретает следующее содержание:

- если основной или менее квалифицированный состав многообъектного насильственного преступления не охватывает, исходя из сравнения строгости санкций, признаков основного состава преступления против здоровья, предусмотренного гл. 16 УК РФ, то, независимо от соотношения строгости санкций, квалифицированный или более квалифицированный состав многообъектного насильственного преступления не может охватывать данный состав преступления против здоровья;

- если основной или менее квалифицированный состав многообъектного насильственного преступления охватывает, исходя из сравнения строгости санкций, признаки основного состава преступления против здоровья, предусмотренного гл. 16 УК РФ, то соотношение объема более квалифицированного состава многообъектного насильственного преступления и объема состава преступления против здоровья личности, осуществляется на основе сравнения строгости санкций соответствующих уголовно-правовых норм о многообъектном насильственном преступлении и преступлении против здоровья личности.

Для наглядности возьмем пример с квалификацией изнасилования, совершенного с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью. Сравнительный анализ санкций ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 111 УК РФ показывает, что основной состав изнасилования не охватывает всех признаков основного состава умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Поэтому его не будет охватывать ни один из квалифицированных составов изнасилования, независимо от строгости санкций нормы, закрепляющей этот состав. В связи с этим представляется правильной позиция Пленума Верховного Суда

Российской Федерации, в соответствии с которой, умышленное причинение тяжкого вреда его здоровью требует дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 111 УК РФ, действия лица, умышленно причинившего в процессе изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера тяжкий вред здоровью потерпевшего лица, что повлекло по неосторожности его смерть, при отсутствии других квалифицирующих признаков следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 131 или ч. 1 ст. 132 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ³⁴⁶. И хотя санкции частей четвертых ст. 131 и 132 намного строже, чем санкция ч. 4 ст. 111 УК РФ, мы не можем согласиться с мнением ученых о том, что содеянное в данном случае охватывается ч. 4 ст. 131 (или ст. 132) УК РФ как нормой-целым³⁴⁷.

В качестве противоположного примера возьмем многообъектные насильственные преступления, квалифицированные составы которых, исходя из строгости санкций, охватывают признаки умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (это совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, похищение человека (п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ), торговля людьми (п. «е» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ), использование рабского труда (п. «г» ч. 2 ст. 127² УК РФ). В частях третьих перечисленных статей закреплены особо квалифицированные составы, выделенные по признаку причинения смерти по неосторожности. Санкции этих норм более строгие, чем санкция ч. 4 ст. 111 УК РФ, поэтому в приведенных примерах многообъектного насильственного преступления поглощает признаки умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть по неосторожности.

В отличие от рассмотренных случаев, в ст. 162 и 163 УК РФ разбой или вымогательство с неосторожным причинением смерти не выделены в

³⁴⁶ Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

³⁴⁷ *Иногамова-Хегай Л.В.* Указ. соч. С. 162.

самостоятельные составы преступлений. Санкции ч. 4 ст. 162 и ч. 3 ст. 163 УК РФ строже, чем санкция ч. 4 ст. 111 УК РФ, однако это не свидетельствует о том, что названные нормы о многообъектных насильственных преступлениях полностью охватывают состав умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего. За рамками составов разбоя и вымогательства, совершенных с причинением тяжкого вреда здоровью остался объект преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, – жизнь человека.

В разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации обоснованно указывается на необходимость квалификации содеянного по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 162 или ч. 3 ст. 163 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ³⁴⁸.

Проблема, на которую обращают внимание ученые при квалификации содеянного по совокупности преступлений, – это проблема двойного учета одних и тех же обстоятельств, которые находятся в области пересечения составов преступлений. В приведенном примере это признаки общественно опасного действия, заключающегося в противоправном негативном воздействии на организм потерпевшего, и причинение тяжкого вреда здоровью. Некоторыми авторами предлагается квалифицировать содеянное по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 162 и ст. 109 УК РФ³⁴⁹.

Возражая против такого подхода, отметим, что суть идеальной совокупности преступлений в совершении одного действия (бездействия), содержащего признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ (ч. 2 ст. 17 УК РФ). Из приведенного законодательного определения следует, что при квалификации содеянного как идеальной совокупности преступлений признаки действия (бездействия) всегда

³⁴⁸ Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о вымогательстве; п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о краже, грабеже и разбое.

³⁴⁹ *Марцев А., Токарчук Р.* Вопросы совокупного вменения разбоя или вымогательства и преступлений против жизни // Уголовное право. 2008. № 2.

подлежат двойному учету, что неоднократно уже становилось предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, справедливо не усматривающего в этом нарушения запрета на повторное осуждение³⁵⁰. Предлагаемая квалификация разбоя (п. «в» ч. 4 ст. 162 и ст. 109 УК РФ) уместна лишь в случае, когда в процессе совершения разбоя был умышленно причинен тяжкий вред здоровью, а смерть по неосторожности наступила в результате других причин, например, в результате неосторожного обращения виновного с огнестрельным оружием, применяемым для угрозы. Совсем иная степень ответственности должна быть в случае, когда причиной наступления смерти послужило не просто легкомысленное или небрежное действие (бездействие) преступника, а именно умышленное причинение им тяжкого вреда здоровью.

Состав преступления – это не формальный набор признаков преступления, дифференциация ответственности с учетом тех или иных признаков преступления осуществляется законодателем с целью назначения справедливого наказания. Данное обстоятельство подлежит обязательному учету при квалификации преступлений независимо от того, совершено единичное преступление или совокупность преступлений. При квалификации содеянного механическое исключение совпадающих признаков из числа признаков одного из двух преступлений недопустимо. *При идеальной совокупности многообъектного преступления-результата и преступления-способа вменению подлежат все отягчающие признаки как одного, так и второго преступления даже в случае их совпадения, поскольку законодатель придает этим признакам самостоятельное юридическое значение для каждого из совершенных преступлений. Данное правило распространяется*

³⁵⁰ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.2009 № 846-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Митрошина Алексея Борисовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 17, частью первой статьи 24 и статьей 27 Уголовного кодекса Российской Федерации» и от 21.04.2011 № 578-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сербиненко Вячеслава Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 17 и пунктом "з" части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также абзацем третьим пункта 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» и пунктом 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

не только на квалифицирующие признаки, но и на те обстоятельства, которые учитываются при назначении наказания в порядке ст. 63 УК РФ.

Например, изучение судебной практики по уголовным делам о посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительных органов, показывает, что признак совершения данного преступления общеопасным способом как отягчающее наказание обстоятельство в подавляющем большинстве случаев не вменяется.

Так, Д. был осужден за посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране общественного порядка и по обеспечению общественной безопасности и умышленное повреждение чужого имущества, причинившее значительный ущерб, совершенное общеопасным способом (с. 317, ч. 2 ст. 167 УК РФ)³⁵¹. Вместе с тем признак общеопасности преступления подлежит вменению не только применительно к повреждению имущества, но и применительно к посягательству на жизнь. Такой подход вполне соотносится с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой, если убийство путем взрыва, поджога или иным общеопасным способом сопряжено с уничтожением или повреждением чужого имущества, содеянное, наряду с п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, следует квалифицировать также по ч. 2 ст. 167 УК РФ³⁵².

³⁵¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.01.2015 по делу № 21-АПУ14-10.

³⁵² Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам об убийстве.

Глава 2. Проблемы квалификации преступлений, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла на определенный объект

§ 1. Квалификация многообъектных преступлений по специальным признакам потерпевшего

Наличие специальных мотивов и целей преступления, влияющих на содержание объекта преступного посягательства, напрямую связано с *признаками потерпевшего*, которые участвуют в квалификации и подлежат обязательному установлению. В подобных преступлениях к признакам потерпевшего относятся его *специальный социальный статус*, а также *содержание, временные рамки и обстановка осуществления охраняемой уголовным законом деятельности*, если преступление совершается в связи с осуществлением потерпевшим (или его близким) специфического вида деятельности.

1. Установление специального статуса лица, в отношении которого совершено преступление, является первым этапом квалификации многообъектного преступления по признакам потерпевшего.

Содержание специального статуса потерпевшего может быть как *оценочным*, как и *бланкетным* признаком преступления.

В преступлениях, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (далее – по экстремистскому мотиву) или с целью скрыть другое преступление, специальный статус потерпевшего является *оценочным* признаком, т.е. требующим оценки в каждом конкретном случае. *При этом оценка признака статуса потерпевшего производна от статуса лица, совершившего преступление, что находит отражение в субъективной стороне преступления.* Например, цель скрыть преступление может вменяться только в том случае, если по представлению виновного

потерпевший является носителем информации о совершенном или готовящемся преступлении, а сам виновный – лицом, заинтересованным в сокрытии.

Квалификация преступления как совершенного по экстремистскому мотиву возможна лишь тогда, когда в сознании лица, совершающего деяние, отражается факт, что потерпевший, например, – иной национальной принадлежности. Суть преступления, совершенного по экстремистскому мотиву, в идентификации себя и последующем противопоставлении себя иной группе людей, «выражении своего ненавистного отношения в целом к той или иной нации, расе или религии»³⁵³, а также политическим и идеологическим взглядам и определенному образу жизни или деятельности.

Как показывает анализ уголовных дел по экстремистским преступлениям, наиболее спорным является трактовка такого признака потерпевшего, как принадлежность к социальной группе. Поскольку ни в уголовном законе, ни в актах его официального толкования не дается определения «социальной группы» в правоприменительной практике возникают проблемы при квалификации преступлений, совершенных по мотиву ненависти или вражды в отношении групп, относящихся к субкультурам деструктивной направленности, в том числе, склонным к совершению правонарушений (например, футбольные фанаты, панки, эмо, скинхеды и т.д.). Возникает вопрос об обоснованности отнесения подобных групп к социальным в том значении, которое им придает уголовный закон, противодействуя экстремизму.

По мнению некоторых ученых, социальные группы «следует выделять только на основе социально значимого признака (признаков), не относя к таковым те, что придают группе асоциальный характер»³⁵⁴. Отмечается, что «Группу лиц можно относить к социальной группе как ценности, охраняемой

³⁵³ *Ивченко О.С.* Проблемы мотива и цели убийства в уголовном праве России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 115.

³⁵⁴ *Борисов С.В., Жеребченко А.В.* Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. М., 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

законом, только если интересы и цели деятельности ее членов не являются противозаконными. Данный критерий позволяет отграничить от экстремистских посягательств преступления, совершенные в отношении наркоманов, проституток, других групп, характеризующихся противоправным поведением»³⁵⁵.

Ошибка последнего аргумента в том, что сама по себе группа (как асоциальной направленности, так и одобряемая обществом) не является ценностью, охраняемой уголовным законом. Антиэкстремистские нормы направлены на охрану толерантности между всеми социальными группами людей. В данном случае именно толерантность, терпимость выступают социально значимой ценностью, охраняемой уголовным законом, а не деятельность группы, какой бы полезной или вредной она ни была. Преступления, совершенные по мотиву ненависти или вражды в отношении социальной группы, нельзя отнести к преступлениям, совершенным в связи с осуществлением лицом социально полезной деятельности. В последних одним из объектов преступления выступает реальный или ожидаемый результат общественно полезной деятельности. Смешивать эти объекты недопустимо, равно как недопустимо смешивать специальные цели и мотивы, с которыми осуществляется на них посягательство.

Общественная опасность экстремистской преступности обусловлена численной неограниченностью круга потенциальных потерпевших, массовостью единомышленников, возможностью провокации ответной реакции агрессией на агрессию, чего не скажешь о преступлениях, совершаемых в связи с осуществлением социально полезно деятельности, направленных против одного или нескольких конкретных лиц с целью воспрепятствовать его деятельности или из мести за ее осуществление.

Если воспринимать деятельность социальной группы как объект уголовно-правовой охраны, то выделение в уголовном законе мотива

³⁵⁵ Кунашев А.А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 11.

ненависти или вражды в отношении социальной группы в ряду именно экстремистских мотивов становится вообще бессмысленным.

Широкое понимание социальных групп нашло отражение и в правоприменительной практике, признающей по уголовным делам экстремистской направленности в качестве социальной группы не только общественно полезные объединения, но и лиц, не адаптированных к жизни в гражданском обществе³⁵⁶, лиц без определенного места жительства, занимающихся бродяжничеством³⁵⁷, представителей субкультур³⁵⁸. По одному из уголовных дел в опровержение доводов кассационной жалобы Верховный Суд Российской Федерации прямо указал, что группа может признаваться социальной независимо от того, что ее члены противопоставляют себя остальной части общества (в том числе быть с этой точки зрения антисоциальной группой)³⁵⁹. Такой подход полностью соответствует как букве, так и духу уголовного закона.

В отличие от рассмотренных уголовно-правовых норм с оценочными признаками потерпевшего, в некоторых статьях закреплены перечни потерпевших, специальный статус которых выражен *в терминах*. Это нормы гл. 29, 31 - 34 УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за посягательство в связи с осуществлением социально полезной деятельности. Их диспозиции являются *бланкетными*, поскольку специальный статус потерпевших раскрывается в нормах иных отраслей права (конституционного, военного, уголовно-процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального, административного законодательства, а также законодательства об административных правонарушениях).

Трудность квалификации преступлений с бланкетными признаками

³⁵⁶ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.04.2009 № 10-О09-6 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵⁷ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.03.2013 № 44-О13-11 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵⁸ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2011 № 8-О11-10 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵⁹ Там же.

потерпевшего, характеризующими его специальный статус, заключается в необходимости соблюдения *принципов толкования терминов*. К числу этих принципов мы относим: 1) соблюдение соответствия признаков потерпевшего объекту преступления и 2) точность установления специального статуса потерпевшего.

Соблюдение соответствия признаков потерпевшего объекту преступления заключается в соотнесении терминологического многообразия специальных признаков потерпевшего и социально-правовой обусловленности существования конкретной уголовно-правовой нормы. Например, одним из потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. 295 – 298¹ УК РФ, является судья. Согласно ст. 11 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и ст. 1 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3131-1 «О статусе судей в Российской Федерации», судьями являются лица, наделенные в соответствии с Конституцией Российской Федерации и названными законами полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе.

Некоторые ученые исключают из круга потерпевших от преступлений против правосудия судей Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации³⁶⁰. Другие авторы утверждают, что деятельность Конституционного Суда Российской Федерации охватывается понятием правосудия и должна включаться в объект уголовно-правовой охраны преступлений, предусмотренных гл. 31 УК РФ³⁶¹. Полагаем, что именно эта позиция соответствует смыслу уголовно-правовой защиты правосудия от преступных посягательств.

Причиной противоречий во взглядах ученых послужила дискуссионность вопроса об осуществлении Конституционным Судом

³⁶⁰ Наумов А.В. Российское уголовное право. Указ. соч. С. 466.

³⁶¹ Кулешов Ю.И. Указ. соч. С. 230; Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Указ. соч. С. 44.

Российской Федерации и конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации правосудия. Для его решения обратимся к анализу полномочий указанных судебных органов.

В процессе осуществления конституционного контроля Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает дела о конституционности законов по жалобам на нарушение прав и свобод граждан (ст. 96 – 100 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»)³⁶². В случае если Конституционный Суд Российской Федерации признает закон, примененный при рассмотрении конкретного дела, не соответствующим Конституции Российской Федерации, данное дело подлежит пересмотру компетентным органом в обычном порядке. На основании изложенного мы соглашаемся с точкой зрения, согласно которой Конституционный Суд Российской Федерации оказывает прямое влияние на разрешение конкретных уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях и в этом отношении является органом правосудия³⁶³. Кроме того, деятельность суда общей юрисдикции по признанию нормативно-правового акта или его части не соответствующими федеральному закону по своему содержанию во многом схожа с деятельностью Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. И то, что эта деятельность судов общей юрисдикции является разновидностью осуществления правосудия, не вызывает сомнений.

Однако соотнесение признаков потерпевшего с видовым и родовым объектами в некоторых случаях может таить в себе подводные камни. Так, ст. 318 УК РФ предусматривает ответственность за применение насилия к представителю власти, которое законодателем отнесено к преступлениям против порядка управления. В учебной и комментирующей литературе отмечается: «Если насилие или угроза насилием применяются в отношении

³⁶² Собрание законодательства РФ. 1994. №13. Ст. 1447.

³⁶³ Горелик А.С., Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 275.

представителей власти, участвующих в отправлении правосудия или в производстве предварительного расследования, ответственность наступает по ст. 296 УК»³⁶⁴. Действительно, с точки зрения видовых объектов позиция представляется безупречной.

Но возникает проблема, когда имеет место угроза применения насилия, допустим к судье, прокурору, следователю, а квалификация по ст. 296 УК РФ невозможна. В качестве конкретного примера приведем угрозу похищения ребенка или изнасилования из мести за принятое процессуальное решение. Такие угрозы не менее опасны, чем угроза повредить автомобиль потерпевшего, однако в диспозициях ст. 296 УК РФ места им не нашлось. Статья 318 УК РФ в этом смысле сформулирована лучше: в ней перечень угроз расширен до угроз применения насилия, поэтому в некоторых случаях эта норма является резервной для квалификации угроз, не охваченных ст. 296 УК РФ. В случае высказывания подобной угрозы в адрес судьи, прокурора или следователя вред причиняется интересам правосудия, однако квалифицировать содеянное придется по ст. 318 УК РФ как преступление против порядка управления, благо примечание к этой статье формально это позволяет. Правда, при этом придется пренебречь видовым объектом преступления.

Ряд последних изменений в УК РФ показывает, что в его Особенной части становится все больше статей, содержание которых расходится с наименованием глав и разделов, куда они структурно помещены. Проблема видится в том, что классификация объектов преступлений уже не в полной мере соответствует наименованиям классов, к которым их отнес законодатель, и нуждается в комплексном законодательном пересмотре. Применяя ту или иную норму, сегодня уже нельзя строго следовать наименованию главы и раздела Особенной части УК РФ при определении

³⁶⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X - XII: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 4 // СПС «КонсультантПлюс».

объекта преступления, тем более что в нашем случае преступления против порядка управления и против правосудия объединены в одну группу преступлений против государственной власти, а правильность расположения ст. 317 – 320 УК РФ в гл. 32 УК РФ вызывает у нас большие сомнения. Их содержанию больше соответствовало бы размещение в гл. 30 УК РФ.

В теории уголовного права высказываются диаметрально противоположные мнения относительно учета родового и видового объектов преступления при его квалификации. Одни ученые полагают, что «Для правильной квалификации преступления по объекту посягательства прежде всего необходимо установить родовой (видовой) объект, а уж затем – непосредственный объект преступления»³⁶⁵, другие считают, что родовой и видовой объекты не могут приниматься во внимание при квалификации преступления³⁶⁶, третьи не рекомендуют опираться на наименования глав и разделов УК РФ при определении родового и видового объекта преступления³⁶⁷.

Вместе с тем в судебной практике можно найти немало решений, в которых посягательство на представителя власти, проходящего службу в органах, не входящих в систему органов исполнительной власти, квалифицируется как преступление против порядка управления (например, оскорбление следователя Следственного комитета Российской Федерации – по ст. 319 УК РФ³⁶⁸).

Результаты экспертного опроса показывают, что большинство практических работников рассматривают нормы, закрепленные в ст. 318 и 319 УК РФ, в качестве общих по отношению к ст. 296 и 297 УК РФ

³⁶⁵ Колосовский В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний. М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс». Необходимость учета родового и видового объектов преступлений обосновывается во многих учебниках.

³⁶⁶ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. М., 2009 // СПС «КонсультантПлюс» (автор параграфа – Ф.Р. Сундуров).

³⁶⁷ Быкова Е.Г., Яшков С.А. Превышение должностных полномочий и фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности: возможна ли совокупность? // Уголовное право. 2016. № 4. С. 14 – 21; Яни П.С. Квалификация должностных преступлений: преодоление теоретических неточностей // Законность. 2011. № 10.

³⁶⁸ Приговор Ульяновского областного суда от 06.07.2015. Дело № 2-4/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

соответственно, если потерпевший – представитель власти, независимо от того, является ли он представителем исполнительной власти. Лишь незначительное число правоприменителей высказались за необходимость учета видовой принадлежности объекта преступления при квалификации преступлений, совершенных в отношении представителей власти.

Сказанное привело нас к выводу, что, *определяя в процессе квалификации объект многообъектного преступления, правоприменительная практика преимущественно ориентируется на содержание диспозиции уголовно-правовой нормы без учета законодательной классификации объектов преступлений, что соответствует далеко небезупречному современному состоянию систематизации уголовно-правовых норм.*

Второй принцип толкования терминов, означающих бланкетные признаки специального статуса потерпевшего, заключается в **точности установления этого статуса**. Основоположник русской терминологической школы Д.С. Лотте определил следующие признаки термина: «... системность, независимость термина от контекста, краткость, абсолютная и относительная однозначность, простота и понятность, степень внедрения термина»³⁶⁹.

Исследуя проблемы квалификации преступлений с бланкетными признаками состава, профессор Н.И. Пикуров справедливо отмечает, что «в отличие от обычного слова, термин не меняет своего содержания при перемещении из одного языкового пространства в другое», «изменение содержания термина при его толковании допускается только в сторону ограничения объема понятия, но не расширения», при этом автор делает акцент на необходимости точного использования при квалификации уголовно-процессуальных терминов³⁷⁰.

³⁶⁹ Паршина О.Д. Терминологическая лексика в аспекте семантики, структуры и функционирования: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. С. 9.

³⁷⁰ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. М., 2009. С. 45 – 51.

Нарушением данного принципа можно считать расширительное толкование круга потерпевших, статус которых выражен терминами. Так, в Обзоре кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2009 г. дано следующее разъяснение: «Совершение насильственных действий в отношении адвоката по мотиву, не связанному с отправлением правосудия, не может быть квалифицировано по ст. 296 УК РФ. Вывод суда о том, что насильственные действия в отношении С. совершены в связи с его участием в осуществлении правосудия, не основан на материалах дела, из которых следует, что, хотя адвокат С. и участвовал в качестве представителя истца мужа А. в гражданском судопроизводстве, однако насильственные действия осужденная А. совершила на почве ссоры из-за несанкционированной парковки С. своего автомобиля во дворе ее домовладения. ... С учетом изложенного Судебная коллегия пришла к выводу, что действия А. следует расценивать как совершенные на почве ссоры и неприязненных отношений с потерпевшим, т.е. как преступление против личности, а не против интересов правосудия»³⁷¹.

Необходимо обратить внимание на ошибку в квалификации, связанную с установлением специального статуса потерпевшего. Не только отсутствие такого признака преступления, как «в связи с осуществлением правосудия», а прежде всего процессуальный статус потерпевшего – представитель истца в гражданском судопроизводстве, полностью исключают квалификацию по ст. 296 УК РФ.

Вместе с тем чрезмерная формализация при толковании бланкетных признаков потерпевшего может привести к необоснованной избирательности действия и искусственной пробельности нормы.

Например, в статье 297 УК РФ признаки потерпевшего определены как «участник судебного разбирательства». Значение понятия «судебное

³⁷¹ Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2009 года. // СПС «КонсультантПлюс».

разбирательство» раскрывается в процессуальном законодательстве весьма разнородно. Так, в пункте 51 статьи 5 УПК РФ оно определено как «судебное заседание судов первой, второй, кассационной и надзорной инстанций». Неоднозначным представляется отнесение к участникам судебного разбирательства участников предварительного слушания. Так, в п. 13 ч. 2 ст. 42, в ч. 1 ст. 227 УПК РФ предварительное слушание и судебное заседание перечислены как самостоятельные формы осуществления судопроизводства. Вместе с тем в ст. 234 УПК РФ установлено, что предварительное слушание по уголовному делу проводится в закрытом судебном заседании. Таким образом, понятие судебного заседания, положенное в основу определения судебного разбирательства, в уголовно-процессуальном законодательстве является полисемантическим, что затрудняет очерчивание круга потерпевших в составе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ.

В КоАП РФ участники судебного разбирательства не определены, равно как и само понятие судебного разбирательства, понятие «судебное заседание» и вовсе не используется. В данном кодексе лишь единожды упоминается разбирательство дела об административном правонарушении (ч. 1 ст. 29.11), которое может быть как судебным, так и несудебным.

В ГПК РФ и АПК РФ понятие «судебное разбирательство» не получило законодательного определения, однако в ч. 3 ст. 6¹ ГПК РФ и ч. 3 ст. 6¹ АПК РФ установлено, что «срок судебного разбирательства включает в себя период со дня поступления искового заявления или заявления в суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного постановления по делу». Таким образом, в гражданском судопроизводстве законодатель определяет судебное разбирательство гораздо шире, чем в уголовном процессе, выходя за рамки судебного заседания. Вместе с тем в гл. 14 ГПК РФ регламентирован порядок назначения дела к судебному разбирательству, в ее контексте судебное разбирательство является самостоятельным этапом гражданского процесса, наступающим после предъявления иска и подготовки

дела, в период которой возможно проведение предварительного судебного заседания. Судебное разбирательство регламентировано одноименной гл. 15 ГПК РФ, по смыслу которой судебное разбирательство представляет собой рассмотрение и разрешение гражданских дел, проводимое в судебном заседании.

Очевидно, что в ГПК РФ термин «судебное разбирательство» используется в двух смыслах (узком и широком), налицо внутренняя полисемия термина. Если исходить из того, что срок разбирательства охватывает весь период со дня поступления искового заявления или заявления в суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного постановления по делу, то получается, что временным диапазоном, определяющим также круг потерпевших и место совершения преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ, является весь указанный период гражданского судопроизводства³⁷².

Проведенный системный анализ процессуального законодательства показывает, что толкование бланкетных признаков ст. 297 УК РФ, основанное на буквальном применении процессуальных терминов, потребует дифференцированного подхода к квалификации неуважения к суду в зависимости от вида судопроизводства, что представляется неприемлемым, поскольку интересы правосудия как объект уголовно-правовой охраны защищаются уголовным законом в равной степени.

Таким образом, в рассматриваемом примере имеет место деспециализация термина «судебное разбирательство»³⁷³, и применительно к ст. 297 УК РФ под судебным разбирательством должно пониматься судебное заседание суда любой инстанции, независимо от вида осуществляемого судопроизводства. Опрос экспертов выявил неоднозначность подхода к

³⁷² Аналогичная проблема двоякого установления границ судебного разбирательства существует и в нормативно-правовом регулировании судопроизводства в арбитражных судах.

³⁷³ Под деспециализацией понимается выход термина за пределы терминологического поля, утрата свойств, обуславливающих терминологичность, и последующее использование терминологического значения в общеязыковом употреблении (см.: Шмелева О.Ю. Изменение сущностных свойств термина в процессе деспециализации и детерминологизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 4. С. 51 – 52).

определению специального статуса потерпевшего при квалификации многообъектных преступлений. Большинство ученых допускают отступление от жестких рамок отраслевого законодательства и предлагают учитывать объект преступления, большинство же правоприменителей полагают необходимым опираться исключительно на формальные признаки статуса.

Итак, если системный анализ содержания бланкетных признаков потерпевшего свидетельствует о том, что в диспозиции нормы имеет место деспециализация терминов, обозначающих социальный статус потерпевшего, их толкование необходимо осуществлять по смыслу уголовного закона с учетом объекта преступления, а также задач и принципов УК РФ.

От бланкетных признаков статуса потерпевшего, выраженных терминами, отличаются бланкетные признаки, выраженные *обобщающими понятиями*, например «иные лица, участвующие в отправлении правосудия». Для правильного толкования подобных признаков законодатель использует следующую конструкцию: сначала формулирует одно или несколько понятий в терминах, а затем добавляет обобщающее понятие, смысл которого тесно связан со смыслом приведенных терминов, поскольку они являются однородными понятиями, но с разным уровнем конкретизации и смысловым объемом.

Вопрос о том, какие понятия охватываются обобщающим понятием, решается не только посредством экстраполирования свойств признаков преступления, обозначенных термином, но и посредством анализа других признаков преступления (в нашем случае это объект, мотив и цель преступления). В связи с этим полагаем, что нет, например, оснований включать в число «иных лиц, участвующих в отправлении правосудия» (ст. 295 - 298¹ УК РФ) третейских судей, поскольку третейские суды не входят в судебную систему Российской Федерации и не осуществляют

правосудие³⁷⁴. Однако ряд авторов придерживаются противоположных взглядов и полагают, что на третейских судей распространяется уголовно-правовая защита ст. 295 УК РФ, обосновывая свою позицию тем, что в ГПК РФ предусмотрена возможность отмены в судебном порядке решения третейского суда и возможность его принудительного исполнения посредством предъявления исполнительного листа³⁷⁵. Анализ разд. VI ГПК РФ показал, что решение третейского суда может быть отменено районным судом лишь по причине нарушения процедуры рассмотрения третейского спора, а также, если оно нарушает основополагающие принципы российского права (ст. 421 ГПК РФ). Само содержание решения, его справедливость, обоснованность, правильность применения норм материального права не изучаются федеральным судом при рассмотрении вопроса об отмене решения третейского суда. Кроме того, исполнительный лист на принудительное исполнение его решения выдается районным судом, тем самым законодатель подчеркивает ограниченную юридическую самостоятельность такого решения, требующего своего рода «подтверждения» со стороны органа, осуществляющего правосудие.

Необоснованным представляется предложение понимать под иными лицами, участвующими в отправлении правосудия, истца, ответчика или их представителей³⁷⁶. По смыслу ст. 295 - 298¹ УК РФ иные лица, участвующие в отправлении правосудия, – это не просто участники судопроизводства, а лица, непосредственно отправляющие правосудие.

Еще более неустойчивой представляется позиция ученых, предлагающих под иными лицами, участвующими в отправлении правосудия, понимать также должностных лиц, уполномоченных в соответствии с гл. 23 КоАП РФ рассматривать дела об административных

³⁷⁴ Горелик А.С., Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 92.

³⁷⁵ Агузаров Т. Уголовная ответственность за посягательство на неприкосновенность судьи // Уголовное право. 2003. № 2. С. 7; Карманов О.А. Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (уголовно-правовой анализ): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 73.

³⁷⁶ Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов., М., 1996. С. 454.

правонарушениях³⁷⁷. Посягательства на указанных должностных лиц, равно как и на третейских судей, следует квалифицировать как преступление, совершенное в связи с осуществлением служебной деятельности, а при наличии к тому оснований – как преступление против порядка управления.

Специфика многообъектных преступлений, совершенных в связи с осуществлением социально полезной деятельности, заключается в том, что они могут быть совершены из мести за указанную деятельность в прошлом. Практике известны случаи, когда, отбыв многолетний срок лишения свободы, осужденные нападали на лиц, участвовавших в судопроизводстве (судей, прокуроров, следователей, потерпевших, свидетелей), из мести за их законную деятельность в прошлом. Такая категория потерпевших, как лица, ранее работавшие судьями, прокурорами, следователями и т.д. вполне допустима в контексте ст. 295, 296, 298¹ УК РФ, даже если на момент совершения преступления потерпевший уже не занимал соответствующую должность.

С учетом бланкетности признаков потерпевших в рассматриваемых преступлениях возникает вопрос: можно ли квалифицировать содеянное как посягательство в связи с осуществлением социально полезной деятельности в тех случаях, когда в соответствии с законодательством, действующим на момент совершения преступления, правовые нормы, регламентирующие специальный статус потерпевшего, уже утратили силу?

Можно ли, например, признать потерпевшим от посягательства в связи с осуществлением правосудия лицо, ранее исполнявшее обязанности народного заседателя, в качестве «иного лица, участвующего в отправлении правосудия», если преступление совершено в наши дни из мести за указанную деятельность? Федеральный закон от 02.01.2000 № 37-ФЗ «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»³⁷⁸ утратил силу с 01.02.2003 в части, касающейся гражданского

³⁷⁷ Карманов О.А. Указ. соч. С. 74.

³⁷⁸ Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 158.

процесса, и с 01.01.2004 – в части, касающейся уголовного судопроизводства. В связи с этим в литературе широкое распространение получила точка зрения о том, что в категорию иных лиц, участвующих в отправлении правосудия, в контексте ст. 295, 296 и 298¹ УК РФ нельзя включать народного заседателя.

Периодические изменения в системе органов следствия, дознания, исполнительной власти привели к тому, что многие из них упразднены (Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, налоговая полиция и др.), что не исключает применения насилия к лицам, ранее занимавшим должности в упраздненных органах, из мести за их законную деятельность в прошлом.

Вопрос о квалификации подобных деяний уходит корнями в вопрос об обратной силе норм, раскрывающих бланкетные признаки. В доктрине и правоприменительной практике признается возможность изменения основания уголовной ответственности в случае изменения норм отраслевого законодательства, участвующих в раскрытии бланкетных признаков преступления. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации «декриминализация тех или иных деяний может осуществляться не только путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, но и путем отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылали бланкетные нормы уголовного закона...»³⁷⁹ Вместе с тем высказывается обоснованное предостережение о недопустимости возведения подобного подхода в правило. Н.И. Пикуров пишет: «... вопрос о криминализации или декриминализации посредством изменения нормативных актов иной отраслевой принадлежности должен рассматриваться в неотрывной связи с конкретной статьей УК РФ»³⁸⁰. Автор приводит пример с квалификацией неуплаты налога, отмененного на момент

³⁷⁹ Пункт 2 Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 10.07.2003 № 270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.

³⁸⁰ Пикуров Н.И. Указ. соч. С. 156 - 157.

рассмотрения уголовного дела, и исходит из того, что с упразднением налога обязанность его уплаты за период действия обязанности платить налог не исчезает.

Применительно к рассматриваемым нами преступлениям отметим, что изменение процессуальной (процедурной) формы осуществления социально полезной деятельности не умаляет ее значимости для государства и общества и не влечет отказа от уголовно-правовой охраны результатов этой деятельности. По этой же причине невозможно квалифицировать по ст. 321 УК РФ применение насилия к лицу, уже отбывшему наказание, из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы во время исполнения наказания. Как уже отмечалось ранее, результаты такой деятельности осужденного хотя и являются социально полезными, однако не являются объектом уголовно-правовой охраны.

Таким образом, *при определении специального статуса потерпевшего в многообъектных преступлениях, совершенных в связи с осуществлением социально полезной деятельности, необходимо исходить из того, что это может быть лицо, которое ранее обладало этим статусом, в том числе и в тех случаях, когда в соответствии с законодательством, действующим на момент совершения преступления, правовые нормы, регламентирующий такой статус, уже утратили силу.*

2. Поскольку в преступлениях, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла на определенный объект, тесно переплетены признаки объекта, потерпевшего и субъективной стороны преступления, принципиальное значение при установлении основания уголовной ответственности имеет признак, конкретизирующий **вид деятельности, в связи с осуществлением которой совершено преступление.** Признаки, характеризующие социально полезную деятельность потерпевшего, составляют его динамические социальные

признаки, они наиболее точно определяют направленность умысла на причинение вреда определенному объекту уголовно-правовой охраны.

Однако недостаточно тщательное исследование статических социальных признаков потерпевших на фоне придания доминирующего значения его динамическим социальным признакам нередко приводит к ошибкам в квалификации.

Так, участковый инспектор милиции З. на основании решения Чусовского городского суда Пермской области об избрании в отношении подсудимого К. в качестве меры пресечения заключения под стражу, выехал по месту жительства последнего, объявил о решении суда о взятии его под стражу, после чего З. и К. выехали на мотоцикле в отделение милиции. В пути следования К. с целью убийства ударил З. ножом в область шеи и металлической трубой два раза по голове, затем скрылся с места происшествия. Эти действия К. органы предварительного расследования квалифицировали по ст. 317 УК РФ, однако суд первой инстанции квалифицировал действия К. в отношении потерпевшего З. по ст. 295 УК РФ как посягательство на жизнь лица, исполнявшего определение суда, совершенное в целях воспрепятствования законной деятельности работника милиции. Суд указал, что деятельность работника милиции З. осуществлялась на основании определения суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В кассационном протесте прокурор поставил вопрос об отмене приговора и направлении дела на новое судебное рассмотрение по тем основаниям, что суд неправильно переквалифицировал действия осужденного со ст. 317 на ст. 295 УК РФ, так как потерпевший является работником милиции, ответственность за посягательство на жизнь работника милиции предусмотрена ст. 317 УК РФ независимо от того, что он выполнял решение суда. Справедливо отменяя приговор, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что участковый инспектор милиции не является лицом, осуществляющим правосудие или предварительное

расследование, поэтому приговор подлежит отмене, а дело – направлению на новое судебное рассмотрение³⁸¹.

В приведенном примере хотелось бы обратить внимание на уязвимость аргументов, содержащихся в кассационном протесте. Нельзя утверждать априори, что ответственность за посягательство на жизнь работника милиции предусмотрена только ст. 317 УК РФ. Так, жизнь дознавателя, который является сотрудником полиции, входит в объект преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, если посягательство совершено в связи с осуществлением дознавателем предварительного расследования.

В диспозициях некоторых норм содержится ссылка на то, что посягательство осуществляется в связи с конкретным видом деятельности потерпевшего: в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением судебного акта (ст. 295, 296, 298¹ УК РФ), в связи с участием в судебном разбирательстве (ст. 297 УК РФ), в связи с охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности (ст. 317 УК РФ), в связи с исполнением должностных обязанностей (ст. 318, 319 УК РФ), в связи с осуществлением служебной деятельности (ч. 2 ст. 321 УК РФ), в связи с исполнением обязанностей военной службы (ст. 334, 336 УК РФ).

При описании вида деятельности потерпевшего и неразрывно связанных с ней мотивов и целей преступника законодатель использует несколько приемов юридической техники: формулирует вид деятельности потерпевшего, а также мотив и цель преступления (ст. 295 УК РФ), указывает только на мотив и цель (ст. 317 УК РФ), указывает только на вид деятельности (ст. 296 УК РФ), формулирует указанные признаки через признак специального статуса потерпевшего, производный от вида деятельности (ст. 297 УК РФ).

³⁸¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2002 № 44-о02-51 // СПС «КонсультантПлюс».

В этой связи следует обратить внимание на то, что профессиональная компетенция некоторых специальных потерпевших шире, чем та деятельность, которая указана в диспозиции конкретной уголовно-правовой нормы. Например, деятельность потерпевших, указанных в ст. 295 - 298¹ УК РФ, включает в себя не только полномочия, связанные с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением судебного акта, но и другие полномочия. Например, судебные приставы-исполнители осуществляют принудительное исполнение как судебных актов, так и актов иных органов и должностных лиц. Прокурор имеет широкие полномочия в сфере надзора за исполнением законов органами государственной власти, местного самоуправления, должностными лицами, организациями, а также координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Совершение посягательства в связи с осуществлением такой деятельности не охватывается составами названных преступлений против правосудия.

Законодательная конкретизация признаков вида деятельности потерпевшего сужает сферу применения норм о многообъектных преступлениях, совершенных в связи с осуществлением социально полезной деятельности, конкретизируя мотив и цель состава преступления.

Со спецификой вида социально полезной деятельности, характеризующей ее содержание, тесно связаны признаки, характеризующие форму этой деятельности, – *временные рамки и обстановка ее осуществления.*

Например, специальный статус свидетеля по делу приобретает с момента вызова для дачи свидетельских показаний. В связи с этим совершение преступного посягательства на лицо, которому известны сведения, имеющие значение для дела, но не обладающее статусом свидетеля, не может рассматриваться как посягательство в связи с участием в судопроизводстве. Данное преступление тоже будет многообъектным, посягающим на личность и на интересы правосудия, а именно –

правоохранительную функцию правосудия, реализуемую посредством раскрытия преступлений и изобличения преступников. Однако по своей социальной направленности это преступление, совершенное с целью скрыть другое преступление, а не воспрепятствовать выполнению общественного долга.

Цель воспрепятствовать осуществлению социально полезной деятельности может вменяться только тогда, когда на момент совершения преступления потерпевший начал или продолжает осуществлять эту деятельность. Мотив мести за осуществление социально полезной деятельности как юридически значимый признак преступления имеет более широкие временные рамки для реализации, они включают в себя также весь период времени после окончания осуществления деятельности. Исчисление момента начала и окончания социально полезной деятельности потерпевшего зависит от таких признаков преступления, как содержание деятельности и форма закрепления специального социального статуса потерпевшего. Как правило, порядок осуществления социально полезной деятельности, являющейся объектом уголовно-правовой охраны, регламентирован правовыми нормами, поскольку эта деятельность важна для государства и общества. Поэтому момент начала и окончания осуществления конкретной деятельности определяется прямо или исходя из системного толкования норм, закрепляющих порядок ее осуществления.

Такой признак потерпевшего, как временные рамки осуществления им социально полезной деятельности, позволяет разграничить цели совершения преступлений в многообъектных преступлениях.

В ряде случаев не только временные рамки, но и обстановка осуществления социально полезной деятельности характеризуют объект, а также мотив и цель преступления. Рассмотрим эту проблему на примере квалификации оскорбления участников судебного разбирательства. Нельзя игнорировать тот факт, что оскорбление человека в связи с его участием в судебном разбирательстве в любой обстановке причиняет вред интересам

правосудия. Так, оскорбленный на улице после вынесения приговора свидетель в связи с дачей им правдивых изобличающих показаний в следующий раз неохотно согласится выполнять свой общественный долг и выступать в качестве свидетеля. Однако авторитету суда такое действие не причиняет вреда, а название ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду» свидетельствует о том, что посягательство именно на авторитет суда выступает обязательным признаком преступления. В противном случае законодатель именовал бы статью по аналогии со ст. 319 и 336 УК РФ как «Оскорбление участников судебного разбирательства».

Действующее название статьи, с одной стороны, существенно сужает сферу применения ч. 1 ст. 297 УК РФ, поскольку неуважение именно к суду (а не к конкретному участнику судопроизводства) можно проявить лишь при осуществлении судебной власти судом в лице судей, присяжных и арбитражных заседателей. С другой стороны, оскорбление в судебном заседании лиц, которые присутствуют при его проведении, но не участвуют в разбирательстве дела (судебных приставов, обеспечивающих порядок при проведении судебного заседания; сотрудников полиции, конвоирующих подсудимого в зал суда; представителей СМИ, присутствующие при проведении открытого судебного заседания), по своей сути тоже является проявлением неуважения к суду. Но указанные лица – не участники судебного разбирательства, а потому не входят в круг потерпевших, предусмотренный ч. 1 ст. 297 УК РФ. Такое оскорбление квалифицируется по ст. 319 УК РФ или ст. 5.61 КоАП РФ в зависимости от статуса потерпевшего.

С учетом того что одним из объектов преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ, выступают интересы правосудия (а именно нормальная деятельность суда и его авторитет), вопрос о том, какое значение для квалификации содеянного имеют время, место и обстановка совершения преступления, следует решать дифференцированно для обеих частей ст. 297 УК РФ. Оскорбление лица, участвующего в отправлении правосудия,

доведенное до сведения этого лица, всегда является неуважением к суду, независимо от того, где и когда оно совершено. Оскорбление судьи как в зале судебного заседания, так и за его пределами, как во время судебного заседания, так и после охватывается диспозицией ч. 2 ст. 297 УК РФ, если это оскорбление связано с судебным разбирательством. Однако правоприменительная практика по квалификации оскорбления судьи вне судебного заседания складывается крайне противоречиво.

Например, С. направил судье, рассматривавшей гражданское дело по его иску, письмо, где в оскорбительных выражениях высказывалась угроза убийством в связи с принятым ею решением. Доводы осужденного о том, что на момент отправления письма судье она не участвовала в отправлении правосудия, признаны неубедительными, поскольку угрозы и оскорбления в адрес судьи были совершены именно в связи с осуществлением ею своих служебных обязанностей по отправлению правосудия. С. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ³⁸².

Другой пример: О. и Б., действуя совместно по предварительному сговору, составили и направили судье С., участвовавшей в отправлении правосудия в отношении О., письма, в которых изложили в неприличной форме выражения, унижающие честь и достоинство судьи. Суд кассационной инстанции не усмотрел в действиях О. и Б. состава неуважения к суду, поскольку в этом качестве, по мнению судебной коллегии, может рассматриваться только такое оскорбление судьи или иного участника процесса, которое нанесено в официальной обстановке³⁸³.

Нестабильность судебной практики отражает наличие объективных трудностей в юридической оценке такого признака потерпевшего, как обстановка осуществления социально полезной деятельности, в связи с которой совершается преступление. В этом случае особенно важно точно установить объект противоправного посягательства.

³⁸² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 07.12.2011 № 75-О11-16 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁸³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21.12.2011 № 63-О11-4 // СПС «КонсультантПлюс».

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что ст. 297 УК РФ направлена на защиту чести и достоинства личности, охрану общественных отношений в сфере осуществления правосудия и авторитета судебной власти от противоправных посягательств³⁸⁴. В отличие от объективной стороны оскорбления лица, участвующего в отправлении правосудия, для квалификации преступления по ч. 1 ст. 297 УК РФ время, место и обстановка совершения преступления имеют составообразующее значение. На первый взгляд диспозиции обеих частей статьи 297 УК РФ аналогичны и различаются лишь признаками потерпевшего.

Вместе с тем название статьи, а главное, ее основной непосредственный объект (авторитет судебной власти), позволяет нам утверждать, что оскорбление участника судебного разбирательства, не участвующего в отправлении правосудия, за рамками (временными и пространственными) судебного разбирательства не образует состава неуважения к суду. Оскорбление участника судебного разбирательства будет уголовно наказуемым при условии, если оно имело место непосредственно во время судебного разбирательства, иными словами, как указывалось в приведенном определении Верховного Суда Российской Федерации, «в официальной обстановке». В противном случае оскорбление не будет проявлением неуважения к суду и не способно причинить вред авторитету судебной власти. Если оскорбляемый является представителем власти (прокурор, следователь), то публичное оскорбление в связи с исполнением им служебных обязанностей до или после судебного заседания должно квалифицироваться по ст. 319 УК РФ. Оскорбление представителей других органов власти причиняет вред авторитету этих органов, а не судебной власти, и только официальная обстановка судебного разбирательства свидетельствует о направленности умысла на причинение вред именно

³⁸⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 221-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Синельникова Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями части второй статьи 297 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

авторитету судебной власти. «Квалификация преступлений непосредственно зависит от направленности умысла на специальный объект в случаях, когда фактически совершенные действия могут иметь неодинаковое юридическое значение»³⁸⁵.

Таким образом, при квалификации посягательства в связи с осуществлением социально полезной деятельности, следует учитывать, что обстановка совершения преступления, являясь признаком объективной стороны преступления, одновременно выступает обстановкой осуществления потерпевшим социально полезной деятельности, т.е. признаком потерпевшего.

3. В настоящем исследовании мы пришли к выводу, что в составах преступлений, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла, признаки потерпевшего образуют самостоятельный элемент состава. В этой связи представляется необходимым рассмотреть вопрос квалификации содеянного при ***фактической ошибке в личности потерпевшего***, потому что в указанных преступлениях это означает ошибку в объекте преступления. Существует несколько авторских позиций по этой проблеме. Так, С.В. Бородин высказался за квалификацию такого деяния как оконченного преступления с квалифицирующим признаком³⁸⁶. А.А. Пионтковский полагал, что «совершение преступления при ошибочном предположении лица о наличии квалифицирующих преступных обстоятельств следует рассматривать как покушение на совершение квалифицированного преступления»³⁸⁷. Того же мнения придерживается и А.И. Рарог, исходя из того, что деяние должно квалифицироваться в зависимости от направленности умысла³⁸⁸.

Правильным, на наш взгляд, является подход, предлагаемый Л.А. Андреевой и Т.В. Кондрашовой, в соответствии с которым фактическая

³⁸⁵ Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М., 2015. С. 125.

³⁸⁶ Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 136.

³⁸⁷ Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 2. С. 339.

³⁸⁸ Рарог А.И. Указ. соч. С. 144 – 151.

ошибка в личности потерпевшего должна толковаться в пользу виновного³⁸⁹. В соответствии с указанными теоретическими воззрениями складывается и судебная практика. Так, при квалификации убийства небеременной женщины, которая, по заблуждению виновного, находилась в состоянии беременности, Президиум Верховного Суда Российской Федерации исходил из того, что умысел на убийство в таких случаях реализован полностью, поэтому содеянное следует квалифицировать не как покушение на убийство с отягчающими обстоятельствами, а как убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ³⁹⁰.

Опрос экспертов не позволил нам выявить какую-либо тенденцию, мнения как ученых, так и практиков разделились приблизительно равным образом в соответствии с обозначенными выше тремя позициями. Отрицательный результат – это тоже результат, по крайней мере мы получили подтверждение серьезности проблемы.

Применение юридической фикции и квалификация деяния как покушение в данном случае не представляются оправданными. Объекту преступления, с которым связаны признаки потерпевшего, а также признаки субъективной стороны преступления, при ошибке в личности потерпевшего вред не причинен, что действительно не позволяет квалифицировать содеянное как оконченное многообъектное преступление. Вместе с тем квалификация преступления как покушения с учетом направленности умысла означает существенное снижение строгости уголовной ответственности. И связано это с особенностями назначения наказания за неоконченное преступление.

На законодательном уровне урегулирован лишь высший предел назначаемого наказания за неоконченное преступление. Низший же предел срока или размера наказания, который может быть назначен осужденному за

³⁸⁹ Андреева Л.И. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. СПб., 1998. С. 15; Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности личности. Екатеринбург, 2000. С. 75.

³⁹⁰ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2008 № 420-П07.

неоконченное преступление, в законе специально не оговорен. В тех случаях, когда лишение свободы на определенный срок является самым мягким видом наказания, нижней границей наказания выступает минимальный срок лишения свободы, т.е. два месяца. В результате мы получаем существенное смягчение уголовной ответственности, особенно в случае, когда к лицу применяется одновременно несколько льготных норм о назначении наказания.

Суть преступления, в котором с заменой личности потерпевшего изменился объект преступления, в том, что при фактической ошибке виновного происходит трансформация объекта. Как уже не раз отмечалось в настоящем исследовании объект преступления – это то благо, на которое посягает лицо и которому причинен или мог быть причинен вред. *Объект преступления одновременно обладает двумя признаками: субъективным (направленность посягательства) и объективным (реальность или вероятность причинения вреда). Второй признак объекта преступления при ошибке в личности потерпевшего отсутствует, а значит, отсутствует в совершенном преступлении и объект, на который направлен умысел виновного. Но среди признаков совершенного преступления остается второй объект – личное благо потерпевшего (жизнь, здоровье и т.д.). Поскольку преступление, посягающее на этот объект, окончено, то виновный должен нести ответственность за оконченное преступление без квалифицирующих признаков, однако направленность умысла должна учитываться при индивидуализации наказания.*

От фактической ошибки в личности потерпевшего отличается случайное отклонение действия, «когда по причинам, не зависящим от воли виновного, вред причиняется другому лицу, а не тому, на кого направлено посягательство. Случаи отклонения действия образуют совокупность двух преступлений: покушение на преступление, охватываемое умыслом виновного, и неосторожное причинение вреда другому лицу, если, конечно,

этот вред охватывается неосторожной виной»³⁹¹. С учетом того что покушение на убийство специального потерпевшего в некоторых случаях образует окончанный состав преступления (ст. 277, 295, 317 УК РФ), неосторожное причинение смерти в результате отклонения действия при посягательстве на жизнь специального потерпевшего квалифицируется по совокупности преступления, предусмотренного одной из указанных норм, без ссылки на ст. 30 УК РФ и причинения смерти по неосторожности.

³⁹¹ Уголовное право. Общая часть / под ред. *Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова*. М., 1997. С. 266.

§ 2. Квалификация многообъектного преступления по мотиву и цели

Для правильной квалификации преступлений, многообъектность которых обусловлена их направленностью на определенный объект, необходимо четко *разграничивать* специальные мотивы и цели деяния.

Например, посягательство на представителя власти может быть совершено как в связи с его служебной деятельностью (с целью воспрепятствовать или изменить служебную деятельность либо из мести за таковую), так и по экстремистскому мотиву, поскольку сотрудники тех или иных органов власти являются представителями социальных групп³⁹².

Трудность представляет отграничение мотива, связанного с осуществлением потерпевшим социально полезной деятельности, и экстремистского мотива, что приводит к квалификационным ошибкам. Приведем следующий пример. П., находясь в состоянии алкогольного опьянения, пришел к зданию прокуратуры, где в окне увидел прокурора и произвел в него выстрел из ружья с расстояния менее двух метров. По случайности в момент выстрела прокурор наклонил голову и не пострадал. Ранее П. был судим, задерживался по подозрению в совершении преступления, считал, что правоохранительные органы относятся к нему несправедливо и предвзято. Волгоградский областной суд признал необоснованной квалификацию по ст. 295 УК РФ на основании того, что судом не были установлены взаимоотношения П. и прокурора, которые свидетельствовали бы о посягательстве на жизнь прокурора в связи с его служебной деятельностью по конкретному делу или материалу. Потерпевший и виновный не были даже знакомы³⁹³.

³⁹² Так, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила в силе в части квалификации приговор 3-го окружного военного суда от 28.06.2012, которым члены организованной группы были осуждены за совершение ряда преступлений по мотиву ненависти в отношении социальных групп – сотрудников полиции и прокуратуры, последние, по мнению осужденных, являлись коррумпированными и способствовали засилью кавказцев на территории Российской Федерации (см. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.09.2012 № 209-О12-5 // СПС «КонсультантПлюс»).

³⁹³ Горелик А. С., Лобанова Л. В. Указ. соч. С. 100 – 101.

Объединяет эти мотивы то, что они направлены не против личности конкретного человека (сам по себе он безразличен преступнику), а против социально значимых ценностей, лежащих вне плоскости личных правовых благ; в основе как той, так и другой мотивации лежит ненависть. Однако ее направленность различна: *в экстремистском мотиве это ненависть к социальной группе, независимо от конкретного содержания деятельности отдельных ее членов, а при совершении преступления в связи с осуществлением социально полезной деятельности ненависть обусловлена конфликтом между субъективными интересами преступника и интересами общества, в пользу которых осуществляется деятельность потерпевшим.*

Квалификация содеянного как преступления, совершенного в связи с осуществлением потерпевшим социально полезной деятельности, зависит не только от специальных признаков потерпевшего. Важное значение имеет разграничение связи преступления с конкретным эпизодом этой деятельности и связи с ее осуществлением в целом. Например, причинение судье вреда здоровью в связи с рассмотрением им конкретного уголовного дела является преступлением против правосудия и квалифицируется по ч. 4 ст. 296 УК РФ; в связи с его служебной деятельностью по осуществлению правосудия в целом (например, в связи с принципиальной негативной позицией по отношению к преступности в районе) – по ч. 2 ст. 318 УК РФ.

Вместе с тем в литературе высказывает точка зрения, согласно которой ответственность по ст. 295 - 296 УК РФ может наступать не только за совершение указанных в них действий в связи с рассмотрением или расследованием конкретных дел, но и в целом в связи с деятельностью по осуществлению правосудия или предварительного расследования³⁹⁴. Следует отметить, что ранее проводимый нами опрос выявил распространенность обозначенного подхода среди правоприменителей. 57 % опрошенных судей,

³⁹⁴ Научно-практическое пособие по применению УК РФ / Под ред. В.М. Лебедева. М., 2005 // СПС «КонсультантПлюс»; Бобраков И. Вопросы законодательной регламентации ст. 296 УК РФ // Российский судья. 2005. № 12; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2004. С. 771.

прокуроров и следователей полагали необходимым квалифицировать по ст. 295 УК РФ посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, когда оно совершено в связи с указанной деятельностью вообще, а не по конкретному делу или материалу; 38 % респондентов придерживались противоположной точки зрения и считали, что в ст. 295 УК РФ идет речь о совершении преступления в связи с осуществлением указанной деятельности по конкретному делу; 5 % опрошенных затруднились ответить³⁹⁵.

Для разрешения этой дилеммы необходимо обратиться к буквальному толкованию диспозиции ст. 295 и ч. 2 ст. 296 УК РФ. Применительно к посягательству на сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации законодатель указывает на совершение преступления в связи с исполнением *приговора, решения суда или иного судебного акта*, т.е. говорит о них не во множественном, а в единственном числе. Таким образом, в названных статьях идет речь об исполнении конкретного судебного акта, соответственно, признак конкретности присущ и производству по делу (материалу).

В ряде случаев поведению человека, в том числе и преступному, свойственна *множественность мотивов и целей*. Мотивы и цели преступления, определяющие направленность умысла на конкретный объект, равнозначны, вследствие чего они, как правило исключают друг друга. Относительно квалификации преступлений, совершенных при наличии нескольких мотивов и целей, в теории уголовного права нет единогласия. Одни авторы допускают возможность вменения двух и более мотивов³⁹⁶, другие, напротив, отвергают такой подход³⁹⁷.

³⁹⁵ Терехова Е.Н. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 110.

³⁹⁶ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под. ред. Р.Р. Галиакбарова. Саратов, 1997. С. 210.

³⁹⁷ Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968. С. 28; Наумов А.В. Мотивы убийства. Волгоград, 1969. С. 75; Парог А.И. Указ. соч. С. 167 – 169.

Одновременное вменение нескольких мотивов или целей отвергается и высшим судебным органом. Так, квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, по п. «л» ч. 2 ст. 105, или по п. «е» ч. 2 ст. 111, или по пункту «е» ч. 2 ст. 112, или по п. «б» ч. 2 ст. 115, или по ст. 116 УК РФ исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам указанных частей этих статей, предусматривающим иной мотив или цель преступления (например, из хулиганских побуждений)³⁹⁸. Процитированные разъяснения, по мнению ученых, означают, что конкуренция мотивов и целей во всех случаях должна разрешаться в пользу экстремистского мотива³⁹⁹. До появления разъяснений об исключительности экстремистского мотива в правоприменительной практике, в том числе практике Верховного Суда Российской Федерации, встречались случаи вменения одновременно с экстремистским другим мотивом преступления (хулиганского, корыстного)⁴⁰⁰.

Высшим судебным органом разъясняется также, что квалификация по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ убийства, совершенного с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, исключает возможность квалификации этого же убийства, помимо указанного пункта, по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства⁴⁰¹.

Вместе с тем законодатель признал возможность одновременного вменения хулиганского и экстремистского мотивов, когда ввел в диспозицию ст. 213 УК РФ в качестве составообразующего признака совершение хулиганства по экстремистскому мотиву. Другой пример законодательного

³⁹⁸ Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

³⁹⁹ *Иванов А.Л.* Конкуренция мотивов при квалификации «экстремистского» убийства (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // *Российский следователь.* 2015. № 20. С. 49-52.

⁴⁰⁰ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2004 № 4-004-167, определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2006 № 5-о06-92 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰¹ Пункт 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам об убийстве.

сочетания в составе преступления нескольких мотивов – это легализация имущества, приобретенного преступным путем, при совершении которой преследуются несколько целей – скрыть другое преступление и корыстная цель. Таким образом, законодатель существенно сужает возможности применения правил квалификации о конкурирующем мотиве, отвергая наличие такой конкуренции в тех случаях, где она традиционно усматривалась доктриной и судебной практикой.

Более того, признание экстремистского мотива во всех случаях в качестве доминирующего может привести к квалификационным ошибкам. Например, лицо совершает посягательство на жизнь судьи с целью воспрепятствовать вынесению приговора или из мести за вынесенный приговор, при этом оно дополнительно мотивировано ненавистью в отношении социальной группы судей и сотрудников правоохранительных органов. Данное преступление должно квалифицироваться по ст. 295 УК РФ без вменения экстремистского мотива, поскольку этот мотив лишь создает базу для формирования другого мотива, который и привел в конечном счете к совершению убийства. Вместе с тем в основе обоих мотивов лежит ненависть, поэтому вменять их одновременно не представляется возможным. Аналогичного мнения придерживаются большинство опрошенных экспертов.

При этом опрос показал, что правоприменители в большей мере, чем ученые, склонны допускать множественность мотивов преступления, имеющих юридическое значение.

С.В. Складов полагает, что «В основу классификации мотивов преступного поведения необходимо положить особенности процесса их актуализации или возникновения, т.е. характер взаимодействия объективных условий ситуации и потенциальных мотивов либо субъективных особенностей лица при выборе им объекта посягательства и (или) конкретного способа совершения преступления, в результате которого один из мотивов становится «реально действующим» или возникает и доминирует

над остальными»⁴⁰². Данная позиция согласуется с концепцией функциональной автономии мотивов, получившей в психологии название «сдвиг мотива на цель», разработанной основоположником теории деятельности человека профессором А.Н. Леонтьевым⁴⁰³.

Исследуя проблему конкуренции мотивов, ряд авторов пришли к выводу о «необходимости обязательного учета в процессе квалификации главного побуждающего фактора или превалирующего результата, к которому стремился субъект преступления»⁴⁰⁴.

Мотивация и целеполагание представляют собой сложный механизм психической деятельности лица, изучение которой осуществляется в сфере психологических наук. Для уголовного же права важно юридическое значение мотивов и целей совершения преступления. *Квалификация содеянного во всех случаях только по одному доминирующему мотиву или цели без учета остальных мотивов и целей, характеризующих субъективную сторону преступления, на наш взгляд, является нарушением принципа справедливости уголовной ответственности, который предусматривает соответствие наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.*

В настоящем диссертационном исследовании мы рассматриваем те мотивы и цели, наличие которых обуславливает многообъектность посягательства. Это мотивы и цели, определяющие направленность умысла на конкретный объект. *Поскольку направленность умысла в преступлении одна, признак субъективной стороны (мотив или цель), определяющий эту направленность, может быть только один, что не исключает возможность вменения иных специальных мотивов и целей, которые не определяют структуру объекта преступления.* Так, ни хулиганские, ни

⁴⁰² Скляр С.В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 18.

⁴⁰³ Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971; Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

⁴⁰⁴ Бражников В.В. Отягчающие обстоятельства, относящиеся к субъективной стороне состава преступления: вопросы квалификации и уголовной ответственности: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 10.

корыстные побуждения к совершению преступления не дополняют его объект еще одним правовым благом, а потому они не характеризуют направленность умысла на определенный объект и могут при наличии к тому оснований вменяться одновременно с мотивом или целью, которые такую направленность умысла определяют. Аналогичного мнения о количестве направленностей умысла придерживаются и опрошенные эксперты.

Направленность умысла на причинение вреда разным объектам даже при одновременности действия (бездействия) свидетельствует о том, что посягательства не охватываются единым умыслом, и все юридически значимые признаки преступления, характеризующие каждую из направленностей умысла, должны получать при квалификации самостоятельную уголовно-правовую оценку. Так, если наряду с неуважением к суду имеет место оскорбление военнослужащим военнослужащего во время исполнения им или в связи с исполнением обязанностей военной службы (например, оскорбление военнослужащим подсудимым военного прокурора или военного следователя⁴⁰⁵, участвующего в судебном заседании военного суда), содеянное должно квалифицироваться по совокупности ст. 297 и 336 УК РФ по следующим основаниям.

Применительно к объекту оскорбления военнослужащего ученые отмечают: «...особенностью унижения чести и достоинства в данном преступлении является то, что эти действия должны обязательно совершаться в процессе тех или иных нарушений уставных взаимоотношений между военнослужащими»⁴⁰⁶. В соответствии с ч. 2 и 3 ст. 17 УК РФ одно действие, содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ, образует совокупность преступлений, за исключением случаев, когда преступление предусмотрено общей и специальной нормами. Нормы, закрепленные в ч. 1 ст. 297 и ч. 1

⁴⁰⁵ В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» служба в органах военной прокуратуры, военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации является военной службой.

⁴⁰⁶ Зателетин О.К., Лавруков М.М. Понятие воинских насильственных преступлений и некоторые вопросы их квалификации // Право в Вооруженных Силах. 2003. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

ст. 336 УК РФ, не соотносятся как общая и специальная, отсутствует их конкуренция как нормы-целого и нормы-части, поэтому неуважение к суду, выраженное в форме оскорбления военнослужащего военнослужащим во время исполнения им или в связи с исполнением обязанностей военной службы, образует идеальную совокупность преступлений.

Несмотря на то что объективная сторона этих составов преступлений идентична, нарушения принципа «non bis in idem» в данной ситуации не будет, поскольку основные объекты неуважения к суду и оскорбления военнослужащего разнородны. Направленность умысла при оскорблении в ходе судебного заседания военнослужащим военного прокурора или военного следователя имеет дуалистичный характер, что нельзя не учитывать при квалификации такого оскорбления.

Важным в теоретическом и практическом аспектах является вопрос о квалификации многообъектных преступлений, совершенных со специальным мотивом или целью, в отношении нескольких потерпевших. Как справедливо отмечает профессор О.С. Капинус, проблемы квалификации преступлений с *множественностью потерпевших* относятся к числу вопросов, нешироко исследованных в теории уголовного права⁴⁰⁷. Вместе с тем они являются насущными для правоприменительной практики. Касательно многообъектных преступлений рассмотрим несколько вариантов встречаемой в практике множественности потерпевших, охватываемой единым умыслом:

1) посягательство со специальными мотивом или целью, связанными со специальным статусом всех потерпевших – посягательство *с однородной множественностью потерпевших*;

2) посягательство со специальными мотивом или целью, связанными со специальным статусом одного из нескольких потерпевших – посягательство *с разнородной множественностью потерпевших*;

⁴⁰⁷ Капинус О.С. Проблемы квалификации преступлений с множественностью потерпевших // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 6 (38). С. 31.

3) посягательство со специальными мотивом или целью, связанными со специальным статусом нескольких потерпевших из всей совокупности потерпевших – посягательство со *смешанной множественностью потерпевших*. Предлагаемая нами классификация преступлений по видам множественности потерпевших имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

В первом случае посягательство осуществляется на несколько специальных потерпевших, признаки которых указаны в диспозиции одной статьи (части, пункта статьи) УК РФ, и возникает вопрос о количестве совершенных преступлений. Проблема в том, что специальные составы посягательств на жизнь, угроз, применения насилия, оскорбления не содержат такого квалифицирующего признака, как совершение преступления в отношении двух и более лиц. При решении этого вопроса следует учитывать ряд обстоятельств: направленность умысла виновного, временной промежуток между посягательствами, место их совершения и др. Применительно к посягательству на жизнь сотрудника правоохранительного органа Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что действия виновного, связанные с посягательством на жизнь нескольких сотрудников милиции, совершенные с одной целью, в одном месте и без разрыва во времени, образуют единое преступление и подлежат квалификации по одной статье (ст. 317 УК РФ)⁴⁰⁸. При иных обстоятельствах посягательства на нескольких специальных потерпевших, указанных в диспозиции одной статьи, необходимо квалифицировать по совокупности нескольких преступлений, предусмотренных одной статьей. Единство преступных намерений является в данном случае признаком, отграничивающим совокупность от единого преступления⁴⁰⁹. Такая позиция получила не

⁴⁰⁸ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18.07.2008 № 163-П08 // БВС РФ 2008. № 11. С.6.

⁴⁰⁹ Пудовочкин Ю. Признаки совокупности преступлений в современной судебной практике // Уголовное право. 2009. № 4. С. 56.

единогласную, но преимущественную поддержку среди опрошенных экспертов.

Изучение правоприменительной практики показывает, что при квалификации содеянного как одного преступления по одной статье судами нередко делается попытка вменить в качестве отягчающего обстоятельства наступление тяжких последствий в результате совершения преступления (п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Например, при убийстве в качестве такового позиционируется смерть нескольких специальных потерпевших. Подобная практика справедливо искореняется Верховным Судом Российской Федерации, исключая из приговоров указание на отягчающее наказание обстоятельство – наступление тяжких последствий в виде гибели двух и более лиц, поскольку объективной стороной рассматриваемых специальных составов выступает убийство, т.е. умышленное причинение смерти⁴¹⁰.

Проблема в том, что в ст. 63 УК РФ не содержится такого отягчающего обстоятельства, как совершение преступления в отношении двух и более лиц, перечень этих обстоятельств исчерпывающий и расширению не подлежит. Между тем общие начала назначения наказания (ст. 60 УК РФ) предусматривают обязанность суда учитывать характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, что определяется более широко, чем обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. В связи с этим при назначении наказания за посягательство одновременно на нескольких специальных потерпевших их количество следует учитывать, но не в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, а в качестве обстоятельства, определяющего характер и степень общественной опасности преступления, индивидуализирующего наказание.

Относительно квалификации посягательств *с разнородной или смешанной множественностью потерпевших* в правоприменительной практике сложилась тенденция оценивать содеянное как совокупность

⁴¹⁰ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 20.06.2012 № 66-О12-43 // СПС «КонсультантПлюс».

преступлений, предусмотренных несколькими нормами Особенной части УК РФ (специальной и общей). Чаще всего правоприменитель сталкивается с такой квалификацией, когда лицо совершает посягательство на жизнь специального потерпевшего общеопасным способом.

Так, К. по поручению руководителя преступной группы изучил маршрут движения автобуса, в котором ездили работники милиции, и, осознавая, что автобус с работниками милиции будет подорван и что при этом могут быть убиты другие люди, дал организаторам преступления совет о месте закладки взрывного устройства. К. был осужден по ч. 5 ст. 33, ст. 317 УК РФ и по ч. 5 ст. 33, п. «е, ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ за пособничество в посягательстве на жизнь сотрудников правоохранительных органов в целях воспрепятствования их законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности и из мести за такую деятельность, а также за пособничество в убийстве, совершенном общеопасным способом организованной группой⁴¹¹.

В случае совершения посягательства на жизнь специального потерпевшего общеопасным способом, когда из посторонних людей никто не пострадал, как правило, содеянное квалифицируется как одно преступление лишь по специальной норме. Очевидно, следственная и судебная практика исходит из того, что в данном случае умысел по отношению к убийству потерпевших, не обладающих специальным статусом, характеризуется как косвенный, а покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом⁴¹².

Получается парадоксальная ситуация: охватываемое единым умыслом посягательство на жизнь нескольких специальных потерпевших квалифицируется как одно деяние (допустим, по ст. 317 УК РФ), а то же самое преступление, но со смешанным составом потерпевших, образует идеальную совокупность двух преступлений, предусмотренных общей и

⁴¹¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.05.2014 № 20-О14-2сп // СПС «КонсультантПлюс».

⁴¹² Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ по делам об убийстве».

специальной или несколькими специальными нормами. Следует обратить внимание на то, что как при однородном, так и при смешанном составе потерпевших, объект посягательства, признаки субъективной стороны, определяющие направленность умысла на специальный объект, и объективная сторона идентичны. Причинение вреда потерпевшим, не обладающим специальным статусом, находит отражение в сознании преступника как второстепенное последствие, отношение к которому характеризуется как косвенный умысел. Разделение деяния на два преступления в данном случае представляется нам искусственным.

Проведем аналогию с квалификацией деяния, признаки которого закреплены в разных частях одной статьи Особенной части УК РФ. Не вызывает сомнений, что кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору в крупном размере, должна квалифицироваться как одно преступление, предусмотренное п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, несмотря на то что состав кражи, совершенной группой лиц по предварительному сговору предусмотрен в п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Идеальная совокупность в таких случаях исключается как теорией, так и практикой, содеянное квалифицируется по одной части статьи, предусматривающей наиболее тяжкие квалифицирующие признаки, при этом в описательно-мотивировочной части судебного решения надлежит перечислить все установленные квалифицирующие признаки, а наказание назначается с учетом всех квалифицирующих признаков преступления. Данный вид конкуренции называется конкуренцией уголовно-правовых норм о составах одного и того же преступления в зависимости от степени общественной опасности⁴¹³.

При квалификации многообъектного преступления с разнородной или смешанной множественностью потерпевших имеет место данный вид конкуренции норм с тем отличием, что они закреплены в разных статьях Особенной части УК РФ. Но имеет ли это значение для квалификации?

⁴¹³ *Иногамова-Хегай Л.В.* Указ. соч. С. 95.

Состав посягательства на личное благо человека и состав многообъектного посягательства на то же благо – это составы одного и того же преступления, дифференцированные в зависимости от степени общественной опасности. Мы разделяем позицию ученых, признающих составы преступлений, предусмотренные ст. 277, 295, 317 и 357 УК РФ, особо квалифицированными составами убийства⁴¹⁴.

Применив метод теоретического моделирования, можно гипотетически смоделировать статьи, входящие в гл. 16 УК РФ, с частями, предусматривающими в качестве особо квалифицированных составы многообъектных посягательств на личные блага. Такой опыт изложения нормативного материала имеется в Уголовном кодексе Франции. В главе «Преступления против жизни и здоровья» данного кодекса (*Le Code pénal de la France*)⁴¹⁵ после таких основных составов преступлений, как умышленное убийство (ст. 221.1); применение пыток или актов жестокости (ст. 222.1); насильственные действия, повлекшие смерть, без намерения убить (ст. 222.7); насильственные действия, повлекшие хроническое заболевание или увечье (ст. 222.9); насильственные действия, повлекшие полную потерю трудоспособности в течение более чем восьми дней (ст. 222.11), предусмотрены квалифицированные составы.

В представленной нами теоретической модели ст. 105 УК РФ составы посягательств на жизнь специальных потерпевших закреплялись бы в ч. 3 названной статьи. При таком структурировании нормативного материала вопрос о квалификации посягательства на жизнь специального субъекта со специальным мотивом или целью, совершенного общеопасным способом, при котором погибли люди, не обладающие специальным статусом, решался бы однозначно. При одновременном наличии в деянии признаков, предусмотренных ч. 1 или 2 ст. 105 УК РФ и нормой, закрепляющей особо

⁴¹⁴ Егорова Н. Совокупность убийства с другими преступлениями: перспективы законодательства и правоприменительной практики // Уголовное право. 2014. № 5. С. 47 – 49.

⁴¹⁵ <http://www.legifrance.gouv.fr>. (дата обращения 30.06.2017).

квалифицированный состав убийства (в представленной нами теоретической модели – это ч. 3 ст. 105 УК РФ), приоритетом пользовалась бы та норма, которая предусматривает более квалифицирующий признак. Избранный российским законодателем способ конструирования некоторых основных, квалифицированных и особо квалифицированных составов одного и того же преступления в разных статьях, главах и разделах Особенной части УК РФ вполне приемлем как с теоретической, так и с прикладной точек зрения и не должен служить основанием для игнорирования правил квалификации при конкуренции норм.

Интересными и неожиданными оказались результаты опроса экспертов по данной проблеме. Так, изначально все без исключения эксперты высказались за необходимость квалификации содеянного в приведенном примере по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 317 и 105 УК РФ. Затем согласились с тем, что ст. 317 УК РФ является специальной по отношению к ст. 105 УК РФ, после чего многие изменили мнение о квалификации, сочтя необходимым применять только ст. 317 УК РФ.

Таким образом, если многообъектное посягательство с разнородной или смешанной множественностью потерпевших, совершенное с единым умыслом, охватывается признаками квалифицированного или особо квалифицированного состава, то содеянное не образует совокупности преступлений, квалификация осуществляется по норме, закрепляющей этот состав. При этом при формулировании обвинения в процессуальных документах должны быть перечислены все установленные в деянии юридически значимые признаки, и с их учетом в соответствии с положениями ст. 63 УК РФ назначено наказание.

Особенности квалификации преступлений, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла, **совершенных в соучастии**, заключаются в том, что направленность умысла на определённый объект может быть признаком субъективной стороны деяния только одного из соучастников. В юридической литературе отмечается: «...все, что вменяется

в вину соучастнику, должно было охватываться его умыслом»⁴¹⁶. Л.Д. Гаухман допускал квалификацию содеянного по разным частям одной и той же статьи Особенной части УК РФ, когда различны мотивы преступного поведения соучастников⁴¹⁷. Сходной позиции придерживается А.И. Рарог, уточняя, что «мотивы ... характеризуют само преступное деяние, поэтому вменяются тем соучастникам, которыми они осознавались, но не обязательно разделялись»⁴¹⁸.

По мнению профессора А.Н. Попова, «квалификация действий заказчика и исполнителя по разным статьям УК вполне возможна на основании действующего уголовного законодательства»⁴¹⁹, однако ученый соглашается с мнением В.Ф. Щепелькова, полагающего, что правила квалификации содеянного виновным в подобных случаях должны быть предусмотрены законом⁴²⁰.

Основанием ответственности лиц, непосредственно не выполнявших объективную сторону состава преступления, и основанием ответственности исполнителя преступления являются взаимосвязанные относительно самостоятельные деяния, реализация которых охватывается умыслом конкретного соучастника. Содеянное должно квалифицироваться дифференцированно с учетом направленности умысла каждого из соучастников.

Примером квалификации многообъектного убийства, совершенного в соучастии, является решение Президиума Верховного Суда Российской Федерации, которым была исправлена ошибка Судебной коллегии по уголовным делам того же Суда, изменившей квалификацию действий организатора убийства Г. с ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 3 ст. 33,

⁴¹⁶ Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 154.

⁴¹⁷ Гаухман Л.Д. Указ. соч. С. 228.

⁴¹⁸ Рарог А.И. Указ. соч. С. 189.

⁴¹⁹ Попов А.Н. Умышленные преступления против жизни (проблемы законодательной регламентации и квалификации): дис. докт. юрид. наук. СПб., 2003. С. 303.

⁴²⁰ Щепельков В.Ф. Некоторые формально-логические проблемы конструирования и применения норм о соучастии // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. СПб., 2000. № 2. С. 60 – 61.

ч. 1 ст. 105 УК РФ. Организовывая убийство своей жены, Г. утаил от исполнителя М. истинную цель убийства – скрыть другое преступление (развратные действия Г. в отношении несовершеннолетней дочери потерпевшей)⁴²¹. Действия исполнителя и организатора обоснованно получили различную уголовно-правовую оценку суда первой инстанции с учетом признаков субъективной стороны совершенного каждым из них. Такой подход представляется оправданным не только с точки зрения соблюдения принципа вины, предусмотренного ст. 5 УК РФ, но и с позиции учета объектов уголовно-правовой охраны, которым преступлением причинен вред или создавалась угроза причинения вреда. Эксперты-практикующие юристы единогласно одобрили такой подход, эксперты-учены – большинством голосов.

В другом случае действия соучастников квалифицировались по различным статьям Особенной части УК РФ. Заказчик убийства по найму У. был осужден по ч. 3 ст. 33, ст. 295 УК РФ за организацию посягательства на жизнь прокурора в связи с производством предварительного расследования, совершенного в целях воспрепятствования законной деятельности прокурора и из мести за такую деятельность. Содеянное остальными участниками преступления (вторым организатором М., пособником З. и соисполнителями К., Ш., Б., М., К.) квалифицировано судом по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку они руководствовались другими мотивами убийства прокурора С., действуя по найму. Примечательно, что в совершении этого преступления участвовали два организатора – У. и М. Мотивом убийства у М. была его осведомленность о принципиальной негативной позиции первого заместителя прокурора по отношению к организованной преступности, представителем которой М. являлся, и желание избежать привлечения к уголовной ответственности в будущем, для обеспечения дальнейшего беспрепятственного осуществления своей преступной деятельности. Не зная

⁴²¹ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2017 № 27-П17.

об истинном мотиве причинения смерти прокурору, М. согласился на предложение У. принять участие в организации причинения смерти С.⁴²².

В рассмотренных примерах конкретные мотивы и цели, преследуемые организатором преступления, не были известны другим соучастникам и не входили в объем их вины.

Участие в совершении многообъектного преступления может вменяться только тому лицу, который преследовал определенную цель или действовал на основе определенного мотива, что свидетельствовало о многообъектности преступления. Соучастник, умысел которого был направлен на причинение вреда одному объекту преступления – например жизни или здоровью потерпевшего, несет ответственность только за посягательство на этот объект.

В случае неосведомленности соучастника о наличии юридически значимых обстоятельств преступления данный тезис не вызывает сомнения. Но как определить объем вины исполнителя в ситуации, когда ему заранее были известны мотив или цель подстрекателя или организатора преступления, придающие ему многообъектный характер? Приступая к совершению преступления, задуманного другим лицом, исполнитель может разделять мотив или цель этого лица, воспринять их или относиться к ним безразлично. Например, исполнитель убийства по мотиву национальной ненависти может руководствоваться тем же мотивом, что и подстрекатель. При восприятии мотива и цели другого лица происходит рецепция этих компонентов в психическую деятельность исполнителя (например, совершение преступления из ложно понятого чувства товарищества, из стремления во всем поддерживать близкого человека). Третий вариант – это безразличное отношение к мотиву и цели подстрекателя, например, при совершении преступления по найму.

⁴²² Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2012 № 66-О11-158СП.

Психическая деятельность исполнителя характеризуется прежде всего мотивом и целью участия в преступлении. Однако мотив и цель самого преступления при их известности исполнителю также находят отражение в субъективной стороне содеянного им. В тех случаях, когда специальные мотив или цель обуславливают многообъектность преступления, они являются соответственно побуждением к негативному изменению в объекте посягательства или представлением о желанном изменении в объекте посягательства. Если исполнитель разделяет мотив и цель преступления или воспринимает их, его психическая деятельность при совершении преступления характеризуется желанием причинить вред именно тем объектам уголовно-правовой охраны, на которые желает совершить посягательство подстрекатель или организатор преступления. Если исполнитель безразлично относится к мотиву и цели преступления, то можно сказать, что он не желает, но сознательно допускает или относится безразлично к факту причинения вреда еще одному объекту уголовно-правовой охраны (например, интересам правосудия при совершении по найму посягательства на жизнь или здоровье судьи в связи с осуществлением им правосудия). Мотив и цель преступления, с которыми действует организатор или подстрекатель преступления, должны вменяться исполнителю во всех случаях, когда он осознавал их, независимо от мотива и цели его участия в преступлении.

Аналогичный подход следует применять при квалификации соисполнительства с разными целями и мотивами участия в преступлении. Например, посягательство на жизнь прокурора в связи с его участием в судопроизводстве совершено организованной группой, преступным сообществом (преступной организацией). Цель воспрепятствования законной деятельности прокурора преследует один из участников преступного сообщества, организовывающий убийство прокурора, в то время как другой участник, не будучи осведомленным о цели преступления, совершает

убийство прокурора за вознаграждение или по требованию руководителя организованной группы.

В соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда Российской Федерации действия всех участников организованной группы (группы из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств), независимо от их роли в преступлении, следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ (п. 10 постановления от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»). Однако полагаем, что сформулированный в ст. 5 УК РФ запрет на объективное вменение не позволяет в данном случае квалифицировать действия всех соучастников преступления как соисполнительство по ст. 295 УК РФ. Уголовную ответственность за соисполнительство по данной статье должны нести лишь соисполнители, которые были осведомлены о многообъектности преступления. Действия же остальных соисполнителей образуют состав убийства, запрещенного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Такого же мнения придерживаются и опрошенные эксперты.

Итак, при совершении многообъектного насильственного преступления в соучастии основаниями ответственности каждого соучастника являются взаимосвязанные относительно самостоятельные деяния, реализация которых охватывается различным объемом вины конкретного соучастника, определяемого с учетом осознания им объекта посягательства, что допускает квалификацию деяний соучастников по разным нормам УК РФ, закрепленным в разных статьях (частях, пунктах статей) Особенной части УК РФ.

Наконец, отдельно следует отметить такую проблему, как уголовно-правовая оценка запрещенного уголовным законом деяния, совершенного лицом в состоянии невменяемости. Можно ли рассматривать действия такого лица как запрещенное уголовным законом деяние, ответственность за которое предусмотрена статей о преступлении, в котором обязательным

признаком выступает направленность умысла на определенный объект (например, ст. 295 и 317 УК РФ)? Мнения опрошенных экспертов разошлись: большинство практиков и небольшое число ученых допускают такую возможность, большинство ученых и небольшое число практиков – ее отвергают.

Для решения этого вопроса следует обратиться к уголовно-процессуальному законодательству. В ст. 434 УПК РФ определены обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам в отношении указанных лиц, которые по своему содержанию отличаются от обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о преступлениях. В основном эти отличия заключаются в отсутствии необходимости доказывания признаков субъективной стороны деяния, совершенного невменяемым лицом, ввиду отсутствия таковых.

Вместе с тем уголовно-процессуальный закон обязывает при производстве предварительного следствия доказать, совершено ли деяние, запрещенное уголовным законом, данным лицом. В процессуальных документах находит отражение уголовно-правовая оценка деяния со ссылкой на статью (часть, пункт статьи) УК РФ, которой запрещено это деяние. Как уже было отмечено, признаки состава преступления, характеризующие направленность умысла, могут выполнять составообразующую функцию, что приводит к ошибочному указанию на специальные мотивы и цели в итоговых процессуальных документах по уголовным делам рассматриваемой категории.

Так, Верховным судом Республики Дагестан ФИО был освобожден от уголовной ответственности за совершенное им в состоянии невменяемости общественно опасное деяние, запрещенное ст. 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»⁴²³. Следует обратить внимание, что составообразующими признаками названного преступления

⁴²³ Постановление Верховного суда Республики Дагестан от 14.05.2015. Дело № 2-37/2015 // ГАС «Правосудие».

выступает наличие специальных мотива или целей, которые по уголовным делам в отношении невменяемых лиц не устанавливаются ввиду отсутствия субъективной стороны содеянного. *Независимо от объективного наличия специального статуса потерпевшего лицо, совершившее посягательство в состоянии невменяемости, может считаться совершившим общественно опасное деяние, запрещенное только той нормой уголовного закона, которая не содержит указания на направленность умысла.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработка понятийного аппарата учения о многообъектном преступлении привела нас к следующим результатам:

1. Термин «многообъектное преступление», его производные «двуобъектное преступление» и «двухобъектное преступление» появились в уголовно-правовой доктрине в советский период ее развития, а в XXI в. с возрастающей частотой стали применяться в следственной и судебной практике.

2. Использование в научном обиходе термина «многообъектное преступление» и его производных можно считать правомерным в тех национальных уголовно-правовых доктринах, в которых в качестве одного из элементов состава преступления выделяется его объект. Вместе с тем данное понятие является универсальным применительно ко всем охватываемым им явлениям, независимо от их темпорального и территориального признаков существования.

3. Для правильного понимания значения «многообъектное преступление» следует уточнить, что вкладывается в понятие словообразующего термина «объект». С этой целью необходимо различать понятия «объект преступления», «объект в составе преступления», «объект посягательства в преступлении», «объект посягательства в составе преступления» и «объект уголовно-правовой охраны». Концептуальной основой такого разграничения выступают 1) соотношение «преступления» и «состава преступления» как явления реальной действительности и законодательной модели преступления; 2) соотношение «объекта посягательства» и «объекта» как признака и подсистемы признаков в юридической структуре преступления или в составе преступления; 3) соотношение «объекта посягательства» и «объекта уголовно-правовой охраны» как различных форм существования правового блага, определяемых в зависимости от содержания объектно-субъектных отношений.

Объект преступления (состава преступления) – это одна из четырех подсистем признаков преступления (состава преступления), характеризующая то, на что посягает лицо, совершающее преступление. Эти подсистемы традиционно именуют элементами преступления (состава преступления). *Объект посягательства в преступлении (в составе преступления)* – это выступающее внешним признаком преступления или состава преступления конкретное правовое благо, на которое осуществляется посягательство. Объект уголовно-правовой охраны и объект посягательства в преступлении являются различными формами существования правового блага, при этом *объект уголовно-правовой охраны* представляет собой правовое благо, поставленное под охрану норм, устанавливающих уголовно-правовые запреты на совершение преступлений.

4. В терминах «многообъектное преступление» и «многообъектный состав преступления» словообразующий термин «объект» означает объект посягательства в преступлении или в составе преступления. Соответственно, многообъектное преступление определяется как *преступление, юридическая структура которого содержит два и более объекта посягательства; многообъектный состав преступления – как состав преступления, структура которого содержит два и более объекта посягательства.*

6. Традиционное в доктрине уголовного права деление объектов посягательства по «вертикали» и «горизонтали» в рамках таксономии не получило методологической основы. Фактически имеет место терминологически неверно описанная классификация объектов посягательства по двум различным основаниям: 1) *по аксиологической сущности правовых благ*, определяющей их родовую и видовую принадлежность (принято называть «по вертикали»), и 2) *по принципу участия в законодательной классификации преступлений* (принято называть «по горизонтали»). Эти виды классификации объектов посягательства правильно именовать соответственно *аксиологическая* и *юридическая*.

То, что традиционно называется «непосредственный объект» посягательства – это конкретное, индивидуально-определенное правовое благо, на которое посягает преступление, «видовой объект» обозначает низшую таксономическую категорию – вид правового блага, а «родовой объект» – таксономическую категорию второго уровня – род правового блага.

7. В отличие от объектов посягательства, объекты преступления классифицируются в зависимости от их аксиологической структуры на *простые* и *сложные*. В зависимости от особенностей внутрисистемных связей сложноструктурированные объекты преступлений мы разделили на объекты *со сложным содержанием* (кумулятивные, интегративные, комплексные, смешанного генезиса), объекты *со сложной формой* (полинуклеарные) и объекты *со сложной структурой комбинированного типа*. Независимо от особенностей структуры, все сложные объекты преступлений представляют собой системные образования.

8. *Многообъектность* – это специфическое свойство, одновременно присущее как преступлению в целом, так и объекту преступления, в случаях, когда он имеет сложную форму, состоящую из двух или более объектов посягательства. Это свойство объекта преступления можно охарактеризовать как полинуклеарность, а сам объект многообъектного преступления – как полинуклеарный.

Исследование многообъектности как разновидности сложной структуры объекта преступления, проводимое с целью отграничения изучаемого феномена от смежных социально-правовых явлений показало следующее.

1. Существует несколько типов структурирования сложных объектов преступлений: *генезис* (кумуляция, интеграция, комплексирование, смешанный генезис) и *индифферентное сочетание* правовых благ (полинуклеарность), а также *комбинация* генезиса и индифферентного

сочетания правовых благ. Посредством этих способов образованы соответственно объекты *со сложным содержанием* (кумулятивные, интегративные, комплексные объекты, объекты смешанного генезиса), объекты *со сложной формой* (полинуклеарные) и объекты *со сложной структурой комбинированного типа*.

2. Объект преступления со сложным содержанием состоит из одного объекта посягательства, и представляет собой одну социально значимую ценность (правовое благо), которая имеет свой особенный генезис, обуславливающий сложность содержательной структуры объекта.

3. *Кумулятивный объект преступления* характеризуется утратой правовым благом, выступающим одним из элементов кумуляции, самостоятельного значения в объекте посягательства. Охрана такого правового блага обеспечивается охраной кумулятивного правового блага. Причинение вреда правовому благом, участвующему в кумуляции, не влечет причинения вреда и не создает угрозы причинения вреда кумулятивному правовому благом. Напротив, причинение вреда кумулятивному правовому благом причиняет вред или создает угрозу причинению вреда правовому благом, участвующему в кумуляции. Примеры кумулятивных объектов преступлений: 1) некоторые виды безопасности (безопасность жизни и здоровья населения, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность человечества); 2) общественный порядок; 3) правовые блага в сфере половых отношений (половая свобода личности и половая неприкосновенность личности); 4) реализация функций государственных и общественных институтов (правосудия, официальной службы).

4. *Интегративный объект преступления* отличается тем, что интегрируемое правовое благо выступает основой другого более общего правового блага (интегративного), они соотносятся как часть и целое; причинение ущерба интегрируемому правовому благом означает причинение ущерба интегративному правовому благом. Примерами интегративных

объектов преступлений являются нормальное развитие несовершеннолетнего и общественная нравственность.

5. *Комплексный объект преступления* представляет собой совокупность взаимозависимых однородных правовых благ, образующих при посягательстве единое целое. Примерами таких комплексов являются телесное благополучие, интересы правосудия, интересы официальной службы, интересы предпринимательской или иной экономической деятельности.

6. *Объект преступления смешанного генезиса* – это объекты преступлений, генезис которых одновременно сочетает в себе кумуляцию, интеграцию или комплексирование. Кумулятивно-интегративным объектом преступления выступают транспортная, военная, государственная и экономическая безопасность; кумулятивно-комплексным объектом – интересы правосудия, интересы того или иного вида официальной службы.

7. В многообъектном преступлении объект имеет *полинуклеарную структуру*, которая отличается индифферентным сочетанием простых объектов посягательства (например, объект разбоя) и (или) объектов посягательства со сложной содержательной структурой (например, объект хищения ядерных материалов). В последнем случае объект преступления можно охарактеризовать как объект со сложной структурой комбинированного типа.

Такой объект обладает следующими обязательными признаками: 1) его структура образована двумя и более разнородными правовыми благами («ядрами»), каждое из которых самостоятельно охраняется уголовным правом; 2) между этими правовыми благами отсутствует генетическая связь; 3) сочетаясь в одном элементе юридической структуры или состава преступления – в объекте преступления, правовые блага сохраняют самостоятельное значение его признаков (объектов посягательства), т.е. имеет место индифферентное сочетание правовых благ.

8. От сложноструктурированных объектов необходимо отличать объекты преступлений, сопряженных с другими преступлениями, а также преступлений, совершенных с целью облегчить совершение другого преступления. Усложнение структуры преступления названными признаками не влияет на структуру его объекта.

9. Выделение группы многообъектных преступлений из массива преступлений со сложной аксиологической структурой имеет не только теоретико-гносеологическое, но и прикладное значение. Во-первых, конструирование составов преступлений и иных законодательных моделей преступлений с полинуклеарным объектом, а также санкций за совершение таких деяний имеет свою специфику, не свойственную иным преступлениям со сложноструктурированным объектом. Во-вторых, при квалификации многообъектных преступлений должны использоваться специальные правила, ряд из которых не применим при квалификации преступлений со сложноструктурированным объектом иного типа.

Изучение полинуклеарной структуры объекта преступления позволило сделать следующие выводы о построении теоретической модели многообъектного преступления.

1. В зависимости от способа закрепления признаков полинуклеарности объекта в уголовном законе многообъектность преступления может быть *институализированной, фактической или смешанной*. Объекты таких преступлений характеризуются соответственно институализированной, фактической и смешанной полинуклеарностью. *Институализированная многообъектность* имеет место в юридической структуре совершенного преступления с многообъектным составом. *Фактическая многообъектность* свойственна преступлениям с однообъектным составом, совершенным при обстоятельствах, свидетельствующих о посягательстве на объект, не предусмотренный составом преступления. *Смешанная многообъектность* преступления

предполагает сочетание в его объекте как институализированной, так и фактической полинуклеарности.

2. Правовые блага, выступающие в качестве объектов посягательства в многообъектном преступлении, обладают специфическими атрибутивными и реляционными свойствами.

3. *Атрибутивным свойством* каждого из объектов посягательства в многообъектном преступлении выступает самостоятельная уголовно-правовая охрана правового блага, на которое осуществляется посягательство, их разнородность, а также двуединая связь объекта посягательства с объективной и субъективной сторонами преступления.

4. *Реляционные (относительные) свойства* объектов посягательства характеризуют их в разрезе соотношений между собой в структуре объекта преступления.

5. С этой позиции система объекта теоретической модели многообъектного преступления и совершенного преступления характеризуется совокупностью нескольких объектов посягательства, не выступающих в сравнительном соотношении «основной и дополнительный», а сосуществующих на основе *дуализма* (в двуобъектных преступлениях) и *плюрализма* (в трехобъектных и полиобъектных преступлениях). Вместе с тем сравнительное соотношение этих объектов может характеризоваться дихотомией «*обязательный – факультативный*», в основе которого лежит относимость объекта к признакам состава преступления или к признакам обстоятельства, отягчающего наказание.

6. Деление объектов посягательства на *основной и дополнительный* допустимо только применительно к объектам посягательства, выступающим признаками состава преступления. Основой соотношения «основной – дополнительный» в данном случае является факт участия объекта посягательства в законодательной классификации составов преступлений по объекту посягательства и, как следствие, – в структурировании Особенной части уголовного закона.

7. Анализ многообъектных составов преступлений позволил нам классифицировать дополнительные объекты посягательства по двум основаниям – в зависимости от постоянства в составе преступления (постоянные и переменные) и в зависимости от способа закрепления его содержания (определенные и вариативные). Эта классификация выступает инструментом исследования системных качеств законодательной системы многообъектных преступлений, в том числе, позволяет ориентироваться в массиве многообъектных составов преступлений и вычленять из него составы преступлений, посягающих на интересующий исследователя объект.

8. Сравнительное соотношение объектов посягательства в полинуклеарной структуре теоретической модели многообъектного преступления, совершенного многообъектного преступления и многообъектного состава преступления можно охарактеризовать дихотомией «*терминальный – инструментальный*», исходя из особенностей механизма преступного поведения. Терминальный объект посягательства представляет собой то правовое благо, которому причиняется вред посредством причинения вреда другому правовому благу. Инструментальным объектом посягательства (их может быть несколько) является правовое благо, посредством причинения вреда которому причиняется вред другому объекту посягательства. Приведенная дифференциация объектов посягательства имеет значение для правильного структурирования Особенной части уголовного закона и квалификации преступления.

Изучение особенностей и видового разнообразия многообъектных преступлений с учетом накопленных знаний о явлении многообъектности позволило нам построить следующую теоретическую модель многообъектных преступлений.

1. Многообъектное преступление – это *сложное единичное преступление, обладающее признаком многообъектности, т.е. посягающее на несколько разнородных «генетически» не связанных между собой*

правовых благ, каждое из которых самостоятельно охраняется уголовным законом.

Оно характеризуется следующими специальными *социально-правовыми признаками*: 1) полинуклеарная структура подсистемы объекта преступления, включающая два и более объекта посягательства (*критериальный признак*); 2) полиструктурность системы признаков, в следствие которой вред одному правовому благу (терминальному объекту) причиняется посредством причинения вреда другому правовому благу (инструментальному объекту) (*структурно-функциональный признак*); 3) имеющая уголовно-правовое значение множественность общественно опасных последствий или возможность их наступления (*материальный признак*); 4) охватывается признаками многообъектного состава преступления или совершается при наличии отягчающего обстоятельства, дополняющего преступление еще одним объектом (*формальный признак*).

2. Многообъектные преступления – это самостоятельная разновидность сложных преступлений, сложность которых заключается в полинуклеарной структуре объекта. Многие многообъектные преступления являются составными, в данном случае составное преступление представляет собой структурно-логический синтез преступления-способа и преступления-результата, посягающих на разнородные объекты. Однако прямой зависимости между многообъектностью преступления и его составным характером нет.

В связи с этим только фасетный подход (многоаспектная классификация) может охватить все необходимые аспекты понятия «сложное единичное преступление» в рамках одной классификации. В отличие от иерархического, он позволяет описать понятие неограниченным количеством независимых друг от друга классификационных признаков, одним из которых предлагается признать сложную структуру объекта преступления.

3. Специфические функциональные связи элементов многообъектного преступления определяют его полиструктурность. В

зависимости от этих функциональных связей многообъектные преступления делятся на две группы: преступления, многообъектность которых обусловлена: 1) способом совершения; и 2) направленностью умысла на определенный объект. В первом случае одно противоправное действие (бездействие) является способом совершения другого противоправного действия (бездействия). Во втором случае вред, причиненный одному объекту уголовно-правовой охраны, выступает инструментом причинения вреда другому объекту. Несмотря на некоторые различия функциональных связей признаков многообъектных преступлений, механизм их совершения единообразен: вред одному правовому благу (терминальному объекту) причиняется посредством причинения вреда другому правовому благу (инструментальному объекту).

В силу полиструктурности системные особенности многообъектных преступлений определяются видовым разнообразием элементов, их иерархической многомерностью (включает многоуровневость и многогранность), а также взаимодействием этих элементов. Множественность разнородных структур в многообъектном преступлении означает множественность объективных и субъективных признаков, образующих подсистемы в рамках групповой принадлежности (объекта, объективной и субъективной сторон, субъекта преступления и потерпевшего при его наличии), а также в виде деяний-компонентов. Под *деянием-компонентом* в структуре многообъектного преступления предлагается понимать поведенческий акт субъекта преступления, посягающий на один объект уголовно-правовой охраны и представляющий собой систему объективных и субъективных признаков.

4. Множественность вредных последствий указывает на многообъектность преступления лишь в том случае, если они находились в прямой непосредственной зависимости от совершенного действия (бездействия) и неизбежность либо вероятность их причинения сознавалась виновным, при этом причинение вреда или угроза его причинения имеют

уголовно-правовое значение (находятся в рамках конкретного состава преступления либо участвуют в квалификации содеянного в качестве обстоятельств, отягчающих наказание).

5. Существует два способа законодательного закрепления признака многообъектности преступления: 1) конструирование многообъектного состава преступления и 2) установление в уголовном законе обстоятельств, отягчающих наказание и влекущих многообъектность преступления. При этом под многообъектным составом преступления следует понимать состав преступления со сложноструктурированным объектом преступления, состоящим из нескольких объектов посягательства (основного и дополнительного (дополнительных)).

6. Классификация многообъектных преступлений и многообъектных составов преступлений осуществляется самостоятельно.

Многообъектные преступления дифференцируются:

- по количеству объектов посягательства (на двуобъектные, трехобъектные и полиобъектные);
- по содержанию объектов посягательства в зависимости от их аксиологической сущности;
- по особенностям функциональных связей элементов многообъектного преступления (на преступления, многообъектность которых обусловлена способом совершения, и преступления, многообъектность которых обусловлена направленностью умысла на определенный объект);
- по способу закрепления в законе признаков многообъектности (на преступления с институализированной, фактической и смешанной многообъектностью).

Классификация многообъектных составов преступлений:

- по содержанию объектов посягательства (при этом осуществляется одномерная законодательная и перекрестная криминологическая классификация);

- по количеству объектов посягательства (двуобъектные, трехобъектные, полиобъектные);
- в зависимости от постоянства дополнительного объекта (составы с постоянным дополнительным объектом и составы с переменным дополнительным объектом);
- в зависимости от способа закрепления содержания дополнительного объекта (составы с определенным дополнительным объектом и составы с вариативным дополнительным объектом);
- по степени общественной опасности деяний и строгости наказания за их совершение (основные и квалифицированные составы).

Мы проанализировали основные системные параметры, а также связанные с ними системные закономерности, интегральные качества и факторы интеграции законодательной системы многообъектных преступлений, и пришли к следующим выводам.

1. Системное представление о правовой регламентации уголовной ответственности за многообъектные преступления позволяет подойти к их изучению с новых позиций, оценить уголовный закон с точки зрения интегральных закономерностей и критериев, существенно повысить обоснованность и результативность принимаемых законодательных решений.

2. В современных уголовных законах создана законодательная система многообъектных преступлений, которая представляет собой совокупность многообъектных составов преступлений. Во многих правовых уголовных законах она расширена совокупностью законодательных моделей многообъектных преступлений, производных от составов преступлений, образованных посредством их дополнения обстоятельствами, отягчающими наказание, свидетельствующими о посягательстве на еще один объект.

3. Законодательная система многообъектных преступлений характеризуется специфическими системообуславливающими,

системообразующими и системоорганизующими параметрами, с которыми связаны системные закономерности, факторы интеграции и интегральные качества рассматриваемой системы.

4. *Системообуславливающими параметрами* выступают социальные и правовые детерминанты установления уголовной ответственности за многообъектные преступления, которые характеризуют системообразующие проблемы, цель существования системы, а равно актуальная политическая и социально-экономическая среда.

Социальная детерминация уголовной ответственности за многообъектные преступления представляет собой двуединое сочетание 1) необходимости повышения строгости публично-правовой ответственности за такие преступления в силу их повышенной общественной опасности и 2) необходимости повышения эффективности защиты отдельных правовых благ от всей совокупности общественно опасных посягательств на эти блага. При этом в основе повышения строгости публично-правовой ответственности за многообъектное преступление лежат следующие причины: 1) изменение характера общественной опасности деяния (причинение вреда или создание угрозы причинения вреда нескольким объектам уголовно-правовой охраны) и 2) увеличение степени общественной опасности деяния (возрастание интенсивности негативного воздействия на объект уголовно-правовой охраны и (или) появление дополнительных возможностей сокрытия преступления).

Правовая детерминация законодательной системы многообъектных преступлений заключается в том, что формирующие ее первичные элементы (составы преступлений и производные модели) в силу своих структурных характеристик, функциональности, внутренних и внешних взаимосвязей направлены на максимально эффективное разрешение таких социальных проблем, связанных с совершением преступлений, как необходимость восстановления социальной справедливости и потребность в превенции, которые коррелируют с указанными социальными детерминантами.

В структуре многообъектных составов преступлений законодателем учтено, какие действия (бездействие) приводят к преступному результату быстрее, эффективнее, надежнее, позволяют увеличить объем причиненного вреда или извлеченной преступником выгоды, обеспечить ему безнаказанность, с их помощью осуществляется точное фокусирование системы на решении актуальных проблем, а совокупность производных законодательных моделей многообъектных преступлений дает возможность свободных комбинаций признаков юридической структуры преступления, тем самым «достраивает» систему до состояния завершенности и придает ей гибкость.

Системные закономерности, связанные с этими параметрами, заключаются в целенаправленности рассматриваемой системы на решение актуальных проблем, возникающих или существующих в конкретных исторических условиях.

5. *Системообразующие параметры* законодательной системы многообъектных преступлений включают ее конструкцию (элементный состав и структуру) и динамику (функционирование и развитие). *Системными закономерностями* этих параметров являются связь конструкции системы и ее элементов с функциональными свойствами, а также прогресс системы, основанный на синтезе жизнеспособных структур и направлений, обогащении действенными организационными формами и новыми функциональными свойствами.

Законодательная система многообъектных преступлений, ее подсистемы и элементы представляют собой сочетание жестких и корпускулярных (дискретных) систем. В конструктивно-функциональном плане такая система является идеальной, поскольку она разрешает актуальные проблемы посредством фокусированного воздействия, осуществляемого на основе функциональной взаимодополняемости элементов.

Факторами развития законодательной системы многообъектных преступлений выступают возникновение новых и соразвитие существующих подсистем законодательных моделей преступлений.

6. *Системоорганизующими параметрами* системы являются организационные механизмы, обеспечивающие ее функционирование: обеспечение информационными ресурсами, управление со стороны законодателя и самоорганизация.

С данными параметрами связаны *системные закономерности* соотношения управления и самоорганизации, а также влияние на эти процессы обеспечения информационными ресурсами. Находясь под управлением законодателя, рассматриваемая система имеет большой потенциал для самоорганизации, поскольку насыщена различными гранями и плоскостями пересечения с иными правовыми явлениями, в том числе существующими вне уголовно-правового поля.

7. Законодательную систему многообъектных преступлений отличают следующие *интегральные качества*: а) фокусирование свойств и потенциальных возможностей системы на разрешении актуальных проблем; б) интегрированность системы, основанная на ее функциональной ориентированности; в) внутрисистемная и внешняя связанность, иерархичность и коррелятивность разнообразных элементов; г) функциональное взаимодополнение элементов системы в решении актуальных проблем, основанное на неравнозначности функциональных возможностей элементов и их различной восприимчивости к изменениям среды; д) лабильность.

8. *Факторами интеграции* законодательной системы многообъектных преступлений выступают: а) подчиненность подсистем общей цели; б) функциональное взаимодополнение элементов; в) наличие каркасных структур в виде объектов посягательства; г) единство управления подсистемами; д) действие механизма самоорганизации; е) связи информационного взаимодействия.

Исследование истории развития систем многообъектных преступлений позволило нам прийти к следующим заключениям.

1. Первые законодательные модели многообъектных преступлений возникли с появлением первых норм уголовного права в виде многообъектных составов преступлений. Данную стадию можно охарактеризовать как этап системогенеза, на котором формируются протосистемы многообъектных преступлений.

2. Усложнение общественных отношений приводит к усложнению форм преступного поведения, что оказывает непосредственное влияние на законодательную систему многообъектных преступлений, сконструированную с учетом объективно возможных и закрепившихся в общественном сознании механизмов причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны. Эти механизмы исторически изменчивы, поскольку наряду с информацией о деструктивных возможностях насилия и огня, сформировавшихся в процессе биологической эволюции (т.е. формирования человека как вида), большинство стереотипов поведения и восприятия сформировались в процессе развития человечества.

3. Ключевую роль в эволюции законодательных систем многообъектных преступлений играют следующие факторы: 1) историческая изменчивость количественной и качественной характеристик правовых благ, охраняемых уголовным правом; 2) изменение представлений о механизмах причинения вреда этим правовым благам; 3) изменение представлений о цели как признаке преступления; 4) появление института обстоятельств, отягчающих наказание, и изменение его содержания. Одно и то же преступление в зависимости от конкретных социально-правовых условий может признаваться или не признаваться многообъектным, утрачивать или обретать это свойство.

4. Независимо от типа общественной формации и цивилизации системы многообъектных преступлений эволюционируют посредством изменения количества и качества их элементов, а также отношений между

элементами и внешней средой (метасистемами). Данный принцип имеет важное методологическое значение при исследовании как многообъектных, так однообъектных преступлений, поскольку их модели эволюционируют во взаимосвязи со всей законодательной системой преступлений, в которой роль узловых элементов каркаса выполняют законодательные модели многообъектных преступлений.

5. Применение методики эволюционного подхода позволило определить основные качественные этапы, пройденные законодательными системами многообъектных преступлений, в их эволюции. Помимо традиционных историко-хронологических этапов (древность, средневековье и современность), мы выделили этапы, специфически характеризующие рассматриваемые системы. В частности, исторически сложились две концепции представлений о механизме причинения вреда в многообъектных преступлениях, соответствующие виду сознания, – *символическая и рациональная*. В древнем и средневековом праве преобладала символическая концепция, в русле которой предусматривалась уголовная ответственность за посягательство на правовое благо посредством причинения вреда предмету или лицу, выступающему символом другого правового блага. В современном праве главенствует рациональная концепция, положенная в основу уголовно-правового запрета посягательства на одно правовое благо, посредством посягательства на другое правовое благо. Кроме того, можно выделить этап, когда законодательные системы многообъектных преступлений формировались исключительно из многообъектных составов преступлений, и этап, когда сложились двухуровневые системы, включающие также производные модели многообъектных преступлений.

6. Каждому из этапов развития рассматриваемых систем присущи свои особые системообразующие и системообуславливающие параметры, выступающие движущей силой развития, в которых концентрируется специфика данных этапов. В процессе разрешения проблем, возникающих в условиях каждого из этапов, законодательные системы многообъектных

преступлений обрели новые свойства и новую структуру. При этом выявились следующие динамические закономерности: 1) появление многофункциональных компонентов с последующим увеличением их числа и экономия нормативного материала при переходе от простых форм конструирования систем к сложным; 2) функциональная и организационная преемственность в развитии национальных законодательных систем многообъектных преступлений.

7. Кроме динамических, выявлены и статические закономерности построения законодательных систем многообъектных преступлений: 1) чем больше в национальном уголовном праве объектов уголовно-правовой охраны, тем больше законодательных моделей многообъектных преступлений; 2) наибольшую группу законодательных моделей многообъектных преступлений, составляют те модели, в которых основной или дополнительный объект посягательства представляет собой социальную ценность, охрана которой в рамках конкретного исторического среза является повышенной.

8. Несмотря на выявленные закономерности развития законодательных систем многообъектных преступлений, их эволюционные траектории нелинейны, что означает наличие спектра возможных траекторий, зависящих от конкретных исторических условий. Вместе с тем анализ предшествующих этапов развития позволит нам получить целостную картину состояния рассматриваемых систем в настоящем и исходя из этого сделать прогноз развития отечественного уголовного закона на будущее.

Изучение современных законодательных моделей многообъектных преступлений на предмет выявления их типологических особенностей позволило нам прийти к следующим выводам.

1. Типологизацию законодательных систем многообъектных преступлений с учетом их внутренней сложности и разнообразия целесообразно проводить на основе не только таксономии, но и

шкалирования, поскольку данный метод совмещает в себе черты количественного и качественного изучения объектов.

2. Типологизация рассматриваемых систем по правовым семьям невозможна, поскольку с методологической точки зрения, образование каждого типа основано на выявлении только ему присущих черт (типичных особенностей). Наше исследование показало отсутствие таковых.

3. Выявлены и описаны факторы, оказывающие влияние на построение законодательных систем многообъектных преступлений, с учетом которых осуществлена типологизация современных систем и даны прогнозы развития законодательных систем многообъектных преступлений.

К числу таких факторов в современном уголовном праве относятся:

А) **Источники уголовного права**, которые *вливают на* устойчивость законодательных систем многообъектных преступлений; *определяют* степень формализации и степень прогрессивности этих систем. При этом *типологизация систем* осуществляется:

по степени формализации:

- системы, основанные на прецедентах,
- системы, основанные на прецедентах, с формализованными границами и структурой,
- формализованные системы;

по степени прогрессивности: шкалирование с полярными профилями «консервативная – прогрессивная».

Прогноз: эволюционирование систем в сторону формализации границ и структуры и сохранение позиций на шкале «консервативная – прогрессивная».

Б) **Особенности института обстоятельств, отягчающих наказание**, которые *вливают на* структурирование системы; *определяют* наличие или отсутствие подсистемы производных моделей многообъектных преступлений. При *типологизации систем* выделяются:

- двухуровневые системы, т.е. состоящие из подсистемы многообъектных составов преступлений и подсистемы производных моделей многообъектных преступлений,

- одноуровневые системы, т.е. представляющие собой систему многообъектных составов преступлений.

Прогноз: следование сложившимся правовым традициям института обстоятельств, отягчающих наказание, и сохранение в государствах типа системы.

В) Система объектов уголовно-правовой охраны, которая *влияет на* вариативность первичных элементов системы; *определяет* степень общности аксиологической структуры систем. В связи с этим *типологизация систем* осуществляется посредством шкалирования с полярными профилями «оригинальная – унифицированная по своей аксиологической структуре».

Прогноз: асимметричность процессов сближения и разобщения аксиологической структуры законодательных систем многообъектных преступлений, идущих в унисон с государственной политикой глобализации или антиглобализации, избранной в той или иной стране.

Г) Уровень репрессивности уголовного закона, который *влияет на* образование подсистем, выделяемых по признаку объекта посягательства; *определяет* степень разнообразия подсистем. С учетом этого *типологизация систем* представляет собой шкалирование с полярными профилями «большое и малое разнообразия подсистем, выделяемых по признаку объекта посягательства».

Прогноз: асимметричность процессов гуманизации и ужесточения уголовного права в мире повлечет разнонаправленные процессы увеличения и уменьшения разнообразия подсистем, выделяемых в законодательных системах многообъектных преступлений по признаку объекта.

Методология конструирования законодательных моделей многообъектных преступлений представляет собой совокупность принципов, соблюдение которых позволит законодателю построить эффективную систему многообъектных преступлений.

1. Принцип учета разнообразия признаков, влекущих многообъектность преступлений, предполагает, что при конструировании законодательных моделей многообъектных преступлений должны приниматься во внимание все возможные признаки, обуславливающие многообъектность преступления, характеризующие способ совершения преступления (первая группа признаков) или направленность умысла на определенный объект (вторая группа признаков). Это позволяет единообразно подходить к формулированию уголовно-правовых запретов.

2. Принцип учета комбинаторности признаков в структуре законодательных моделей многообъектных преступлений требует оценки первой группы признаков, обуславливающих многообъектность, на предмет возможного включения в каждую конкретную модель с позиции интенционального и операционного аспектов и включения только одного взаимоисключающего признака из второй группы. Соблюдение этого принципа исключает появление «мертвых» норм и проблем с квалификацией преступлений.

3. Принцип функциональной завершенности законодательной системы многообъектных преступлений заключается в необходимости конструирования таких законодательных моделей многообъектных преступлений, наличие которых позволяло бы учитывать все возможные варианты многообъектного преступного поведения. Обозначенный подход гарантирует необходимый уровень дифференциации ответственности.

4. Принцип учета системных закономерностей при конструировании законодательных моделей многообъектных преступлений обеспечивает должный уровень уголовно-правовой охраны социально

значимых ценностей, справедливость уголовной ответственности, снижает риски квалификационных ошибок.

5. Принцип криминологического прогнозирования обязывает рассмотреть проблемы построения законодательной системы многообъектных преступлений, которые с высокой долей вероятности возникнут в будущем. Это позволит обеспечить своевременную и адекватную реакцию уголовного закона на новые угрозы обществу, принять качественные, криминологически обоснованные нормы.

Проведенное исследование проблем законодательной регламентации уголовной ответственности за многообъектные преступления позволило нам разработать методику обеспечения целостности законодательной системы многообъектных преступлений, основанную на следующих положениях.

1. Целостность законодательной системы многообъектных преступлений включает в себя такие взаимосвязанные компоненты, как внутренняя и внешняя интегрированность, функциональность и устойчивость.

2. Эти компоненты целостности обеспечиваются посредством соблюдения базовых принципов необходимости, соразмерности и пропорциональности ограничения прав и свобод человека и гражданина, а также универсальных принципов справедливости и правовой безопасности при пенализации деяний.

3. В основе реализации этих принципов лежит оценка сравнительных величин мер уголовно-правовой репрессии, предусмотренных законом, и приведение их к сбалансированному состоянию. В связи с этим обосновывается необходимость введения доктринального понятия «криминологическая система уголовного закона», которая определяется нами как совокупность системы санкций Особенной части уголовного закона и уголовно-правовых институтов наказания, иных мер уголовно-правового

характера, освобождения от уголовной ответственности и от наказания. В основе построения пенологической системы уголовного закона лежит методологический принцип сбалансированности, предполагающий взаимную относительность строгости санкций и влияние институтов наказания, освобождения от уголовной ответственности и от наказания на фактическую строгость уголовной ответственности.

4. В целях соблюдения принципа пропорциональности ограничения прав и свобод человека и гражданина разработана авторская методика расчетов пропорциональности повышения уголовной ответственности за многообъектные преступления; выведен шаблон коэффициентов повышения уголовной ответственности для каждого из квалифицирующих признаков, обуславливающих многообъектность преступления, что важно для законодательного конструирования санкций; произведено шкалирование коэффициентов повышения уголовной ответственности, которое можно использовать в качестве одного из методов мониторинга уголовно-правовой политики Российской Федерации.

5. Соблюдение принципа соразмерности ограничения прав и свобод человека и гражданина при установлении уголовной ответственности за многообъектные преступления имеет два аспекта – обязательный учет многообъектности преступлений и соразмерность повышения уголовной ответственности за многообъектное преступление с учетом всех форм ее реализации.

6. Принцип необходимости ограничения прав и свобод человека и гражданина предполагает взвешенный подход к применению мер уголовно-правового поощрения с учетом особенностей полинуклеарного объекта преступления и социально-правовой сущности этих мер.

В рамках частной теории квалификации многообъектных преступлений мы сформулировали следующие положения о

квалификации многообъектных преступлений, в конструкцию которого входят признаки состава другого преступления.

1. В многообъектном преступном поведении, охватываемом единым умыслом, отдельные действия (бездействие), могут образовывать составы самостоятельных преступлений. Такие деяния часто выполняют функциональную роль преступления-результата, преступления-способа или преступления-приготовления. Многообъектное составное преступление представляет собой учтенную совокупность преступления-способа и преступления-результата, посягающих на разнородные объекты.

2. Определение функциональной роли отдельных действий (бездействия) в содеянном и квалификация содеянного – это взаимосвязанные, но не однопорядковые логические операции. Анализ правоприменительной практики показывает, что преступление, выступающее способом совершения другого преступления, может поглощать его своим составом, поглощаться составом преступления-результата или квалифицироваться самостоятельно; преступление-приготовление квалифицируется самостоятельно.

3. С точки зрения формальной логики системы признаков этих преступлений (то есть составы) можно представить в виде множеств и установить отношения между ними. Состав преступления-приготовления соотносится с составом преступления-результата и преступления-способа как множества, не имеющие общих элементов ($A \neq B$). Составы преступления-результата и преступления-способа могут вступать в соотношение пересечения ($A \cap B$), включения ($B \subseteq A$) или отсутствия общих элементов ($A \neq B$). При квалификации содеянного следует исходить из того, что объединение множеств невозможно при включении одного множества в другое, вследствие чего при включении признаков преступления-способа в систему признаков преступления-результата квалификация содеянного должна осуществляться по норме о преступлении-результате. В остальных случаях имеет место объединение пересекающихся или непересекающихся

множеств признаков преступлений ($A \cup B$ или $A+B$), что определяет необходимость квалификации содеянного по правилам идеальной или реальной совокупности преступлений соответственно.

4. Если преступление-результат и преступление-способ посягают на один объект, их совокупность исключается и квалификация осуществляется по норме о наиболее тяжком преступлении, независимо от функциональной роли преступления в механизме сложного преступного поведения.

5. Для правильной квалификации преступлений с разнородными объектами, где одно преступление совершено при помощи другого, следует определить характер функциональной взаимосвязи этих преступлений: являлось ли конкретное преступление приготовлением к другому преступлению или способом его совершения, а также предусмотрен ли такой способ совершения преступления уголовно-правовой нормой об этом преступлении.

6. Преступление, выступающее приготовлением к совершению другого преступления, образует реальную совокупность с этим преступлением, поскольку имеет место объединение непересекающихся множеств признаков ($A+B$).

7. Что касается уголовно наказуемого способа совершения преступления, то для правильной квалификации в целях установления соотношения признаков необходимо определить границы преступления-способа и преступления-результата. Запрет на дополнительную квалификацию преступления-способа, посягающего на иной объект, распространяется исключительно на случаи учтенной законодателем совокупности преступлений ($B \subseteq A$), когда квалификация осуществляется по правилу о конкуренции нормы-части и нормы-целого. При решении вопроса о наличии такого соотношения следует исходить из того, что любой состав преступления является формальной совокупностью признаков преступления, поэтому он не может по умолчанию включать в себя признаки другого состава преступления, посягающего на иной объект.

8. При отсутствии признаков законодательно учтенной совокупности преступлений требуется квалификация преступления-результата и преступления-способа по правилам идеальной или реальной совокупности, установленным ч. 1 и 2 ст. 17 УК РФ, ввиду того, что имеет место объединение пересекающихся или непересекающихся множеств признаков преступлений ($A \cup B$ или $A+B$).

9. Вместе с тем далеко не любое преступление, с помощью которого совершено другое преступление, может рассматриваться в качестве преступления-способа. Использование вредных последствий того или иного преступления, лежащих за рамками его состава, для совершения другого преступления не образует их функциональную взаимосвязь преступления-результата и преступления-способа. Например, для совершения сложного насильственного преступления используется психическое насилие, осуществляемое посредством применения физического насилия к близким лицам. В данном случае необходима квалификация по совокупности преступлений.

10. Проблема квалификации многообъектных преступлений, в конструкцию которых входят признаки другого преступления, имеет еще более сложный аспект, когда речь идет о соучастии в преступлении. При квалификации действий соучастников, совершивших многообъектное преступление, учитываются содержание и конкретность сговора на причинение вреда нескольким объектам уголовно-правовой охраны, а также субъективное отношение соучастников к посягательству соисполнителя на отличный от договоренности объект.

Методика определения соотношения признаков многообъектного преступления и способа его совершения включает в себя следующие положения.

1. Вопрос о том, полностью или частично состав преступления-способа охватывается составом преступления-результата, в каждом

конкретном случае необходимо решать, исходя из сравнительного анализа санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за соответствующие преступления. Если санкция нормы о преступлении-результате строже, чем санкция нормы о преступлении-способе, значит, законодатель предусмотрел полное пересечение признаков этих составов и дополнительной квалификации не требуется. Если санкция нормы о преступлении-результате мягче или санкции равнозначны по строгости, то имеется частичное пересечение признаков составов преступлений. Отдельные признаки преступления-способа остались не охваченными нормой о преступлении-результате и требуют квалификации по правилам идеальной совокупности преступлений.

2. Сравнение санкций уголовно-правовых норм – это прием, который допускается законодателем для использования в правоприменительной практике для принятия процессуальных и материально-правовых решений. Оно должно носить поэтапный характер по схеме, основанной на положении закона о приоритете более мягкого вида наказания над более строгим (ст. 60 УК РФ): 1) определение категории преступления; 2) установление наличия или отсутствия в санкции наказаний, не связанных с лишением свободы; 3) учет верхнего предела наказания; 4) учет нижнего предела наказания; 5) наличие дополнительного наказания; 6) обязательность дополнительного наказания.

3. При квалификации многообъектных преступлений с учетом строгости санкций многообъектного преступления и преступления-способа помимо сравнения строгости двух санкций необходимо применять критерии соотносимости квалифицирующих признаков многообъектного преступления и преступления-способа.

4. Соотносимость квалифицирующих признаков многообъектного преступления и преступления-способа определяется следующим образом. Если основной или менее квалифицированный состав многообъектного преступления не охватывает, исходя из сравнения строгости санкций,

признаки основного состава преступления-способа, то, независимо от соотношения строгости санкций, квалифицированный или более квалифицированный состав многообъектного преступления не может охватывать состав преступления-способа. Если основной или менее квалифицированный состав многообъектного преступления охватывает, исходя из сравнения строгости санкций, признаки основного состава преступления-способа, то соотношение объема более квалифицированного состава многообъектного преступления и объема состава преступления-способа осуществляется на основе сравнения строгости санкций уголовно-правовых норм о многообъектном преступлении-результате и преступлении-способе.

5. Определяя соотношение признаков составов многообъектного преступления-результата и преступления-способа, прежде всего следует обозначить область пересечения составообразующих признаков и, исходя из полученных результатов, определить признаки, находящиеся за рамками пересечения признаков составов преступлений. Если за рамками такого пересечения находятся признаки состава преступления-способа, отягчающие наказание, необходима квалификация по совокупности многообъектного преступления и преступления-способа. При идеальной совокупности многообъектного преступления и преступления-способа вменению подлежат все отягчающие признаки как одного, так и второго преступления даже в случае их совпадения, поскольку законодатель придает этим признакам самостоятельное юридическое значение для каждого из совершенных преступлений. Данное правило распространяется не только на квалифицирующие признаки, но и на те обстоятельства, которые учитываются при назначении наказания в порядке ст. 63 УК РФ.

Резюмируя проблемы квалификации многообъектных преступлений по признакам потерпевшего, можно сформулировать следующие правила квалификации.

1. Установление специального социального статуса лица, в отношении которого совершено преступление, является важнейшим этапом квалификации многообъектного преступления по признакам потерпевшего.

2. Содержание специального социального статуса потерпевшего может быть оценочным или бланкетным признаком преступления. Статус потерпевшего, выступающий оценочным признаком, коррелирует со статусом лица, совершившего преступление, что находит отражение в субъективной стороне преступления. Статус потерпевшего, выраженный бланкетным способом, не зависит от статуса субъекта преступления и раскрывается в нормах позитивного законодательства.

3. Особенности установления специального социального статуса потерпевшего, выраженного бланкетным признаком, являются соблюдение соответствия признаков потерпевшего объекту преступления и дифференциация признаков, выраженных терминами и обобщающими понятиями.

4. Установление соответствия признаков потерпевшего объекту преступления заключается в соотнесении терминологического многообразия специальных признаков потерпевшего и социально-правовой обусловленности существования конкретной уголовно-правовой нормы. Определяя в процессе квалификации объект многообъектного преступления, правоприменительная практика ориентируется на содержание диспозиции уголовно-правовой нормы без учета законодательной классификации объектов преступлений, что обусловлено недостатками современной систематизации уголовно-правовых норм.

5. Если системный анализ содержания бланкетных признаков потерпевшего свидетельствует о том, что в диспозиции нормы имеет место деспециализация терминов, обозначающих социальный статус потерпевшего, их толкование необходимо осуществлять по смыслу уголовного закона с учетом объекта преступления, а также задач и принципов УК РФ.

6. Вопрос о том, какое содержание социального статуса потерпевшего охватывается обобщающим понятием, решается не только посредством экстраполяции свойств признаков потерпевшего, обозначенных термином, но и посредством анализа других признаков преступления (прежде всего, объекта, мотива и цели преступления).

7. При определении специального статуса потерпевшего в многообъектных преступлениях, совершенных в связи с осуществлением социально полезной деятельности, необходимо исходить из того, что это может быть лицо, обладающее этим статусом на момент совершения преступления, а также лицо, которое ранее обладало этим статусом, в том числе и в тех случаях, когда в соответствии с законодательством, действующим на момент совершения преступления, правовые нормы, регламентирующие такой статус, уже утратили силу. Законодательное упразднение конкретного вида социально полезной деятельности не исключает его результаты из объектов уголовно-правовой охраны.

8. Законодательная конкретизация признаков вида деятельности потерпевшего сужает сферу применения норм о многообъектных преступлениях, совершенных в связи с осуществлением социально полезной деятельности, конкретизируя мотив и цель состава преступления.

9. Объект преступления одновременно обладает двумя признаками: субъективным (направленность посягательства) и объективным (реальность или вероятность причинения вреда). Вторым признаком объекта преступления при ошибке в личности потерпевшего отсутствует, а значит, отсутствует в совершенном преступлении и объект, на который направлен умысел виновного. Но среди признаков совершенного преступления остается вторым объектом – личное благо потерпевшего (жизнь, здоровье и т.д.). Поскольку преступление, посягающее на этот объект, окончено, то виновный должен нести ответственность за оконченное преступление без квалифицирующих признаков, однако направленность умысла должна учитываться при индивидуализации наказания.

Квалификация многообъектного преступления по мотиву и цели должна осуществляться с учетом следующих положений.

1. Мотивы и цели преступления, определяющие направленность умысла на конкретный объект, равнозначны, вследствие чего между собой они являются конкурирующими.

2. Поскольку направленность умысла в преступлении одна, признак субъективной стороны (мотив или цель), определяющий эту направленность, может быть только один, что не исключает возможность вменения иных специальных мотивов и целей, которые не определяют структуру объекта преступления.

3. Виды множественности потерпевших от преступления, многообъектность которого обусловлена направленностью умысла на определенный объект:

1) однородная (посягательство со специальными мотивом или целью, связанными со специальным статусом всех потерпевших);

2) разнородная (посягательство со специальными мотивом или целью, связанными со специальным статусом одного из нескольких потерпевших);

3) смешанная (посягательство со специальными мотивом или целью, связанными со специальным статусом нескольких потерпевших из всей совокупности потерпевших).

4. При однородной множественности потерпевших от посягательства, совершенного с одной целью, в одном месте и без разрыва во времени, содеянное должно квалифицироваться как единое преступление по одной статье УК РФ.

5. Если многообъектное посягательство с разнородной или смешанной множественностью потерпевших, совершенное с единым умыслом, охватывается признаками квалифицированного или особо квалифицированного состава, то содеянное не образует совокупности преступлений, квалификация осуществляется по норме, закрепляющей этот

состав. При этом при формулировании обвинения в процессуальных документах должны быть перечислены все установленные в деянии юридически значимые признаки, и с их учетом в соответствии с положениями ст. 63 УК РФ назначено наказание.

6. При совершении многообъектного преступления в соучастии основаниями ответственности каждого соучастника являются взаимосвязанные относительно самостоятельные деяния, реализация которых охватывается различным объемом вины конкретного соучастника, определяемого с учетом осознания им объекта посягательства, что допускает квалификацию деяний соучастников по разным нормам УК РФ, закрепленным в разных статьях (частях, пунктах статей) Особенной части УК РФ.

7. Независимо от объективного наличия специального статуса потерпевшего лицо, совершившее посягательство в состоянии невменяемости, может считаться совершившим общественно опасное деяние, запрещенное только той нормой уголовного закона, которая не содержит указания на направленность умысла.

*Библиографический список***Законы и подзаконные нормативные акты Российской Федерации**

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. № 237.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.
8. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.
9. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 1992. № 39.
10. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3131-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. № 170.

11. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

12. Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 2. Ст. 74.

13. Федеральный закон от 03 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269.

14. Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 22. Ст. 2594.

15. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.

16. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.

17. Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 158.

18. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

19. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

20. Федеральный закон от 02 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 10. Ст. 1152.

21. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 15.

22. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

23. Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4159.

24. Указ Президента Российской Федерации от 01 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 23. Ст. 2994.

25. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

26. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

27. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 марта 2019 г. № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 11. Ст. 1119.

28. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 марта 2018 г. № 482-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных

барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Технет» (передовые производственные технологии)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 15 (Часть V). Ст. 2173.

29. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 марта 2018 г. № 535-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Автонет» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 16 (Часть II). Ст. 2393.

30. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 марта 2018 г. № 552-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Нейронет» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 16 (Часть II). Ст. 2395.

31. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 03 апреля 2018 г. № 576-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации плана мероприятий («дорожной карты») Национальной технологической инициативы по направлению «Аэронет» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 16 (Часть II). Ст. 2396.

32. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2018 г. № 830-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Энерджинет» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 19. Ст. 2803.

33. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 мая 2018 г. № 870-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Хелснет» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 21. Ст. 3034.

34. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 40-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Маринет» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4. Ст. 426.

35. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «КонсультантПлюс».

Решения Конституционного Суда Российской Федерации

36. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // ВКС РФ. 2016. № 5.

37. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 9. Ст. 1422.

38. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2003 г. № 270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // ВКС РФ. 2003. № 5.

39. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июня 2006 г. № 221-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Синельникова Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями части второй статьи 297 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

40. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 845-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зарипова Арсения Рамилевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111 и пунктом «в» части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

41. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 846-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Митрошина Алексея Борисовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 17, частью первой статьи 24 и статьей 27 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

42. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2011 г. № 578-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сербиненко Вячеслава Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 17 и пунктом "з" части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также абзацем третьим пункта 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)" и

пунктом 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое"» // СПС «КонсультантПлюс».

43. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04 апреля 2013 г. № 661-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Нурыхмата Нурыхановича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации» // ВКС РФ. 2013. № 6.

44. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06 июня 2016 г. № 1107-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трубиловой Май Георгиевны на нарушение ее конституционных прав положениями частей первой и четвертой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 151 и пункта 2 статьи 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

45. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 556-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Галемцова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10 и статьей 209 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

46. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 1438-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ермоловой Раисы Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью пятой статьи 46, частью третьей статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации и положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // СПС «КонсультантПлюс».

47. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2019 г. № 2-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Усманова Бахтиера Касымжановича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 22 Федерального закона "О гражданстве Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».

48. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2019 г. № 865-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сеземиной Ольги Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Верховного Суда СССР

49. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03 июля 1963 г. № 7 «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников» // БВС СССР. 1963. № 4.

50. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 1969 г. № 50 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения (ст. ст. 211, 211.2, 148.1 УК РСФСР)» (утратило силу).

51. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 сентября 1989 г. № 9 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка» // СПС «КонсультантПлюс».

52. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» // Российская газета. 1994. № 131.

53. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. № 24.

54. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных

55. Верховного Суда Российской Федерации от 09 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением устройств» // Российская газета. 2002. № 48.

56. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. 2003. № 9.

57. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Российская газета. 2007. № 260.

58. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 6 «О судебной практике по делам о контрабанде» (утратило силу).

59. Постановление Пленума правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // БВС РФ. 2009. № 2.

60. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении

должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 2009. № 207.

61. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. № 142.

62. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. № 35.

63. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета. 2012. № 251.

64. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2013. № 145.

65. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. 2014. № 284.

66. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. 2015. № 294.

67. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. 2015. № 295.

68. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» // Российская газета. 2017. № 99.

69. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2017. № 280.

Документы международных организаций

70. Глобальная стратегия сектора здравоохранения по инфекциям, передаваемым половым путем, на 2016–2021 годы (принята в июне 2016 г.) // <http://apps.who.int> (дата обращения 08.06.2017).

Монографии, учебники, пособия

71. *Адельханян Р.А.* Военные преступления в современном праве. М., 2003.

72. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1988.

73. *Андреева Л.И.* Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. СПб., 1998.

74. *Анощенкова С.В.* Уголовно-правовое учение о потерпевшем / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Волтерс Клувер, 2006.

75. *Борисов С.В., Жеребченко А.В.* Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. М., 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

76. *Бородин С.В.* Преступления против жизни. М., 2000.

77. *Брайнин Я.М.* Применение наказания по советскому уголовному праву. М.: Изд-во МГУ, 1958.

78. *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963.

79. *Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р.* Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М., 2008.
80. *Вдовин В.М., Суркова Л.Е., Валентинов В.А.* Теория систем и системный анализ: учебник. М., 2014.
81. *Векленко В.В.* Квалификация хищений. Омск, 2001.
82. *Винограй Э.Г.* Системно-диалектический подход: теория и методология. Кемерово. 2014.
83. *Винокуров В.Н.* Объект преступления. М., 2015.
84. *Винокуров В.Н.* Объект преступления: понимание, применение уголовного закона и система особенной части УК РФ. Красноярск, 2018.
85. *Возжанникова И.Г.* Рецидив как вид множественности преступлений: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2014.
86. *Волженкин Б.В.* Преступления в сфере экономической деятельности. СПб., 2002.
87. *Волков Б.С.* Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968.
88. *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001.
89. *Глистин В.К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л. 1979.
90. *Горелик А.С., Лобанова Л.В.* Преступления против правосудия. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.
91. *Гусева Т.А., Ларина Н.В.* Индивидуальный предприниматель: от регистрации до прекращения деятельности. М., 2005.
92. *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1988.
93. *Демидов Ю.А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975.
94. *Дурманов Н.Д.* Понятие преступления. М.–Л. 1948.
95. *Дутов Д.В., Иванов А.Л., Кожухарик Д.Н., Степаненко Н.Е., Фатеев К.В.* Нарушение специальных видов военной службы: вопросы уголовной ответственности. М, 2007.

96. *Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В.* Уголовное право зарубежных стран. М.: Проспект, 2009.
97. *Жалинский А.Э.* Избранный труды: в 4 т. Т. 2. Уголовное право. М., 2015.
98. *Закомолдин Р.В.* Преступные нарушения специальных правил и требований безопасности: монография. Тольятти: Филиал РГСУ в г. Тольятти, 2013.
99. Законодательство Екатерины II. В 2 т. Т. 2. / Арапов Д.Ю. и др. М.: Юрид. лит., 2000-2001.
100. *Зателепин О.К.* Квалификация преступлений против военной безопасности государства: монография. Серия «Право в Вооруженных Силах - консультант». М., 2009. Вып. 106.
101. *Иванчин А.В.* Конструирование состава преступления: теория и практика. М., 2014.
102. *Игнатов А.Н., Костарева Т.А.* Уголовная ответственность и состав преступления: Лекция. М., 1996.
103. *Иногамова-Хегай Л.В.* Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015.
104. История государства и права зарубежных стран: в 2 т. М: Норма, 2009.
105. *Каиржанов Е.К.* Интересы трудящихся и уголовный закон. Алма-Ата, 1973.
106. *Карпушин М.П., Курляндский В.И.* Уголовная ответственность и состав преступления. М., «Юридическая литература», 1974.
107. Квалификация преступлений: учеб. пособие / под. ред. *К.В. Образжиева и Н.И. Пикурова.* М., 2016.
108. *Кемени Дж., Снелл Дж., Томпсон Дж.* Введение в конечную математику / под. ред. И.М. Яглома. М., 1965.

109. *Князева Н.А.* Пиратство: уголовно-правовая характеристика и вопросы предупреждения: монография / под ред. А.И. Коробеева. М.: КОНТРАКТ, 2012.
110. *Козлов А.П.* Понятие преступления. СПб., 2004.
111. *Колосовский В.В.* Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний. М.: Статут, 2011.
112. *Колычев П.М.* Категория соотношения. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
113. *Комиссаров В.С.* Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против общества. М., 1997.
114. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. *В.М. Лебедев*. М., 2004.
115. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. *С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова*. М.: Юриспруденция, 2013.
116. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. *Г.А. Есакова*. М.: Проспект, 2017.
117. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. *С.И. Никулина*. – М.: Менеджер; Юрайт, 2001.
118. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X - XII: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017.
119. *Кондрашова Т.В.* Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности личности. Екатеринбург, 2000.
120. *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980.
121. *Корнеева А.В.* Теория квалификации преступлений. М., 2015.

122. *Коробеев А.И., Чанхай Лун* Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование. М.: Проспект, 2016.
123. *Кочои С.М.* Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000.
124. *Кудрявцев В.Н.* Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2012.
125. *Кудрявцев В.Н.* Объективная сторона преступления. М., 1960.
126. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 1999.
127. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М.: Изд-во МГУ, 1969.
128. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Городец, 2007. 336 с.
129. *Кулешов Ю.И.* Преступления против правосудия: проблемы квалификации и законодательной регламентации: Монография. М.: РАП, 2007.
130. *Куринов Б.А.* Научные основы квалификации преступлений. М., 1984.
131. Курс советской криминологии. М., 1985. Т. 1.
132. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5: Учебник для вузов / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 2002.
133. *Левицкий Г.А.* Квалификация преступлений. М., 1981.
134. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
135. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971.
136. *Лопашенко Н.А.* Посягательства на собственность. М., 2012.
137. *Малиновский А.А.* Механизмы формирования целостности систем // Системные исследования. Ежегодник 1973. М.: Наука. 1973.

138. *Малков В.П.* Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). Казань, 1974.
139. *Мальцев В.В.* Учение об объекте преступления: в 2-х т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. Волгоград. 2010.
140. *Матвеев П.Е.* Аксиология: учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 2. Актуальные проблемы аксиологии. Владимир, 2018.
141. Насильственная преступность / под ред. *В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова*. М., 1997.
142. *Наумов А.В.* Мотивы убийства. Волгоград, 1969.
143. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций: В 3 т. М.: Волтерс Клувер, 2007.
144. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / Под ред. *В.М. Лебедева*. М., 2005
145. *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960.
146. Новая философская энциклопедия в 4 томах. Том 3. М., Институт философии РАН. 2001.
147. *Овчинский В.С.* Криминология цифрового мира. М.: Норма: Инфра-М, 2018.
148. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993.
149. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / Под ред. *В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева*. М., 1982.
150. *Павлинов А.В.* Насильственный экстремизм. М., 2004.
151. *Пикуров Н.И.* Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. М.: Российская академия правосудия, 2009.
152. *Пионтковский А.А.* Курс советского уголовного права: в 6 т. М., 1970.
153. *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.

154. *Плаксина Т.А.* Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Барнаул, 2006.

155. Правосудие в современном мире / под ред. *В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой.* М., 2012.

156. *Прангишвили И.В.* Системный подход и общесистемные закономерности. М., 2000.

157. Преступления против личности: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / А.Г. Кибальник и др.; отв. редакторы А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. М.: Юрайт, 2019.

158. Преступления против правосудия / под ред. *А.В. Галаховой.* М.: Норма, 2005.

159. *Пудовочкин Ю.Е.* Учение о преступлении: избранные лекции. М.: Юрлитинформ, 2008.

160. *Рарог А.И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М.: Проспект, 2015.

161. Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. М., 1984.

162. Российское уголовное право: Учебник: В 2 т. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. Т. 1. Общая часть.

163. Российское уголовное право: Учебник: в 2 т. / под. ред. *А.И. Рарога.* М., 2000.

164. *Савельева В.С.* Основы квалификации преступлений: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015.

165. *Семернева Н.К.* Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. Москва: Проспект; Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2015.

166. Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1962.

167. *Соктоев З.Б.* Причинность и субъективная сторона преступления. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015
168. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. 2. М.: Наука, 1994.
169. *Тацый В.Я.* Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988.
170. *Тер-Акопов А.А.* Преступления и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М. 2003.
171. *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. М., 1957.
172. *Трайнин А.Н.* Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951.
173. Уголовное право. Общая часть / под ред. *Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова.* М., 1997.
174. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. VI. Объект преступления. Объективная сторона преступления / под. ред. *Н.А. Лопашенко.* М., 2016.
175. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. *А.И. Рарога.* М., 2004.
176. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под. ред. *А.В. Наумова, А.Г. Кибальника.* М., 2019.
177. Уголовное право России. Общая часть / под. ред. *В.П. Ревина.* М., 2009.
178. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. *Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2009.
179. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / под ред. *А.И. Чучаева, Н.А. Нырковой.* Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
180. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. *Б.В. Здравомыслов.* М., 1996.

181. Уголовное право России. Особенная часть. В 2 т. Т. 1. / под ред. *О.С. Капинус*. М., 2015.
182. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. *А.В. Бриллиантова*. М., 2015.
183. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. *Р.Р. Галиакбарова*. Саратов, 1997.
184. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. *Б.В. Здравомыслова*. М., 2002.
185. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. *А.И. Рарога*. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004.
186. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. *В.С., Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой*. М., Статут, 2012
187. *Фаргиев И.А.* Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем. СПб., 2009.
1. *Чубарев В.Л.* Общественная опасность преступления и наказание (количественные методы изучения). М., 1982.
188. *Шелер М.* Формализм в этике и материальная этика ценностей // Избранные произведения. М., 1994.
189. *Altvater E.* What Happens When Public Goods are Privatized? Berlin. 2007.
190. *Etzioni A.* Common good. The Encyclopedia of Political Thought. New York. 2015.
191. *Lewes G.* Problem of Life and Mind. L., 1875. V. 2.
192. *Lindholt L., Lindsnoes B.* On Human Rights // Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights. Leiden. 2007.

193. *Абельцев С.Н.* Криминологическое изучение насилия и защита личности от насильственных преступлений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000.

194. *Атмурзаева Ф.И.* Специфика социальных трансформаций в современной России (глобализационный и этнокультурный аспекты): автореф. дис. ... докт. филос. наук. СПб., 2005.

195. *Баева Л.В.* Экзистенциальная природа ценностей: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Волгоград, 2004.

196. *Бейбулатов Б.Ш.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации и участия в незаконных вооруженных формированиях: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001.

197. *Бекботова Т.А.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

198. *Бикмурзин М.П.* Предмет преступления: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005.

199. *Богорубова Т.А.* Социальные аспекты образа жизни и здоровья населения: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 1994.

200. *Бражников В.В.* Отягчающие обстоятельства, относящиеся к субъективной стороне состава преступления: вопросы квалификации и уголовной ответственности: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2009.

201. *Будаева А.А.* Математические модели и средства программной поддержки поиска оптимальных группировок в задачах таксономии: автореф. дис. ... канд. тех. наук. Владикавказ, 2004.

202. *Будяков Н.А.* Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК): теоретические аспекты, проблемы законодательного описания составов и квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.

203. *Бунин О.Ю.* Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
204. *Буранов Г.К.* Отягчающие наказания обстоятельства в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002.
205. *Вележев С.И.* Нормативность и казуальность права: теоретико-методологический и сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2005.
206. *Гертель Е.В.* Уголовная ответственность за угрозу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.
207. *Денисова А.В.* Системность российского уголовного права: теория, закон, практика. автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018.
208. *Дмитренко А.В.* Уголовно-правовой и криминологический аспекты организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
209. *Замосковцев П.В.* Проблема объекта уголовно-правовой охраны в свете марксистско-ленинской теории ценностей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973.
210. *Ивченко О.С.* Проблемы мотива и цели убийства в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
211. *Карманов О.А.* Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование: уголовно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2007.
212. *Кириллов С.И.* Основы теории криминологического исследования корыстно-насильственных преступлений и их предупреждение: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999.
213. *Кокарев К.А.* Эволюция политических режимов в Китае в период реформ :1976-2002 гг.: автореф. ... дис. докт. истор. наук. М., 2005.

214. *Краснюк Г.П.* Ненасильственные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.

215. *Кузнецов И.В.* Понятие и виды предметов преступления в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2008.

216. *Кунашев А.А.* Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

217. *Маркунцов С.А.* Теория уголовно-правового запрета: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015.

218. *Нечаева И.А.* Построение санкций за преступления в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук, Краснодар, 2002.

219. *Новоселов Г.П.* Актуальные вопросы учения об объекте преступления: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

220. *Павлик М.Ю.* Уголовная ответственность за насильственные преступления против общественной безопасности: современное состояние, сущность и противоречия: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2006.

221. *Павлов С.Н.* Объект и последствия преступления в теории уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011.

222. *Паршина О.Д.* Терминологическая лексика в аспекте семантики, структуры и функционирования: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.

223. *Подройкина И.А.* Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: автореф. ... дис. докт. юрид. наук. Омск, 2017.

224. *Полянская М.П.* Уголовно-правовая охрана общественной нравственности в сфере половой морали: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2009.

225. *Попов А.Н.* Умышленные преступления против жизни (проблемы законодательной регламентации и квалификации): дис. докт. юрид. наук. СПб., 2003.

226. *Пудовочкин Ю.Е.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005.

227. *Расторопов С.В.* Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств: дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2003.

228. *Рогова Е.В.* Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014.

229. *Романюк С.Н.* Сложные единичные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008.

230. *Рыбина А.В.* Проблемы построения санкций и эффективность их применения за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.

231. *Скляр С.В.* Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004.

232. *Старков Е.А.* Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

233. *Ткаченко А.Н.* Развитие категориального строя психологической науки (принципы и методологические предпосылки построения современной системы психологических знаний): автореф. дис. ... докт. психол. наук. Киев-М., 1982.

234. *Худякова Н.Л.* Онтологическое основание возникновения и развития ценностного мира человека: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Омск, 2004.

235. *Шалагин А.Е.* Преступления против здоровья населения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.

236. *Шарапов Р.Д.* Насилие в уголовном праве: понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

237. *Юшкин С.В.* Системы наказуемости в российском уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1999.

Научные статьи

238. *Агузаров Т.* Уголовная ответственность за посягательство на неприкосновенность судьи // Уголовное право. 2003. № 2.

239. *Аристов Е.В.* Общественные блага: концепция и конституционно-правовая характеристика // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32.

240. *Ахметханов А.Ф.* Объект состава массовых беспорядков // Российский следователь. 2012. № 21.

241. *Бабий Н.* Принципы построения уголовного закона и квалификация преступлений // Уголовное право. 2006. № 3.

242. *Безверхов А.* Оценка изменений уголовного законодательства о служебных нарушениях и практики его применения // Уголовное право. 2010. № 3.

243. *Бобраков И.* Вопросы законодательной регламентации ст. 296 УК РФ // Российский судья. 2005. № 12.

244. *Быкова Е.Г., Яшков С.А.* Превышение должностных полномочий и фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности: возможна ли совокупность? // Уголовное право. 2016. № 4.

245. *Винокуров В.Н.* Сфера отношений, регулируемых официальными документами, и квалификация подделки официальных документов по совокупности преступлений // Современное право. 2016. № 9.

246. *Винокуров С.И.* Приоритетная роль потерпевшего в новой парадигме права // Российская юстиция. 2013. № 12.

247. *Галахова А.В.* Вопросы квалификации преступлений в уголовном праве и судебной практике (по признакам объекта) // Российский следователь. 2010. № 13.

248. *Грачева Ю.В.* Перспективы существования судейского усмотрения в уголовном праве // *Lex russica*. 2014. № 8.

249. *Дагель П.С.* Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления (Тематический сборник). Владивосток, 1974.

250. *Додонов В.Н., Карбанова Е.Н.* Законодательство государств-членов ШОС, направленное на противодействие преступлениям и иным нарушениям, совершаемым в сфере или с использованием информационно-коммуникационных технологий (информационно-аналитический обзор) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6.

251. *Егорова Н.* Совокупность убийства с другими преступлениями: перспективы законодательства и правоприменительной практики // Уголовное право. 2014. № 5.

252. *Ермолович Я.* Вопросы дополнительной квалификации по статьям гл. 16 УК РФ // Уголовное право. 2014. № 5.

253. *Замосковцев В.П.* О многообъектности преступных посягательств // Проблемы борьбы с преступностью. Сб. науч. трудов. Омск: Изд-во Ом. ВШМ МВД СССР, 1978.

254. *Зателепин О.К.* Соотношение понятий объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления в российской науке уголовного права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 3.

255. *Зателепин О.К., Лавруков М.М.* Понятие воинских насильственных преступлений и некоторые вопросы их квалификации // Право в Вооруженных Силах. 2003. № 4.

256. *Землюков С.В.* Классификация объектов и последствий преступления // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. Сб. науч. трудов. Вып. 3 Красноярск, 2000.

257. *Иванов А.Л.* Конкуренция мотивов при квалификации «экстремистского» убийства (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Российский следователь. 2015. № 20.

258. *Иванчин А.В.* Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности // Lex russica. 2015. № 6.

259. *Капинус О.С.* Объект преступления при посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля // Уголовная ответственность и проблемы исполнения уголовных наказаний: Сб. науч. трудов Академии Генеральной прокуратуры РФ. М., 2009.

260. *Капинус О.С.* Проблемы квалификации преступлений с множественностью потерпевших // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 6 (38).

261. *Каплан А.Я.* Нейроинтерфейсные технологии: перспективы использования в психиатрии // Психологическое здоровье: социальные, клиничко-организационные и научные аспекты: Сборник материалов Научно-практической конференции / под редакцией Г.П. Костюка. 2017.

262. *Карабанова Е.Н., Наумов А.В., Нечаев А.Д., Павлинов А.В.* Цели уголовного наказания // Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2018 году: сб. науч. докл. Вып. 7 / под общ. ред. О.С. Капинус; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2019.

263. *Кругликов Л.Л.* О понятии и уголовно-правовой оценке насилия // Уголовное право. 2015. № 1.

264. *Кругликов Л.Л., Соловьев О.Г.* Вопросы совершенствования норм об ответственности за легализацию криминальных доходов (ст. ст. 174 и 174.1 УК РФ) // Российский следователь. 2009. № 6.

265. *Максимов С.В.* Представители судебной власти – специальные потерпевшие по уголовным делам // Российский судья. 2012. № 2.

266. *Марцев А., Токарчук Р.* Вопросы совокупного вменения разбоя или вымогательства и преступлений против жизни // Уголовное право. 2008. № 2.

267. *Марчук В.В.* Специальные принципы квалификации преступлений // Журнал российского права. 2014. № 2.

268. *Маслакова Е.А.* К вопросу об организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем // Военно-юридический журнал. 2014. № 3.

269. *Наумов А.В.* О серьезной уязвимости одного из последних законопроектов о внесении поправок в УК РФ // Уголовное право. 2011. №1.

270. *Ораздурдыев А.М.* Проблема множественности объектов и парных субъектов в понятии простого преступления // Российский следователь. 2013. № 15.

271. *Плаксина Т.А.* Теоретически основы углубления дифференциации ответственности за убийство // Современное право. 2006. № 2.

272. *Попов А.Н.* О новеллах в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Уголовное право. 2016. № 2.

273. *Пудовочкин Ю.* Признаки совокупности преступлений в современной судебной практике // Уголовное право. 2009. № 4.

274. *Пудовочкин Ю.Е., Игнатов А.Н., Кашкаров А.А.* Полиобъектные составы преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1.

275. *Розенберг Д.Н.* О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства). – Учен. зап. Харьков., 1948. Вып. 3.

276. *Сидоренко Э.Л.* Мошенничество в сфере страхования: некоторые проблемы квалификации // Уголовное право. 2015. № 5.

277. *Скифский И.С.* Статья 76 УК РФ: диспозитивный характер и судебское усмотрение // Российский судья. 2017. № 4.

278. *Скляр С.* Как квалифицировать последствия сбыта поддельных денег или ценных бумаг // Российская юстиция. 2002. № 10.

279. *Токарчук Р.Е.* Пробелы и излишества уголовного законодательства РФ, касающиеся некоторых форм хищения. Пути их устранения // Российский юридический журнал. 2014. № 3.

280. *Уренева О.В.* Право потерпевшего на милость под судебный контроль // Российский судья. 2016. № 6.

281. *Фаргиев И.* Заметки к проекту Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Уголовное право. 2014. № 5.

282. *Черняков А.Г.* Непосредственный объект производства, приобретения, хранения, перевозки или сбыта немаркированных товаров и продукции // Общество и право. 2010. № 2.

283. *Шарапов Р.Д.* Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1.

284. *Фролов Е.А.* Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сб. учен. тр. Свердлов. юрид. ин-та. Свердловск, 1969. Вып. 10.

285. *Шмелева О.Ю.* Изменение сущностных свойств термина в процессе деспециализации и детерминологизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 4.

286. *Щепельков В.Ф.* Некоторые формально-логические проблемы конструирования и применения норм о соучастии // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. СПб., 2000. № 2.

287. *Яни П.С.* Квалификация должностных преступлений: преодоление теоретических неточностей // Законность. 2011. № 10.

288. *Durham A.M.* The use of factorial survey design in assessments of public judgments of appropriate punishment for crime // Journal of Quantitative Criminology. 1986. Vol. 2. № 2.

289. *Fletcher George P.* The grammar of criminal law: American, comparative, and international. Vol. 1:Foundation. Oxford, 2007.

290. *Pickett J.T., Baker T.* Punishment and solidarity? An experimental test of the educative-moralizing effects of legal sanctions // *Journal of Experimental Criminology*. 2017. Vol. 13. № 2.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Результаты первичного экспертного опроса ученых, судей, прокуроров и следователей

Вопросы анкеты и варианты ответов	Количество респондентов	
1. Место работы (службы): 1. Научное или образовательное учреждение, 2. Судьи, 3. Прокуроры, 4. Следователи Следственного комитета РФ, 5. Следователи Следственного департамента МВД России.	60	59 93 68 62
	Ученые (60)	Правоприменители (282)
2. Срок работы (службы) и наличие ученой степени: 1. до 5 лет, 2. 5-10 лет, 3. свыше 10 лет; 4. нет ученой степени, 5. есть ученая степень.	12 25 23 9 51	103 106 73 269 13
3. Многообъектное преступление – это 1. совершенное преступление, в составе которого есть дополнительный объект, т.е. преступление с многообъектным составом (например, разбой); 2. преступление с простым составом, совершенное с отягчающим обстоятельством (ст. 63 УК РФ), свидетельствующим о наличии еще одного объекта посягательства (например, с экстремистским мотивом); 3. оба варианта верны; 4. затрудняюсь ответить.	14 0 46 0	51 0 231 0
4. Что Вы понимаете под		

<p>дополнительным объектом посягательства в структуре преступления?</p> <p>1. объект посягательства в составе преступления, который не участвует в уголовно-правовой классификации составов преступлений по объекту;</p> <p>2. объект, на который фактически осуществлено посягательство и который не входит в состав преступления;</p> <p>3. иное понимание;</p> <p>4. я против выделения дополнительного объекта;</p> <p>5. затрудняюсь ответить.</p>	<p>53</p> <p>5</p> <p>2</p> <p>0</p> <p>0</p>	<p>105</p> <p>46</p> <p>0</p> <p>47</p> <p>84</p>
<p>5. Что Вы понимаете под факультативным объектом посягательства в структуре преступления?</p> <p>1. объект посягательства в составе преступления, который не участвует в уголовно-правовой классификации составов преступлений по объекту;</p> <p>2. объект, на который фактически осуществлено посягательство и который не входит в состав преступления;</p> <p>3. иное понимание;</p> <p>4. я против выделения факультативного объекта;</p> <p>5. затрудняюсь ответить.</p>	<p>0</p> <p>47</p> <p>5</p> <p>7</p> <p>1</p>	<p>2</p> <p>134</p> <p>62</p> <p>84</p>
<p>6. Считаете ли Вы необходимым отказаться от составов составных преступлений и квалифицировать содеянное по совокупности преступлений? (может быть несколько непротиворечивых вариантов ответа)</p> <p>1. да, потому что:</p> <p>- это упростит квалификацию преступлений,</p>	<p>23</p> <p>23</p> <p>23</p>	<p>53</p> <p>39</p> <p>27</p>

<p>- это будет способствовать соблюдению принципа справедливости, - иные причины;</p> <p>2. нет, потому что: - это усложнит квалификацию преступлений, - это НЕ будет способствовать соблюдению принципа справедливости, - иные причины;</p> <p>3. затрудняюсь ответить.</p>	<p>4</p> <p>37</p> <p>8</p> <p>37</p> <p>2</p> <p>0</p>	<p>0</p> <p>188</p> <p>157</p> <p>130</p> <p>8</p> <p>41</p>
<p>7. Трудности квалификации, преступлений, совершенных при наличии обстоятельств, отягчающих наказание (п. «е», «е¹», «ж», «к» и «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ) обусловлены следующими обстоятельствами (может быть несколько непротиворечивых вариантов ответа):</p> <p>1. запретом на повторный учет при назначении наказания, в случаях когда отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления;</p> <p>2. конкуренцией мотивов;</p> <p>3. иными обстоятельствами;</p> <p>4. проблем с квалификацией не возникает;</p> <p>5. затрудняюсь ответить.</p>	<p>2</p> <p>49</p> <p>0</p> <p>9</p> <p>0</p>	<p>0</p> <p>136</p> <p>0</p> <p>71</p> <p>75</p>
<p>8. Трудности квалификации многообъектных преступлений обусловлены следующими обстоятельствами (может быть несколько непротиворечивых вариантов ответа):</p> <p>1. конкуренцией норм о составном преступлении и преступлениях, входящих в состав составного преступления;</p>	<p>60</p> <p>60</p>	<p>78</p> <p>81</p>

2. случаями, когда преступление-способ выходит за пределы состава преступления-результата (например, нарушение неприкосновенности жилища, совершенное с применением насилия в виде умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью);	51	148
3. особенностями многообъектных преступлений, совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору;	59	133
4. проблемами с определением признаков потерпевшего;	32	185
5. множественностью потерпевших;	45	134
6. конкуренцией мотивов;	14	5
7. иными обстоятельствами;	0	98
8. проблем с квалификацией не возникает;	0	36
9. затрудняюсь ответить.		

**Программа интервьюирования экспертов (ученых, судей,
прокуроров и следователей) по вопросам квалификации
многообъектных преступлений**

Согласны ли Вы с тем, что понятие «применение насилия» включает в себя общественно опасные последствия в виде вреда здоровью (например, в ст. 127¹, 127², 131, 132, 141, 142, 149, 150, 151, 163, 178, 179, 226¹, 229¹, 230, 240, 241, 244, 282, 322, 330 УК РФ)?

Согласны ли Вы с тем, что понятие «применение насилия», используемое в тех же статьях, включает в себя общественно опасные последствия в виде смерти?

Чем следует руководствоваться при установлении содержания и объема понятий «насилие, опасное для жизни или здоровья» в ст. 126, 127, 166, 226, 229, 296, 309, 313, 318, 321 УК РФ?

В случае совершения многообъектного преступления, сопряженного с применением насилия, в том числе опасного для жизни или здоровья, какими критериями следует руководствоваться при решении вопроса о необходимости дополнительной квалификации по статьям главы 16 УК РФ?

Если Вы согласны, что при решении вопроса о необходимости дополнительной квалификации по статьям главы 16 УК РФ в указанных выше случаях необходимо ориентироваться на строгость санкций?

Если ответ на предыдущий вопрос положительный, то как следует определять, какая из двух санкций является более строгой? При решении этого вопроса нужно ориентироваться только на категории преступлений или на размер наказаний? Если выбран второй вариант, то нужно ли учитывать только верхние пределы наиболее строго наказания, или верхние и нижние его пределы? Нужно ли учитывать наличие альтернативных и дополнительных наказаний, возможности конфискации имущества?

Сталкивались ли Вы в своей правоприменительной деятельности с проблемой сравнения санкций уголовно-правовых норм в целях квалификации многообъектных преступлений? Вызывало ли у Вас это затруднение?

Как следует квалифицировать содеянное в случаях, когда санкции за многообъектное насильственное преступление и преступление, предусмотренное гл. 16 УК РФ, равны по строгости?

Какое «насилие» охватывается основным составом похищения человека (ч. 1 ст. 126 УК РФ)? Возможна ли квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 126 УК РФ и ст. 116 УК РФ?

Как следует квалифицировать похищение человека, совершенное организованной группой с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью? Требуется ли квалификация по совокупности п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ и ст. 111 УК РФ? В каких случаях?

Как следует квалифицировать незаконное лишение свободы, совершенное организованной группой с умышленным причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью? В каких случаях требуется квалификация по совокупности ч. 3 ст. 127 УК РФ и ст. 111 или ст. 112 УК РФ?

Как следует квалифицировать похищение человека, совершенного с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего?

Как следует квалифицировать убийство, сопряженное с похищением человека? Какие части и пункты ст. 126 УК РФ должны вменяться в данном случае?

Охватывается ли ч. 1 ст. 131 УК РФ применение насилия к потерпевшей или иным лицам в виде причинения вреда здоровью средней тяжести или легкого вреда здоровью?

Как следует квалифицировать изнасилование, совершенное с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью: только по ст. 131 УК

РФ (по какой части, пункту) или по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 131 УК РФ и ст. 111 УК РФ (по какой части, пункту)?

Как следует квалифицировать изнасилование, сопряженное с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшим по неосторожности смерть потерпевшей?

Как следует квалифицировать разбой, в процессе которого совершено убийство или причинен тяжкий вред здоровью, повлекший по неосторожности смерть потерпевшего?

Как следует квалифицировать вымогательство, в ходе которого физическое или психическое насилие применялось не к лицу, к которому обращено требование передачи имущества или права на имущество: только по ст. 163 УК РФ или по ст. 163 УК РФ в совокупности со статьей гл. 16 УК РФ?

Охватывает ли ч. 1 ст. 185⁴ УК РФ, устанавливающая ответственность за воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение установленных законодательством Российской Федерации прав владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, применение насилия?

Согласны ли Вы с изменением правил квалификации разбоя, совершенного группой лиц по предварительному сговору, сформулированных в п. 14.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о краже, грабеже и разбое: *«В тех случаях, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие правовой оценке как разбой, содеянное им следует квалифицировать по ст. 162 УК РФ. Если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насилием либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за разбой*

группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками»?

Усматриваете ли Вы перерастание в преступление, совершенное с применением насилия, если имел место предварительный сговор на посягательство без обсуждения возможности применения насилия, но уже на стадии сговора каждый соучастник сознательно допускал, что совершение преступления с большой долей вероятности будет связано с применением такого способа?

Как квалифицировать действия тех соучастников, которые непосредственно не причиняли вреда здоровью, но предварительно договорились о применении неконкретизированного вида насилия к потерпевшему в процессе совершения преступления?

Согласны ли Вы с правилами квалификации мошенничества с использованием официального документа, подделанного лицом, совершившим мошенничество, содержащимися в п 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (*хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, требует дополнительной квалификации по части 1 статьи 327 УК РФ*)? Предложите свои правила квалификации в случае несогласия с указанными разъяснениями.

Согласны ли Вы с правилами квалификации мошенничества с использованием официального документа, подделанного другим лицом, содержащимися в п 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (*хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием изготовленного другим лицом*

поддельного официального документа, полностью охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по статье 327 УК РФ)? Предложите свои правила квалификации в случае несогласия с указанными разъяснениями.

Может ли состав преступления по умолчанию включать в себя признаки другого состава преступления?

Как следует квалифицировать контрабанду или мошенничество, совершенное с использованием документа, подделанного самим преступником с целью облегчения совершения указанных преступлений? По совокупности нормы о контрабанде (мошенничестве) и ч. 1 ст. 327 УК РФ или ч. 2 ст. 327 УК РФ?

Охватывается ли составом мошенничества в сфере страхования заведомо ложный донос о совершенном преступлении, в результате которого якобы уничтожено застрахованное имущество, или требуется дополнительная квалификация по ст. 306 УК РФ?

Являются ли нормы, закрепленные в ст. 318 и 319 УК РФ, общими по отношению к ст. 296 и 297 УК РФ соответственно, если потерпевший – представитель судебной власти?

Во всех ли случаях, устанавливая бланкетные признаки специального статуса потерпевшего, следует руководствоваться дословным содержанием этого статуса, закрепленного в законодательстве, или можно допускать отступление, исходя из объекта преступления и смысла уголовного закона?

Как следует квалифицировать убийство лица, если умысел виновного был направлен на лишение жизни следователя с целью воспрепятствования расследованию уголовного дела, однако имела место ошибка в личности (виновный обознался)?

Сколько мотивов может быть в преступлении, в котором умысел направлен на определенный объект (например, при применении насилия в отношении представителя власти)?

Сколько направленностей умысла может быть в преступлении?

Как следует квалифицировать содеянное, если лицо совершает посягательство на жизнь судьи из мести за вынесенный приговор, при этом оно дополнительно мотивировано ненавистью в отношении социальной группы судей и сотрудников правоохранительных органов?

Посягательство на жизнь нескольких сотрудников правоохранительных органов, совершенное одновременно, следует квалифицировать как одно преступление, предусмотренное ст. 317 УК РФ, или как несколько таких преступлений?

Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа и любого другого лица, совершенное одновременно, следует квалифицировать только по ст. 317 УК РФ или по совокупности со ст. 105 УК РФ?

Является ли ст. 317 специальной по отношению к ст. 105 УК РФ?

Считаете ли Вы обоснованной позицию Президиума Верховного Суда Российской Федерации, квалифицировавшего по разным пунктам ч. 2 ст. 105 УК РФ действия организатора убийства с целью скрыть другое преступление и исполнителя, которому данная цель не была известна, исключив из обвинения названную цель убийства?

Считаете ли Вы возможным квалификацию действий соисполнителей убийства по различным статьям УК РФ в ситуации, когда, например, один соисполнитель осуществлял посягательство на жизнь судьи из мести за приговор, а второй был введен в заблуждение относительно целей и мотивов убийства?

Можно ли оценить действия невменяемого лица как совершение запрещенного уголовным законом деяния, предусмотренного ст. 295 и 317 УК РФ?

Способы формирования и виды сложноструктурированных объектов преступления

<i>Способ формирования объекта преступления</i>				<i>Вид объекта преступления</i>
1.	Генезис правовых благ	1.1.	кумуляция	Кумулятивный объект
		1.2.	интеграция	Интегративный объект
		1.3.	комплексирование	Комплексный объект
		1.4.	смешанный генезис	Объект смешанного генезиса
2.	Индифферентное сочетание правовых благ			Полинуклеарный объект
3.	Комбинация генезиса и индифферентного сочетания правовых благ			Объект со сложной структурой комбинированного типа

Таблица 2

	Жизнь	Здоровье	Телесная неприкосновенность	Психическая безопасность	Честь и достоинство личности	Собственность
Обеспечение реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина	п. «б» ч. 2 ст. 105	п. «а» ч. 2 ст. 141; ч. 3 ст. 144; п. «б» ч. 4 ст. 148; ст. 149	п. «а» ч. 2 ст. 141; ч. 3 ст. 144; п. «б» ч. 4 ст. 148; ст. 149	п. «а» ч. 2 ст. 141; ст. 144; ч. 3 и 4 ст. 148; ст. 149	ст. 128 ¹ (ст. 63)	ч. 3 ст. 144; ст. 167 (ст. 63)
Политическая деятельность	ст. 277	п. «а» ч. 2 ст. 111; п. «б» ч. 2 ст. 112; ст. 115 (ст. 63); п. «б» ч. 2 ст. 117	—	ч. 1 ст. 119 (ст. 63)	ст. 128 ¹ (ст. 63)	ст. 167 (ст. 63)
Участие в судопроизводстве	ст. 295; п. «б» ч. 2 ст. 105	ч. 4 ст. 296; ч. 4 ст. 309	ч. 3 ст. 296; ч. 3 ст. 309	ст. 294; ч. 1 и 2 ст. 296; ч. 2 ст. 309	ст. 297; ст. 298 ¹ ; ст. 128 ¹ (ст. 63)	ст. 167 (ст. 63)
Осуществление полномочий публичной власти	ст. 317; п. «б» ч. 2 ст. 105	ч. 2 ст. 318; ч. 3 ст. 321	ч. 1 ст. 318; ч. 2 ст. 321	ч. 1 ст. 318; ч. 2 ст. 321	ст. 319	ст. 167 (ст. 63)

Исполнение обязанностей военной службы	ст. 317; п. «б» ч. 2 ст. 105	ст. 333; ст. 334;	ч. 1 ст. 333; ч. 1 ст. 334	ч. 1 ст. 333	ст. 128 ¹ (ст. 63) ст. 336	ст. 167 (ст. 63)
Осуществление деятельности в сфере международных отношений	п. «б» ч. 2 ст. 105	ст. 360	ст. 360	ч. 1 ст. 119 (ст. 63)	ст. 128 ¹ (ст. 63)	ст. 360

Таблица 3

Потерпевшие	Вид психического насилия	Статья УК РФ
Члены избирательной комиссии, комиссии референдума	Все виды психического насилия	п. «а» ч. 2 ст. 141
Журналисты и их близкие	Все виды психического насилия, кроме угрозы насилием	ч. 1 и 2 ст. 144
	Угроза насилием	ч. 3 ст. 144
Лица, осуществляющие деятельность в религиозных организациях или проводящие богослужение, другие религиозные обряды и церемонии	Все виды психического насилия, кроме угрозы насилием	ч. 3 ст. 148
	Угроза насилием	п. «б» ч. 4 ст. 148
Лица, осуществляющие организацию и проведение собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования	Угроза насилием; все виды психического насилия, если совершено лицом с использованием служебного положения	ст. 149
Государственные и общественные деятели	Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	ст. 119
Лица, осуществляющие правосудие, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, и их близкие	Все виды психического насилия, кроме угрозы убийством, причинения тяжкого вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества	Ст. 294
	Угрозы убийством, причинения тяжкого вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества	Ст. 296
Защитник, эксперт, специалист, сотрудник органов принудительного исполнения Российской Федерации и их близкие	Угрозы убийством, причинения тяжкого вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества	ч. 2 ст. 296
Свидетель, потерпевший, эксперт, специалист, переводчик и их близкие	Шантаж, угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества	ч. 2 ст. 309

Представители власти и их близкие	Угроза насилием	ч. 1 ст. 318
Сотрудники места лишения свободы или места содержания под стражей	Угроза насилием	ч. 2 ст. 321
Военнослужащие (начальники)	Угроза насилием	Ст. 333
	Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	ст. 119
Представитель иностранного государства, сотрудник международной организации, пользующийся международной защитой	Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	ст. 119

Таблица 4

	воспрепятствов ание	Воспрепятствован ие и месть	Неуважение к специальному порядку
Обеспечение реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина	ст. 141; 144; 148; 149	п. «б» ч. 2 ст. 105	–
Политическая деятельность		ст. 277 п. «а» ч. 2 ст. 111; п. «б» ч. 2 ст. 112; п. «б» ч. 2 ст. 117	–
Участие в судопроизводстве	ст. 294; 309	п. «б» ч. 2 ст. 105; ст. 295; ст. 296; ст. 298 ¹	ст. 297
Осуществление полномочий публичной власти		п. «б» ч. 2 ст. 105; ст. 317; ст. 318; ст. 319; ч. 2 и 3 ст. 321	ст. 319
Исполнение обязанностей военной службы	ст. 333;	п. «б» ч. 2 ст. 105; ст. 317;	
Осуществление деятельности в сфере международных отношений		п. «б» ч. 2 ст. 105; ст. 360	ст. 360

Таблица 5

Категория потерпевших	Правовое основание гарантий особой государственной защиты	Личные блага, подлежащие защите	Направленность посягательства
Судьи и члены их семьи	Ст. 9 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»	Личная безопасность и сохранность имущества	Посягательство на независимость судьи
Прокуроры, их близкие родственники и иные близкие лица	Ст. 45 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»	Жизнь, здоровье и сохранность имущества	С целью воспрепятствовать законной деятельности прокуроров, либо принудить их к изменению ее характера, либо из мести за указанную деятельность
Сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, их близкие родственники и иные близкие лица	Ст. 37 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»	Жизнь, здоровье и сохранность имущества	С целью воспрепятствовать законной деятельности сотрудников, либо принудить их к изменению ее характера, либо из мести за указанную деятельность
Адвокаты и члены их семьи	Ст. 18 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»	Личная безопасность и сохранность имущества	Посягательство на независимость адвоката
Сотрудники органов государственной охраны и члены их семьи	Ст. 20 Федерального закона от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране»	Жизнь и здоровье, честь и достоинство, а также сохранность имущества	Посягательства в связи с исполнением служебных обязанностей
Сотрудники полиции и члены их семьи	Ст. 30 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»	Жизнь и здоровье, честь и достоинство, а также сохранность имущества	В связи с выполнением служебных обязанностей
Сотрудники уголовно-исполнительной системы и члены их семьи	Ст. 33 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»	Личная безопасность	В законе не оговаривается

Сотрудники органов Федеральной службы безопасности и члены их семьи	Ст. 17 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»	Жизнь и здоровье, честь и достоинство, а также сохранность имущества от преступных посягательств	В связи с исполнением ими служебных обязанностей
Военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии и члены их семьи	Ст. 26 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»	Жизнь и здоровье, честь и достоинство, а также сохранность имущества от преступных посягательств	В связи с исполнением ими служебных обязанностей
Военнослужащие	Ст. 5 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»	Жизнь, здоровье, личная неприкосновенность, психическая безопасность, честь, достоинство, неприкосновенность жилища и имущества	В связи с исполнением ими обязанностей военной службы
Члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, члены их семей и другие родственники	Ст. 42 Федерального закона от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»	Жизнь, здоровье, психическая безопасность	В целях прекращения ими деятельности в качестве члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы или в целях изменения ее характера

Таблица 6

	<i>Признак, обуславливающий многообъектность квалифицированного состава преступления</i>	<i>Диапазон значений k</i>	<i>Размах значений k</i>	<i>Среднее значение k</i>	<i>Медиана значений k</i>	<i>Мода значений k</i>
1	с применением насилия, неопасного для жизни и здоровья, или с угрозой применения такого насилия	1,4 – 2,2	0,8	1,6	1,6	1,4 и 1,6
2	с целью скрыть другое преступление	1,4 и 2	0,6	1,7	-	-
3	общеопасным способом	1,25 – 2,5	1,25	1,9	1,25 и 2,5	2,5
4	в целях провокации войны или осложнения международных отношений	1,9	-	1,9	-	-
5	в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом определенных видов социально полезной деятельности	1,25 – 4	2,75	2	1,5	1,5
6	по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы	1,1 – 3,3	2,2	2	1,7	-
7	с использованием заведомо подложного документа	1,7 и 2,2	0,5	2	-	-
8	с применением насилия или с угрозой его применением	1,2 – 4,3	3,1	2,3	2 и 2,2	1,6 и 2,5
9	с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, или с угрозой применения такого насилия	1,75 – 3,75	2	2,6	2,4	-
10	с уничтожением или повреждением имущества	2,7	-	2,7	-	-
11	с незаконным проникновением в жилище	1,5 – 5,25	3,75	2,9	2	-
12	дополнительно посягающее на нравственное развитие несовершеннолетнего	1,1 – 5	3,9	2,9	2,5	1,7

Таблица 7

Преступление	Общий состав	Специальный состав	Специальный состав	Специальный состав
Клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера	ч. 4 ст. 128 ¹ (штраф в размере до 3 млн. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет либо обязательными работами на срок до 400 часов)	ч. 1 ст. 298 ¹ (штраф в размере до 2 млн. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет либо обязательными работами на срок до 360 часов)	ч. 2 ст. 298 ¹ (штраф в размере до 1 млн. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 2 лет либо обязательными работами на срок до 320 часов)	
Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления	ч. 4 ст. 128 ¹ (штраф в размере до 5 млн. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет либо обязательными работами на срок до 480 часов)	ч. 3 ст. 298 ¹ (штраф в размере до 5 млн. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет либо обязательными работами на срок до 480 часов)		
Разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью или организованной группой	ч. 4 ст. 162 (лишение свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом в размере до 1 млн. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без	ч. 3 ст. 221 (лишение свободы на срок от 5 до 10 лет со штрафом в размере до 1 млн. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до 1 года)	ч. 4 ст. 226 (лишение свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом в размере до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без	ч. 3 ст. 229 (лишение свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом в размере до 500 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без

	такового)		такового)	такового)
Вымогательство, совершенное с причинением тяжкого вреда здоровью или организованной группой	ч. 3 ст. 163 (наказывается лишением свободы на срок от 7 до 15 лет со штрафом в размере до 1 млн. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового)	ч. 3 ст. 221 (лишение свободы на срок от 5 до 10 лет со штрафом в размере до 1 млн. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до 1 года)		